

Институт языкознания РАН
Институт перевода Библии

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Institute for Bible Translation

Родной язык

Лингвистический журнал

Rodnoy Yazyk

Linguistic Journal

№ 1

Москва, 2021

ISSN 2313-5816

DOI 10.37892/2313-5816-2021-1

УДК Алиев 811.222.8

Каландаров 811.221.32, 81'26

Агранат 811.511.12, 81'26

Додыхудоева 811.221.3

Молчанова 811.223.9, 811.222.1

Буянер 811.22, 811.19, 811.296

Арманд 811.222.1

Выдрин, Мазурова 811.222.8

Джамshedов 811.221.3, 811.222.8

Мирзоев 811.221.32

Назарова 811.222.8, 811.221.3

Коган 811.371, 811.58, 811.214.1

Михайлова 811.152.1

Порхомовский, Романова 811.131.1

Додыхудоева, Алиев 811.221.3

Белова 811.411.21

Ковшова 811.161.1

Schwartz 811.222.1'01

Виноградова, Битарти 811.222.1'02

Sims-Williams 811.221.17

Варбот 811.16, 811.22

Лурье 811.221.17

Куликов 811.21/22

Дзищойты 811.221.18

Огибенин 811.161.1, 811.16, 811.222.1'01

Чельшева 811.13

Кибрик 811.811.29

Korn 811.223.9

Мусавиан, Никсах 811.222.7

Skyhawk 811.371

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

*В. М. Алпатов, М. Беерле-Моор, А. В. Дыбо, А. А. Кибрик, М. И. Магомедов,
Г. Ц. Пюрбеев, М. З. Улаков, Ф. Г. Хисамитдинова*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

*Т. Б. Агранат (главный редактор), А. Н. Биткеева, Т. Вьер, А. Вио,
В. Ю. Войнов, К. Т. Гадилия, Т. А. Майсак, О. А. Мудрак, Ю. В. Псянчин,
М. Русслер, Е. Л. Рудницкая, М. Ш. Халилов, Д. Эршлер*

Приглашенный редактор Л. Р. Додыхудоева

Редактор *Т. О. Майская* Верстка *О. Г. Климова*

Адрес редакции: Москва, 119334, Андреевская наб. 2,

Институт перевода Библии

Тел.: (495) 956-64-46

Интернет-сайт журнала: <http://rodyaz.ru>

e-mail: ibt_inform@ibt.org.ru, editor@rodyaz.ru

EDITORIAL COUNCIL

*V. M. Alpatov, M. Beerle-Moor, A. V. Dybo, F. G. Khisamitdinova, A. A. Kibrik,
M. I. Magomedov, G. Ts. Pyurbeev, M. Z. Ulakov*

EDITORIAL BOARD

*T. B. Agranat (editor-in-chief), A. N. Bitkeeva, D. Erschler, K. T. Gadilia,
M. Sh. Khalilov, T. A. Maisak, O. A. Mudrak, Yu. V. Psyanchin,
M. Rießler, E. L. Rudnitskaya, A. Viaut, V. Yu. Voinov, Th. Wier*

Guest Editor L. R. Dodykhudoeva

Editor *T. O. Mayskaya* Typesetting *O. G. Klimova*

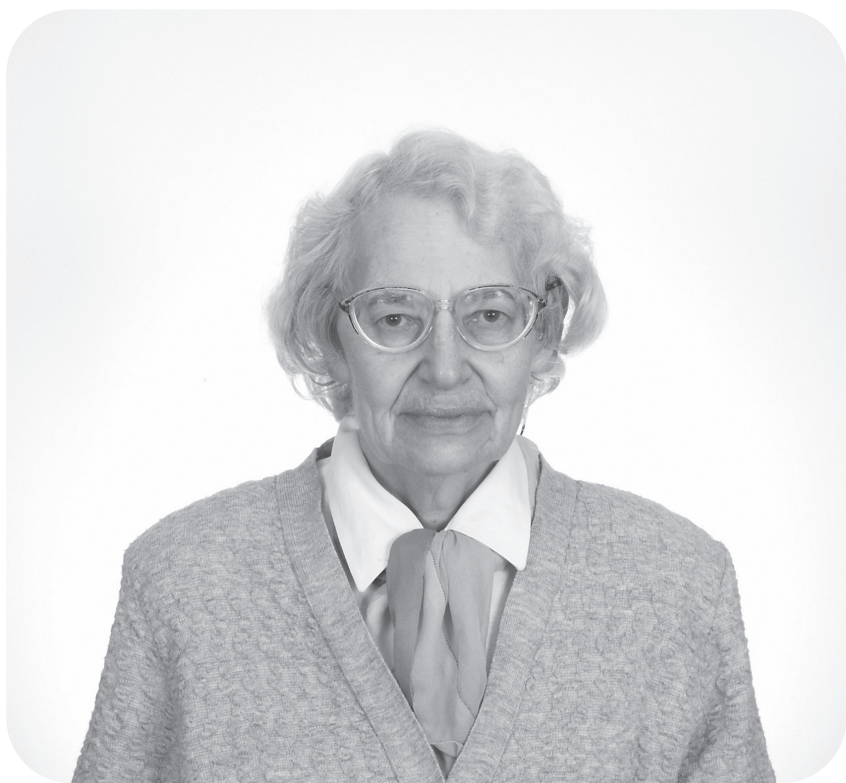
Address: Institute for Bible Translation, Andreevskaya nab. 2, Moscow 119334

Tel.: (495) 956-64-46

Internet: <http://rodyaz.ru>, e-mail: ibt_inform@ibt.org.ru, editor@rodyaz.ru

**Специальный выпуск,
посвященный 90-летнему юбилею Джой Иосифовны Эдельман
Исследования коллег, друзей, учеников**

**Special issue
celebrating the 90th birthday of Joy Edelman
with articles written by her colleagues, friends and former students**

СОДЕРЖАНИЕ

TABLE OF CONTENTS

Предисловие	
Preface	11

<i>Алави (Алиев) А.</i> Дар милоди 90 мин солгарди устои мухтарам доктори улуми филологӣ Ҷой Иосифовна Эдельман (на тадж. яз.)	
<i>Алави (Алиев) А.</i> К юбилею моей дорогой наставницы, доктора филологических наук, многоуважаемой Джой Иосифовны Эдельман	13

Язык и социум

Language and society

<i>Каландаров Т. С.</i> Первая азбука на шугнанском языке для взрослых и первые стихи молодого поэта Нодира Шамбезода	
<i>Kalandarov T. S.</i> The first Shughnani primer for adults and the first poems of Nodir Shambezoda	17
<i>Агранат Т. Б.</i> Правила орфографии для младописьменного языка: случай кильдинского саамского	
<i>Agranat T. B.</i> Orthography development for previously unwritten languages: The case of Kildin Saami.....	30

Этнолингвистика

Ethnolinguistics

<i>Додыхудоева Л. Р.</i> К интерпретации этнокультурной истории народов Западного Памира: традиционные головные уборы	
---	--

<i>Dodykhudoeva L. R.</i> Interpreting the ethnocultural history of the Western Pamir peoples: Traditional headwear.....	43
Молчанова Е. К. О головных уборах у зороастрийских женщин Ирана	
<i>Molchanova E. K.</i> On the headdresses of the Zoroastrian women of Iran.....	55

Фонетика и фонология
Phonetics and Phonology

Буяннер Д. Б. К вопросу о предыстории иранских сибилантов (на материале предполагаемых иранских заимствований в армянском и тохарском)	
<i>Buyaner D. B.</i> On the prehistory of Iranian sibilants (based on putative Iranian loanwords in Armenian and Tocharian).....	64

Проблемы грамматики
Issues in grammar

Арманд Е. Е. Глаголы с превербами в классическом персидском языке	
<i>Armand E. E.</i> Verbs with preverbs in Classical Persian.....	87
Выдрин А. П., Мазурова Ю. В. Будущее в таджикском: литературное будущее время в современном таджикском языке	
<i>Vydrin A. P., Mazurova J. V.</i> The Definite Future tense in modern Tajik	103

Лексикология и лексикография
Lexicology and lexicography

Джамшедов П. Д. К изучению терминологии родства в современном Таджикистане: памирские и таджикский языки	
---	--

<i>Jamshedov P. D.</i> New data on kinship terminology in the Pamir and Tajik languages of modern Tajikistan.....	118
Мирзоев Ш. К составу фразеологических единиц с компонентом «сердце» в шугнанском языке <i>Mirzoev Sh.</i> On the composition of phraseological units with the component “heart” in the Shughnani language.....	142
Назарова З. О. Меры длины и объема в иранских языках Таджикистана: памирские и таджикский языки <i>Nazarova Z. O.</i> Measures of length and volume in the Pamir and Tajik languages of Tajikistan.....	155
Белова А. Г. Семантические поля скотоводческой лексики в арабском языке <i>Belova A. G.</i> The semantic fields of Arabic animal husbandry vocabulary	171
Ковшова М. Л. Прилагательное «радостный»: значение и формы употребления <i>Kovshova M. L.</i> The Russian adjective “radostny” (‘joyful’): Meaning and form	185
Из истории слов. Этимология <i>Studies in etymology</i>	
Schwartz M. Avestica, Sogdo-Yagnobica, and Indo-Europæica <i>Шварц М.</i> Avestica, Sogdo-Yagnobica и Indo-Europæica	199
Виноградова С. П., Битарти З. А. Немного о РАДОСТИ. Из истории персидского лексикона <i>Vinogradova S. P., Bitarty Z. A.</i> Some notes on Joy. From the history of the Persian lexicon.....	206
Sims-Williams N. “Hunger” and “thirst” in Sogdian <i>Симс-Уильямс Н.</i> «Голод» и «жажда» в согдийском.....	220

<i>Варбот Ж. Ж.</i> Об одном славяно-иранском лексическом соответствии <i>Varbot Zh. Zh.</i> On a certain Slavic-Iranian lexical correspondence.....	231
<i>Лурье П. Б.</i> Богиня Хшум — Кшумай от Хорезма до Кафиристана <i>Lurje P. B.</i> The Goddess Khshum — Kshumai: From Chorasmia to Kafiristan.....	237
<i>Куликов Л. И.</i> Индоир. <i>gandharvá-</i> и его (не) индоевропейские родственники: сравнительно-мифологические заметки <i>Kulikov L. I.</i> Indo-Iranian <i>gandharvá-</i> and its (non-)Indo-European relatives: Comparative mythological notes.....	256
<i>Дзиццойты Ю. А.</i> Осетинские этимологии <i>Dzitssoity Yu. A.</i> Ossetian etymologies	278
<i>Огибенин Б. Л.</i> Русск. <i>обдать, обдавать</i> в сравнительном освещении <i>Ogibenine B. L.</i> Russian <i>obdat', obdavat'</i> in comparative perspective.....	285
<i>Чельшьева И. И.</i> Об освоении книжных слов в истории романских языков: грамматика, прекрасная и волшебная <i>Chelysheva I. I.</i> Mastering learned words in the history of the Romance languages: Grammar, enchanting and magical.....	302

Языковые контакты

Language contact

<i>Коган А. И.</i> Новое в исследовании контактов северо-западных тибетских диалектов с дардскими языками и языком бурушаски <i>Kogan A. I.</i> Update on the study of contact between Northwestern Tibetan dialects, Dardic languages, and Burushaski	312
---	-----

Кибрик А. А. Пространственная ориентация в верхне-кускоквимском языке: традиционная система и контактная реинтерпретация

Kibrik A. A. Spatial orientation in Upper Kuskokwim: The traditional system and its contact-based reinterpretation..... 324

Михайлова Т. А. Имя собственное и проблемы языковой идентичности миноритарного этноса

Mikhailova T. A. Proper names and the problem of language identity among ethnic minorities..... 339

Лингвистические аспекты перевода Библии

Linguistic aspects of Bible translation

Порхомовский В. Я., Романова О. И. Антропоморфизмы в итальянских переводах Библии

Porkhomovsky V., Romanova O. Anthropomorphisms in Italian versions of the Bible 351

Слово народа

Mother-tongue texts

Korn A. A Bashkardi version of the chain tale ATU 2034: The Jackal Retrieves His Tail

Korn A. Цепочная сказка ATU 2034: Версия башкарди «Шакал вновь обретает свой хвост» 368

Мусавиан Х., Никках М. О. Родная душа, Хамдам-джан

Mousavian H., Nickkha M. O. My Soul Mate 384

Додыхудоева Л. Р., Алиев А. М. Сказка «Лев и лиса» на язгулямском языке

Dodykhudoeva L. R., Aliev A. M. “The Lion and the Fox”: A folk tale in Yazghulami..... 391

van Skyhawk H. Nur Qhatún Córokuç on Blessedness (*barkát*)

ван Скайхок Х. Нур Кхатун Чорокуч о благословении (*barkát*) 402

Предисловие

Настоящий выпуск журнала «Родной язык» посвящен 90-летию юбилею Джай Иосифовны Эдельман — выдающегося ученого с широким кругом научных интересов, создавшей целый ряд работ, являющихся основополагающими для иранистики, индоиранской проблематики и смежных направлений языкознания и имеющих непреходящее значение как в теоретическом, так и в прикладном отношении. Профессор Д. И. Эдельман много сделала также для создания алфавитов и выработки орфографии для миноритарных бесписьменных иранских языков, способствуя их сохранению и ревитализации..

Первые исследования, положившие начало — на сегодняшний день почти 70-летию — служению Джай Иосифовны науке, были посвящены таджикскому языку. За ними последовали труды по широкому спектру иранских языков: западно- и восточноиранских, включая памирские, а также индоиранских; дардским и нуристанским языкам и языку бурушаски, занимающему особое положение как среди языков мира, так и в исследованиях Джай Иосифовны.

Позднее были исследования контактов внутри индоевропейской семьи языков и других теоретических проблем этих языков. А вслед за этим Верой Сергеевной Расторгуевой и Джай Иосифовной Эдельман был начат монументальный труд — «Этимологический словарь иранских языков» (I — 2000, II — 2003, III — 2007). Последние три тома (IV — 2011, V — 2015, VI — 2020) были подготовлены уже одной Джай Иосифовной Эдельман.

В нашем выпуске журнала «Родной язык» собраны работы друзей, коллег, учеников, последователей Джай Иосифовны. И, конечно, большинство статей (подчас мини-статей, в силу

ограниченного объема издания) посвящено индоиранским языкам, включая памирские и в том числе язгулямскому языку, к разработке которого профессор Д. И. Эдельман приложила немало усилий.

Помимо этого, здесь также представлены статьи по романистике, славистике, русистике, арабистике и пр. Все они так или иначе пересекаются с широким кругом теоретических вопросов, поднимаемых в исследованиях самой Джой Иосифовны Эдельман.

Л. Р. Додыхудоева

**Дар милоди 90 мин солгарди устоди
муҳтарам доктори улуми филологӣ
Ҷой Иосифовна Эдельман**

Абдулқодир Алиев

Умри хешро дар раҳи илм бохтед,
Дар пайи кашфи улум пардохтед.
Мақсади дил чун чиҳод аз илм буд,
Гом дар ин роҳ баланд бардоштед.
Нури маърифат ба қалбат барфузуд,
Боз ба таҳқиқи улум пардохтед.

Пила пила донишат боло гирифт.
Илм агар буд дар Сурайё, ёфтед,
Кулибор бар душ, барбастед сафар,

Гом бар Тоҷикситон бигзоштед.
Парварида меҳри Помир дар дилу,
Сӯи Помир раҳ ба меҳр бигзоштед.
Помири мо аз ту пуровоза шуд,
Помирро машҳури олам сохтед.

Гаҳ савора, гоҳ пиёда дех ба дех,
Ҳарфу сӯхбат бо ҳазорон доштед.
Чинда чинда, вожаҳо бардоштед,
Дар замиру қалб ҳамоно коштед.
Кишти заҳматҳоятон ҳосил бидод,
Чав на, бал гандум аз он бардоштед.

Чилд чилд акнун китоб омад паид,
Аз каломат беш матолиб сохтед.
Як замон бар таълимот пардохтед,
Маърифат бар дигарон ороштед.
Парваридӣ насли баъдӣ бар давом,
Сарвари воло аз онҳо сохтед.

Он, ки як ҳарф аз шумо омӯхтааст,
Меҳри дониш дар дилаш андохтед.
Ҳар, ки ҳарфат гӯш дод, комил шуд,
Ончунон, ки худ ба дил пиндоштед.
Ифтихор дорем имрӯз бар шумо,
Қалби моро чун фурузон сохтед.

Чашни милоди Шумо табрик бод!
Ҳар чи мехостед, ҳамон медоштед.
Хоҳам аз Яздони хеш баҳри Шумо,
Он чиро худ аз Худо мехостед.

Маскав, 06.12.2020

**К юбилею моей дорогой наставницы,
доктора филологических наук,
многоуважаемой Джой Иосифовны Эдельман**

Сполна отдав науке жизнь свою,
Вступили Вы на путь раскрытия сокрытого.
Служение науке стало целью жизни,
И твердо Вы по этому пути шагали.
Свет знаний в сердце воссиял
И Вы к познанию устремились.

Все выше, выше знанье уводило.
Да будь оно хотя б в созвездии Плеяд,
Забыв покой, свое Вы продолжали б восхожденье.

И вот в Таджикистан Ваш путь привел.
Любовь к Памиру в сердце Вам запала.
Тропами горными его Вы исходили.
Трудами Вашими прославлен наш Памир,
Так край наш стал известен на весь мир.

Верхом, пешком в селеньях и ущельях
Встречались Вы с людьми. И
Слово за словом Вы по крупинкам собирали
И в свое сердце засевали.
Неутомимый труд дал всходы,
Нет, не ячмень, но — вечные плоды — пшеничный мед.

Теперь не счесть тех книг,
Куда вместили Вы все те слова,
Что когда-то служили учению,
Теперь служат просвещению других.
Воспитание нового поколения продолжая,
Вы растите из него лучших из лучших.

Тот, кто слово Ваше впитал,
Любовью к учению он воспылал.
Тот, кто услышал Ваши слова,
Надежды Ваши он оправдал.

Гордимся, что просветлены сегодня
Вами воспламененные наши сердца.
С юбилеем Вас поздравляем!
Да сбудутся Ваши мечты и желанья.
У Бога моего прошу для Вас
Всего, что сами для себя Вы пожелали б.

Пер. на рус. Абдулкодира Алиева

***Первая азбука на шугнанском языке для
взрослых и первые стихи молодого поэта
Нодира Шамбезода¹***

***The first Shughnani primer for adults and the first poems
of Nodir Shambezoda***

Каландаров Т. С.

Kalandarov T. S.

В высокогорных долинах Памира Республики Таджикистан (РТ) проживают памирские народы, сохранившие древние восточноиранские языки и самобытную культуру. В статье анализируются стихи известного поэта Нодира Шамбезода, которые были опубликованы в первой азбуке на шугнанском языке для взрослых, увидевшей свет в 1931 г. Эти стихи представлены в современном написании в сопровождении смыслового перевода на русский язык.

Ключевые слова: родной язык, памирские языки, азбука, шугнанский язык, Памир, Нодир Шамбезода

The Pamir peoples live in the high mountainous valleys of the Pamir region of Tajikistan. They have preserved several ancient East Iranian languages and a unique indigenous culture. This article analyzes the poems of the well-known poet Nodir Shambezoda which were published in 1931 in the first primer (alphabet book) in the Shughnani language for

¹ Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН «Культурно-сложные общества: анализ мирового опыта».

Автор выражает искреннюю признательность Л. Р. Додыхудоевой за ценные комментарии и замечания к рукописи статьи.

adults. These poems are presented in modern Shughnani orthography with a Russian translation.

Key words: native language, Pamir languages, primer, Shughnani, Pamir, Nodir Shambezoda

DOI 10.37892/2313-5816-2021-1-17-29

Шугнанский язык — наиболее распространённый язык на территории Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО) Республики Таджикистан. На шугнанском языке в Таджикистане сегодня говорит примерно 90 тыс. человек.

Шугнанскому языку посвящены многие работы нашего юбиляра профессора, доктора филологических наук Джой Иосифовны Эдельман, см., например, [Эдельман 1987: 236–347; Эдельман 2017; 2016; 2020; а также: Эдельман, Юсуфбеков 2000: 225–242; Edelman, Dodykhudoeva 2009: 787–824].

В настоящей статье я расскажу о первых шагах в становлении шугнанского письма на основе анализа стихотворных текстов из одной из редких книг на шугнанском языке, опубликованных в 1930-е годы.

С 22 по 27 августа 1930 г. в столице Таджикской ССР Сталинабаде (ныне Душанбе) проходил Первый научный съезд работников просвещения. На повестке дня стояли проблемы таджикского литературного языка и его терминологии (докладчиками были А. А. Семенов и Н. Бекташ); нового таджикского алфавита и его реформы (докладчики Р. Хошимов и С. Климчицкий); вопросы орфографии (докладчик Н. Бекташ); а также вопрос о шугнанском языке, по которому должен был выступить Нисор Мухаммад [«Тоҷикистони сурх» от 20 августа 1930 г.]. Этот съезд послужил толчком к созданию учебной литературы на шугнанском языке и обучению на нем в школе.

Шугнанский алфавит, принятый по рекомендации Первого научного съезда, был создан на основе латиницы с добавлением некоторых символов. Один из первых учебников с применением этого алфавита и основ письменности был выпущен

в 1931 г. Примечательно, что книга была предназначена в первую очередь взрослым, так как в то время велась кампания по ликвидации массовой безграмотности (ликбез). Авторами этой книги — «Шугнанского букваря для взрослых» — были Н. Шамбезода, Х. Мусрифшоев и Б. Бандишоев [Шамбезода и др. 1931]. Все они стали впоследствии весьма известными просветителями и педагогами.

Хотя рассматриваемый учебник написан для взрослых, в нем достаточно много чёрно-белых иллюстраций/рисунков; книга издана на качественной бумаге большим тиражом — 3000 экз.

*Фото 1. «Шугнанский букварь для взрослых»
(фото из личного архива автора)*

Мы уже обращались к материалам этого учебника [Каландаров 2020]. В данной статье проанализируем несколько представленных в нем стихотворений, написанных одним из авторов учебника, известным шугнанским поэтом Нодиром Шамбезода. С появлением в самом начале 1930-х гг. нового алфавита Н. Шамбезода стал публиковать свои стихи на шугнанском языке. Имя Нодира Шамбезода хорошо известно в Таджикистане и за его пределами, его творчеству посвящено несколько научных работ, см., например, [Абдулназаров 2012: 9–13; Охонниёзов 2012]. Он считается основоположником поэзии на шугнанском языке.

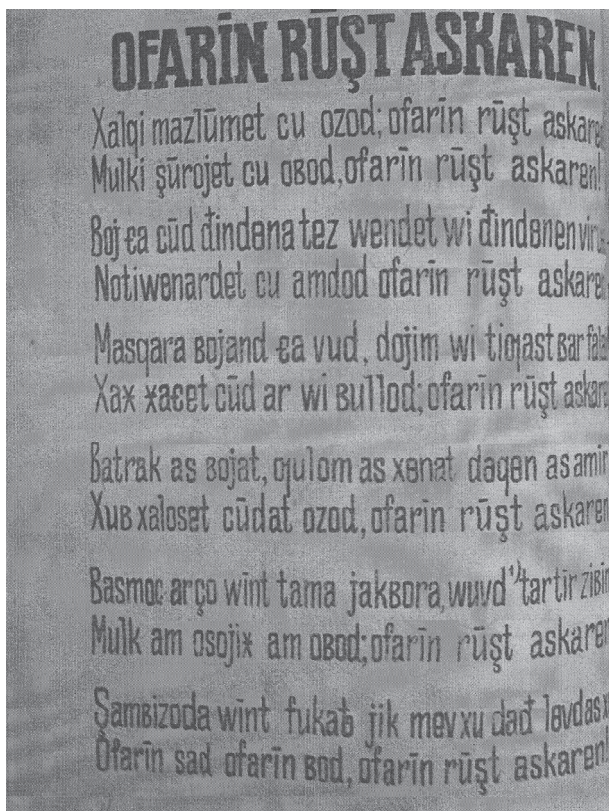
В тексте букваря нашли отражение атмосфера и события той эпохи. В нем, как и во многих учебниках того времени, приведены многочисленные политические лозунги и гражданская лирика, прославляющая Советский строй, пролетариат, Красную Армию.

Мы рассмотрим несколько стихотворений, написанных Н. Шамбезода, по-видимому, специально для этой азбуки. Для того чтобы продемонстрировать образцы шугнанского письма 1930-х гг., в статье приводятся фотографии стихотворений из «Шугнанского букваря для взрослых» [Шамбезода и др. 1931].

Первое стихотворение называется «Красные солдаты» («*Rūšt askaren*»).

В настоящее время в отсутствие официально принятых алфавита и письменности на шугнанском языке принято писать, используя международную иранскую транскрипцию на основе латинской графики (подробнее см. [Эдельман 1963]), с дополнительными знаками. В нашей статье мы приняли за образец написание, разработанное в Институте гуманитарных наук АН РТ под руководством Ш. П. Юсуфбекова:

Фото 2. Стихотворение «Хвала вам, красные солдаты»
 («Ofarīn, rūšt askaren») из [Каландаров 2020]

*Xalqi mazlūmet ču ozod, ofarīn rūšt askaren
 Mulki Šūroet ču obod, ofarīn rūšt askaren
 Boy ca čūd dindūn tez, windet wi dindūnen wirux̄t
 Notiwūnardet ču amdod, ofarīn rūšt askaren
 Masqara boyand ca vud doim wi tiyast bar falak
 Xax̄ xacet čūd ar wi bulod, ofarīn rūšt askaren
 Batrak as boyat yulūm as xūnat dēqūn as amīr
 Xub xalaset čūdat obod, ofarīn rūšt askaren*

*Basmoč arjo wīnt tamā yakborā wūvd tartīr zibīnt
Mulk ām osoiḥ ām obod, ofarīn rūšt askaren
Šambizoda wīnt fukav yik mef xu daḍ lūvd as xuši
Ofarīn, sad ofarīn bod, ofarīn rūšt askaren.*

Смысловой перевод с шугнанского на русский язык:

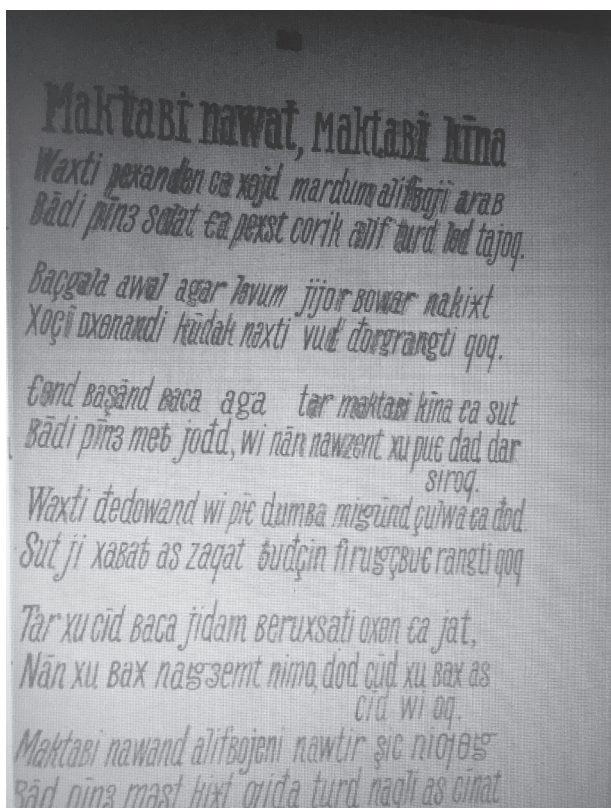
Вы освободили угнетенный народ, хвала вам,
красные солдаты,
Страну Советов благоустроили, хвала вам,
красные солдаты.
Богачи, что скалили зубы, обломали свои зубы,
Беднякам вы помогли, хвала вам, красные солдаты.
Вы потрясли основы (жизни) богачей-насмешников,
Что всегда смотрели свысока, хвала вам, красные солдаты.
Бедняка от богача, раба от хозяина и дехканина от эмира
Вы отважно освободили, хвала вам, красные солдаты.
Басмач, как только видит вас, забивается в угол,
Страна спокойно процветает, хвала вам, красные солдаты.
И видя все это, Шамбезода кричит от радости,
Хвала, стократная хвала, хвала вам, красные солдаты!
[Шамбезода и др. 1931: 36].

В данном произведении, как и в других текстах стихотворений, воспевается новый Советский строй на Памире: Шамбезода говорит о тех, кто помог смене власти, — воинах Красной армии, что освободила трудящиеся массы от угнетателей. Здесь же упомянута шедшая в то время борьба с басмачеством, подчеркивается, что на Памире басмачи побеждены и что люди могут жить спокойно.

В другом стихотворении этого букваря поэт Нодир Шамбезода восхищенно описывает новую советскую школу, противопоставляя её старой. (Здесь можно провести параллель с прозаическим произведением основоположника таджикской советской литературы С. Айни «Старая школа» [«Мактаби

кӯхна]).) Поэт говорит о том, что старая школа не могла дать ученикам нужных им знаний. В советской же школе ученики учатся не только писать и читать, они овладевают политической грамотой, знают и могут свободно говорить о международном положении в мире, в частности в Китае и Ираке. Это стихотворение называется «Новая и старая школа».

Фото 3. Стихотворение «Новая и старая школа»
(«Maktabi nawat, maktabi kīna»)
(из личного архива автора)

Приведем это стихотворение в современной записи:

*Waxti peḫanden ca xêyd mardum alifboi arab,
 Bâdi pînz solat ca peḫst čorik alif turd lûd tayoq.
 Bačgala āwol agar lûvum yiyōr bowar nakixt,
 Xoji oxûnandi kûdak nêxti vud dorgrangti qoq.
 Cûnd bašānd bača aga tar maktabi kîna ca sut,
 Bâdi pînz mêv yodd, wi nān nawzent xu puc ded dar siroq.
 Waxti dedowand wi pîc dumba miyûnd julwa ca dod,
 Sut yi xabav as zaqaḫ vuđjin firûyĵbuc rangti qoq.
 Tar xu čîd bača yidam be ruxsati oxûn ca yat,
 Nān xu baḫ naŷzemt nimû, dod čûd xu baḫ as čîd wi oq.
 Maktabi nawand alifboeni nawtir šič niyûyĵ,
 Bâd pînz mêst kixt yiđa turd naql as Čînat Iroq...*

Ниже приводится русский перевод этого шугнанского стиха:

В былые времена, когда люди учили арабскую азбуку,
 Даже через пять лет на вопрос о букве «алеф» ученик
 говорил тебе: посох².

Ребята, если я вам расскажу, никто не поверит:
 Дети так боялись учителей, что деревенели от страха.
 Когда прилежный ученик шел в старую школу,
 Его родители уже через пять дней не могли узнать
 своего ребенка.

Когда (учитель) бьет ребенка по его полному лицу,
 оно съезживается как тряпица,
 За одну ночь тот от переживаний худеет, иссыхает.
 Если ребенок отправится домой без разрешения учителя,

² Поэт имеет в виду, что некоторые дети, проучившись пять лет, не могли даже называть буквы, а называли знакомые им предметы. Так, например, в персидском языке буква «А» пишется как «ا», то есть как ровная вертикальная черта, визуально напоминающая посох.

То мать сильно ругает его, а отец мог отлучить его
от дома.

В новой школе дети учатся по новой азбуке,
И уже через пять месяцев мальчик легко тебе расска-
жет о Китае и Ираке.

Далее в том же стихотворении поэт пишет, что сегодня дети с удовольствием ходят в новую школу, а родители уже не переживают за них. Интересно, что данное стихотворение сопровождается рисунком современного двухэтажного здания школы, которого в 1930-е годы на Памире не существовало. Однако именно так авторы учебника представляли новую школу.

В другом стихотворении, посвященном зиме, Н. Шамбезода призывает взрослых к тому, чтобы они шли учиться, а также приводили в школу своих детей. В нем приведены такие строки:

*Agar bemorat as nodûni dārden,
Sa tar maktab muallim turd dawo kixt.
Iloj ved yos xu ziriyot mis pi maktab,
Ki tamīn wi, xu darsen lāk ado kixt [Там же: 50].*

Если ты болен болезнью невежества,
Иди в школу, учитель тебя вылечит.
Если есть возможность, отдай и своих детей,
Обеспечь их, чтобы они могли закончить школу.

Обучению посвящено также еще одно стихотворение Н. Шамбезода, в котором автор говорит о ликвидации безграмотности среди населения. Знаменательно, что в нем, помимо политического лозунга-призыва к объединению, поэт не только побуждает обучиться грамоте, но и одним из первых в Шугнани призывает «книги на родном языке издавать». Он показывает положительные стороны грамотности,

говорит о том, что она дает человеку. Стихотворение имеет и соответствующее название — «Искоренить безграмотность!» («*Besawodi nistčīd darkor*»):

*Ay muallim darsi kīna tar zibo lākčīd bakor,
Kudakenat yulayen xēydowti šič sāyčīd bakor.
Ay virodār, dust midustat itifoq sawet fukav,
Šič xu nānik zivtiyav māšard kitob čopčīd bakor.
Besawodinden ziyūnen az isob mis beisob,
Bosawodi nāf agar lūm as isobčīd rist mu kor.
Besawod odam xu gāpdedav navarded tar ijo,
Bosawoden čis, tulū wefard amexā gāp tayor.
Gar niyūyēt mund mu gāp, kutav tu maqsad yikam sūd,
Kūdakat yulā xu besawodi šič nistčīd bakor [Там же: 76].*

О, учитель, старый метод обучения оставь,
Детей и взрослых по-новому надо учить,
Братья, беритесь за руки, будьте едины,
Теперь нам надо книги на родном языке издавать.
Не счесть вреда в невежестве, оно есть убыток и зло,
В грамоте так много пользы, что долго перечислять.
Неграмотный человек не сможет объясниться,
У грамотного всегда готов ответ.
Если послушаете меня, вот моя цель —
И детям, и взрослым искоренить безграмотность.

В заключение хочется указать на особенное отношение памирских народов к учебе, на их интерес к письменному слову и поэзии и отметить, что данная книга была первой попыткой сохранения шугнанского языка для будущих поколений носителей и исследователей этого языка, и литературная деятельность Нодира Шамбезода — яркого представителя шугнанского народа, поэта, просветителя и пропагандиста образования в Таджикистане — этому немало способствовала.

Литература

Абдулназаров А. А. Сатира в творчестве Нодира Шанбе-заде // *Молодой ученый*, 2012, 1: 9–13.

Каландаров Т. С. Памирские языки: между прошлым и будущим (на примере шугнанского языка) // *Отдел культурного наследия и гуманитарных наук УЦА*. Научный доклад. 2020, 6.

Охонниёзов В. Д. *Нодир Шамбезода ва адабиёти муосири тоҷик* (Нодир Шамбезода и современная таджикская литература). Душанбе, 2012. (на тадж. яз)

Тоҷикистони сурх (Красный Таджикистан). Газета. № 187 от 20 августа 1930 г. (на тадж. яз.)

Шамбезода Н., Мусрифшоев Х., Бандишоев Б. *Хиҷӯиҷи алифбе ӯлауен ҷāt* (Шугнанский букварь для взрослых). Сталинабад, 1931. (на шугн. яз.)

Эдельман Д. И. *О единой научной транскрипции для иранских языков*. Москва, Ленинград, 1963.

Эдельман Д. И. Шугнано-рушанская языковая группа // *Основы иранского языкознания. Новоиранские языки. Восточная группа*. Москва, 1987, 236–347.

Эдельман Д. И. Некоторые проблемы миноритарных языков Памира (к становлению письменности и литературы) // *Родной язык*, 2016, 2(5): 87–113.

Эдельман Д. И. Шугнано-рушанская группа // *Большая российская энциклопедия*. Москва, 2017, т. 35, 145.

Эдельман Д. И. О развитии письменности и литературы на памирских языках (новые шаги) // *Родной язык*, 2020, 1: 6–24.

Эдельман Д. И., Юсуфбеков Ш. П. Шугнанский язык // *Языки мира: Иранские языки. III. Восточноиранские языки*. Москва, 2000, 225–242.

Edelman J. I., Dodykhudoeva L. R. Shughni // *The Iranian Languages*. Ed. Gernot Windfuhr. London, New York, 2009, 787–824.

References

Abdulnazarov A. A. Satira v tvorchestve Nodira Shanbezade // *Molodoi uchenyi*, 2012, 1: 9–13. (In Russ.)

Edel'man D. I. Nekotorye problemy minoritarnykh iazykov Pamira (k stanovleniiu pis'mennosti i literatury) // *Rodnoi iazyk*, 2016, 2(5): 87–113. (In Russ.)

Edel'man D. I. *O edinoi nauchnoi transkriptsii dlia iranskikh iazykov*. Moskva, Leningrad, 1963. (In Russ.)

Edel'man D. I. O razvitii pis'mennosti i literatury na pamirskikh iazykakh (novye shagi) // *Rodnoi iazyk*, 2020, 1: 6–24. (In Russ.)

Edel'man D. I. Shugnano-rushanskaia grupa // *Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia*. Moskva, 2017, t. 35, 145. (In Russ.)

Edel'man D. I. Shugnano-rushanskaia iazykovaia grupa // *Osnovy iranskogo iazykoznaniia. Novoiranskie iazyki. Vostochnaia grupa*. Moskva, 1987, 236–347. (In Russ.)

Edel'man D. I., Yusufbekov Sh.P. Shugnanskii iazyk // *Iazyki mira: Iranskie iazyki. III. Vostochnoiranskie iazyki*. Moskva, 2000, 225–242. (In Russ.)

Edelman J. I., Dodykhudoeva L. R. Shughni // *The Iranian Languages*. Ed. Gernot Windfuhr. London, New York, 2009, 787–824.

Kalandarov T. S. Pamirskie iazyki: mezhdu proshlym i budushchim (na primere shugnanskogo iazyka) // *Otdel kul'turnogo naslediia i gumanitarnykh nauk UTsA*. Nauchnyi doklad. 2020, №6. (In Russ.)

Okhonniezov V.D. *Nodir Shambezoda va adabieti muosiri tojik* (Nodir Shambezoda i sovremennaia tadjhiskaia literatura). Dushanbe, 2012. (In Tajik)

Shambezoda N., Musrifshoev Kh., Bandishoev B. *Xuŷnuni alifbe ghulayen jat* (Shugnanskii bukvar' dlia vzroslykh). Stalinabad, 1931. (In Shughnani)

Tojikistoni surkh (Krasnyi Tadjhikistan). Gazeta. № 187 ot 20 avgusta 1930 g. (In Tajik)

Каландаров Тохир Сафарбекович
Институт этнологии и антропологии РАН
Москва, Россия
Kalandarov Tohir Safarbekovich
Institute of Ethnology and Anthropology, RAS
Moscow, Russia
tohir_s70@mail.ru

**Правила орфографии для младописьменного
языка: случай кильдинского саамского
Orthography development for previously unwritten
languages: The case of Kildin Saami**

Агранат Т. В.

Agranat T. B.

В статье обсуждаются принципы создания алфавитов и правил орфографии для бесписьменных языков с учетом их социолингвистического статуса. Анализируется негативный опыт орфографических правил, разработанных для кильдинского саамского языка.

Ключевые слова: создание письменности, правила орфографии, языковой сдвиг

The article discusses principles for designing alphabets and spelling rules for non-written languages, taking into account their sociolinguistic status. The negative experience of spelling rules developed for the Kildin Saami language is analyzed.

Key words: writing system design, spelling rules, language shift
DOI 10.37892/2313-5816-2021-1-30-42

Джой Иосифовна уделяет большое внимание проблемам создания письменности для бесписьменных памирских языков, см. об этом, в частности, [Эдельман 2016; Эдельман 2019; Эдельман 2020], она принимала непосредственное участие в разработке специального практического алфавита для этих языков. Этот алфавит создавался на основе кириллицы с использованием букв таджикского алфавита и дополнительных знаков для специфических звуков каждого из языков Памира.

Он построен по принципу «одной фонеме (или звукотипу) соответствует одна буква» [Эдельман 2010: 193]. Ею были написаны правила орфографии и пунктуации [Эдельман 2010: 200–201].

Принципы составления алфавитов и проблемы, с которыми сопряжено создание письменности, в целом не зависят ни от генетической принадлежности, ни от ареала распространения языка. В начале эпохи языкового строительства Р. О. Шор писала: «Во-первых, построение алфавита должно базироваться на тех различиях фонем, которые существуют действительно в языковом мышлении данного языкового коллектива. Во-вторых, построение алфавита не должно затруднять усвоение грамоты членами данного языкового (а не иноязыкового) коллектива, оно должно прежде всего иметь своей целью “сбережение умственной энергии и облегчение усвоения грамотности народными массами и будущими поколениями”¹» [Шор 1928: 68].

В данной статье речь пойдет о проблемах, препятствующих развитию письменности на кильдинском саамском языке.

Во время языкового строительства для кольских саамов была создана письменность, но в 1937 г. она перестала существовать. (Подробно о начальном этапе становления письменности у кольских саамов см. [Куруч и др. 1995; Кузнецова 1997; Крючкова 2003].)

В середине 1970-х гг. вновь начали создавать письменность на кильдинском саамском языке. Авторская группа в составе трех человек — Р. Д. Куруч, А. А. Антонова и Б. А. Глухов — разработала кириллический алфавит, который был утвержден решением исполкома Мурманского областного Совета народных депутатов № 518 от 19 декабря 1979 г.

Вот этот алфавит:

¹ Цитата: Бодуэн-де-Куртенэ «Об отношении русского письма к русскому языку». Санкт-Петербург, 1912, 85.

Аа	ä	Бб	Вв	Гг	Дд	Ее	Ёё
Жж	Зз	Ии	Йй		Кк	Лл	л
Мм	м	Нн	ң	ң	Оо	ö	Пп
Рр	р	Сс	Тт	Уу	ү	Фф	Хх
Цц	Чч	Шш	ъ	Ыы	ы	ь	ъ
Ээ	э	Юю	Яя				

В 1982 г. решением все того же исполкома Мурманского областного Совета народных депутатов № 300 от 16 июня 1982 г. проект алфавита 1979 г. упраздняется и принимается уточненный алфавит той же авторской группы:

Аа	ä	Бб	Вв	Гг	Дд	Ее	Ёё
Жж	Зз	Һ	Ии	Йй	Ј	Кк	Лл
л	Мм	м	Нн	ң	ң	Оо	Пп
Рр	р	Сс	Тт	Уу	Фф	Хх	Цц
Чч	Шш	ъ	ы	ь	ъ	Ээ	э
Юю	Яя						

Как можно видеть, отличия между алфавитами довольно большие.

Несмотря на законодательное упразднение первоначальной версии алфавита и узаконивание следующей редакции, в 1982 г. вышел букварь [Антонова 1982], написанный А. А. Антоновой, одной из членов этой группы, на основе алфавита образца 1979 г. В такой же графике издавались и другие учебники и книги для чтения, все с грифом Министерства народного образования РСФСР.

В 1985 г. выходит «Саамско-русский словарь» под редакцией Р. Д. Куруч, в авторском коллективе — Н. Е. Афанасьева,

Е. И. Мечкина и др. [Афанасьева и др. 1985]. Здесь уже используется другой алфавит:

Аа	ä	Бб	Вв	Гг	Дд	Ее	Ёё
Жж	Зз	Һ	Ии	Йй	Ј	Кк	Лл
л	Мм	м	Нн	ң	ң	Оо	ö
Пп	Рр	р	Сс	Тт	Уу	Фф	Хх
Цц	Чч	Шш	Щщ	ъ	Ыы	ь	ъ
Ээ	ë	Юю	Яя				

В 1986 г. издается «Саамско-русский и русско-саамский школьный словарь» известного специалиста в области саамского языкознания Г. М. Керта [Керт 1986], в котором принят еще один алфавит:

Аа	ä	Бб	Вв	Гг	Дд	Ее	Ёё
Жж	Зз	Һ	Ии	Йй	Кк	Лл	л
Мм	м	Нн	ң	ң	Оо	ö	Пп
Рр	р	Сс	Тт	Уу	Фф	Хх	Цц
Чч	Шш	Щщ	ъ	Ыы	ь	ъ	Ээ
ë	Юю	Яя					

От предыдущего, как можно заметить, этот алфавит отличается отсутствием буквы 'ј'.

Это еще не все. Поскольку камнем преткновения было наличие двух латинских букв в кириллическом алфавите (см., например, обсуждение вопроса о недопустимости двойной орфографии в [Бакула 2018: 18]), что являлось непреодолимым препятствием для введения его в школьную практику, пришлось придумать компромисс. В 1987 г. очередным решением исполкома Мурманского областного Совета народных депутатов № 198 от 13 мая 1987 г. вносятся изменения в алфавит 1982 г., исключаются латинские буквы 'h' и 'j' и заменяются на апостроф и 'й' соответственно:

Аа	ä	Бб	Вв	Гг	Дд	Ее	Ёё
Жж	Зз	Ии	Йй	й	Кк	Лл	л
Мм	м	Нн	ң	ң	Оо	Пп	Рр
р	Сс	Тт	Уу	Фф	Хх	Цц	Чч
Шш	ъ	ы	ь	ъ	Ээ	ё	
Юю	Яя	’ (апостроф)					

Новую редакцию алфавита создавала авторская группа в несколько измененном составе: вместо А. А. Антоновой в нее вошла Н. Е. Афанасьева.

Но и на этом история не завершилась. В 1991 г. появился алфавит А. А. Антоновой:

Аа	ä	Бб	Вв	Гг	Дд	Ее	Ёё
Жж	Зз	Ии	Йй	Кк	Лл	л	Мм
м	Нн	ң	ң	Оо	Пп	Рр	р
Сс	Тт	Уу	Фф	Хх	Цц	Чч	Шш
Щщ	ъ	Ыы	ь	ъ	Ээ	ё	
Юю	Яя						

Сторонники алфавита А. А. Антоновой настаивают на том, что ‘h’ и ‘j’ (или апостроф и ‘й’) «лишние»; по предварительным данным, это объясняется различием в фонемном составе по говорам.

Фонологическая система кильдинского языка характеризуется очень большим количеством согласных — более 50. Они различаются по глухости/звонкости, причем такое противопоставление есть даже у сонорных, глухие сонорные обозначаются нижней диакритикой. Имеется и противопоставление по твердости/мягкости, которое появилось под влиянием русского языка; некоторые согласные (d, t, n) могут быть также полумягкими, таким образом они образуют не пары, а тройки: твердые/полумягкие/мягкие. Гласных намного

меньше, хотя они противопоставляются по долготе/краткости. Долгие гласные во всех алфавитах обозначаются на письме горизонтальной чертой над буквой. Довольно большое количество букв для обозначения гласных звуков в алфавитах связано с тем, что они одновременно обозначают качество предшествующего согласного. Т. е. алфавиты построены по так называемому слоговому принципу, по образцу русского языка, поскольку «учитывается настоятельная потребность обеспечить в процессе обучения максимальную связь саамского языка с русским, который в силу объективных исторических причин стал для саамов вторым родным языком» [Куруч и др. 1995: 6]. Однако еще Р. О. Шор как раз в связи со способом обозначения мягкости согласного предостерегала от попыток переносить навыки русского графического мышления на вновь создаваемые национальные алфавиты, примером которых может служить попытка проф. Н. Ф. Яковлева превратить историческую формулу русской системы письма в «общую математическую формулу построения алфавитов» [Шор 1928: 76].

В 1995 г. на базе алфавита, «канонизированного» в 1987 г., сотрудниками мурманского сектора лингвистических проблем финно-угорских народностей Крайнего Севера при Институте языкознания Российской Академии наук были выпущены «Правила орфографии и пунктуации саамского языка» [Куруч и др. 1995]. Невозможно не отметить, что «Правила...» отличаются исключительной сложностью, что, как представляется, является, по крайней мере, одной из причин отказа от использования данного алфавита на практике, поскольку этот алфавит идет «в комплекте» с «Правилами...». Между тем в предисловии авторы пишут, что этот документ — обязательный для всех пользующихся саамским письмом. Хотя «Правила...» не являются непосредственно учебным пособием для школьного преподавания орфографии и пунктуации, они предназначены для учителей, руководителей кружков по преподаванию саамского языка, воспитателей дошкольных

учреждений, учащихся пед. училища, студентов. Они должны служить основным справочным пособием для составления учебников, учебных пособий, книг для чтения, словарей и т. п. [Куруч и др. 1995: 3–4].

Что должны представлять собой правила вновь создающейся орфографии? Упомянутые выше правила орфографии для памирских языков [Эдельман 2010] умещаются на полутора страницах. Собственно грамматические правила сводятся к слитному написанию грамматических элементов, являющихся частью словоформы, написанию через дефис грамматических элементов, примыкающих к словоформе фонетически, но не входящих в ее состав, и раздельное написание препозитивных и постпозитивных элементов, четко отделяемых фонетически от слов. Правила просты и прозрачны, а поскольку их потенциальные пользователи — полноценные носители языков, выполнение их тем более не может вызвать затруднений.

Тем не менее, в последнее время письменность создается не только для благополучных языков; некоторые лингвисты считают, что разработка орфографии должна быть неотъемлемой задачей, входящей в проекты по документированию.

Успех языковой документации во многом зависит от воспроизведения этих записей в орфографии, привлекательной для речевого сообщества. На самом деле, если принять, что документация должна быть доступна речевому сообществу, то разработка и внедрение практической орфографии в речевом сообществе является абсолютно необходимой задачей на ранней стадии проекта документации. Тем не менее, развитию орфографии лингвисты обычно не уделяют особого внимания [Seifart 2006: 275].

Степень сохранности документируемых языков может быть различной, от нее зависят принципы, которыми руководствуются составители орфографии.

В [Seifart 2006] обсуждается, какой должна быть орфография и от каких факторов это зависит. Сохраняется идея, что хорошая орфография — это просто та, которая отражает

все фонологические контрасты. Однако развитие орфографии на самом деле является весьма сложной проблемой, которая включает в себя не только фонологические, просодические, грамматические и семантические аспекты языка, для которого она разрабатывается, но и широкий спектр неязыковых вопросов, среди которых педагогические и психолингвистические аспекты чтения и письма и социолингвистическая ситуация [Seifart 2006: 275].

Отмечается, что орфография определяется как соединение набора графем, таких как алфавит, и набора сопутствующих правил, регулирующих их использование. Вводится метафорическое понятие орфографической «глубины». «Глубокие» орфографии, как правило, представляют каждую морфему языка в одной неизменяемой письменной форме и не отражают морфонологические изменения, которые эти морфемы претерпевают в контексте. «Мелкие» орфографии приближают соответствие между орфографическим представлением и поверхностной реализацией языковых форм в той мере, в какой они могут определять фонетическую реализацию этих форм, как они произносятся в данном контексте. Для потенциальных пользователей, хорошо владеющих языком, целесообразно создавать «глубокую» орфографию, в то время как для плохо владеющих языком больше подходит «мелкая» орфография. При разработке письменности для исчезающих языков на продвинутой стадии языкового сдвига, когда практически отсутствуют полноценные носители, необходимо ориентироваться на «мелкую» орфографию, которая позволяет правильно писать слово по его произношению и правильно произносить слово по его письменной форме, не зная этого слова [Seifart 2006].

Кильдинский саамский язык находится под угрозой исчезновения, передача языка детям практически прекратилась. Пользуясь терминологией [Seifart 2006], для него подходит «мелкая» орфография. Авторы правил кильдинской орфографии пишут, что «саамская графическая система строится

по математической формуле построения алфавита, предложенной Н. Ф. Яковлевым, так как в саамском языке для образования рядов взаимно противопоставленных фонем используется несколько звуковых законов» [Куруч и др. 1995: 7]. К сожалению, авторы не объясняют, что они под этим подразумевают, как-то проинтерпретировать утверждение не представляется возможным.

Далее в «Правилах...» читаем: «Саамское письмо основывается на фонематическом принципе, заключающемся в том, что буквами обозначаются не реально произносимы звуки, а фонемы. Фонематическое письмо обеспечивает необходимую регулярность письменного выражения морфонологических чередований гласных и согласных. <...> В основе саамской орфографии не может лежать морфологический принцип, опирающийся на морфологическую структуру слов: при действующей в саамском языке разветвленной системе морфонологических чередований гласных и согласных морфологический принцип письма не может объяснить неизбежные отступления от единообразной передачи морфем. Не может служить практическим целям саамской орфографии и фонетический принцип: фонетическое письмо при существующей диалектной раздробленности породило бы орфографический разноречие» [Куруч и др. 1995: 21].

Собственно орфографические правила занимают 124 страницы, без учета пунктуации, которая излагается на 25 страницах. Общие правила выглядят следующим образом: чтобы правильно написать гласную в личной форме глагола нужно соотнести эту глагольную форму с инфинитивом, установить тип спряжения глагола, в глаголах I и II спряжения написать сомнительную гласную, опираясь на типы качественно-количественных чередований гласных, в глаголах III и IV спряжения написать сомнительную гласную, опираясь на написание инфинитива (с. 21). Чтобы правильно написать гласную в какой-либо падежной форме, нужно соотнести эту падежную форму с им. п. ед. ч.,

в существительных I и II склонений писать сомнительную гласную, опираясь на типы качественно-количественных чередований гласных, в существительных III, IV, V склонений писать сомнительную гласную, опираясь на написание формы им. п. ед. ч. (с. 33). Для правильного написания согласных предлагается проделать аналогичные манипуляции. Далее подробно излагается, какая буква должна писаться в каждой конкретной форме слова с учетом слога, какие гласные в основе перед какими конкретными суффиксами орфографически заменяются на другие, в каких формах согласные удваиваются, а в каких — пишутся одиночные и т. д. и т. п. Трудно понять, почему такой принцип орфографии авторы назвали фонематическим. Правила адресованы детям, не говорящим по-саамски, которые должны выучить язык, одновременно обучаясь письму. Очевидно, что эти правила для них невыполнимы, как невыполнимы они и для гипотетических полноценных носителей. Сложность и непоследовательность правил русской орфографии неоднократно обсуждалась, см. об этом, например, [Кнорина 1996: 79–86], но и они не способны конкурировать с саамскими, предлагаемыми в [Куруч и др. 1995]. Есть некоторые основания предполагать, что правила для кильдинской орфографии формулировались с оглядкой на правила русской орфографии. В [Seifart 2006] отмечается, что при разработке орфографии опора на орфографии других языков, например доминирующего, может вызвать проблемы.

И совершенно очевидно, что простота орфографических правил является их несомненным достоинством. Они не должны затруднять усвоение грамоты членами языкового коллектива и должны прежде всего иметь своей целью «сбережение умственной энергии и облегчение усвоения грамотности народными массами и будущими поколениями».

Литература

Антонова А. А. *Сѣмь букваррь*. Ленинград, 1982.

Афанасьева Н. Е. и др. *Саамско-русский словарь*. Москва, 1985.

Бакула В. Б. Проблемы формирования литературного языка кольских саамов // *Финно-угорский мир*, 2018, 3: 13–22.

Керт Г. М. *Словарь саамско-русский и русско-саамский*. Ленинград, 1986.

Кнорина Л. В. *Грамматика, семантика, стилистика*. Москва, 1996.

Крючкова Т. Б. Саамский язык // В. Ю. Михальченко (ред.) *Письменные языки мира. Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия*. Москва, 2003, 444–459.

Кузнецова А. И. Создание и становление письменности как социолингвистическая проблема (на примере миноритарных языков уральской языковой семьи) // *Малые языки Евразии: социолингвистический аспект*. Сборник статей. Москва, 1997, 44–63.

Куруч Р. Д., Афанасьева Н. Е., Виноградова И. В. *Правила орфографии и пунктуации саамского языка*. Мурманск, Москва, 1995.

Шор Р. О. К вопросу о сокращении алфавита. (Критические замечания на статью Н. Ф. Яковлева «Математическая формула построения алфавита. «Культура и письменность Востока. Книга I. Москва, 1928») // *Культура и письменность Востока. Книга II*. Баку, 1928, 63–76.

Эдельман Д. И. Опыт перевода Евангелия на бесписьменные памирские языки (на примере язгулямского языка) // *Перевод Библии как фактор развития и сохранения языков народов России и стран СНГ: проблемы и решения*. Москва, 2010, 187–201.

Эдельман Д. И. Некоторые проблемы миноритарных языков Памира (к становлению письменности и литературы) // *Родной язык*, 2016, 2: 87–113.

Эдельман Д. И. О разработке алфавита для язгулямского языка (Памир) // Международная конференция «Лингвистический форум 2019: коренные языки России и мира». 4–6 апреля 2019 г. Институт языкознания РАН, Москва: Тезисы докладов. Под ред. А. А. Кибрика, В. Ю. Гусева, А. Б. Шлуинского. Москва, 2019, 221–222.

Эдельман Д. И. О развитии письменности и литературы на памирских языках (новые шаги) // *Родной язык*, 2020, 1: 6–24.

Seifart F. Orthography development // J. Gippert, N. P. Himmelmann, U. Mosel (eds.) *Essentials of Language Documentation*. Berlin, New York, 2006, 275–299.

References

Afanas'eva N. E. i dr. *Saamsko-russkii slovar'*. Moskva, 1985. (In Russ.)

Antonova A. A. *Sām' bukvarr'*. Leningrad, 1982. (In Russ.)

Bakula V. B. Problemy formirovaniya literaturnogo yazyka kol'skikh saamov // *Finno-ugorskii mir*, 2018, 3: 13–22. (In Russ.)

Edel'man D. I. Nekotorye problemy minoritarnykh yazykov Pamira (k stanovleniyu pis'mennosti i literatury) // *Rodnoi yazyk*, 2016, 2: 87–113. (In Russ.)

Edel'man D. I. O razrabotke alfavita dlya yazgulyamskogo yazyka (Pamir) // Mezhdunarodnaya konferentsiya «Lingvisticheskiy forum 2019: korennye yazyki Rossii i mira». 4–6 aprelya 2019 g. Institut yazykoznaneya RAN, Moskva: Tezisy dokladov. Pod red. A. A. Kibrika, V. Yu. Guseva, A. B. Shluinskogo. Moskva, 2019, 221–222. (In Russ.)

Edel'man D. I. O razvitii pis'mennosti i literatury na pamiirskikh yazykakh (novye shagi) // *Rodnoi yazyk*, 2020, 1: 6–24. (In Russ.)

Edel'man D. I. Opyt perevoda Evangeliiya na bespis'mennye pamiirskie yazyki (na primere yazgulyamskogo yazyka) // *Perevod Biblii kak faktor razvitiya i sokhraneniya yazykov narodov Rossii i stran SNG: problemy i resheniya*. Moskva, 2010, 187–201. (In Russ.)

Kert G. M. *Slovar' saamsko-russkii i russko-saamskii*. Leningrad, 1986. (In Russ.)

Knorina L. V. *Grammatika, semantika, stilistika*. Moskva, 1996. (In Russ.)

Kryuchkova T. B. Saamskii yazyk // V. Yu. Mikhal'chenko (red.) *Pis'mennye yazyki mira. Yazyki Rossiiskoi Federatsii*. Sotsiolingvisticheskaya entsiklopediya. Moskva, 2003, 444–459. (In Russ.)

Kuruch R. D., Afanas'eva N. E., Vinogradova I. V. *Pravila orfografii i punktuatsii saamskogo yazyka*. Murmansk, Moskva, 1995. (In Russ.)

Kuznetsova A. I. Sozdanie i stanovlenie pis'mennosti kak sotsiolingvisticheskaya problema (na primere minoritarnykh yazykov ural'skoi yazykovoï sem'i) // *Malye yazyki Evrazii: sotsiolingvisticheskii aspekt*. Sbornik statei. Moskva, 1997, 44–63. (In Russ.)

Seifart F. Orthography development // J. Gippert, N. P. Himmelmann, U. Mosel (eds.) *Essentials of Language Documentation*. Berlin, New York, 2006, 275–299.

Shor R. O. K voprosu o sokrashchenii alfavita. (Kriticheskie zamechaniya na stat'yu N. F. Yakovleva «Matematicheskaya formula postroeniya alfavita. «Kul'tura i pis'mennost' Vostoka. Kniga I. M., 1928») // *Kul'tura i pis'mennost' Vostoka*. Kniga II. Baku, 1928, 63–76. (In Russ.)

Агранат Татьяна Борисовна
Институт языкознания РАН
Московский государственный лингвистический университет
Москва, Россия
Agranat Tatiana Borisovna
Institute of Linguistics, RAS
Moscow State Linguistic University
Moscow, Russia
tagranat@yandex.ru

**К интерпретации этнокультурной истории
народов Западного Памира:
традиционные головные уборы¹**
*Interpreting the ethnocultural history
of the Western Pamir peoples: Traditional headwear*

Додыхудоева Л. Р.

Dodykhudoeva L. R.

В статье рассматривается номенклатура традиционных головных уборов народов Западного Памира, выявляется происхождение исходных предметов и терминов и проясняются контакты между народами, населяющими регион, их языками и движением культурных реалий и идей.

Вестиментарные данные прослеживаются по материалам, опубликованным на современных памирских (в основном шугнанском и ваханском) и таджикском языках и полевым материалам автора с привлечением терминологии из научных описаний региона и визуальных источников.

Ключевые слова: памирские языки, шугнанский язык, ваханский язык, таджикский язык, Западный Памир, этнолингвистика, головные уборы

The article focuses on the nomenclature of traditional headwear among the peoples of the Western Pamirs. I identify the origin of the

¹ Статья публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института языкознания РАН 0182-2019-0018 «Закономерности развития и функционирования индоевропейских языков: типология языковых структур; филологический анализ текста; взаимодействие языковых, социальных, этнических и культурных процессов».

objects and terms and examine the contacts between the inhabitants of this region, their languages, and the dynamics of cultural artefacts and ideas.

The vestimental vocabulary analysed here is taken from materials published in several contemporary Pamir languages (primarily Shughnani and Wakhi) and the Tajik language, my own field data, scholarly descriptions of the area, and photographs of its material culture.

Key words: Pamir languages, Shughnani, Wakhi, Tajik, Western Pamirs, ethnolinguistics, headwear

DOI 10.37892/2313-5816-2021-1-43-54

В настоящей статье рассмотрены названия ряда традиционных головных уборов народов Западного Памира (ГБАО, Таджикистан) и сопредельных территорий. Мы проследили их наличие в современном словаре памирских (в основном шугнанском и ваханском) и таджикском языках, что позволяет подвергнуть разбору происхождение терминов и исходных предметов, таким образом проясняя контакты между народами, их языками, движение культурных реалий и идей.

Широко известно, что названия одежды и ее частей являются, как правило, культурными терминами и усвоены «по цепочке заимствований», в которой присутствуют не только иранские языки [Эдельман 2011: 316]. При этом особенности сложения вестиментарной терминологии указывают на направления заимствований и динамику эволюции названий, увязывая это с социокультурной историей региона и контактами с соседними народами. Так, в период, охватывающий нескольких последних столетий, культурное влияние шло по двум направлениям — с севера и с юга. Как отмечает М. С. Андреев, «через Гиндукуш проникали открытия и изобретения с юга, например умение вязать крючком или выделывать толстое сукно “катма” (с двойной ниткой основы), проникшее из Читрала и только теперь начавшее доходить до низа верхнепанджских стран» [Андреев 1958: 259]. С другой

стороны, после присоединения к Бухарскому эмирату влияние также шло и с севера, в основном через Дарваз.

Материалом, подлежащим изучению, источниками реконструкции костюма народов Западного Памира и названий отдельных его составляющих сегодня служат письменные тексты, исторические описания региона, а также сам язык, являющийся лингвокультурным памятником и сохраняющий названия одежды прошлых столетий. В письменных документах содержатся названия и описания элементов исторического костюма, многие из которых уже вышли из употребления. Однако отказ от каких-то видов одежды не всегда сопровождается исчезновением наименований. Такие термины могут быть архаизованы или, претерпев изменения по форме и/или семантике, применяться для обозначения модифицированного или иного предмета одежды, или даже перейти в другие языки и сохраниться лишь там.

Одним из способов передачи информации является визуальный ряд. При отсутствии таких документальных свидетельств культурной жизни, как письменные тексты, зрительная репрезентация помогает в определении предмета и его модели, соотнесении его с наименованием. В связи с этим наши выводы основаны и на визуальных материалах — исторических фотографиях, позволяющих получить наглядное представление о бытовавших ранее образцах, а также фотографических изображениях, воспроизводящих предметы из музейных и частных собраний.

На необходимость идентификации предметов одежды, уточнение терминологии исторического костюма Средней Азии и Ирана и их соотнесение уже указывала Г. А. Пугаченкова [1956: 87]. В настоящее время, когда идентифицирующая функция национального костюма оказалась в фокусе внимания в Республике Таджикистан, особое значение приобрели работы по истории костюма, способствующие соотнесению конкретных образцов одежды и номенклатуры [Сухарева 1982; Ершов, Широкова 1969; Широкова 1970; 1989].

Обратимся к работам по этнографии региона, включающим наблюдения и замечания о вестиментарных традициях. М. С. Андреев дает следующее описание: «В 1929 г. наиболее распространенным головным убором хуфских мужчин была тюбетейка *тоқай*. По-видимому, она появилась в Хуфе недавно, так как только за самое последнее время хуфские женщины начали шить тюбетейку сами. Раньше привозили готовые из Бадахшана. Сравнительно реже встречаются в Хуфе *паколь*. Это связанный из шерсти или сшитый из домотканного сукна мешочек, имеющий ширину, равную половине окружности головы, а глубину — около 20 см. При надевании на голову край его завертывается широкой полосой раза два. Получается полное подобие русской женской вязаной шапочки, только без помпона наверху. По сообщению стариков, *паколь* тоже распространились в Хуфе сравнительно недавно, раньше их не было. Ношение вязаных *паколь* в 1929 г. было очень распространено в Шугнанае, а также выше по Пянджу и, по-видимому, заимствовано из Читрала, где их носят повсеместно. Наряду с *тоқай* и *паколь*... Зимой часто носят самодельные небольшие шапки из овчины, обращенной мехом внутрь. По форме они напоминают головные уборы среднеазиатских дервишей (*кулох*), но сшитые из нескольких секторов овчины; они даже не покрыты сверху материей» [1958: 249–250].

По сообщению того же автора, головные уборы женщин бывают многослойными: сверху платка надевают вышитую шапочку, род тюбетейки-*паколь*, а поверх еще цветной шелковый платок-*фидои*, который прикреплен к находящейся под ним шапочке-*паколь* скрепкой-*сар-бандак* [Андреев 1958: 251]. При этом, как отмечает Е. М. Пещерева, в северных районах Таджикистана женщины начали носить тюбетейки-*туппӣ* с тех пор, как стали снимать паранджу в 1920-е гг. До этого пользоваться ими для женщин считалось неприличным. Не носили раньше тюбетейки и таджички горных районов, за исключением припамирских,

где бытовала особая женская тюбетейка с плоским верхом. В нижней же части долины реки Зеравшан в районах Самарканда и Бухары в начале XX в. тюбетейка под платком являлась головным убором женщин всех возрастов, кроме старух [Широкова 1989: 187].

О ношении горцами Западного Памира небольшой плоской тюбетейки сообщает в начале XX в. А. А. Бобринский: «На голове обыкновенная тюбетейка; в Вахане и вообще по Пянджу летом носится она мелкою, плоскою, вязаною из белой бумаги; зимою же и вообще в холодную погоду там же носят шерстяную тканую шапку: вяжется она колпаком, для ношения заворачивается до превращения ее в плоский блин, называют ее «*пакуль*» (Tomaschek *skid*)». Он же сообщает о ношении там женщинами «небольшой плоской тюбетейки», на которую при выходе из дома набрасывали сверху платок, спуская концы по спине, чтобы прикрыть затылок и косы [Бобринский 1908: 52]. По описанию Оле Олуфсена в долине Пянджа мужчины носили небольшую облегающую голову коричневую шапочку-колпак (*челток*), скрепленную по бокам, наподобие мягкой шляпы, края которой в плохую погоду можно было опустить как капюшон. Этот вид головного убора, будучи весьма древним, в настоящее время (конец XIX в. — Л. Д.) выходит из употребления. У женщин в ходу небольшие облегающие голову белые шерстяные или хлопчатобумажные шапочки (*челток*), мало чем отличающиеся от европейской дорожной шляпы [Olufsen 1904: 64, 69].

Рассмотрим в связи с данными сообщениями наименования некоторых головных уборов и их употребление в современных памирских и таджикском языках:

ш. *пакол* ‘плоская, низкая шапочка, тюбетейка (мужская и женская)’, сар. *pakul* ‘тюбетейка (мужская)’, мундж. *rokil* ‘нуристанская шерстяная шапка-берет’. В настоящее время подобный головной убор известен в регионе всего Восточного Гиндукуша и понимается как ‘читральская (или гильгитская) шапочка’ (Chitrali or Gilgiti cap), варианты по языкам региона:

paکو/ul, khapol, kapol/ʌr, kho/ui², chitrali (topi). Считается, что данный вид головного убора восходит к мягкой шерстяной плоскодонной шапочке, края которой подворачиваются вверх к теменной части головы. Она упомянута Дж. С. Робертсоном в конце XIX в. как шина или читральская шапочка (Shin or Chitrali cap) [Robertson 1896: 127], хотя такой головной убор был характерен для всего пограничья Китая, Индии, Пакистана и Центральной Азии. Более поздняя модификация этого головного убора, с расширенной верхней частью на манер берета и нижней — цилиндрической подворачивающейся кверху, широко использовалась на границе Афганистана и Пакистана. В конце XX вв. одну из модификаций этого головного убора стал носить командир афганских сил Северного альянса Ахамадшах Масуд, бывший родом из долины Панджшер, Афганистан. Получив символическое значение в рамках альянса, эта модель впоследствии стала известна во всем мире как атрибут афганских моджахедов.

Для упомянутого О. Олуфсеном для района Вахана наименования местной шапочки — *челток*, см. вариант *телток*, а также вах. *тилтоқ* ‘киргизская войлочная шапка’. Ср., однако, обозначение иной реалии в вах. (из т.) *талпә/ак*, ишк., вах. *тилпак*, ‘шапка-ушанка (меховая)’ [Грюнберг, Стеблин-Каменский 1976; Пахалина 1975].

По поводу еще одного наименования головного убора — *с(ə)кид/δ* ‘тубетейка, шапочка’, М. С. Андреев полагает, что в ваханском языке это название сравнительно недавно перешло на современную вышитую ваханскую тубетейку (читральского происхождения) с более древнего головного убора (хуф. *миршои* ‘высокая островерхая стеганная шапочка’) [1953: 107; 1958: 405]. Ваханская лексема восходит к др.-ир. **skauda-*, основе ряда ираноязычных названий головных

² Ср. заимств. из иранского юго-восточного языка типа пашто: др.-инд. *khola-* ‘вид головного убора’, кхов., шина *khōi* ‘шапка, шлем’ [Стеблин-Каменский 1999: 312; Эдельман 2011: 361].

уборов: ав. *хаода*, др.-перс. *xauda* ‘шлем’, ос. *xud*, пашто *xol*, т. *xūd/ī*, ягн. *худ/т* ‘шлем, тибетейка’, мундж. *xīla* ‘шап(оч)ка, вышитая тибетейка, головной убор’, сар. *xēwd* ‘мужская шапка’ [Стеблин-Каменский 1999; Эдельман 2011: 360–361], т. *кулоххӯд* ‘шлем’.

Обратимся к другому принятому в памирских и таджикском языках термину. Как сообщает З. А. Широкова, в старину в Каратегине и Дарвазе у женщин бытовала стеганая шапочка с мешочком для кос сзади — *кулута*, или *телпак*, *шабкулак*, — которая иногда все еще встречается у пожилых женщин. Наличие этого головного убора в недавнем прошлом было зафиксировано у пожилых женщин в Ура-Тюбе и Канибадаме, хотя этот головной убор сохранился там и в составе женского савана. С другой стороны, такую шапочку с накосником (*кулута*) в сочетании с большим платком надевали после свадьбы в верховьях Зеравшана [Широкова 1970: 176; 1989: 187–190, 197]: ягн., т.-матч. *кулута* ‘кулута, шапочка с накосником/назатыльником’ [Шарифова 2018: 135]. Головной убор *кулута-пушак* зафиксирован для Таджикистана и представлен в колл. № 31–104 экспозиции РЭМ [Старостина 2014: 391].

т. *кул(ӯ)та(пӯшак)*, т.-бух. *калтапӯшак* ‘шапочка с назатыльником (пожилых женщин), капюшон’. Покрой шапочек с накосником (*кулута* (*шав/бкулак* из *шабкулох* ‘ночная тибетейка, колпак’), *калпушак*, *тоқӣ*, *телпак*) различен: бывают шапочки без тульи, сшитые из куска ткани, собранного на нитку на макушке с отверстием и накосником в виде продольного куска ткани. Они, как отмечает О. А. Сухарева, представляют наиболее ранний покррой. Во втором типе — на образовавшееся на макушке шапочки отверстие снизу или сверху нашивали, или подшивали, небольшой круг — зародыш тульи. Эти шапочки были переходной формой от шапочек с открытым отверстием к шапочкам с макушкой — тульей. Третий тип состоял из круглой тульи и околыша из прямоугольного куска ткани и довольно длинного накосника из продольной

полосы материи, пришитого к задней части околыша. Иногда накосник вшивается прямо в околыш, при этом перёд околыша и накосник обычно шились из разных тканей. Накосник мог представлять собой полосу материи, прикрывающую косы, либо нижний конец сшивался или соединялся шнуром, образуя сквозной мешок, в который пропускали косы. В ряде мест на севере Таджикистана название *кулӯта* применялось для более усложненных головных уборов в виде капюшона [Широкова 1989: 185, 199].

Знаменательно, что в настоящее время головной убор со сходным названием имеет место у замужних женщин в Сарыколе, Китай, и известен в сарыкольском языке как *кы/ũlto*, иногда *šoky/ũlto*, ‘тубетейка (женская с назатыльником)’, а в ваханском языке Китая под тем же названием или обозначается, как и обычная тубетейка без задника, *skid/δ*. Для ваханского языка Таджикистана отмечены значения *шокулта* ‘шапка ушанка’ [Пахалина 1975], вах. *шока/ũlta* ‘детский чепчик’ [Стеблин-Каменский 1999]. Дизайн данного изделия несколько трансформирован и отличается от моделей, описанных З. А. Широковой, отчасти сближаясь с третьим типом. Это — шапочка с плоским дном, круглой тульей и прямоугольным высоким околышем, к задней части которого сверху пришит элемент накосника, скорее короткий назатыльник; в других моделях эта деталь пришивается изнутри. Все изделие украшено красочной вышивкой. Перёд околыша и задник выполняются из разных тканей, расшитых узорами.

К этому ряду примыкает название, обозначающее в середине XX в. одну из разновидностей головного убора в говорах шугнанского языка Баджу и Барвоза: *шокулā* ‘тубетейка, прядь волос’: *шокула-та да Барвоз мардум лувен* ‘шокула называют тубетейку жители Барваза’, а также в язгулямском: *шокала* ‘головной убор, шапка’ [Эдельман 1971]. Тот же головной убор упоминает А. К. Писарчик в примечаниях к разделу «Одежда»: «Во втором десятилетии текущего столетия (XX в.) хуфские женщины носили еще привозные

из Бадахшана вышитые тюбетейки, называемые “шокула”, но сведений о них собрать не удалось» [Андреев 1958: 413].

Данный лексический ряд можно сопоставить с т. *кулоҳ* ‘головной убор, шапка дервиша, венец’, известным в иранском мире с древних времен, ш. *кило* ‘шапка; шапка-невидимка’, язг. *кэло* фольк. ‘шапка’ [Эдельман 1971]. Ср. также с рус. *гула́* ‘остороконечная персидская шапка’, с пометой кавк. (Даль) [Фасмер 1986: 472], *кулёк* ‘колпак, остроконечная шапка, капюшон’ [СРНГ 1980: 56].

Знаменательно, что у этнической группы индоарийского происхождения — гуджаров, обитающих в пределах Памиро-Гиндукушского этнолингвистического региона, у северных границ Афганистана, Пакистана и Индии, встречается еще одна модификация шапочки с наконником (*dayani*), в которой задняя прямоугольная часть, подшитая под округлую шапочку, закрывает волосы, спускаясь на спину.

Рассмотренные нами модели головных уборов, а также их наименования дают представление о широком круге языков и культур народов, населявших Памиро-Гиндукушский регион на протяжении нескольких последних веков. Сдвиги в сфере вестиментарных традиций и терминологии наряду с отображением динамики модных тенденций в области костюма отражают направление процессов заимствования в языках и динамику изменений, наблюдаемых в геополитической и социокультурной жизни народов региона.

Литература

Андреев М. С. *Таджики долины Хуф*. Вып. I–II. Сталинабад, 1953; Душанбе, 1958.

Бобринский А. А. *Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы)*. Очерки быта по путевым заметкам графа А. А. Бобринского. Москва, 1908.

Грюнберг А. Л. *Языки Восточного Гиндукуша*. Мунджанский язык. Москва, 1972.

Грюнберг А. Л., Стеблин-Каменский И. М. *Языки Восточного Гиндукуша. Ваханский язык (тексты, словарь, грамматический очерк)*. Москва, 1976.

Ершов Н. Н., Широкова З. А. *Альбом одежды таджиков*. Душанбе, 1969.

Пахалина Т. Н. *Ваханский язык*. Москва, 1975.

Пугаченкова Г. А. К истории костюма Средней Азии и Ирана XV – первой половины XVI вв. // *Труды Среднеазиатского государственного университета*. Вып. 81. Исторические науки. Кн. 12. Археология Средней Азии. Москва, 1956.

СРНГ – *Словарь русских народных говоров*. Вып. 16. Ленинград, 1980.

Старостина О. В. Традиционный женский костюм равнинных таджиков (конец XIX – начало XX в.) // *Таджики. История, культура, общество*. Санкт-Петербург, 2014, 366–403.

Стеблин-Каменский И. М. *Этимологический словарь ваханского языка*. Санкт-Петербург, 1999.

Сухарева О. А. *История среднеазиатского костюма. Самарканд (2-я половина XIX – начало XX в.)*. Москва, 1982.

Таджикско-русский словарь. Фарҳанги тоҷикӣ ба русӣ. Под ред. Д. Саймиддинова, С. Д. Холматовой, С. Каримова. Изд. 2-е, доп. Душанбе, 2006.

Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. Т. 1. Москва, 1986.

Шарифова Г. М. *Лексика таджикских говоров на современном этапе: состояние и развитие (на материалах матчинского говора)*. Дис. ... на соискание уч. ст. канд. фил. наук. Душанбе, 2018.

Широкова З. А. Одежда // *Таджики Каратегина и Дарваза*. Т. 2. Душанбе, 1970, 116–202.

Широкова З. А. Традиционные женские головные уборы таджиков (юг и север Таджикистана) // *Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана*. Москва, 1989, 182–203.

Эдельман Д. И. *Этимологический словарь иранских языков*. Т. 4. Москва, 2011.

Эдельман Д. И. *Язгулямско-русский словарь*. Москва, 1971.

Olufsen O. *Through the unknown Pamirs (Vakhan and Garan). The second Danish Pamir expedition 1898–99. (Lieutenant of the Danish army and chief of the expeditions. With maps and numerous illustrations.)* London, 1904.

Robertson G. S. *The Kafirs of the Hindu-Kush*. London, 1896.

References

Andreev M. S. *Tadzhiki doliny Khuf*. Vyp. I–II. Stalinabad, 1953; Dushanbe, 1958. (In Russ.)

Bobrinskii A. A. *Gortsy verkhov'ev Pyandzha (vakhantsy i ishkashimtsy)*. Ocherki byta po putevym zametkam grafa A. A. Bobrinskogo. Moskva, 1908. (In Russ.)

Edel'man D. I. *Etimologicheskii slovar' iranskikh yazykov*. Т. 4. Moskva, 2011. (In Russ.)

Edel'man D. I. *Yazgulyamsko-russkii slovar'*. Moskva, 1971. (In Russ.)

Ershov N. N., Shirokova Z. A. *Al'bom odezhdy tadzhikov*. Dushanbe, 1969. (In Russ.)

Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka*. Т. 1. Moskva, 1986. (In Russ.)

Gryunberg A. L. *Yazyki Vostochnogo Gindukusha. Mundzhan-skii yazyk*. Moskva, 1972. (In Russ.)

Gryunberg A. L., Steblin-Kamenskii I. M. *Yazyki Vostochnogo Gindukusha. Vakhanskii yazyk (teksty, slovar', grammaticheskii ocherk)*. Moskva, 1976. (In Russ.)

Olufsen O. *Through the unknown Pamirs (Vakhan and Garan). The second Danish Pamir expedition 1898–99. (Lieutenant of the Danish army and chief of the expeditions. With maps and numerous illustrations.)* London, 1904.

Pakhalina T. N. *Vakhanskii yazyk*. Moskva, 1975. (In Russ.)

Pugachenkova G. A. К истории костюма Средней Азии и Ирана XV – первой половины XVI вв. // Труды Среднеазиатского государственного университета. Вып. 81. Исторические науки. Кн. 12. Археология Средней Азии. Москва, 1956. (In Russ.)

Robertson G. S. *The Kafirs of the Hindu-Kush*. London, 1896.

Sharifova G. M. *Leksika tadjhikskikh govorov na sovremenom etape: sostoyanie i razvitie (na materialakh matchinskogo govora)*. Dis. ... na soiskanie uch. st. kand. fil. nauk. Dushanbe, 2018. (In Russ.)

Shirokova Z. A. Traditsionnye zhenskie golovnye ubory tadjhikov (yug i sever Tadjhikistana) // *Traditsionnaya odezhda narodov Srednei Azii i Kazakhstana*. Москва, 1989, 182–203. (In Russ.)

Shirokova Z. A. Odezhda // *Tadjhiki Karategina i Darvaza*. Т. 2. Dushanbe, 1970, 116–202. (In Russ.)

SRNG – *Slovar' russkikh narodnykh govorov*. Вып. 16. Ленинград, 1980. (In Russ.)

Starostina O. V. Traditsionnyi zhenskii kostyum ravninnykh tadjhikov (konets XIX – nachalo KhKh v.) // *Tadjhiki. Istoriya, kul'tura, obshchestvo*. Sankt-Peterburg, 2014, 366–403. (In Russ.)

Steblin-Kamenskii I. M. *Etimologicheskii slovar' vakhanskogo yazyka*. Sankt-Peterburg, 1999. (In Russ.)

Sukhareva O. A. *Istoriya sredneaziatskogo kostyuma. Samar-kand (2-ya polovina XIX – nachalo XX v.)*. Москва, 1982. (In Russ.)

Tadjhiksko-russkii slovar'. Farhangi tojikī ba rusī. Pod red. D. Saimiddinova, S. D. Kholmatovoi, S. Karimova. Izd. 2-e, dop. Dushanbe, 2006. (In Russ.)

Додыхудоева Лейли Рахимовна

Институт языкознания РАН

Москва, Россия

Dodykhudoeva Leyli Rahimovna

Institute of Linguistics, RAS

Moscow, Russia

leiladod@yahoo.com

**О головных уборах
у зороастрийских женщин Ирана**
On the headdresses of the Zoroastrian women of Iran

Молчанова Е. К.

Molchanova E. K.

В статье приводятся наблюдения автора по малоизученной теме — терминологии головных уборов зороастрийских женщин. Используются письменные источники, словари и записи собственной полевой работы в г. Йезде, средоточии иранских зороастрийцев.

Ключевые слова: Иран, Йезд, зороастрийские женщины, головные платки, *maknu*, *čōrqat*, *kluta*, *lačak*, *ju*

The article presents some observations on a poorly studied topic — headdress vocabulary among Zoroastrian women. The study is based on written sources, dictionaries and the author’s recorded field work in the city of Yazd, the center of the Iranian Zoroastrians.

Key words: Iran, Yazd, Zoroastrian women, headdresses, *maknu*, *čōrqat*, *kluta*, *lačak*, *ju*

DOI 10.37892/2313-5816-2021-1-55-63

Изучение лексики языка зороастрийского дари важно и актуально для разработки таких проблемных тем, как «Язык и общество», «История языка и история народа». Оно касается не только лингвистики, этнолингвистики, но и этнологии и истории народа в целом. Изучение малых и бесписьменных языков, обязанных своим существованием географической или социальной изоляции говорящих на них этносов, весьма актуально в настоящее время. Общины иранских зороастрийцев живут в Иране в труднодоступном

регионе — в пустыне в окрестностях Йезда, замкнутыми сообществами. Их язык сохраняет архаизмы, утраченные в других языках той же семьи, и развивает собственные инновации. Малые и бесписьменные языки предоставляют сведения о типах этнических и лингвистических контактов, что важно для социо- и этнолингвистических исследований. Бесписьменный язык зороастрийский дари постепенно разрушается, уходит из употребления, вытесняется престижным государственным литературным и разговорным персидским языком, существенно изменяясь под этим влиянием. По этой причине особенно важна фиксация нынешнего состояния языка зороастрийского дари, в том числе разных полей его лексики и ее динамики.

У автора было намерение описать и показать на фото головные платки зороастрийских женщин, которые автор лично видела в г. Йезде и его окрестностях. В частности, голову моей основной зороастрийской информантки г-жи Паридохт из Касемабада покрывали два больших цветных (с мелким узором) платка, спускавшихся на спине ниже пояса (см. фото 1 — вид спереди и 2 — вид сзади).

I

Нижний платок — *maknú* (см. арабо-перс. *maghna'é* с пометой в ПРС: *уст.*) «женское покрывало, чадра; вуаль». В современном мусульманском Иране *maghna'é* имеют вид короткого, по плечам, шлема из тонкой ткани. Верхний платок — *čōrqat/ čōrqad* (см. перс. *čārqad*).

Лексема *maknú* иранско-арабская. См. [Kešāwarz 1993: 100]: *maknu* — несколько метров ткани соответственно размеру. Из середины ее заматывают вокруг головы, а две стороны ее, называемые *par i maknu* ('крылья макну'), сшивают с затылка, на их краях бахромы. В зависимости от вытканного узора (типа цветков и бутонов) и по расцветке имеются различные наименования *maknu*: *maknu gol i hord*, *maknu goli hend*, *maknu atlas*, *maknu kish o durui* (*kish* —

шелк, *durui* — вид ткани). *Par i maknu pruntvun* означает, что висящую заднюю часть *maknu* надо брать таким образом, чтобы можно было что-нибудь в нее положить. Имеется фразеологизм *vude par i maknu venudvun* — ('раздуть края *maknu*') «важничать, чваниться, проявлять высокомерие, кичиться перед другими». См. также [Sorušiyān 1956: 155]: к. *maknu gole hord* — платок с мелкими цветами и бутонами, выткан вручную; к. *maknu gole hord o nabat* — платок с росписью и орнаментом; к. *maknu gole hend* — платок с особыми цветами и бутонами; й. *maknu gole naqsh* — особый вид тканого платка; й. *maknu goli hord* — см. выше; й. *maknu goli naqsh* — см. выше.

У Д. Л. Лоримера (см. [Vahman, Asatrian 2002: 74]) *maknu* «покрывало, вуаль, шарф, головной платок», «гладкая, без рисунка, шелковая ткань, подобная шали, с бахромой на каждом конце, надетом поверх головы». Там же приводится ссылка на арабо-перс. *maqna'a*.

В арабских словарях засвидетельствован корень *qanna'a* «закрывать покрывалом (лицо — о женщине); надевать маску» [Баранов 1976: 847].

II

У Д. Л. Лоримера [Vahman, Asatrian 2002: 63] слову *čōrqat* дается перевод *headscarf*, т. е. «головной шарф, платок». В ПРС лексема *čahār-qadd* объяснена как «женский головной платок, косынка».

Толкование и образцы употребления зороастрийской лексемы *čōrqat/čōrqad* см. у К. Маздапур [2006: 241, 319]: *čōrqat-e qollōv-vōpi-ye metu-m henim ha ge az mas kartun-e gusben o vrōštun-e pašm-oš tō reštun o vōptun o reng kartun-oš, hma-š xa-š še karta* 'Еще сохранился тканый?! вязаный крючком (? см. перс. *qollāb-bāfi*) *čōrqat* моей матери, который она сама сделала, вырастив барана, с которого она потом постригла шерсть, потом пряла ее, потом ткала и покрасила, всё это она сделала сама'; *hvō yax on: čōrqat e šuna ven!* 'Холодно: накинь на плечи чоркат!'

Эта же лексема отмечена в том же втором томе словаря К. Маздапур с другим заглавным словом перс. *čahār-guš* ‘четырёхугольник», «квадратный’. Даются два зороастрийских эквивалента: *čōr-goš* и *gol-gerd* и одна фраза: *yaki gol-gerd mo čite me... šted o me čōrqat kart o henom di-š dōre* ‘Я купила... квадратный кусок этого ситца и сделала себе платок, и он теперь еще у меня имеется’.

В словаре Кешаварза [1993: 80] имеется еще одно название чорката: *keft-endōz* — шерстяной плотный чаргат, который женщины надевают зимой поверх всей одежды на плечи.

III

Имеется головной платок *kluta* у молодых девушек, он изготавливается по размеру головы, покрывает всю голову так, что видны только лицо и глаза [Кеšāwarz 1993: 82]. У Дж. Со-рушияна [1956: 127] зафиксированы лексемы й. *kluta*, к. *kolta* с объяснением: платок, который девушки повязывают под *lačak* на волосы.

В персидском говоре Йезда это слово (*kulute/a*) объясняется лексемами *tağhna'ē*, *lačak*, *čār-qad* [Afšar 2003: 217].

IV

Еще один головной убор *lačak* ‘косынка, головной платок’, см. [Кеšāwarz 1993: 146] «головной платок треугольной формы». В одном из зороастрийских говоров представлен вариант (?) *klāča*, см. [Кеšāwarz 1993: 81]. В этом варианте можно (?) предполагать метатезу. Предположительно, *lačak* — производное от перс. *lağ* ‘щека, лицо’ [Hassandoust 2014: 2513–2514, vol. 4, № 4623]. Кл. перс. *lačak* ‘косынка, головной платок’. Его складывают так, чтобы получился треугольник. Украшают вышивкой и жемчужинами.

У С. Айни [1976:180]: тадж. *лачак* — ткань, которую женщины повязывают под горло и на грудь.

В ПРС дериват перс. *разг. lačaki* ‘треугольный’.

Широко употребительное в Иране наименование головного платка перс. *rusari* в зороастрийском дари *risari*

(с итацизмом) имеет иное значение: «украшение, которое подвешивают на волосы» [Sorušiyān 1956: 91].

V

В заключение приведем еще одно слово, отмеченное только у В. А. Иванова [1939: 17, 52]: *juł* «одежда вообще, обычно — попона». И сочетание *jułi tauqi sar* — головной платок, косынка, которую женщины повязывают вокруг головы, а концы завязаны узлом сзади (at the back).

В «Указателе» имеется такая фраза: «головные платки, которые носят женщины, представлены вариантами *čōrqad, lačak, sarbend, jułe tawqe sar*», где *touq* ‘кольцо, круг, обруч, обод’. Заметим, что *maknu* не упоминается. Возможно, это более поздний убор (или название?) и появился под влиянием мусульманских женщин. Вместе с тем в словаре К. Маздапур [1995: 287] встречается фраза: *hemiša bōb ba ge maknu o lačak e sar kren o ne bōb on ge čōrqad e sar e kren* ‘Прежде было принято покрывать голову магна’е и лачаком, а сейчас принято надевать чаргад (= русари)’.

Можно заметить некоторый разнобой в толковании видов головных уборов. Среди представленных наименований имеются лексемы иранского происхождения, арабские, тюркские и смешанные. Головные уборы различаются в зависимости от возраста женщины. На первый взгляд, наиболее распространенным видом, особенно у пожилых и старых женщин, кажется именно *maknu*.

Добавим к сказанному, что лексема «чадра» (см. ср.-перс. *čādur* ‘простыня, покрывало, завеса’, кл. перс. *čādir*) представлена в зороастрийском дари у В. А. Иванова как *čever* и у Дж. Сорушияна как *čveer* — с протетическим согласным -v-. Но у К. Кешаварза [1993: 41, 42] *čver* (а по говорам: *čāzer, čozersō, čōzeršō*) в значении «кусоч материи для заворачивания постельных принадлежностей; сверток, узел, связка», а также как накидка на голову мужчин. Лексемы й. *čodoršaw* и к. *čādoršow* в значении накидки, плаща отмечены также у Сорушияна [1956: 59, 58].

Оригинальная словообразовательная модель в названии головного убора: й. *soya kui*, к. *sāyakui* — объяснена Сорушияном [1956: 107, 96, 133]: «шелковый чаргад или дастмал, который женщины повязывают на голову». К. Кешаварз [1993: 69] добавляет к этому, что ткань должна быть спокойных тонов. У Сорушияна упоминается еще шелковая женская косынка с орнаментом: й.-к. *kiši sāyekui*. Слово *sāyekui* образовано из существительного *soya* ‘тень’ + ОНВ глагола *kartvun, ku* ‘делать’ + суфф. *-i*.

Итак, в статье прослежены типы, названия и особенности головных уборов у зороастрийских женщин. Рассмотрена динамика соответствующих наименований (соотнесенная с обозначаемыми ими реалиями), приведены данные, проясняющие их вероятное происхождение.

*Фото 1. Г-жа Паридохт из Касемабада
(пригород, вошедший в состав города Йезда)*

Фото 2. Г-жа Паридохт в интерьере своего дома,
Касемабад (Йезд)

Сокращения

й. — йезди

к. — кермани

кл. перс. — классический персидский

ср.-перс. — среднеперсидский

Литература

Айнӣ С. *Куллиёт*. 12. Душанбе, 1976.

Баранов Х. К. *Арабско-русский словарь*. Москва, 1976.

ПРС — *Персидско-русский словарь*. Под ред. Ю. А. Рубинчика. Т. I–II. Москва, 1983.

Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. *Этимологический словарь иранских языков*. Москва. Т. I. — 2000. Т. II. — 2003.

Afšar I. *Vāje-nāte-ye Yazdi* (Yazdi Dialect Vocabulary). Tehrān, 2003.

Hassandoust M. *Farhang-e riše-šenāxti-ye zabān-e fārsi*. 1–5. Tehrān, 1393/2014.

Ivanow W. The Gabri Dialects Spoken by the Zoroastrians of Persia // *Rivista degli Studi Orientali*. Roma, 1939. Vol. 18, fasc. 1.

Kešavarz K. *Farhange zartoštiyāne ostāne Yazd*. Eskilstuna, Sweden, 1993.

Mazdāpour K. *Vāḡe-nāme-ye guyeš-e behdinān-e šahr-e Yazd*. Tehrān. 1 – 1995; 2 – 2006.

Sorušiyān J. S. *Farhang-e Behdinān*. Tehrān, 1956.

Vahman F., Asatrian G. *Notes on the Language and Ethnography of the Zoroastrians of Yazd*. Copenhagen, 2002.

References

Afšar I. *Vāḡe-nāme-ye Yazdi* (Yazdi Dialect Vocabulary). Tehrān, 2003.

Ainī S. *Kulliet*. 12. Dushanbe, 1976. (In Tajik)

Baranov Kh. K. *Arabsko-russkii slovar'*. Moskva, 1976. (In Russ.)

Hassandoust M. *Farhang-e riše-šenāxti-ye zabān-e fārsi*. 1–5. Tehrān, 1393/2014.

Ivanow W. The Gabri Dialects Spoken by the Zoroastrians of Persia // *Rivista degli Studi Orientali*. Roma, 1939. Vol. 18, fasc. 1.

Kešavarz K. *Farhange zartoštiyāne ostāne Yazd*. Eskilstuna, Sweden, 1993.

Mazdāpour K. *Vāḡe-nāme-ye guyeš-e behdinān-e šahr-e Yazd*. Tehrān. 1 – 1995; 2 – 2006.

PRS — *Persidsko-russkii slovar'*. Pod red. Yu. A. Rubinchika. T. I–II. Moskva, 1983. (In Russ.)

Rastorgueva V. S., Edel'man D. I. *Etimologicheskii slovar' iranskikhazykov*. Moskva. T. I. — 2000. T. II. — 2003. (In Russ.)

Sorušiyān J. S. *Farhang-e Behdinān*. Tehrān, 1956.

Vahman F., Asatrian G. *Notes on the Language and Ethnography of the Zoroastrians of Yazd*. Copenhagen, 2002.

Молчанова Елена Константиновна
Институт языкознания РАН
Москва, Россия
Molchanova Elena Konstantinovna
Institute of Linguistics, RAS
Moscow, Russia
e_molchanova@mail.ru

**К вопросу о предыстории иранских сибилантов
(на материале предполагаемых иранских
заимствований в армянском и тохарском)¹**

***On the prehistory of Iranian sibilants
(based on putative Iranian loanwords
in Armenian and Tocharian)***

Буянер Д. Б.

Buyaner D. B.

В статье критически рассматривается гипотеза Райнера Липпа о свистящих аффрикатах (**ts*, **dz*) как праиранской стадии развития индоевропейских палатальных (**k*, **ǵ*, **ǵʰ*), представленных в виде чистых сибилантов (*s*, *z*) в общеиранском и дентальных (*ʒ*, *d*) в древнеперсидском. Поскольку, помимо общетеоретических рассуждений, единственным позитивным свидетельством в пользу упомянутой концепции праиранского консонантизма служат предполагаемые древнейшие заимствования из иранского в армянский (*arcat* ‘серебро’) и тохарский В (*tsain* ‘стрела’ и *tsaiññe* ‘украшение’), их объективный анализ — до сих пор отсутствующий — составляет необходимое условие адекватной оценки идеи первичных праиранских аффрикат.

Ключевые слова: индоевропейские палатальные, праиранский, армянский, тохарский, лексические заимствования, этимология

The present article offers a critical analysis of Reiner Lipp’s hypothesis, according to which the Proto-Iranian stage of the development of Indo-European palatals **k*, **ǵ* and **ǵʰ*, represented as the sibilants *s* and *z* in Common Iranian and as *ʒ* and *d* in Old Persian, should be reconstructed

¹ Выражаю глубокую признательность П. Б. Лурье и А. С. Николаеву за ценные замечания и консультации при подготовке статьи.

as affricates **ts* and **dz* respectively. Since the only positive evidence for this theory is provided by the putative earliest borrowings from Iranian into Armenian (*arcat* ‘silver’) and Tocharian B (*tsain* ‘arrow’ and *tsaiññe* ‘ornament’), an objective analysis of these loanwords is needed for an adequate valuation of the hypothesis of Proto-Iranian primary affricates.

Key words: Indo-European palatals, Proto-Iranian, Armenian, Tocharian, loanwords, etymology

DOI 10.37892/2313-5816-2021-1-64-86

Значимость вопроса о праиранской стадии развития индоевропейских палатальных выходит далеко за рамки иранской исторической фонологии и даже иранистики как таковой. Помимо общетеоретического интереса, он важен для стратификации и атрибуции индоиранских заимствований в финно-угорских языках, будучи, таким образом, связующим звеном между индоевропеистикой — по крайней мере, в индоиранской её части — и уралистикой. Значительная часть этих заимствований, до недавнего времени традиционно трактовавшаяся как слой ранних иранизмов, в последние годы вновь стала предметом дискуссии; их фонетический облик, скорее индоарийский, нежели иранский, заставил одних исследователей постулировать третью (вернее, с учетом нуристанской, четвёртую) ветвь индоиранской языковой семьи², а других — допустить

² Так, в частности, Е. А. Хелимский констатирует: «**Наиболее многочисленная и репрезентативная часть заимствований, обычно рассматриваемых как иранизмы в обско-угорских и пермских языках, в действительности не имеет никаких специфически иранских или раннеиранских черт...** С равным успехом их можно было бы считать индоарийскими или раннеиндоарийскими заимствованиями, если бы только такая атрибуция имела исторические права на существование» [Хелимский 1998: 69–70 = 2000: 508]. И далее: «С учетом хронологических соображений и лингвистических свидетельств **язык андроновского населения скорее следует отнести к третьей (resp. четвертой) группе индоиранских языков, исчезнувшей**

присутствие самих индоарьев в лесостепной зоне Евразии не позже середины II тыс. до н. э. [Абаев 1972; Напольских 2010: 234–235].

Существенно при этом, что В. В. Напольских весьма критически оценивает принятую в отечественной иранистике — в частности, в «Этимологическом словаре иранских языков» В. С. Расторгуевой и Д. И. Эдельман [2000–2007] и Д. И. Эдельман [2011–2020] — реконструкцию системы праиранских рефлексов индоевропейских палатальных *ś < ар. *ś/ś̄ < и.-е. *k̄ и *z̄ < ар. *j/ž̄, *jʰ/žʰ < и.-е. *ǵ, *ǵʰ [Эдельман 1982: 41–42; 1986: 40–45; 1992: 56–57; 1994: 57–63; 2002: 21–26], отдавая предпочтение теории Р. Липпа, согласно которой для праиранского (вернее, праиранско-нуристанского) состояния следует реконструировать оппозицию неустойчивых аффрикат *č̄ (*ts̄) < ар. *č̄ < и.-е. *k̄ и *j̄ (*dz̄) < ар. *j̄, jʰ < и.-е. *ǵ, *ǵʰ [Lipp 2009: I/149, 334]³ с утратой сибилантного фокуса в древнеперсидском и дентального во всех остальных иранских языках. В рассуждениях сторонников традиционной системы, ссылающихся на отражения ир. *ś в виде ф.-у. *č̄ или *ś̄ в предполагаемых заимствованиях из праиранского в прафинноугорский, Напольских усматривает порочный круг: «...здесь имеет место своего рода *circulus in probando*: существование

еще в I тыс. до н. э., — группе, примерно равно отстоящей от иранских и от индоарийских языков» [Хелимский 1998: 71 = 2000: 509–510] (в обоих случаях выделено автором — Д. Б.) В «языке андроновского населения» Хелимский усматривает именно ту ветвь индоиранской семьи, что послужила источником ранних заимствований в обско-угорских и пермских языках.

³ Среди многочисленных технических недостатков работы Липпа уместно отметить избыточность и непоследовательность транскрипции, претендующей на точное воспроизведение тонкостей артикуляции каждой фонемы на всех уровнях реконструкции, что заведомо невозможно. В дальнейшем изложении я обозначаю глухую свистящую аффрикату в реконструкциях как *c, звонкую как *z (Липп: *č̄/*ts̄, resp. *j̄/*dz̄).

праиран[ского] *ś постулируется на базе “иранских” заимствований в П[ра]Ф[инно]У[горском], а заимствования из арийского языка с *ś в П[ра]Ф[инно]У[горском] объявляются праиранскими» [Напольских 2010: 233].

Не лишенный определенного резона, этот упрек может, однако, еще с бóльшим основанием быть обращен к Липпу. Если для приверженцев традиционной реконструкции ссылка на арийские заимствования в уральских языках — лишь один из ряда вспомогательных аргументов, отказ от которого мало что изменит, то о концепции Липпа можно без большого преувеличения сказать, что вся эта хитроумная и чрезвычайно громоздкая конструкция зиждется на принимаемой автором [Lipp 2009: I/190–191f.] интерпретации арм. *arcat* ‘серебро’ и тох. В *tsain* ‘стрела’ и *tsaiññe* ‘узор, украшение’, считающихся древнейшими заимствованиями из иранского [Kretschmer 1896: 137; de Lamberterie 1978: 245–251; Schmidt 1985: 763–764; Tremblay 2005: 678; 2005a: 424]. Как легко заметить, наличие аффрикат в праиранском, будучи условием признания этих слов иранизмами, доказывается с их же помощью — *circulus in probando* налицо.

Поэтому, не желая вдаваться в хитросплетения арийско-уральских языковых отношений, ограничусь рассмотрением предполагаемых древнейших иранизмов в армянском и тохарском, дополнив список армянским *arcwi* ‘орел’, обычно трактуемым как «армяно-арийская» [Hübischmann 1897: 424–425; Гамкрелидзе, Иванов 1984: II/539] или даже «армяно-греко-арийская» [Brugmann 1904–05: 361–362; Martirosyan 2009: 140]⁴

⁴ Гипотеза К. Бругманна основана на малоубедительном привлечении гр. *αἰγυπιός* ‘коршун’ (ср. [de Lamberterie 1978: 258–259] с исчерпывающей критикой). Помимо этого, в греческом зафиксированы два диалектных варианта древнеиранского названия «орла» — «мидийское» у Гесихия (α7358: ἄρξιφος ἄετός, παρὰ Πέρσαις, см. [Latte, Cunningham 2018: 336]) и собственно древнеперсидское у Элия Геродиана (ἄδρυφιός παρὰ Πέρσαις ὁ ἄετός, см. [Lentz 1867: I/126]). В первом случае напрашивается эмендация

изоглосса, ср. др.-инд. *ḡjīṛyá-* (эпитет *śyená-* ‘орел’ в RV IV.27.4, 38.2 и *vājīn-* ‘скакун’ в RV IV.38.7; метафорически ‘орел’ в RV II.34.4 и ‘стрела’ в VI.67.11), ав. *ərəzifīia-* название горы («Орлиная»?; Yt. V.45, XIX.2), *ərəzifīia^o* в композите *ərəzifīiō.parəna-* «с орлиным оперением»⁵ (о стрелах, V.XVII.9; Yt. X.39, 101), ман. ср.-перс. ’lwf/*āluf*, пехл. ’lwh/*āluh*, н.-перс. *āluh⁶* и т. д.

Соответствие и.-е. **ǵ* ~ арм. *с* в *arcat* ‘серебро’ и *arcwi* ‘орел’, совпадающее с регулярным отражением **ǵ* в словах, унаследованных из праармянского (ср. *cin* ‘рождение’ < и.-е. **ǵen_h₁-o-*; *meç* ‘большой, великий’ < и.-е. **meǵ-h₂-*; *gorc* ‘работа’ < и.-е. **uorǵ-o-* и т. д.), заставило большую часть исследователей, так или иначе занимавшихся этим вопросом (от Г. Хюбшманна [1897: 424–425] до Р. Шмитта [2007: 62]), отвергнуть идею заимствования и рассматривать *arcat* и *arcwi* как исконно-армянские формы. Замечу попутно, что, приняв эту трактовку, я бы сильно упростил себе задачу, поскольку ссылка Липпа на арм. *arcat* как косвенное свидетельство

ḗρξίφος → **ḗρξίφος* [Bartholomae 1904: 354; Schmitt 1970: 70–71 и прим. 42], во втором — *ḗρδυφῖος* → **ḗρδυφῖος* [Tomaschek 1883: 199; Schmitt 1970: 71–72].

- ⁵ Хр. Бартоломэ [1904: 354] воспроизводит ошибочный вариант пехлевийского перевода ав. *išauwasca. ərəzifīiō.parəna* (V.XVII.9) — *tylc* у *hlws pl/tīr-eč ya xrōs-parr* «...и стрелы с петушиными перьями», встречающийся в поздних рукописях (так, например, рукописи B1, f. 357r, l. 1; M3, f. 247r, l. 7 и др.) Соответствующий фрагмент старейших рукописей Занд-и-Видевдата L4 (f. 241r, ll. 12–13) и K1 (f. 193v, l. 16) соответствует авестийскому оригиналу: *tylc* у *’lz(y)pl/tīr-eč ya *arziif-parr*. Открытый доступ к этим и другим рукописям Авесты — на интернет-ресурсе [<https://ada.geschkult.fu-berlin.de/ada/#/>].
- ⁶ Средне- и новоперсидские формы, равно как и глосса Элия Геродиана (см. прим. 4), позволяют реконструировать др.-перс. **ardufya-* (< ар. **Harju-piā-*), подробнее см. [de Lamberterie 1978: 253–255]; ср. [Schmitt 1970] с попыткой свести персидские формы к прототипу **ḡjī-piā-* (> др.-инд. *ḡjīṛyá-*, ав. *ərəzifīia^o*).

древне- или праиранской аффрикаты *ʒ (< и.-е. *ǵ) оказалась бы лишена всяких оснований. Но справедливость требует признать, что идея раннего заимствования, подробно обоснованная Ш. де Ламбертери [1978: 245–262], выглядит убедительнее. Применительно к *arcāt* в ее пользу говорит прежде всего указанное еще Кречмером⁷ обстоятельство, что в исконно-армянском слове ожидалось бы не *-t*, а *-n* в ауслауте [Kretschmer 1896: 137; de Lamberterie 1978: 245]. Что касается *arcwi*, то вероятность полного морфологического совпадения, ограниченного индоиранским и армянским, столь мала, что из общих соображений предполагаемое раннее заимствование из иранского внушает больше доверия [Benveniste 1964: 2; de Lamberterie 1978: 259]. До сих пор единственным надежным примером подобного рода считалось арм. *partēz* ‘сад’ (< др.-ир. *paridaiza-*, ср. ав. *pairi.daēza-* ‘замкнутое, огороженное пространство’) с переходом др.-ир. *d* → арм. *t*, свидетельствующим, по мнению А. Мейе, о времени заимствования до армянского передвижения согласных⁸. Странно, что никто, кажется, до сих пор не обратил внимания, что аналогичным образом

⁷ Замечание Кречмера («...armen. *arcath* ‘Silber’ <kann> mit skr. *rajatā-*, avest. *erezata-* nicht „urverwandt“ sein kann, da dann für lat. *en* = ar. *a* armen. *an* zu erwarten wäre»), демонстрирующее четкое понимание специфики армянского и его фонетических законов, тем более обращает на себя внимание, что сделано оно было за год до выхода *Armenische Grammatik* Хюбшманна, считающегося первооткрывателем самостоятельного статуса армянского внутри индоевропейской семьи.

⁸ См. [Meillet 1911–12: 250; Bolognesi 1960: 50, прим. 1]. Помимо арм. *partēz*, к тому же ряду древнейших заимствований из иранского Мейе относит топонимом *Xaltik* (= гр. *Χάλδοι* ‘халдеи, Халдея’). Возражения Х. Фогта, считавшего, что арм. *partēz* не могло быть заимствовано до армянского передвижения согласных, так как в этом случае ожидалось бы начальное *h-* [Vogt 1938: 328], были отвергнуты де Ламбертери [1978: 249–250] на том основании, что разные группы смычных могли претерпеть передвижение в разное время, и интересующее нас

можно объяснить различное отражение иранского префикса *duš-* в арм. *džox-k* ‘ад’ (← ср.-зап.-ир. **dušox*, **dušaxw* < др.-ир. **duš-ahu-*, **duž-ahu*⁹), *džkamak* ‘гневный, враждебный’ (← ср.-з.-ир. **duškāmak* < др.-ир. **duš-kāmaka*-), *džwar* ‘трудный, тяжелый’ (← ср.-зап.-ир. *duš(x)wār*¹⁰ < др.-ир. **duš-ḥuāθra*-) и т. д. с одной стороны, и в *t’šnami* ‘враг’ (← др.-ир. **duš-manju-*)¹¹, *t’šwar* (← ср.-з.-ир. *dušfarr*¹² < др.-ир. **duš-farnah*-) ‘несчастный, страдающий’ с другой. Если для первой группы слов очевидна прогрессивная ассимиляция по звонкости того же типа, что в *bdeašx* ‘питиахш, маркграф’ (ср. парф. *bythš/bītaxš*), позволяющая с уверенностью отнести их к так называемому «аршакидскому» слою армянских иранизмов, то для второй можно предположить предшествующий по времени обратный процесс, то есть регрессивную ассимиляцию по глухости после выпадения безударного *-u-* в первом слоге. Придыхание же начального *t’* — объясняется точно так же, как оглушение дентального resp. аффрикаты в *partēz*, *arcat* и *arcwi*, — передвиженем согласных уже после заимствования (сюда же, разумеется, и *-t’* ← др.-ир. *-t-* в *arcat*)¹³.

слово — или группа слов — могло быть заимствовано после изменения лабиальных, но до изменения дентальных.

⁹ Н.-перс. *dōzax*, *dūzax* происходит от др.-ир. **dauž-ahu-a-*, тематизированного производного от **duž-ahu-* с полной степенью гласного в первом слоге.

¹⁰ Ср. пехл. *dwšw’l/dušwār*, *dwšhw’l/dušxwār*, ман. ср.-перс. *dwjw’r/dužwār* ‘трудный, тяжелый’.

¹¹ Бросается в глаза сходство морфологии *arcwi* и *t’šnami*, нетипичной для заимствований из среднеиранского, но легко объяснимой, если исходить из древнеиранских прототипов **arzifā-* и **dušmanju-* соответственно. Конечное армянское *-i* отражает, таким образом, древнеиранские суффиксы типа **-iV-*.

¹² Ср. ман. парф. *dwšfr/dušfarr* ‘несчастный’.

¹³ Поскольку — в силу очевидных причин, как формальных, так и семантических — арм. *arcat* ‘серебро’, как правило, рассматривается в связке с *erkat* ‘железо’, идея заимствования первого из древнеиранского источника предполагает аналогичное объяснение

Таким образом, тезису исконно-армянского происхождения *arcat* 'и *arcwi* я решительно предпочитаю идею заимствования из древнеиранского. Казалось бы, следуя этой логике, мы неминуемо должны прийти к допущению звонкой свистящей аффрикаты *ʒ в исходных формах; так, в частности, сам де Ламбертери [1978: 250] восстанавливает др.-ир. **rdzata-* или **ardzata-* (**rzata-*/**arzata-*) как источник арм. *arcat* ' , соответственно подразумевая (хотя и не называя прямо) др.-ир.

и для второго. С учетом изложенных соображений (заимствование до армянского передвижения согласных, диктуемое исходом на придыхательный) и напрашивающегося объяснения начального *e-* как протетического [Периханян 1993: 7], древнеиранская форма, послужившая источником для арм. *erkat* ' , может быть реконструирована как **rigata-* или **rugata-*. Первый вариант следует отбросить, так как корень */*raig-* < и.-е. **leig-* 'прыгать, скакать' [LIV: 405; Эдельман 2015: 51–54] в данном случае не имеет смысла. Что же касается второго, то он вполне подходит на роль метафорического обозначения 'железа', образованного от корня **raug-* < и.-е. **leug-* 'ломать, раскалывать' [LIV: 415–416; Эдельман 2020: 407–410] с формантом **-ata-* < и.-е. **-nto-* (ср. др.-перс. *ḡakata-* 'истекший, заверченный', н.-перс. *lagad* 'пиннок' < др.-ир. **lakata-* < и.-е. **lek-nto-* с тем же отсутствием палатализации конечной согласной корня). Поскольку названия железа в любом случае восходят к сравнительно недавней эпохе [Трубачёв 1957: 32 = Трубачёв 2004–09: I/585; idem, 2017: 138–143], изолированный характер др.-ир. **rugata-* 'железо' не должен нас смущать; будучи вытеснено в средне- и новоиранских языках производными др.-ир. **āšyan(i)ā-* (букв. 'лошадиный (металл)', подробнее см. [Буянер 2020]), это слово могло ограничить ареал своего распространения мидийским и сохраниться в виде реликта в армянском. Примером подобного локального термина может служить др.-ир. **ha-(H)raHi-uar/n-* 'согня' (при общеиранском **śata-*), сохранившееся лишь в заимствованном арм. *hariwr* 'сто' (← ср.-зап.-ир. **harēwar*) и как ἄραξ λεγόμενον в талмудическом арамейском ḥuwr/**hēwar* id. с диссимилиацией *r_ r* > Ø_r (подробнее см. [Буянер TP]).

**rziḡa-/arziḡa-* для *arcwi*¹⁴. Но, если не брать в расчет экзотических объяснений, как, например, заимствование в праармянский из праарийского [Porzig 1954: 162] или, хуже того, общее армяно-арийское заимствование из хуррито-урартского [Diakonoff 1985: 602], этот вывод оказывается в вопиющем противоречии со всем, что нам известно о фонологических системах древнеперсидского и мидийского — то есть тех древнеиранских языков, чьи контакты с древнеармянским исторически достоверны.

Между тем, решение этого противоречия лежит на поверхности — а именно в плоскости собственно армянской исторической фонологии. На примере ряда «аршакидских», то есть среднезападноиранских заимствований можно наблюдать действие постепенно ослабевающего запрета на сочетание *rz* в армянском: если в некоторых «аршакидских» заимствованиях оно регулярно отражается в виде *rj*¹⁵ (ср. арм. *andarj* ‘завещание’ при пехл. *’ndlc/andarz* ‘завещание, предписание, совет’¹⁶, ман. ср.-перс., парф. *’ndrz/andarz* ‘предписание,

¹⁴ Хотя персидские формы названия орла от **ἀρδυφίδος* (Элий Геродиан) до н.-перс. *ālūh* и позволяют реконструировать параллельную древнеиранскую форму с суффиксом *-*u-* в первой части композита, как источник арм. *arcwi* она, скорее всего, исключается ввиду заимствованного груз. *arciv-i*, по-видимому сохранившего древнеармянский вокализм (до синкопы *i* в безударном слоге). Впрочем, непосредственным источником грузинского слова могла послужить параллельная (более поздняя) форма *arciw*, так что окончательной ясности в этом не столь существенном вопросе достичь не удается.

¹⁵ Я привожу армянские формы согласно традиционной системе транскрипции. Фонетически *-rj-* означает сочетание плавного со звонкой свистящей аффрикатой, то есть [rʒ].

¹⁶ Пехлевийские формы, в которых сибилант *z* передается литерой /*c*/ — такие как *’ndlc/andarz*, *dlcyk/darzīk*, *mlc/marz* и др. — не свидетельствуют об аффрикатизации сибиланта на каком бы то ни было этапе развития языка, а служат лишь примером

приказ, уважение»; арм. *derzak* ‘портной’ при пехл. *dlcyk’/darzīk* ‘портной’, ман. парф. *drz-/darz-* ‘привязывать»; арм. *arjak* ‘свободный, открытый, развязанный’ при ман. парф. *hyrz- / herz-* ‘оставлять, покидать, позволять, отпускать»; арм. *hambarjumn* ‘подъем, восхождение, Вознесение’ из ср. с-з.-ир. **hambarz-* ‘поднимать(ся), восходить’, ср. будд. согд. ’*nβ’rz*°, хр. согд. ’*mbrz* ‘визит (во дворец и т. п.), Высочайшее Присутствие’ [Benveniste 1946: 18, 78, 93] и т. д.), то другие воспроизводят исконное иранское *-rz-* без аффрикатизации: арм. *marz* ‘граница, приграничная область’ (ср. пехл. *mlc/marz*, ман. ср.-перс., парф. *mrz/marz* с тем же значением), *apaharzan* ‘развод’ (из ср. зап.-ир. **apaharzān*, корень *harz-* ‘оставлять, отпускать’, ср. ман. парф. ’*bhyrz-/aβherz-* ‘оставить, простить’), *varz* ‘палица, булава’ (из пехл. *wlz/warz* с тем же значением и метатезой *-rz- < -zr-*, ср. ав. *vazra-* ‘палица’) и т. д. Кроме того, имеются единичные случаи сосуществования обоих вариантов; так арм. *marjik* (в форме мн. ч. *marjik-k* ‘войско’ [Hübschmann 1897: 193]) — очевидный дублет *marzik* ‘солдат, воин’, связанного с глаголом *marzel* ‘учить, тренировать, муштровать’. При этом в постклассическом армянском имеется и глагол *marjel* ‘мять, тереть, массировать’, явно заимствованный из северозападно-иранского с переходом с-з.-ир. *rz* → арм. *rj* [Bolognesi 1960: 50–51]. Напрашивается предположение, что глаголы *marzel* и *marjel* также представляют собою этимологические дублеты, за первым из которых закрепилось переносное значение («мять, тереть» → «учить, тренировать, муштровать»), тогда как второй сохранил первоначальное.

псевдоисторической орфографии по аналогии с формами с пехл. /c/ < др.-ир. *j, č, перешедшими в z в позднем среднеперсидском, ср. пехл. *lwck’/rōčak*, позднее *rōzag*, *dl’c’/drāj*, позднее *drāz* и т. д. Того же рода гиперкоррекция характерна и для пехлевийских форм с z из др.-ир. *z между гласными, ср. *b’cwk’/bāzūk* ‘рука (от кисти до плеча)’ (< ир. **baHzu-*), *wclw-* (в надписях) *wc(w)lg/wazurg* ‘большой, великий’ (< др.-перс. *vaz^arka-*), *lcwl/razūr* ‘лес’ (ср. ав. *razurā-* ‘лес’) и т. д.

При этом формы с переходом с-з.-ир. *rz* → арм. *rj* следует, по-видимому, считать более архаичными, так как они отражают закономерность, отчасти аналогичную той, что характерна для исконно-армянских слов с рефлексам и и.-е. **ǵ^h*: если в поствокальной позиции перед гласными, сонантами и в конце слова **ǵ^h* дает арм. *z* (арм. *dēz* ‘громада, куча, скопление’ < и.-е. **d^hoiǵ^hó-*, *eZR* ‘край’ < и.-е. **h₁elǵ^h-*, *liz-* ‘лизать’ < и.-е. **leiǵ^h-* и т. д.), то в анлауте и после сонантов *r*, *l* и *n* вместо простого звонкого сибиланта выступает звонкая свистящая аффриката *ʒ* (то есть арм. *j*): *jeṛn* ‘рука’ < и.-е. **ǵ^hésrm_o*, *gelj-k* ‘железа’ < и.-е. **ǵ^helǵ^h-*, *barjr* ‘высокий’ < и.-е. **brǵ^hús*, *merj* ‘подле, возле, при’ < и.-е. **még^hsri* с метатезой и т. д. [Schmitt 2007: 62–63; Martirosyan 2009: 247–248]. Логично предположить, что к моменту заимствования др.-ир. **r̥zata-/ar̥zata-* ‘серебро’ (< ир. **Hr̥zata-/Har̥zata-*) и **r̥zif̥a-/ar̥zif̥a-* ‘опел’ (< ир. **Hr̥zif̥a-/Har̥zif̥a-*) сибилант *z* и аффриката *ʒ* в древнеармянском находились в состоянии дополнительной дистрибуции. Первоначальную форму заимствований можно реконструировать как **arzat* и, соответственно, **arʒwi*; в результате последовавшего передвижения согласных **arzat* дало *arcat* ‘, а **arʒwi* превратилось в *arwi*. Между тем дополнительная дистрибуция *z/ʒ* оставалась в силе и затронула ранние заимствования из среднезападноиранского. По-видимому, фонологизация аллофонов произошла именно в силу нарастающей массы заимствований, поэтому в тех из них, что относятся к более позднему времени (как, например, *varz* ‘палица, булава’, не имеющее параллели в парфянском и заимствованное в армянский из ср.-перс. *wlz/warz* в сасанидскую эпоху), мы видим уже прямое отражение ср.-ир. *rz* → арм. *rz*.

Таким образом, по крайней мере один из приводимых Липпом в обоснование своей теории примеров, а именно арм. *arcat* ‘, доказательством существования аффрикаты **ʒ* в праиранском считаться никак не может. Тем большее значение для верификации гипотезы Липпа приобретают тохарские примеры с постулируемым переходом ир. **ʒ-* → тох. В *ts-*.

Оба западнотохарских слова, *tsain* ‘стрела’ и *tsaiññe* ‘узор, украшение’, были впервые истолкованы как древнейшие иранизмы К. Т. Шмидтом [1985: 763–764]. Первое слово, за-свидетельствованное в форме множественного числа *tsainwa* и в составе производного прилагательного *tsainwašše*, а также композита *tsainyamäšeñca*, Шмидт переводит как «Bezeichnung einer Waffe»¹⁷ и выводит из постулируемого ad hoc ир. **zaina-* (ср. ав. *zaēna-* ‘оружие’). Спустя двадцать лет Трамбле внес коррективы в предложенную Шмидтом этимологию, связав тох. В *tsain* не с ав. *zaēna-*, а с *zaēnāuš* ‘перевязь, baldric’ и постулируя исходное ир. **jainu-* ‘лук’ [Tremblay 2005: 678; 2005a: 424]. Хотя эта реконструкция (кстати, отнюдь не самоочевидная) не была прокомментирована автором, вызвана она, по всей видимости, стремлением приблизить семантику предполагаемого иранского источника к значению тох. В *tsain*, которое никак не сводится к «оружию вообще» или «какому-то оружию» (как у Куврëра и Шмидта), а с несомненностью восстанавливается как «стрела» на основе скр. *išukāra-* ‘изготовитель стрел’, глоссирующего тох. В *tsainyamäšeñca* во фрагменте ТНТ-1318 [Adams 2013: 811]. Тем не менее, иранская версия происхождения западнотохарского названия «стрелы», будь то в редакции Шмидта или Трамбле, семантически неудовлетворительна, а с формальной точки зрения содержит уже упоминавшийся *circulus in probando*. Обоих этих недостатков лишена другая версия, а именно — заимствования тох. В *tsain* из раннесреднекитайского (прибл. VI–VII вв. н. э.). Китайское «стрела, вид бамбука» (совр. кит. 箭 /jiàn/) восстанавливается

¹⁷ Перевод почерпнут Шмидтом у Куврëра, (*swese tsainwäšše swäsäskau kemtsa tsainwäššai läñsa kälymiñ prutkaskau // Een regen van wapens laat ik regenen over de aarde. Met een vloed van wapens vul ik de hemelstreken* [Couvreur 1964: 245–246 и прим. 55], улучшившего ошибочное чтение частично параллельного фрагмента (46a2 = 47a6) у Зига и Зиглинга: *swäššawa swese tsainwašše snai yarm // Ich ließ den Tränenregen (regnen) ohne Maß* [Sieg, Siegling 1949: 68, 194].

для этого периода как *tsian*^h [Pulleyblank 1991: 148] или *tsiän*^C [Schuessler 2009: 248]¹⁸. Передача китайской инициали *ts-* (> совр. кит. *j-*) западнотохарским *ts-* не единична: ср. тох. В *tsyāñk* ‘дикий рис’ или ‘бобовый соус’ из ср.-кит. 蔣 /*tsiaŋ*/ ‘дикий рис’ (> совр. кит. *jiāng*) или из ср.-кит. 醬 /*tsiaŋ*^h/ ‘густой соус, паста’ (> совр. кит. *jiàng*) [Adams 2013: 814]¹⁹. Таким образом, для возведения тох. В *tsain* к ср.-кит. 箭 /*tsian*^h/ (или позднеханьскому /*tsian*^C/ по Шюсслеру, см. прим. 18) требуется единственное допущение — метатеза *-ia-* → *-ai-*, что вряд ли может считаться серьезным препятствием для предлагаемой этимологии²⁰.

¹⁸ Более близкую к тохарской форму *tsian*^C Шюсслер датирует позднеханьским периодом (I–II вв. н. э.), что, соответственно, позволяет допустить более ранний момент заимствования.

¹⁹ Как минимум, не менее вероятной кандидатурой на роль источника тох. В *tsyāñk*, нежели ср.-кит. *tsiaŋ* ‘дикий рис’, мне представляется омонимичное 漿 ‘рисовый отвар, густой бульон, сироп’. Среднекитайские реконструкции приведены по [Pulleyblank 1991: 149, 150].

²⁰ Гипотеза Блажка и Шварца о заимствовании «стрелы», наоборот, из тохарского в китайский [Blažek, Schwarz 2017: 33] не выдерживает критики по ряду причин. Во-первых, семантический переход «вид бамбука, используемый для изготовления стрел» → «стрела» вполне логичен, тогда как обратный крайне маловероятен, что само по себе предполагает заимствование из китайского в тохарский, а не наоборот. Во-вторых, поскольку это слово зафиксировано уже в древнекитайском (фонетически реконструируется как **tsens* в [Schuessler 2009: 248], но ср. ниже), авторы вынуждены исходить из гипотетической формы тохарского А языка, в которой отразился бы переход и.-е. **ōi/*āi* > тох. А *e* (при и.-е. **ōi/*āi* > тох. В *ai*), притом что формы, которая соответствовала бы тох. В *tsain*, в тохарском А не засвидетельствовано и, по всей вероятности, никогда не существовало. При этом необходимо учитывать, что сама реконструкция др.-кит. **tsens* весьма проблематична; так, в [Baxter, Sagart 2014: 100, 277] др.-кит. «стрела»

Последний оставшийся случай предполагаемого отражения ир. *з в тохарском — *tsaiññe* ‘узор, украшение’ (якобы из ир. **zai-* с тохарским суффиксом *-ññe* [Schmidt 1985: 763f.]²¹ — можно было бы вообще не рассматривать, так как, оставшись единственным примером подобного рода, он оказывается лишен всякой убедительности, не говоря уже о доказательной силе. Но, поскольку этимология тох. В *tsaiññe* сама по себе представляет интерес, рискну предложить свой вариант. Поскольку суффикс *-ññe* в западно-тохарском образует отглагольные имена (как правило, от основ конъюнктива), путем внутренней реконструкции для тох. В *tsaiññe* можно восстановить исходную глагольную (конъюнктивную?) основу **tsay-* (< пратох. **tsāy-*), восходящую к и.-е. **d^hH-i-*: **d^heH-i-*²² ‘видеть, являться’ (ср. др.-инд. *dīdheti* ‘воспринимает, думает, размышляет’, ав. *daidiiat*, *dadāiti* ‘наблюдает’, *daēman-*, *dōiθra-* ‘глаз’, хот. *daiyā* ‘видит’), что в семантическом плане вполне приемлемо (ср. др.-рус. *узорь* от *зрети*).

восстанавливается как [*tsjen-s*, с инициальной в квадратных скобках, указывающих на гипотетичность реконструкции, а в [Zhèngzhāng Shàngfāng 2003: 441] — как *ʔslens* (этот вариант реконструкции авторами не упомянут). Наконец, ничем, кроме недоразумения, нельзя объяснить заключительной ремарки: «For the Iranian donor-language there should be a characteristic preservation of the diphthong *ai*. It could be some earlier form of Sogdian».

²¹ Липп [2009: I/191] идет еще дальше, предполагая тох. В *tsaiññe* ← ир. **dzaiñija-* (то есть **zaiñija-*).

²² Структуру корня **d^heH-i-* — на основе ав. *dadāiti* и трехсложного *daēna-* в Гатах — реконструирует Шиндлер [1972: 27]; ср. [Insler 1971: 582–584; LIV: 141–142] с реконструкцией **d^heiH-*. Тох. В *ts-* могло возникнуть в результате палатализации **d^h-* перед **-e-*, ср. тох. В *tsik-* ‘делать, строить’ < и.-е. **d^heiǵ^h-*, *tsäk-* ‘сжигать, жарить, варить’ < и.-е. **d^heg^{uh}-*.

* * *

В заключение я бы хотел подчеркнуть, что ни в коем случае не оспариваю несомненных достоинств работы Р. Липпа. Она содержит множество ценных идей — в том числе этимологических — и демонстрирует выдающуюся эрудицию автора, оперирующего колоссальным объемом лингвистического материала, что с особой яркостью проявляется во втором томе, чья тематика выходит далеко за рамки заявленной в заглавии (как, например, в главе о thorn-кластерах и в пространном отступлении о вокализации индоевропейских ларингалов). Технические недостатки книги — прежде всего неоправданные повторы (в том числе оглавления для обоих томов и, главное, стостраничной библиографии!) и ошеломляющее в трактате подобного рода и объема отсутствие какого-либо указателя — в большей степени лежат на совести издательства, нежели автора. Тем не менее, общее впечатление от труда Липпа сродни разочарованию. И не в последнюю очередь вызвано оно тем, что, полемизируя с предшественниками, от Ваккер-нагеля до Блумфилда [Lipp 2009: I/131–138], автор обходит молчанием труды Д. И. Эдельман [1982; 1986; 1992; 1994 и др.]²³ по исторической фонологии иранских языков, основанные на привлечении обширного материала из реликтовых восточноиранских языков, зачастую сохраняющих архаизмы, отсутствующие в древнеиранских памятниках. При этом, как мы убедились, реконструкция самого Липпа, теоретически и типологически вполне допустимая, оказывается крайне уязвима при беспристрастном анализе говорящих, якобы, в ее пользу немногочисленных языковых свидетельств. Соблазну новизны и оторванных от исторической конкретики теоретических построений уместно, на мой взгляд, противопоставить толику разумного консерватизма с опорой на историческую грамматику каждого из рассматриваемых языков — что я, в меру сил, и попытался сделать.

²³ Характерно, что ни одна из этих работ даже не упомянута в библиографии.

Литература

Абаев В. И. К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов // *Древний Восток и античный мир. Сборник статей, посвященный профессору В. И. Авдиеву*. Москва, 1972, 26–37.

Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. *Индоевропейский язык и индоевропейцы*. В 2 т. Тбилиси, 1984.

Напольских В. В. Уральско-арийские взаимоотношения: история исследований, новые решения и проблемы // Яровой Е. В. (отв. ред.) *Индоевропейская история в свете новых исследований (Сборник трудов конференции памяти профессора В. А. Сафронова)*. Москва, 2010, 231–244.

Периханян А. Г. *Материалы к этимологическому словарю древнеармянского языка*. Часть I. Ереван, 1993.

Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. *Этимологический словарь иранских языков*. Москва. Т. I — 2000. Т. II — 2003. Т. III — 2007.

Трубачёв О. Н. Славянские этимологии 1–7 // *Вопросы славянского языкознания*, 1957, 2: 29–42 [Репринт: Трубачёв 2004–2009. I, 581–598].

Трубачёв О. Н. *Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования*. Москва, 2017.

Трубачёв О. Н. *Труды по этимологии. Слово. История. Культура*. В 4 т. Москва, 2004–2009.

Хелимский Е. А. Южные соседи финно-угров: иранцы или исчезнувшая ветвь ариев («арии-андроновцы») // Николаева Т. М. (отв. ред.) *ПОЛУТРОПОН. К семидесятилетию Владимира Николаевича Топорова*. Москва, 1998, 62–72 [Репринт: Хелимский 2000, 502–510].

Хелимский Е. А. *Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи*. Москва, 2000.

Эдельман Д. И. К перспективам реконструкции общеиранского состояния // *Вопросы языкознания*, 1982, 1: 37–47.

Эдельман Д. И. *Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Фонология*. Москва, 1986.

Эдельман Д. И. Еще раз об этапах филиации арийской языковой общности // *Вопросы языкознания*, 1992, 3: 44–66.

Эдельман Д. И. К предпосылкам и этапам перехода и.-е. *s в *š в языках группы сатэм // *Baltistica*, 1994, 4: 56–66.

Эдельман Д. И. *Иранские и славянские языки. Исторические отношения*. Москва, 2002.

Эдельман Д. И. *Этимологический словарь иранских языков*. Москва. Т. IV — 2011; V — 2015; VI — 2020.

Adams D. Q. *A Dictionary of Tocharian B. Revised and Greatly Enlarged*. Amsterdam, New York, 2013.

Bartholomae Chr. *Altiranisches Wörterbuch*. Strassburg, 1904.

Baxter W. H., Sagart L. *Old Chinese. A New Reconstruction*. New York, 2014.

Benveniste É. *Vessantara Jātaka. Texte sogdien édité, traduit et commenté*. Paris, 1946.

Benveniste É. Éléments parthes en arménien // *Révue des études arméniennes*. Nouvelle série, 1964, 1: 1–39.

Blažek V., Schwarz M. *The Early Indo-Europeans in Central Asia and China*. Innsbruck, 2017.

Bolognesi G. *Le fonti dialettali degli imprestiti iranici in armeno*. Milano, 1960.

Brugmann K. Verdunkelte Nominalkomposita des Griechischen und des Lateinischen // *Indogermanische Forschungen 1904–1905*, 17: 351–373.

Buyaner D. B. On the Etymology of the Old Iranian Term for ‘Iron’ // *zaraθuštrōtāma. Zoroastrian and Iranian Studies in Honour of Philip G. Kreyenbroek, edited by Shervin Farridnejad*. Irvin, 2020, 51–67.

Buyaner D. B. TP. *Terminologia Pahlavica. Ein Beitrag zum mittelwestiranischen Kulturlexikon*. Wiesbaden, forthcoming.

Couvreur W. Nieuwe Koetsjische fragmenten van het Araņemijātaka // *Orientalia Gandensia*, 1964, 1: 237–249.

Diakonoff I. M. Hurro-Urartian Borrowings in Old Armenian // *Journal of the American Oriental Society*, 1985, 105 (4): 597–603.

Hübschmann H. *Altarmenische Grammatik. I. Theil. Armenische Etymologie*. Leipzig, 1897.

Inslar S. Some Problems of Indo-European *ə in Avestan // *Language*, 1971, 47 (3): 573–585.

Kretschmer P. *Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache*. Göttingen, 1896.

de Lamberterie Ch. Armeniaca I–VIII. Études lexicales // *Bulletin de la société de linguistique de Paris*, 1978, 73: 243–285.

Latte K., Cunningham I. C. (eds.) *Hesychii Alexandrini Lexicon*. T. I: A — Δ. Berlin, Boston, 2018.

Lentz A. (ed.) *Herodiani technici reliquiae*. 2 vols. Leipzig, 1867.

Lipp R. *Die indogermanischen und einzelsprachlichen Palatale im Indoiranischen*. 2 Bdd. Heidelberg, 2009.

LIV — Kümmel M., Rix H. (Hrsgg.) *Lexikon der indogermanischen Verben. Die Wurzeln und ihre Primärstambildungen*. Wiesbaden, 2001.

Martirosyan H. K. *Etymological Dictionary of the Armenian Inherited Lexicon*. Leiden, Boston, 2009.

Meillet A. Sur les mots iraniens empruntés par l'arménien // *Mémoires de la société de linguistique de Paris*, 1911–1912, 17: 242–250.

Porzig W. *Die Gliederung des indogermanischen Sprachgebietes*. Heidelberg, 1954.

Pulleyblank E. G. *Lexicon of Reconstructed Pronunciation in Early Middle Chinese, Late Middle Chinese, and Early Mandarin*. Vancouver, 1991.

Schindler H. J. *Das Wurzelnomen im Arischen und Griechischen. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Julius-Maximilian-Universität zu Würzburg*. Würzburg, 1972.

Schmidt K. T. Zu einigen der ältesten iranischen Lehnwörter im Tocharischen // Pieper U., Stickel G. (Hrsgg.) *Studia Linguistica Diachronica et Synchronica Werner Winter Sexagenario Anno MCMLXXXIII gratis animis ab eius collegis, amicis discipulisque oblata*. Berlin, New York, Amsterdam, 1985, 757–767.

Schmitt R. Der ‘Adler’ im alten Iran. Möglichkeiten und Grenzen der Erschliessung verlorenen Wortgutes // *Die Sprache*, 1970, 16: 63–77.

Schmitt R. *Grammatik des Klassisch-Armenischen mit sprachvergleichenden Erläuterungen*. Innsbruck, 2007.

Schuessler A. *Minimal Old Chinese and Later Han Chinese. A Companion to Grammata Serica Recensa*. Honolulu, 2009.

Sieg E., Siegling W. *Tocharische Sprachreste. Sprache B. Die Udānālaṅkāra-Fragmente. Übersetzung und Glossar*. Göttingen, 1949.

Tomaschek W. Yidgha, ein beachtenswerther éranischer dialekt // *Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen*, 1883, 7: 195–210.

Tremblay X. Bildeten die iranischen Sprachen ursprünglich eine genetische Familie oder einen Sprachbund innerhalb des indo-iranischen Zweiges? (Beiträge zur vergleichenden Grammatik der iranischen Sprachen V) // Meiser G., Hackstein O. (Hrsgg.) *Sprachkontakt und Sprachwandel. Akten der XI. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft, 17.–23. September 2000, Halle an der Saale*. Wiesbaden, 2005, 673–688.

Tremblay X. Irano-Tocharica et Tocharo-Iranica // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*, 2005, 68 (3): 421–449.

Vogt H. Arménien et caucasique du sud // *Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap*, 1938, 9: 321–338.

Zhèngzhāng Shàngfāng. *Shànggǔ yīnxì [Old Chinese Phonology]*. Shanghai, 2003. (In Chinese)

References

Abaev V. I. K voprosu o prarodine i drevneishikh migratsiyakh indoiranskikh narodov // *Drevnii Vostok i antichnyi mir. Sbornik statei, posvyashchennyi professoru V. I. Avdievu*. Moskva, 1972, 26–37. (In Russ.)

Adams D. Q. *A Dictionary of Tocharian B. Revised and Greatly Enlarged*. Amsterdam, New York, 2013.

- Bartholomae Chr. *Altiranisches Wörterbuch*. Strassburg, 1904.
- Baxter W. H., Sagart L. *Old Chinese. A New Reconstruction*. New York, 2014.
- Benveniste É. Éléments parthes en arménien // *Révue des études arméniennes. Nouvelle série*, 1964, 1: 1–39.
- Benveniste É. *Vessantara Jātaka. Texte sogdien édité, traduit et commenté*. Paris, 1946.
- Blažek V., Schwarz M. *The Early Indo-Europeans in Central Asia and China*. Innsbruck, 2017.
- Bolognesi G. *Le fonti dialettali degli imprestiti iranici in armeno*. Milano, 1960.
- Brugmann K. Verdunkelte Nominalkomposita des Griechischen und des Lateinischen // *Indogermanische Forschungen 1904–1905*, 17: 351–373.
- Buyaner D. B. On the Etymology of the Old Iranian Term for ‘Iron’ // *zaraθuštrōtāma. Zoroastrian and Iranian Studies in Honour of Philip G. Kreyenbroek, edited by Shervin Farridnejad*. Irvin, 2020, 51–67.
- Buyaner D. B. TP. *Terminologia Pahlavica. Ein Beitrag zum mittelwestiranischen Kulturlexikon*. Wiesbaden, forthcoming.
- Couvreur W. Nieuwe Koetsjische fragmenten van het Araṇemijātaka // *Orientalia Gandensia*, 1964, 1: 237–249.
- de Lamberterie Ch. Armeniaca I–VIII. Études lexicales // *Bulletin de la société de linguistique de Paris*, 1978, 73: 243–285.
- Diakonoff I.M. Hurro-Urartian Borrowings in Old Armenian // *Journal of the American Oriental Society*, 1985, 105 (4): 597–603.
- Edel’man D. I. Eshche raz ob etapakh filiatsii ariiskoi yazykovoi obshchnosti // *Voprosy yazykoznaniya*, 1992, 3: 44–66. (In Russ.)
- Edel’man D. I. *Etimologicheskii slovar’ iranskikh yazykov*. Moskva. T. IV — 2011; V — 2015; VI — 2020. (In Russ.)
- Edel’man D. I. *Iranskie i slavyanskie yazyki. Istoricheskie otnosheniya*. Moskva, 2002. (In Russ.)
- Edel’man D. I. K perspektivam rekonstruktsii obshcheiran-skogo sostoyaniya // *Voprosy yazykoznaniya*, 1982, 1: 37–47. (In Russ.)

Edel'man D. I. K predposylkam i etapam perekhoda i.-e. *s v *š v yazykakh gruppy satem // *Baltistica*, 1994, 4: 56–66. (In Russ.)

Edel'man D. I. *Sravnitel'naya grammatika vostochnoiranskikh yazykov. Fonologiya*. Moskva, 1986.

Gamkrelidze T. V., Ivanov Vyach. Vs. *Indoevropeskii yazyk i indoevropetsy*. V 2 t. Tbilisi, 1984. (In Russ.)

Hübschmann H. *Altarmenische Grammatik. I. Theil. Armenische Etymologie*. Leipzig, 1897.

Insler S. Some Problems of Indo-European *ə in Avestan // *Language*, 1971, 47 (3): 573–585.

Khelimskii E. A. *Komparativistika, uralistika. Lektsii i stat'i*. Moskva, 2000. (In Russ.)

Khelimskii E. A. Yuzhnye sosedi finno-ugrov: irantsy ili ischeznuvshaya vetv' ariev («arii-andronovtsy»)? // Nikolaeva T. M. (otv. red.) *ПОЛΥΤΡΟΠΟΝ. K semidesyatiletiiyu Vladimira Nikolaevicha Toporova*. Moskva, 1998, 62–72 [Reprint: Khelimskii 2000, 502–510]. (In Russ.)

Kretschmer P. *Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache*. Göttingen, 1896.

Latte K., Cunningham I. C. (eds.) *Hesychii Alexandrini Lexicon*. T. I: Α – Δ. Berlin, Boston, 2018.

Lentz A. (ed.) *Herodiani technici reliquiae*. 2 vols. Leipzig, 1867.

Lipp R. *Die indogermanischen und einzelsprachlichen Palatale im Indoiranischen*. 2 Bdd. Heidelberg, 2009.

LIV — Kümmel M., Rix H. (Hrsgg.) *Lexikon der indogermanischen Verben. Die Wurzeln und ihre Primärstambildungen*. Wiesbaden, 2001.

Martirosyan H. K. *Etymological Dictionary of the Armenian Inherited Lexicon*. Leiden, Boston, 2009.

Meillet A. Sur les mots iraniens empruntés par l'arménien // *Mémoires de la société de linguistique de Paris*, 1911–1912, 17: 242–250.

Napol'skikh V. V. Ural'sko-ariiskie vzaimootnosheniya: istoriya issledovaniia, novye resheniya i problemy // Yarovoi E. V. (otv. red.)

Indoeuropeiskaya istoriya v svete novykh issledovaniy (Sbornik trudov konferentsii pamyati professora V. A. Safronova). Moskva, 2010, 231–244. (In Russ.)

Perikhanyan A. G. *Materialy k etimologicheskomu slovaryu drevnearmyanskogo yazyka*. Chast' I. Erevan, 1993. (In Russ.)

Porzig W. *Die Gliederung des indogermanischen Sprachgebietes*. Heidelberg, 1954.

Pulleyblank E. G. *Lexicon of Reconstructed Pronunciation in Early Middle Chinese, Late Middle Chinese, and Early Mandarin*. Vancouver, 1991.

Rastorgueva V. S., Edel'man D. I. *Etimologicheskii slovar' iranskikh yazykov*. Moskva. T. I — 2000. T. II — 2003. T. III — 2007. (In Russ.)

Schindler H. J. *Das Wurzelnomen im Arischen und Griechischen. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Julius-Maximilian-Universität zu Würzburg*. Würzburg, 1972.

Schmidt K. T. Zu einigen der ältesten iranischen Lehnwörter im Tocharischen // Pieper U., Stickel G. (Hrsgg.) *Studia Linguistica Diachronica et Synchronica Werner Winter Sexagenario Anno MCMLXXXIII gratis animis ab eius collegis, amicis discipulisque oblata*. Berlin, New York, Amsterdam, 1985, 757–767.

Schmitt R. Der 'Adler' im alten Iran. Möglichkeiten und Grenzen der Erschliessung verlorenen Wortgutes // *Die Sprache*, 1970, 16: 63–77.

Schmitt R. *Grammatik des Klassisch-Armenischen mit sprachvergleichenden Erläuterungen*. Innsbruck, 2007.

Schuessler A. *Minimal Old Chinese and Later Han Chinese. A Companion to Grammata Serica Recensa*. Honolulu, 2009.

Sieg E., Siegling W. *Tocharische Sprachreste. Sprache B. Die Udānālānkāra-Fragmente. Übersetzung und Glossar*. Göttingen, 1949.

Tomaschek W. Yidgha, ein beachtenswerther éranischer dialekt // *Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen*, 1883, 7: 195–210.

Tremblay X. Bildeten die iranischen Sprachen ursprünglich eine genetische Familie oder einen Sprachbund innerhalb des indo-iranischen Zweiges? (Beiträge zur vergleichenden Grammatik der iranischen Sprachen V) // Meiser G., Hackstein O. (Hrsgg.) *Sprachkontakt und Sprachwandel. Akten der XI. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft, 17.–23. September 2000, Halle an der Saale*. Wiesbaden, 2005, 673–688.

Tremblay X. Irano-Tocharica et Tocharo-Iranica // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*, 2005, 68 (3): 421–449.

Trubachjov O. N. *Etnogenez i kul'tura drevneishikh slavyan. Lingvisticheskie issledovaniya*. Moskva, 2017. (In Russ.)

Trubachjov O. N. Slavyanskije etimologii 1–7 // *Voprosy slavyanskogo yazykoznanija*, 1957, 2: 29–42 [Reprint: Trubachjov 2004–2009. I, 581–598]. (In Russ.)

Trubachjov O. N. *Trudy po etimologii. Slovo. Istoriya. Kul'tura*. V 4 t. Moskva, 2004–2009. (In Russ.)

Vogt H. Arménien et caucasique du sud // *Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap*, 1938, 9: 321–338.

Zhèngzhāng Shàngfāng. *Shànggǔ yīnxì [Old Chinese Phonology]*. Shanghai, 2003. (In Chinese)

Буянер Давид Борисович
Институт иранистики, Берлин
Берлин, Германия
Buyaner David Borisovich
Institut für Iranistik FU Berlin
Berlin, Deutschland
buyaner@zedat.fu-berlin.de

***Глаголы с превербами в классическом
персидском языке***

Verbs with preverbs in Classical Persian

Арманд Е. Е.

Armand E. E.

В статье анализируются глаголы, образованные с помощью превербов, на материале текстов классического персидского языка (IX–XV вв.). Проводится классификация превербов на основе их синтаксических и семантических свойств.

Ключевые слова: классический персидский язык, преверб, глагольное словообразование

The article provides a diachronic analysis of classical Persian verbs with preverbs, based on 9th-15th century C.E. texts. The classification of preverbs is carried out on the basis of their syntactic and semantic properties.

Key words: classical Persian language, preverbs, verb formation
DOI 10.37892/2313-5816-2021-1-87-102

Данная статья посвящена описанию и анализу глаголов, образованных с помощью превербов в классическом персидском языке¹.

Вопросу употребления приставочных глаголов и значения приставок (по языкам кл. перс и совр. перс.) посвящена специальная солидная работа З. Телегди [Telegdi 1955]. Эта тема

¹ Классический персидский язык — это язык, на котором написан корпус текстов классической поэзии и прозы Ирана (X–XV вв.) и создана богатейшая словесная традиция (поэзия, проза, исторические труды, сочинения по разным отраслям науки; а также толковые словари).

затронута в разделе «Глагол» «Основ иранского языкознания», где превербам и их употреблению в классическом персидском языке и в языках-потомках (современном персидском, дари и таджикском) отведена отдельная глава, в которой отмечается, что превербы в современных языках являются «морфологически выделяемыми, хотя и непродуктивными» [ОИЯ 1982: 144–146].

Описанию глаголов с превербами посвящены разделы ряда грамматик. Так, например, Ю. А. Рубинчик выделяет отдельный структурный тип глагола — префиксальные глаголы, отмечая, что «выделение префиксальных глаголов в самостоятельный структурный тип остается еще спорным» [Рубинчик 2001: 213–216].

Превербами, или глагольными префиксами, принято называть словообразовательные языковые единицы, которые помещаются перед основой, но могут отделяться от нее формообразующими префиксами (*bi-*, *(ha)mē-*, *na-*). Морфологический статус превербов на разных этапах исторического развития языка неодинаков. Выделяется группа превербов, полностью утративших свою самостоятельность, т. е. такие языковые единицы, которые с точки зрения лексического значения уже не являются полнозначными словами и не обладают синтаксической подвижностью. Ни один преверб этой группы не может стоять в позиции после глагольной формы или отделяться от нее другими самостоятельными словами.

К другой группе относятся превербы, занимающие промежуточное положение между самостоятельным словом, как правило наречием, и утратившим подвижность превербом.

В классическом персидском языке выделяется три структурных типа глагола: простые, глаголы с превербами и сложные (состоящие из именной и глагольной части). В отличие от современного, в классическом языке основную массу составляют простые и превербные глаголы. Можно с

уверенностью говорить, что глагольное словообразование с помощью превербов на том этапе развития языка было вполне продуктивным, тогда как в современном языке простые и префиксальные глаголы уже не образуются и постепенно заменяются сложно-именными.

Как правило, превербы этимологически восходят к наречиям и имеют направительное значение, некоторые из них употребляются также в качестве предлогов или наречий. Все превербы сочетаются с глаголами движения и перемещения: *āmadan* ‘приходить’ — *dar-āmadan* ‘выходить, появляться’, *bar-āmadan* ‘подниматься, восходить’, *furō(d)-āmadan* ‘опускаться, перемещаться вниз’, *farāz-āmadan* ‘подходить, приближаться’, *bāz-āmadan* ‘приходить снова, возвращаться’ и т. п.

1. Преверб *bar*

Преверб *bar* (фонетический вариант *var*) восходит к ср.-перс. наречию и превербу *abar* (ран. *apar*) со значением «наверху, сверху, вверх», в классическом персидском функционирует как предлог с тем же значением [ОИЯ 1982: 144]. Он обычно придает глаголу значение направления действия вверх, на поверхность или наружу. Так, глагол *āvardan* ‘приносить’, сочетаясь с *bar*, получает значение ‘вынимать, вытаскивать’, *jastan* ‘прыгать’ с *bar* дает ‘вспрыгивать, выпрыгивать’; *dāštan* ‘иметь’ — *bar-dāštan* ‘поднимать, приподнимать; брать, забирать’.

(1) جامه از تن دردمند بر داشت

jāma az tan-i dardmand bar-dāšt

одежда с тело-IZAF больной PREV-снимать.PST

Он снял одежду со [своего] израненного тела.

[Са‘ди 1996: 143]

Некоторые глаголы с превербом *bar* приобретают оттенок значения совместности, совокупности: *čīdan* ‘собирать’ —

bar-čīdan ‘собирать вместе’; *bastan* ‘связывать, привязывать (что-л. к чему-л.)’ — *bar-bastan* ‘собирать, связывать (одно с другим)’.

В некоторых употребительных глаголах происходят дальнейшие семантические деривации, их значения идиоматизируются и не могут быть напрямую выведены из значения преверба и глагольного корня. Уже упомянутый глагол *bar-āmadan* приобретает также значения ‘проходить (о времени)’, ‘вытекать, следовать’; глагол *gaštan* ‘вращаться, гулять, ходить, становиться’ в виде *bar-gaštan* означает ‘возвращаться, опрокидываться’.

Преверб *bar* сочетается с глаголами самой разной семантики, практически со всеми глаголами движения и перемещения в пространстве (*uftādan* ‘падать’ — *bar-uftādan* ‘падать; исчезать, пропадать, выпадать’; *āvardan* ‘нести’ — *bar-āvardan* ‘вырастать, поднимать, вытаскивать’, *āhēxtan* — *bar-āhēxtan* ‘поднимать’), глаголами обладания (*dāštan* ‘иметь, держать’ — *bar-dāštan* ‘брать, поднимать’), человеческой активности (*bar-bastan* ‘связывать; закрывать’, *kardan* ‘делать’ — *bar kardan* ‘поднимать’, *gušūdan* — *bar gušūdan* ‘открывать; освободить; прояснять’, *rēxtan* ‘лить’ — *bar rēxtan* ‘выливать’, *bar-afrōxtan* ‘зажигать(ся), воспламенять(ся); освещаться’; *bar-āvēxtan* ‘вешать, подвешивать; сражаться, вступить в схватку’). При этом не во всех превербных глаголах присутствует этимологическое значение *bar* ‘вверх’, некоторые глаголы приобретают значение ‘наружу’.

Кроме того, также можно выделить группу глаголов, в значение которых уже включен элемент ‘вверх’, тогда разницу значений между простым и превербным глаголом определить довольно сложно (например, глагол *xāstan* ‘вставать, подниматься’ очень редко употребляется без преверба — *bar-xāstan* ‘вставать, подниматься; восходить (о светилах); восставать; исчезать, удаляться’).

- (2) بنام خداوند جان و خرد کزین برتر اندیشه بر نگذرد
ba nām-ī xudāvand-i jān-u xirad
 к имя-IZAF господин-IZAF душа-и разум
k-az -īn bar-tar andēša
 что-от этот высокий-COMP мысль
bar-na-gzar-ad
 PREV-NEG-подниматься.PRS-3SG
 Во имя Господина души и разума,
 Ибо выше этого мысль не поднимается.

[Шах-наме 1960: 12–13]

2. Преверб *dar/andar*

Преверб *dar/andar*, из др.-ир. **antar* (предлог и наречие) ‘внутри, внутри, между, в’, др.-перс. *aⁿtar* предлог ‘внутри, в, среди, между, через, под’; ср.-перс. *andar* 1) наречие ‘внутри’; 2) предлог ‘в (местонахождение внутри и направление внутрь), внутри, среди’; 3) преверб; в классическом персидском употребляется также в качестве предлога и послелого [ОИЯ 1982: 144] (подробнее этимологию см. в: [Расторгуева, Эдельман 2000: 160–161]).

В классическом языке он иногда придает глаголу значение направления действия снаружи внутрь какого-либо объекта или приближения к объекту описания, т. е. ‘оказаться внутри одного поля с объектом’: *āmadan* ‘приходить’ — *dar-āmadan* ‘выходить, появляться (о светилах), подходить, приближаться’; *āvardan* ‘приносить’ — *(an)dar-āvardan* ‘вносить, вводить’; *uftādan* ‘падать’ — *(an)dar-uftādan* ‘случаться, возникать (например, о конфликте, ссоре); падать’.

Преверб *dar/andar* также регулярно употребляется в составе глаголов самых разных семантических групп: он сочетается с глаголами движения и каузации движения (*burdan* — *dar-burdan* ‘нести, уносить; спасать, освобождать’; *rasīdan* ‘достигать’ — *dar-rasīdan* ‘достигать, подготавливаться’, *guzaštan* ‘проходить, протекать’ — *dar guzaštan* ‘умереть’);

с глаголами, обозначающими человеческую активность (*āmōxtan* — *dar-āmōxtan* ‘учить(ся), обучать(ся)’; *amēxtan* — *dar-āmēxtan* ‘смешивать(ся), соединять(ся); случать, совокупляться’; *āvēxtan* — *dar-āvēxtan* ‘вешать, висеть; сцепиться, схватиться; враждовать’; *tāftan* — *dar-tāftan* ‘скручивать(ся); появляться’; *dar-tāftan* ‘блестеть, сиять’; *dar-yāftan* ‘понимать, постигать; помогать, спасать; обнаруживать, замечать; воздействовать’); с глаголами говорения (*sutūdan* — *dar sutūdan* ‘хвалить, восхвалять; обсуждать’).

Сочетаясь с глаголами говорения, состояния и человеческой активности, преверб может ограничивать пространство, в котором производится действие, в некоторых случаях различия между простым и превербным глаголом трудно определить.

(3) درویش اندر آمد و سنگ در سرش کوفت

darvēš andar-āmad=u sang dar sar-aš

дервиш PREV-идти.PST=и камень в голова-его

kōft

бить.PST

Подошел дервиш и ударил его камнем по голове.

[Са‘ди 1996: 55]

(4) مردم به تعجیل در افتادندی به کُننگ و بیل و مجرّفه آن بند را بر دریدندی

mardum ba ta‘jil dar-uftādand-ē ba kulang-u

народ спешно PREV-появляться-PROG с кирка=и

bēl-u mijrafa ān band-rā bar-darīdand-ē

лопата=и заступ DEM плотина-ACC PREV-рыть-PROG

Люди мчались [туда] и кирками, лопатами и заступами разрывали плотину.

[Насир-и Хусрав, Сафар-наме 1977: 86]

3. Преверб *furō/furōd*

Преверб *furō/furōd* восходит к ср.-перс. превербу и наречию *frōd* (ран. *frōt*) 'вниз' (из др.-перс. наречия *fravata* 'вперед, вниз') [ОИЯ 1982: 145] (подробнее этимологию см. в: [Расторгуева, Эдельман 2007: 60]).

В форме *furōd* преверб соединяется с глаголами, начинающимися с гласного (*āmadan*, *āvardan*, *uftādan*, *āvēxtan*), среди них наиболее частотны *furōd-āmadan* и *furōd-āvardan*. Если между превербом и глагольной основой, начинающейся с гласной, помещается словообразовательный префикс, то употребляется форма *furō*. При глаголах, начинающихся с согласного, фонетический вариант *furō* встречается редко.

Значение этого преверба довольно прозрачно, он регулярно придает глагольному действию значение направления вниз: *burdan* 'нести, уносить' — *furō-burdan* 'погружать, вонзать' (см. об этом [Расторгуева, Эдельман 2003: 94–95]); *x'ardan* 'есть, пить' — *furō-x'ardan* 'глотать, проглатывать'; *raftan* 'идти, уходить' — *furō-raftan* 'сходить, спускаться; нырять, погружаться'.

Фонетический вариант *furō* более распространен, он сочетается с глаголами самой разной семантики (движения, каузации движения, глаголами со значением человеческой активности, с глаголами говорения, состояния, обладания), например: *furō-āmadan* 'опускаться, сходить вниз'; *furō-āvardan* 'опускать, спускать'; *furō-bastan* 'закрывать, смыкать'; *furō-rēxtan* 'осыпаться; падать, обваливаться'; *furō-guftan* 'излагать, пересказывать; начинать петь'; *furō-kardan* 'вонзать, втыкать, вставлять'; *furō-šudan* 'сходить, спускаться, нырять'; *furō-rēxtan* 'разваливать(ся), разрушать(ся), обваливаться; хлынуть, вываливаться' и некоторых других. Этот преверб в ранних текстах сохраняет наречные свойства и может стоять после глагольной формы.

- (6) سر بدان چشمه فرو کند و آب را از آن چشمه بر کشد
sar bad-ān čašma furō-kun-ad va
 голова к-тот источник PREV-опускать.PRS-3SG и
āb-rā az ān čašma bar-kaš-ad
 вода-ACC из DEM источник PREV-тянуть.PRS-3SG
 [Утка] опускает голову в тот источник, и воду из этого
 источника поднимает.

[‘Аджā’иб ад-дунйā 1993: 338]

- (7) اگر به تنور اندازی هر نانی که در تنور باشد فرو ریزد
agar ba tanūr andāz-ē har nān-ē ki
 если к печь бросать.PRS-2SG каждый хлеб-ART что
dar tanūr bāš-ad furō-rēz-ad
 в печь быть.PRS-3SG PREV-сыпаться.PRS-3SG
 Если бросить [камень] в печь, весь хлеб, который есть в
 печи, упадет.

[‘Аджā’иб ад-дунйā 1993: 353]

4. Преверб *farā/farāz*

Преверб *farā/farāz* восходит к *frāz*, представленному в среднеперсидском в виде наречия со значением ‘вперед’ и преверба с тем же значением [ОИЯ 1982: 145] (подробнее этимологию др.-ир. **fra/ā-* см. в: [Расторгуева, Эдельман 2007: 53 и сл.]). Он употребляется в классическом персидском в качестве предлога, наречия и преверба и придает глагольному действию значение направления вперед: *āmadan* ‘приходить’ — *farā-āmadan* ‘подходить ближе, выходить вперед’; *burdan* ‘нести, уносить’ — *farā-burdan* ‘перемещать, передвигать вперед’; *x’āndan* ‘читать; звать’ — *farā-x’āndan* ‘вызывать, призывать (к себе)’; *kardan* ‘делать, производить’ — *farā-kardan* ‘протягивать (вещь, руку); открывать, отпирать; закрывать, запирасть’. Преверб *farā/farāz* также употребляется в составе таких глаголов, как: *farā-giriftan* ‘охватывать; изучать, усваивать’; *farā-āvardan*

‘добывать, приобретать; создавать’; *farā-raftan* ‘выступать, выходить вперед’. Глаголов с этим превербом не очень много, во многих контекстах видно, что *farā(z)* сохраняет наречные свойства и может стоять после глагольной формы (пример 9).

- (8) توانگر را اجل فرا رسید. درویش به بالینش فراز آمد
tavāngar-ra ajal farā-rasīd darvēš ba
 богач-ACC смерть PREV-подходить.PST дервиш к
bālīn-aš farāz āmad
 изголовье-его PREV-подходить.PST
 Для богача настал смертный час. Дервиш подошел к его изголовью.

[Са‘ди 1996: 74]

- (9) خواند شاهش بنزد خویش فراز گفت رَو کار این کنیز بساز
xʷānd šāh-aš ba nazd-i xʷēš farāz
 звать.PST шах-OBJ к возле-IZAF себя PREV
guft rav kār-i īn kanīz
 сказать.PST идти.IMPR дело-IZAF DEM рабыня
bi-sāz
 IMPR-делать
 Шах призвал его к себе,
 Сказал: «Иди, покончи с этой рабыней!»
 [Низами 1993 1: 676, «Семь красавиц»]

5. Префикс *bāz*

Префикс *bāz* (и его фонетический вариант *vā-*) восходит к др.-ир. **arāča* (наречие) ‘назад’, ср.-перс. ран. *arāč*, поздн. *abāz* «назад; опять» [ОИЯ 1982: 145] (подробнее этимологию см. в: [Расторгуева, Эдельман 2000: 184]).

В классическом персидском языке *bāz* часто употребляется в качестве наречия со значением ‘вновь, снова, опять, еще’ и не обязательно занимает позицию непосредственно

перед глагольной формой, то есть может менять место в предложениях в высказывании. В ряде случаев по формальным признакам трудно установить, перед нами глагол с превербом или сочетание наречия и простого глагола; при этом *bāz* встречается в текстах значительно чаще других превербов. В отличие от авторов «Основ иранского языкознания» [ОИЯ 1982: 145], Ю. А. Рубинчик не относит *bāz* к превербам, однако фонетический вариант *vā* считает префиксом [Рубинчик 2001: 214].

Обычно *bāz* придает глагольному действию значение повторения, возобновления или 'направления действия в сторону возвращения, обратно': *dādan* 'давать' — *bāz-dādan* 'отдавать, возвращать'; *xarīdan* 'покупать' — *bāz-xarīdan* 'выкупать'; *guftan* 'говорить' — *bāz-guftan* 'повторить, пересказать'; *ēstādan* 'стоять, вставать' — *bāz (vā) ēstādan* 'останавливаться'. Семантические изменения в некоторых часто употребляемых глаголах привели к появлению у них значений, в семантике которых смысл «возврата, повторения» уже трудно различим или утрачен. Так, глагол *ēstādan* 'стоять, вставать, останавливаться' в виде *bāz-ēstādan* обозначает также 'останавливаться', а наряду с этим приобретает значения 'прекращать, переставать что-л. делать' и 'отрываться (от какого-л. занятия)'. Многие глаголы с превербом *bāz*, наряду с новым значением, сохраняют и исходное, в таких случаях употребление превербного глагола вместо простого переносит семантический акцент предложения на выраженное им действие: *dādan* 'давать, отдавать' и *bāz-dādan* 'отдавать, возвращать'; *raftan* 'идти, уходить' и *bāz-raftan* 'уходить; снова идти, возвращаться'. Преверб *bāz* также часто употребляется в составе глаголов самой разной исходной семантики, это глаголы движения, состояния, обладания, человеческой активности и многие другие: *bāz-āmadan* 'приходить снова, возвращаться; доходить до, достигать (какого-л. размера, объема)', *bāz-āvardan* 'вновь приносить; возвращать, отдавать'; *bāz-dāštan* 'удерживать,

останавливать'; *bāz-giriftan* 'отбирать, брать назад'; *bāz-gaštan* 'возвращаться; отступаться, отказываться (от решения, убеждения)'.
 (10) تا آن وقت که بوطن خویش باز رسید

tā ān vaqt ki ba vaṭan-i x^vēš

пока DEM время что к родина-IZAF свой

bāz-rasīd

PREV-возвращаться.PST

До тех пор, пока он [не] вернулся на родину.

[Кабус-наме 1999: 135–136]

(11) پس هر چه بتوانی آموختن بیاموز که منافع آن بتو باز گردد

pas har čī bi-tavān-ē āmōxtan

так все что COND-мочь-2SG учиться.INF

bi-yāmōz ki manāfi-i ān ba tu

IMPER-учиться что польза-IZAF DEM к ты

bāz-gard-ad

PREV-возвращаться.PRS-3SG

Так что учись всему, чему можешь выучиться, поскольку польза от этого вернется к тебе.

[Кабус-наме 1999: 135–136]

Итак, в классическом персидском мы с уверенностью можем выделить два преверба *bar* и *(an)dar*, их общими свойствами является большое количество вновь образованных глаголов (многие из них сохранились в современном персидском языке), фиксированная позиция относительно глагольной основы, отсутствие наречного значения. Преверб *bāz* в классическом персидском еще не зафиксировал своего положения относительно глагольной основы, однако в современном персидском является безусловно частотным превербом. Глаголов с превербами *furō(d)* и *farā(z)* в современном языке осталось довольно мало.

Все глаголы, образованные с помощью превербов, можно поделить на несколько групп:

1) глаголы, значение которых легко выводится простым сложением значений глагольной основы и преверба;

2) глаголы, в значение которых преверб не внес никаких изменений;

3) глаголы, в значении которых уже трудно проследить составляющие части глагольной основы и преверба по отдельности.

Условные сокращения

ACC — прямое дополнение, маркированное послелогом *-rā*

ART — неопределенный артикль

COMP — сравнительная степень

COND — сослагательное наклонение

DEM — указательное местоимение

IZAF — изафет

INF — инфинитив

IMPR — императив

OBJ — прямое дополнение

PL — множественное число

PQP — преждепрошедшее время

PREV — преверб

PROG — прошедшее длительное время

PRS — настоящее время

PST — прошедшее время

SG — единственное число

Литература

ОИЯ 1982 — Ефимов В. А., Расторгуева В. С., Шарова Е. Н. Персидский, таджикский, дари // *Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: юго-западная группа, прикаспийские языки*. Москва, 1982, 5–231.

Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. *Этимологический словарь иранских языков*. Москва. Т. 1 — 2000. Т. 2 — 2003; Т. 3 — 2007.

Рубинчик Ю. А. *Грамматика современного персидского литературного языка*. Москва, 2001.

Telegdi Zs. *Beiträge zur historischen Grammatik des Neupersischen. I: über die Partikelkomposition im Neupersischen* // *Acta linguistica*. Budapest, 1955, V, fasc. 1–2.

‘Аджā’иб ад-дунйā 1993 — ‘Аджā’иб ад-дунйā (Чудеса мира) / критический текст, пер. с перс., введение, коммент. и указ. Л. П. Смирновой. Москва, 1993.

Кабус-наме 1999 —

عنصر المعالی کیکاووس بن اسکندر بن قابوس بن وشمگیر بن زیار. قابوس نامه. به اهتمام و تصحیح غلامحسین یوسفی، تهران: شرکت انتشارات علمی و فرهنگی.

- (‘Unsur al-Ma’ālī Kaykāvus Ibn Iskandar Ibn Qābus Ibn Vashmagīr Ibn Ziyār. Qābus-Nāma. Be ehtemām va tashīh-e Gholām Hossein Yūsufī, Tehran, 1378 [‘Унсур аль-Ма‘али Кайкавус ибн Искандар ибн Кабус ибн Вашмгир ибн Зийар. Кабус-нама. Ред. Голам Хоссейн Юсуфи. Тегеран, 1999]).

Насир-и Хусрав, Сафар-наме 1977 —

ناصر خسرو قبادیانی. سفرنامه. به کوشش دکتر محمد دبیر سیاقی. تهران: زوار، بهمن.

(Nāsir Khosrov Qobādiānī. Be kushesh-e doktor Mohammad Dabīr Siāghī [Насир Хосров Кубадияни. Травелог. Подготовка к изданию доктора Мохаммад Дабира Сияги. Тегеран, февраль 1977]).

Низами 1993 —

کلیات نظامی گنجوی، مطابق نسخهٔ وحید دستگردی، به اهتمام پرویز بابایی. ج. ۱: محزن الاسرار، خسرو و شیرین، لیلی و مجنون، هفت پیکر، ج. ۲: اسکندر نامه. تهران: مؤسسه انتشارات نگاه.

(Kolliyat-e Nezāmī Ganjavī, motābegh-e noskhe Vahīd Dastgerdī, be ehtemām-e Parvīz Bābāī. J. 1: Mahzan al-Asrār, Khosrov va Shirīn, Leilī va Majnun, Haft Peykar, J. 2: Eskandar-nāme. Teheran, 1372/1993 [Собрание сочинений Низами Ганжави. Подготовка к изданию доктора Вахида Дастгерди, при участии Парвиза Бабаи. Т. 1: Махзан аль-асрар, Хосров и Ширин, Лейли и Маджнун, Хафт пейкар; Т. 2: Искандарнаме. Тегеран, 1993]).

کلیات سعدی. از روی نسخهٔ تصحیح شدهٔ محمد علی — Са'ди 1996. فروغی. تهران: مؤسسه انتشارات نگاه.

(Kolliyāt-e Sa'dī. Az ru-ye noskhe-ye tashīhshode-ye Mohamad 'Alī Forughī. Teheran, 1375/1996 [Собрание сочинений Саади. По исправленной версии Мохаммед Али Форууги. Тегеран, 1996]).

Шах-наме 1960 — Фирдоуси. Шāх-нāме / критический текст. Т. 1. Под ред. Е. Э. Бертельса. Москва, 1960.

References

OIYa 1982 — Efimov V. A., Rastorgueva V. S., Sharova E. N. *Persidskii, tadzhikskii, dari // Osnovy iranskogo yazykoznanīya. Novoiranskīe yazyki: yugo-zapadnaya gruppā, prikaspiiskīe yazyki*. Moskva, 1982, 5–231. (In Russ.)

Rastorgueva V. S., Edel'man D. I. *Etimologicheskii slovar' iranskikh yazykov*. Moskva. T. 1 — 2000. T. 2 — 2003; T. 3 — 2007. (In Russ.)

Rubinchik Yu. A. *Grammatika sovremennogo persidskogo literaturnogo yazyka*. Moskva, 2001. (In Russ.)

Shakh-name 1960 — Firdousi. Shākh-nāme / kriticheskii tekst. T. 1. Pod red. E. E. Bertel'sa. Moskva, 1960. (In Persian, in Russ.)

Telegdi Zs. *Beiträge zur historischen Grammatik des Neupersischen. I: über die Partikelkomposition im Neupersischen // Acta linguistica*. Budapest, 1955, V, fasc. 1–2.

‘Adzhā’ib ad-duniā 1993 — ‘Adzhā’ib ad-duniā (Chudesa mira) / kriticheskii tekst, per. s pers., vvedenie, komment. i ukaz. L. P. Smirnovoi. Moskva, 1993. (In Persian, in Russ.)

Kabus-name 1999 —

عنصر المعالی کیکاووس بن اسکندر بن قابوس بن وشمگیر بن زیار. قابوس نامه. به اهتمام و تصدیح غلامحسین یوسفی، تهران: شرکت انتشارات علمی و فرهنگی،

- (‘Unsur al-Ma’ali Kaykāvus Ibn Iskandar Ibn Qābus Ibn Vashmagīr Ibn Ziyār. Qābus-Nāma. Be ehtemām va tashīh-e Gholām Hossein Yusufī, Tehran, 1378 [‘Unsur al’-Ma’ali Kaikavus ibn Iskandar ibn Kabus ibn Vashmgir ibn Ziyar. Kabus-nama. Red. Golam Khossein Yusufi. Tegeran, 1999]). (In Persian)

Nasir-i Khusrav, Safar-name 1977 —

ناصر خسرو قبادیانی. سفرنامه. به کوشش دکتر محمد دبیر سیاقی. تهران: زوار، بهمن.

(Nāsir Khosrov Qobādiānī. Be kushesh-e doktor Mohammad Dabīr Siāghī [Nasir Khosrov Kubadiani. Travelog. Podgotovka k izdaniyu doktora Mokhammad Dabira Siyagi. Tegeran, fevral’ 1977]). (In Persian)

Nizami 1993 —

کلیات نظامی گنجوی، مطابق نسخه وحید دستگردی، به اهتمام پرویز بابایی. ج. ۱: محزن الاسرار، خسرو و شیرین، لیلی و مجنون، هفت پیکر، ج. ۲: اسکندر نامه. تهران: مؤسسه انتشارات نگاه.

(Kolliyat-e Nezāmī Ganjavī, motābegh-e noskhe Vahīd Dastgerdī, be ehtemām-e Parvīz Bābāī. J. 1: Mahzan al-Asrār, Khosrov va Shirīn, Leilī va Majnun, Haft Peykar, J. 2: Eskandar-nāme. Teheran, 1372/1993 [Sobranie sochinenii Nizami Gandzhavi. Podgotovka k izdaniyu doktora Vakhida Dastgerdī, pri uchastii Parviza Babai. T. 1: Makhzan al’-asrar, Khosrov i Shirin, Leili i Madzhnun, Khaft peikar; T. 2: Iskandar-name. Tegeran, 1993]). (In Persian)

کلیات سعدی. از روی نسخه تصحیح شده محمد علی
فروغی. تهران: مؤسسه انتشارات نگاه.

(Kolliyat-e Sa'dī. Az ru-ye noskhe-ye tashhshode-ye
Mohammad 'Ali Forughī. Teheran, 1375/1996 [Sobranie
sochinenii Saadi. Po ispravlennoi versii Mokhammed Ali Forugi.
Tegeran, 1996]). (In Persian)

Арманд Елена Евгеньевна

Институт классического Востока и античности НИУ Высшая
школа экономики

Москва, Россия

Armand Elena Evgenievna

Institute for Oriental and Classical Studies, HSE

Moscow, Russia

armandlena@yandex.ru

earmand@hse.ru

**Будущее в таджикском:
литературное будущее время
в современном таджикском языке¹
*The Definite Future tense in modern Tajik***

Вьдрин А. П., Мазурова Ю. В.

Vydrin A. P., Mazurova J. V.

Статья является корпусным исследованием литературного будущего времени в современном таджикском языке. Существующие грамматики практически не описывают семантику этой формы. В статье рассматриваются нетривиальные морфосинтаксические особенности литературного будущего, отличающие эту форму от других аналитических глагольных форм таджикского языка. На корпусном материале установлено, что литературное будущее в современном таджикском не ограничено «книжным» языком и нередко употребляется в контекстах, имитирующих живую речь (диалоги и монологи). Модальность этой формы тесно связана с высоковероятной эпистемической оценкой говорящего, но не ограничена этой сферой. В статье рассматриваются примеры употребления литературного будущего времени в стилистических целях в качестве равноценной замены настояще-будущего времени.

Ключевые слова: таджикский язык, будущее время, эпистемическая модальность, корпусные исследования

This article highlights the results of a corpus-based study of the Definite Future tense in modern Tajik, the semantic features of which are not specified in Tajik reference grammars. The article deals with the specific morphosyntactic features of the Definite Future which

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-012-00637 «Таджикский национальный корпус».

distinguish it from other analytical verbal forms in the Tajik language. Corpus data shows that the Definite Future is not limited to written texts only, but is also used in contexts where oral speech is imitated (dialogues and monologues). The modality of this form is closely related (but not limited to) an epistemic judgment by the speaker as 'highly probable'. Examples of the stylistic use of the Definite Future as a synonym for the Present-Future Tense are also considered.

Key words: Tajik language, future tense, epistemic modality, corpus-based studies

DOI 10.37892/2313-5816-2021-1-103-117

1. Введение

В исследованиях по таджикскому языку упоминается так называемое литературное будущее время или будущее категорическое. Граматики и исследования таджикской глагольной системы очень кратко описывают эту форму, ограничиваясь замечанием, что литературное будущее время употребляется только в письменном языке; семантические особенности этой формы не описываются. Целью настоящей статьи является корпусное исследование литературного будущего времени таджикского языка. Материалом для исследования послужил Национальный корпус таджикского языка (НКТЯ, <http://tajik-corpus.org/>), открытый для широкого пользования в 2020 г. Объем НКТЯ на момент написания статьи составлял 22 млн словоупотреблений. Корпус состоит главным образом из современных текстов разных жанров. Для исследования литературного будущего времени мы использовали подкорпус из текстов художественной литературы (общий объем около 6,5 млн словоупотреблений). Для отдельных задач использовался также подкорпус современных газет (более 9,6 млн словоупотреблений). Представляется, что выводы настоящей статьи опираются на первое корпусное исследование таджикских глагольных аналитических форм, выполненное на большом объеме данных современного языка.

2. Морфология

В настоящей статье мы не рассматриваем диахронические аспекты развития форм будущего и настояще-будущего времени в таджикском языке. Вопрос происхождения этих форм в новоиранских языках неоднократно освещался в работах Д. И. Эдельман (см. например, [Эдельман 1975а; Эдельман 1975b]).

Литературное будущее время образуется с помощью вспомогательного глагола *хостан* ‘хотеть’, который ставится в личную форму сослагательного наклонения настоящего-будущего времени, смысловой глагол употребляется после вспомогательного глагола в неизменяемой форме усеченного инфинитива. Вспомогательный глагол *хостан* изменяется по всем лицам и числам, а также присоединяет к себе префикс глагольного отрицания *на-*.

Морфологические свойства литературного будущего времени нетривиальны. Вспомогательный глагол *хостан* употребляется контактно с усеченным инфинитивом смыслового глагола. Согласно данным, представленным в НКТЯ, никакие языковые элементы (автономные словоформы, частицы или клитики) не могут вставляться между вспомогательным глаголом и усеченным инфинитивом. В случае образования литературного будущего времени от сложного глагола именная часть сложного глагола употребляется перед вспомогательным глаголом *хостан*. Например, от сложного глагола *кор кардан* ‘делать, работать’ литературное будущее в 3SG будет *кор хоход кард*.

При образовании пассивной формы смысловой глагол употребляется в форме причастия прошедшего времени и ставится в позицию перед глаголом *хостан*. Вспомогательный глагол *шудан* ‘становиться’, образующий пассив, ставится в форму усеченного инфинитива и употребляется сразу после глагол *хостан*. Нужно заметить,

что в пассивной конструкции в литературном будущем времени смысловой глагол также не может ничем отделяться от вспомогательного глагола *хостан*. Приведем примеры:

- (1) — *Чун баргард-ем, мактаб-е*
 когда возвращаться-SUBV.1PL школа-INDEF
хоҳ-ӣ сохт.
 хотеть-SUBV.2SG строить.INF2.FUT
 ‘Когда мы вернемся, ты построишь школу’ (НКТЯ. Сорбон Куллиёт. Ҷ. 9. Достони писари худо (роман). К.5–6. Душанбе, 2009).
- (2) *Лекин фардо ё насфардо ин ГЭС*
 но завтра или послезавтра этот ГЭС
сохта хоҳ-ад шуд.
 строить.PART.PST хотеть- SUBV.3SG становится.INF2.FUT
 ‘Но завтра или послезавтра эта ГЭС будет построена’ (НКТЯ. Сорбон Куллиёт. Ҷ. 3. Қиссаҳои хурд. Душанбе, 2009).

В первом примере глагол *сохтан* ‘строить’ употребляется после вспомогательного глагола *хостан* ‘хотеть’. Во втором примере, где представлена пассивная конструкция, смысловой глагол *сохтан* ставится в форму причастия прошедшего времени и употребляется перед вспомогательным глаголом *хостан*; вспомогательный глагол *шудан* ‘становиться’ ставится на место смыслового глагола при активном залоге — после глагола *хостан*.

Морфологические свойства литературного будущего времени выделяются из общей структуры таджикского глагола. Линейная позиция вспомогательного глагола *хостан* отличает его от вспомогательных глаголов других видовременных форм, которые всегда следуют за смысловым глаголом. Употребление вспомогательного глагола

хостан только в форме сослагательного наклонения настоящего-будущего времени выделяет его среди других вспомогательных глаголов, которые или используются в изъявительном наклонении, или не имеют ограничений по наклонениям. Пассивные формы от литературного будущего времени также образуются нестандартно: вспомогательный глагол *шудан*, образующий пассив, ставится в синтаксическую позицию и в форму смыслового глагола, а также теряет лично-числовую флексию. Во всех других пассивных формах глагол *шудан* сохраняет свою финитность.

3. Семантика

Насколько можно судить по имеющейся литературе, ранее не предпринималось попыток исследования семантических особенностей литературного будущего времени на основе объемного корпуса современных текстов таджикского языка. Граматики ограничиваются замечанием, что эта форма используется в письменном языке и обозначает уверенность в совершении действия в будущем, ср., например, [Windfuhr, Perry 2009: 489; Perry 2005: 215–216; Расторгуева, Керимова 1964: 71]. Предполагается, что в устном языке для сферы будущего употребляется настоящее-будущее время. Действительно, настоящее-будущее время может выражать некоторые значения плана будущего, в частности ближайшее будущее (3) и будущее в прошедшем (4).

- (3) *Ман акнун худ-ам ба мол-ҳо хӯрок*
 я теперь сам-POSS.1SG PREP скот-PL еда
медих-ам
 давать-PRS.1SG
 ‘Я сам дам теперь корм скоту’ [Расторгуева, Керимова 1964, 67].

- (4) *Галина Андреевна фаҳмид*
 Галина Андреевна понимать.PST.3SG
ки гуфтугӯ-и ҷидди-е мешав-ад...
 что разговор-EZF серьезный-INDEF становится-PRS.3SG
 ‘Галина Андреевна поняла, что будет серьезный разговор...’ [Там же].

Материал НКТЯ показывает, что литературное будущее время используется во всех лицах и числах, в том числе и в первом лице для имитации прямой речи:

- (5) *Биё, ки ман дигар ҳаргиз ту-ро*
 приходиться.IMR.2SG что я еще никогда ты-OBL
озор на-хоҳ-ам дод.
 обида NEG-хотеть-SUBJ.1SG давать.INF2.FUT
 ‘Давай, я больше тебя никогда не обижу’ (НКТЯ. Муродӣ А. Дарункӯб. Душанбе, 2011).

- (6) *Ман ту-ро мехоҳ-ам-у мепараст-ам ва*
 я ты-OBL хотеть-PRS.1SG-и поклоняться-PRS.1SG и
пас аз ҷанг ҳатман бо ту ком-и
 после PREP война обязательно с ты желание-EZF
висол хоҳ-ам ёфт – хонадор
 соединение хотеть-SUBJ.1SG находить.INF2.FUT женатый
хоҳ-ам шуд
 хотеть-SUBJ.1SG становится.INF2.FUT
 ‘Я хочу тебя, и я преклоняюсь перед тобой, после войны я обязательно соединюсь с тобой — женюсь [на тебе]’ (НКТЯ. Тоҳирӣ Д. Сапитамон-Рухшона-Искандар. Душанбе, 2012).

В примере (7) автор использует литературное будущее время в первом лице множественного числа в диалоге, что свидетельствует о возможности употребления рассматриваемой формы в разговорном стиле, а не только в литературной

речи (гlossы приводятся только для высказывания с литературным будущим временем, которое выделено в примере полужирным):

(7)

- *Бинӣ, бинӣ! Ман туро ба дидори ӯ расонам!*
 — *Чӣ гуна?*
 — ***Мубориза хоҳем бурд. Қаҳрамонӣ хоҳем кард...***
 — *На-а-а!...*
 — *Чим! Касе меояд...*
 — *Бигузур ояд.*
 ‘— *Смотри, смотри! Устрою-ка я тебе встречу с ним!*
 — *Каким образом?*
 — ***Мы будем бороться! Мы совершим подвиг...***
 — *Нееет!..*
 — *Тихо! Кто-то идет...*
 — *Пусть идет’.* (НКТЯ. Сорбон. Куллиёт. Ҷ. 9. Достони писари худо. К.5-6. Душанбе, 2009.)

Мубориза хоҳ-ем бурд. Қаҳрамонӣ
 борьба хотеть-SUBV.1PL нести.INF2.FUT отвага
хоҳ-ем кард
 хотеть-SUBV.1PL делать.INF2.FUT
 ‘Мы будем бороться! Мы совершим подвиг’

Примеров с литературным будущим в первом лице не так мало в НКТЯ. Всего в прозе эта форма употребляется 4114 раз. В первом лице в прозе литературное будущее употребляется 634 раза, что составляет почти 15,5 % всех употреблений. Таким образом, литературное будущее используется не только в повествовании, но при имитации разговорной устной речи — в диалоге или монологе рассказчика.

Проведенное на материале корпуса исследование семантических свойств показывает, что литературное будущее

может выражать следующие значения: ближайшее будущее, ближайшее будущее в прошедшем, будущее в прошедшем, запланированное будущее, предсказание или прогноз, уверенность говорящего в том, что ситуация в будущем будет иметь место (высоковероятная эпистемическая оценка). Примеры приводятся ниже.

Ближайшее будущее:

- (8) «*Ҳоло бубинем, чӣ хоҳ-ад*
сейчас видеть-SUBJ.1PL что хотеть-SUBJ.3SG
шуд», — *илова кард* ӯ.
становиться.INF2.FUT добавление делать.PST.3SG он
'«Сейчас давайте посмотрим, что произойдет», — добавил
он' (НКТЯ. Хешовандон мегӯянд, ваъзи Озарахш андаке
бехтар шудааст. САДО, Ozodi, 2020).

Ближайшее будущее в прошедшем:

- (9) *Занак боз хурсанд шуд* ва
женщина опять радостный становится.PST.3SG и
гуфт, ки ҳоло ҳозир хоҳ-ад
говорить.PST.3SG что сейчас теперь хотеть-SUBJ.3SG
овард.
приносить.INF2.FUT
'Женщина опять обрадовалась и сказала, что сейчас же
принесет' (НКТЯ. Шакурӣ М. Б. Садри Бухоро. Душанбе,
2005)

Будущее в прошедшем:

- (10) *Сулҳ баст-анд, паймон кард-анд,*
мир связывать-PST.3PL договор.делать-PST.3PL
*ки дигар бо ҳам*₂
что больше вместе_{1,2}
душманӣ на-хоҳ-анд кард, *ҳар*
вражда NEG-хотеть-SUBJ.3PL делать.INF2.FUT каждый

ду тараф асир-он-и чанг-ро озод
 два сторона пленник-PL-EZF война-OBL свободный
 намуд-анд.

показывать-PST.3PL

‘Они заключили мир, договорились, что больше не будут воевать друг с другом, обе стороны освободили военнопленных’ (НКТЯ. Улуғзода С. Достонҳои Шоҳнома).

Запланированное будущее:

- (11) Сол-и оянда татбиқ-и барнома-и
 год-EZF будущий применение-EZF расписание-EZF
 сохтмон-и манзил-и арзон

строительство-EZF квартира-EZF дешевый

муттасил идома хоҳад

непрерывный продолжение хотеть-SUBJ.3SG

ёфт.

найти-INF2.FUT

‘В будущем году согласно плану неуклонно продолжится строительство дешевых квартир’ (НКТЯ. Мурочиатномаи президенти ҷумҳурии Ўзбекистон Шавкат Мирзиёев ба Олий Маҷлис. Ovozi Tojik, 2018).

Предсказание, прогноз

- (12) Ҳаво аз 36 то 41 дараҷа гарм хоҳад
 воздух PREP до градус тепло хотеть-SUBJ.3SG
 шуд.

становиться-INF2.FUT

‘Воздух прогреется до 36-41 градусов’ (НКТЯ. Тобистони воқеъӣ: имрӯз ҳавои Тоҷикистон 43 дараҷа гарм мешавад. Sputnik Таджикистан, 2017)

Литературное будущее время может употребляться с неконтролируемыми предикатами, при этом возникает эпистемическое значение высокой вероятности осуществления

ситуации. См. пример (13), где говорящий уверен, что ситуация в будущем произойдет:

- (13) *Ҳар кадом-е аз мо дар дил ба
каждый который-INDEF PREP мы в сердце с
худ мегуфт-ем: «рӯз-е ман ҳам он
сам говорить-IMPERF.1PL день-INDEF я тоже тот
чо хоҳ-ам хобид»...*

место хотеть-SUBJ.1SG спать-INF2.FUT

[Мы — рабы, которые ходили на работу, уставшие и выдохшиеся мы смотрели на гробы. Какие только мысли нам не приходили в голову.] ‘Каждый из нас про себя говорил: «Однажды и я (точно) буду там лежать»’ (НКТЯ. Самад А. Гардиши девбод. 2017).

Ср. также следующий пример, где вначале употребляется форма настояще-будущего, а затем от того же глагола употребляется форма литературного будущего времени:

- (14) «*Ман на-мемир-ам, ман на-хоҳ-ам*
я NEG-умирать-PRS.1SG я NEG-хотеть-SUBJ.1SG
мурд»

умирать-INF2.FUT

‘Я не умру, я точно не умру’ (НКТЯ. Сорбон. Куллиёт. Ҷ. 4. Актёр; Лоикнома. 2009).

Мы полагаем, что в этом случае литературное будущее употребляется для усиления уверенности говорящего в том, что ситуация реализуется.

Некоторые исследователи таджикского и близкородственного персидского² языка считают значение уверенности

² Из последних исследований семантической зоны будущего в классическом и современном персидском языке см. работу [Jahani 2008].

говорящего в реализации ситуации в будущем основным значением литературного будущего времени и именуют эту форму будущим категорическим (например, [Рубинчик 2001: 243]). Однако наше исследование показывает, что таджикское будущее литературное не всегда выражает высоковероятную эпистемическую оценку говорящего. Ср. пример ниже, где эта форма используется после глагола *донистан* ‘знать’ с отрицанием и модальность предложения заключается в неуверенности говорящего в реализации ситуации в будущем:

- (15) *Ҳар бор-е, ки аз фурудгоҳ парвоз*
 каждый раз-INDEF когда PREP аэропорт полет
меқун-ем, на-медон-ем, ки оё фуруд
 делать-PRS.1PL NEG-знать-PRS.1PL что или посадка
хоҳ-ем омад ё на.
 хотеть-SUBJ.1PL идти.INF2.FUT или нет
 ‘Каждый раз, когда мы взлетаем с аэродрома, мы не знаем, приземлимся мы или нет’ (НКТЯ. Кормандони «Tajik Air»: Раҳимов худро бартар аз Раисҷумхур мепиндорад, Sputnik Таджикистан, 2017).

Литературное будущее может употребляться в стилистических целях, например для того чтобы избежать тавтологии при перечислении в прогнозе погоды. См. пример ниже, где дается прогноз погоды на сегодняшний день и употребление настояще-будущего времени чередуется с формами литературного будущего (формы настояще-будущего и будущего литературного выделены полужирным):

- (16)
Имрӯз дар вилояти Суғд ҳаво қисман абрнокӣ тағйирёбанда
*шуда, шамол аз самти шарқ 4–9 метр дар як сония **мевазад.***
Дар водиҳо шабона +10+15 ва рӯзона +27+32 дараҷа гарм

мешавад. Дар вилояти Хатлон ҳавои софу бегубор пешгӯӣ шуда, шамол аз самти шарқ 3–8 метр дар як сония мевазад. Ҳаво дар водихо шабона +14+19 ва рӯзона 31+36 дараҷа гарм хоҳад шуд.

‘Сегодня в Согдийской области ожидается переменная облачность, восточный ветер 4–9 метров в секунду. В долинах [воздух] прогреется до +10–+15 ночью и до +27–+32 градусов днем. В Хатлонской области ожидается ясная погода, восточный ветер 3–8 метров в секунду. Воздух в долинах прогреется до +14–+19 ночью и до +31–+36 градусов днем’ (НКТЯ. Вазъи ҳаво: Дар шарқи ВМКБ борон, дигар ҷо муътадил. Фараж, 2018).

В приведенном примере при описании прогноза погоды одной области употребляется настоящее-будущее время, а при описании другой — литературное будущее. Литературное будущее в данном случае не выражает никаких дополнительных модальных смыслов, а употребляется лишь как стилистическая замена настоящего-будущего времени.

4. Выводы

Мы описали основные морфосинтаксические и семантические особенности таджикского литературного будущего времени. Согласно данным НКТЯ, эта форма употребляется не только в книжном языке, но и при имитации устной речи (например, диалоги, монологи). Корпусная статистика показывает, что литературное будущее нередко употребляется в первом лице.

Модальность литературного будущего времени связана с высоковероятной эпистемической оценкой говорящего. Однако обнаружены примеры, где эта форма выражает эпистемическую неуверенность говорящего в реализации ситуации в будущем. Мы также показали, что в некоторых

контекстах (например, прогноз, предсказание) литературное будущее не несет никакой модальной семантики, а употребляется в качестве стилистического варианта настоящее-будущего времени.

Список сокращений

- EZF — изафет
FUT — литературное будущее время
IMP — повелительное наклонение
IMPERF, INDEF — неопределенный артикль
INF2 — усеченный инфинитив
NEG — отрицание
OBL — послелог *-ро*, маркирующий дополнение
PART.PST — причастие прошедшего времени
PL — множественное число
POSS — притяжательное местоимение
PREP — предлог
PRS — настоящее-будущее время
PST — прошедшее время
SG — единственное число
SUBJ — сослагательное наклонение

Литература

Расторгуева В. С., Керимова А. А. *Система таджикского глагола*. Москва, 1964.

Рубинчик Ю. А. *Грамматика современного персидского литературного языка*. Москва, 2001.

Эдельман Д. И. Категория времени и вида // *Опыт историко-типологического исследования иранских языков. II. Эволюция грамматических категорий*. Москва, 1975а, 337–411.

Эдельман Д. И. Категория наклонения // *Опыт историко-типологического исследования иранских языков. Т. II. Эволюция грамматических категорий*. Москва, 1975b, 412–450.

Jahani C. Expressions of future in Classical and Modern New Persian // S. Karimi, D. Stilo, V. Samiiian (eds). *Aspects of Iranian Linguistics*. Newcastle, 2008, 153–176.

Perry J. R. *A Tajik Persian reference grammar*. Leiden, Boston, 2005.

Windfuhr G., Perry J. R. Persian and Tajik // G. Windfuhr (ed.) *The Iranian languages*. London, New York, 2009, 416–544.

НКТЯ — Национальный корпус таджикского языка. URL: <http://tajik-corpus.org/>

References

Edelman D. I. Kategorija naklonenija // *Opyt istoriko-tipologicheskogo issledovanija iranskih jazykov. T. II. Evoljucija grammaticheskij kategorij*. Moscow, 1975a, 412–450. (In Russ.)

Edelman D. I. Kategorija vremeni i vida // *Opyt istoriko-tipologicheskogo issledovanija iranskih jazykov. II. Evoljucija grammaticheskij kategorij*. Moscow, 1975b, 337–411. (In Russ.)

Jahani C. Expressions of future in Classical and Modern New Persian // S. Karimi, D. Stilo, V. Samiiian (eds). *Aspects of Iranian Linguistics*. Newcastle, 2008, 153–176.

Perry J. R. *A Tajik Persian reference grammar*. Leiden, Boston, 2005.

Rastorgueva V. S., Kerimova A. A. Sistema tadzhikskogo glagola. Moscow, 1964. (In Russ.)

Rubinchik Ju. A. *Grammatika sovremennogo persidskogo literaturnogo jazyka*. Moscow, 2001. (In Russ.)

Windfuhr G., Perry J. R. Persian and Tajik // G. Windfuhr (ed.) *The Iranian languages*. London, New York, 2009, 416–544.

TNC — Tajik National Corpus. URL: <http://tajik-corpus.org/>

Выдрин Арсений Павлович
Институт лингвистических исследований РАН
Санкт-Петербург, Россия
Vydrin Arseniy Pavlovich
Institute for Linguistic Studies, RAS
Saint Petersburg, Russia
senjacom@gmail.com

Мазурова Юлия Викторовна
Институт языкознания РАН
Москва, Россия
Mazurova Julia Viktorovna
Institute of Linguistics, RAS
Moscow, Russia
mazurova.julia@gmail.com

***К изучению терминологии родства
в современном Таджикистане:
памирские и таджикский языки***

***New data on kinship terminology
in the Pamir and Tajik languages
of modern Tajikistan***

Джамшедов П. Д.

Jamshedov P. D.

В статье приведены данные по терминологии родства в памирских и таджикском языках. С помощью носителей-информантов автор собрал, в ряде случаев уточнив, и представил современную терминологию родства в бесписьменных иранских языках и диалектах юга Таджикистана.

Ключевые слова: терминология родства, памирские языки, таджикский язык, бесписьменные языки, диалекты, Таджикистан

The article presents data on kinship terminology in the Pamir and Tajik languages. With the help of native speakers the author collected and analysed modern-day kin terms in the unwritten Iranian languages and dialects of southern Tajikistan.

Key words: kinship terminology, Pamir languages, Tajik language, unwritten languages, dialects, Tajikistan

DOI 10.37892/2313-5816-2021-1-118-141

Изучению терминов родства (ТР) посвящены многочисленные статьи и монографии — как за рубежом, так и в нашей стране. Это, например, работы О. Н. Трубачева по истории славянских терминов родства [1957; 1959; 1960]. О ТР для

ближайших кровных родственников в осетинском языке и их ИЕ соответствиях писал В. И. Абаев [1949]. Терминология родства затронута в монографии Л. Г. Герценберга, посвященной морфологической структуре индоевропейских языков [1972] и др.

Начало изучения терминов родства в основных иранских языках (персидском, таджикском и др.) можно отнести ко второй половине XX в., хотя некоторые термины попали в сферу внимания исследователей еще в начале XX в. (см., например, заметку о термине «правнук» В. В. Бартольда [1914: 155–156]. В целях обобщения данного материала можно обратиться к статье Н. А. Кислякова о проблемах семьи и брака по материалам работ советских этнографов Средней Азии и Казахстана) [1967: 92–104]. Обзор литературы по данной тематике см. в работе К. Ц. Киквидзе по персидскому языку [1991], а также раздел, посвященный индоиранским народам и языкам, в аннотированной библиографии по системам терминов родства и браку Г. В. Дзибеля (см. особенно с. 329–332).

С учетом этноязыковых особенностей проживающих в этом регионе народов А. Л. Грюнберг и И. М. Стеблин-Каменский рассматривали Памиро-Гиндукушский этнолингвистический регион как подразделяющийся на Восточный Бадахшан, Кафиристан (Нуристан) и подареал распространения дардских языков [1974: 276–283]. Позднее с уточнением и большей доступностью сведений о памирских языках Афганистана, Пакистана и Китая, Азиз Мирбобоев разработал этнолингвистическую модель этого региона, куда включил новые подразделения: Горный Бадахшан, восточную часть провинции Бадахшан Исламской Республики Афганистан, отдельные части Восточного Туркестана (Синьцзян) и северо-восточного Пакистана [Мирбобоев 2002: 59–70]. При этом два памирских языка — сарыкольский, входящий в шугнано-рушанскую группу языков, и ваханский, — бытующие в тесном соседстве в Ташкуртан-Таджикском автономном уезде, в настоящее время находятся в близком соседстве,

сближаясь друг с другом и формируя языковой союз с киргизским, уйгурским, а также китайским языками на территории Синьцзян-Уйгурского автономного района, КНР. В силу этого их лексика в целом, включая ТР, изобилует заимствованиями из тюркских и китайского языков. Это еще раз указывает на необходимость неотложного сбора данных миноритарных языков, находящихся под угрозой исчезновения.

Целенаправленное изучение ТР в иранских языках Таджикистана (таджикском и памирских языках) можно отнести к 1950-м гг., когда появилась статья А. К. Писарчик «О некоторых терминах родства таджиков» [1953], вслед за ней был опубликован ряд материалов по терминам родства в шугнано-рушанской группе языков и язгулямском языке Д. Г. Резника [1957а; 1957б]. Чуть позднее вышла в свет работа А. Л. Грюнберга, где ТР в татском языке приводятся в сопоставлении с персидским, таджикским и тюркским языками [1961]. В последние годы XX в. появились статьи по ТР З. Зайнидиновой на материале диалектов таджикского языка [1980а; 1980б и др.], а в начале XXI в. — З. О. Назаровой [2005].

Профессором Д. И. Эдельман был затронут ряд фундаментальных проблем, связанных с развитием лексики родства и ее семантических аспектов, в целом реконструирована лексическая система ТР праиранского периода [1982; 1999; 2009; 2012; 2014], а также выявлены особые случаи переосмысления терминов свойства в термины родства, см. о последнем феномене одну из последних работа по этой тематике [Эдельман, Молчанова 2019]. Ряд ТР во многих мертвых и живых иранских языках рассмотрен в «Этимологическом словаре иранских языков», где разработана этимология многих ТР на материале широкого круга иранских языков и приведены подробные этимологические статьи по таким ТР, как ‘мать’, ‘отец’, ‘сын’, ‘дочь’, ‘брат’, ‘деверь’ и пр. [Расторгуева, Эдельман 2000; 2003; 2007; Эдельман 2011; 2015; 2020].

В бесписьменных памирских языках и соседних с ними таджикских диалектах и говорах ТР претерпевают постоянные

изменения, связанные как со сменой диалектной базы таджикского языка — государственного языка Республики Таджикистан, так и с заимствованиями или языковой модой, постоянным притоком новой терминологии из-за миграции, глобализации и других связанных с ними явлений. В силу этого сдвиги в терминологии, как правило, не полностью учитываются исследователями при анализе систем родства и свойства. Учитывая процесс глобализации в мире в целом и то, что динамика трансформации бесписьменных памирских языков весьма высока, а также активный процесс заимствований извне и актуализации исторических ресурсов, имеет место значительное обновление сложившейся, устоявшейся лексики, в частности ТР. В связи с этим представляется уместным привести современный состав ТР в языках и диалектах юга Таджикистана, а также по отдельным языкам провинции Бадахшан, Афганистан, и Синьцзян-Уйгурского автономного района (сарыкольский), Китай.

Многие из памирских языков и таджикских говоров и диалектов взаимодействуют с тюркскими (узбекскими и киргизскими) диалектами, в результате чего в памирские и таджикский язык вошло значительное число тюркских терминов; приведем лишь несколько примеров: *янга*, *қайсингил*, *чиян*. Кроме того, памирские и таджикские ТР характеризуются наличием большого числа изобразительных слов, восходящих к детскому языку: *tat(a)*, *nan(a)* и т. п.

Термины родства традиционно делятся на две большие группы: термины кровного родства и термины свойства. В предлагаемых ниже таблицах показаны термины родства и свойства в памирских языках и различных южных говорах таджикского языка (Приложение 1. Таб. 1–4).

Условные сокращения

- барт. — бартагский
вах. — ваханский
ишк — ишкашимский
мундж. — мунджанский
рош. — рошорвский
руш. — рушанский
сар. — сарыкольский
т. — таджикский
т.-бад. — бадахшанский диалект таджикского языка
(межпамирский порси)
т.-вандж. — ванджский диалект таджикского языка
т.-дарв. — дарвазский диалект таджикского языка
х. — хуфский
ш. — шугнанский
язг. — язгулямский

Литература

Абаев В. И. О родовых отношениях и терминах родства у осетин // *Энгельс и языкознание*. Москва, 1972, 233–242.

Абаев В. И. *Осетинский язык и фольклор*. Москва, 1949. (ТР для ближайших кровных родственников и их ИЕ соответствия, 19–20; ТР для брата и сестры как показатель древних общественных отношений, 62–63).

Бартольд В. В. Правнук // *Известия АН*, 1914, 2: 155–156.

Битарова З. А. *Лексика родства и родственных отношений в осетинском языке*. Автореф. дис. ... канд. наук. Тбилиси, 1974.

Битарова З. А. О некоторых терминах родства в осетинском языке, отражающих узкосемейные отношения // *Изв. Юго-Осетинского науч.-исслед. ин-та*. Тбилиси, 1977, 21: 167–176.

Грюнберг А. Л., Стеблин-Каменский И. М. *Языки Восточного Гиндукуша. Ваханский язык: тексты, словарь, грамматический очерк*. Москва, 1976.

Грюнберг А. Л. О месте татского среди иранских языков // *Вопросы языкознания*, 1961, 1: 106–114.

Грюнберг А. Л., Стеблин-Каменский И. М. Этнолингвистическая характеристика Восточного Гиндукуша // *Проблемы картографирования в языкознании и этнографии*. Ленинград, 1974, 276–283.

Десницкая А. В. *Вопросы изучения родства индоевропейских языков*. Москва, Ленинград, 1955.

Дзибель Г. В. *Аннотированная междисциплинарная библиография научной литературы на русском языке по родству, системам родства, системам терминов родства, семейно-родовой организации и браку (с добавлениями литературы на языках бывшего Советского Союза и Болгарии), 1835–2012*, 243–361. Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. URL: <http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-88431-200-5/>

Зайниддинова З. Аз хусуси истилоҳи «палонч» ва синонимҳои он (О термине «палонч» и его синонимах) // *Забониносии тоҷик*. Душанбе, 1980, 104–107.

Зайниддинова З. Истилоҳҳои хешутаборӣ (Термины родства и свойства) // *Шеваҳои ҷанубии забони тоҷикӣ*. Душанбе, 1980, 1, 194–204.

Карамхудоев Н. *Бартангский язык*. Душанбе, 1973.

Карамшоев Д. *Шугнанско-русский словарь*. Москва. Т. I — 1988, Т. II — 1991, Т. III — 1999.

Киквидзе К. Ц. *Термины родства и свойства в персидском языке*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1991.

Кисляков Н. А. Проблемы семьи и брака в работах советских этнографов (По материалам Средней Азии и Казахстана) // *Советская этнография*, 1967, 5: 92–104.

Курбанов Х. *Рошорвский язык*. Душанбе, 1976.

Левин Ю. И. Об описании системы терминов родства // *Советская этнография*, 1970, 4: 34–40.

Мирбобоев А. Назаре ба таҳаввули забонҳои эронии минтақаи Ҳиндукуши шарқӣ // *Номаи Пажӯҳишгоҳ (Взгляд*

на процессы становления и развития иранских языков Восточного Гиндукуша) // *Вестник научно-исследовательского института при Посольстве Исламской Республики Иран в Республике Таджикистан*. Душанбе, 2002, 2: 59–70.

Михайлова Т. А. «Шурин или деверь... Ой, я всегда их пу-таю!» // *Ритуал в языке и коммуникации*. Москва, 2013, 77–86.

Назарова З. О. Система родства ишканимцев и ее отражение в языке // *Малые языки и традиции: существование на грани*. Вып. 1: *Лингвистические проблемы сохранения и документации малых языков (Посвящается 75-летию академика Вяч. Вс. Иванова)*. Москва, 2005, 203–210.

Пахалина Т. Н. *Ваханский язык*. Москва, 1975.

Пахалина Т. Н. *Сарыкольско-русский словарь*. Москва, 1971.

Писарчик А. К. О некоторых терминах родства таджиков // *Сб. ст. по истории и филологии народов Средней Азии. Тр. Ин-та ист., археол. и этнографии АН Тадж. ССР*. Сталинабад, 1953, 17, 177–185.

Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. *Этимологический словарь иранских языков*. Москва. Т. 1 — 2000. Т. 2 — 2003. Т. 3 — 2007. (Подробные этимологические статьи по ТР ‘брат’, ‘деверь’ и ‘дочь’, 178–184, 310–311, 476–481).

Резник Д. Г. Материалы к терминологии родства таджиков (Сообщение первое: Шугнанские и рушанские термины родства таджиков Памира) // *Ученые записки Кулябского гос. пед. ин-та*, 1957а, 3: 193–220.

Резник Д. Г. Язгулямские термины родства (Материалы к терминологии родства таджиков, сообщение II) // *Ученые записки Кулябского гос. пед. ин-та*, 1957б, 4: 287–310.

Розенфельд А. З. *Бадахшанские говоры таджикского языка*. Ленинград, 1971.

Розенфельд А. З. *Ванджские говоры таджикского языка*. Ленинград, 1964.

Розенфельд А. З. К терминологии родства и свойства в таджикских говорах // *Иранское языкознание*. Москва, 1976, 209–207.

Стеблин-Каменский И. М. *Этимологический словарь ваханского языка*. Санкт-Петербург, 1999.

Трубачев О. Н. История славянских терминов родства // *Вопросы языкознания*, 1960, 5: 140–144.

Трубачев О. Н. *История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя*. Москва, 1959; переиздано: Москва, 2006.

Трубачев О. Н. К этимологии некоторых древнейших славянских терминов родства (ИЕ *genЭ-, слав. godь, pьeme, *obytjo) // *Вопросы языкознания*, 1957, 2: 86–95.

Файзов М. *Язык рушанцев Советского Памира*. Душанбе, 1966.

Фарҳанги гӯйишиҳои ҷанубии забони тоҷикӣ. Мураттибон Маҳмудов М., Ҷураев Ғ., Бердиев Б. (Словарь южных говоров таджикского языка). Душанбе, 2012.

Фарҳанги забони тоҷикӣ (Словарь таджикского языка). Т. I–II. Москва, 1969.

Хоркашев С. Истилоҳоти хешутаборӣ дар шеваҳо (Термины родства в говорах) // *Вестник Таджикского национального университета. Сер. Филол.* Душанбе, 2014, 4/2 (133): 38–52.

Шарифова Г. М. *Лексика таджикских говоров на современном этапе: состояние и развитие (на материалах матчинского говора)*. Дис. ... канд. филол. наук. Душанбе, 2018.

Шеваҳои ҷанубии забони тоҷикӣ (Южные говоры таджикского языка). Т. 1–5. Душанбе, 1982.

Эдельман Д. И. К истории терминов родства в иранских языках // *Indologica. Сб. статей памяти Т. Я. Елизаренковой*, кн. 2. Труды Института восточных культур и античности, вып. XL. Москва, 2012, 239–262.

Эдельман Д. И. К истории форм терминов родства на *-tag в иранских языках // *Ученые записки Ленинград. гос. ун-та. Сер. востоковед. наук. 1999. 37. Востоковедение 21. Филологические исследования*, 1999.

Эдельман Д. И. К перспективам реконструкции общеиранского состояния // *Вопросы языкознания*, 1982, 1: 37–47

(зд. см. также о названиях деверья в иранских языках и его фонологических особенностях, 38).

Эдельман Д. И. Семейный уклад в традиционном обществе и динамика терминологии родства // *Динамика культурно-исторической парадигмы: человек, слово, текст: сборник статей*. Москва, Калуга, 2014, 175–182.

Эдельман Д. И. *Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Фонология*. Москва, 1986.

Эдельман Д. И. *Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Лексика*. Москва, 2009.

Эдельман Д. И. *Этимологический словарь иранских языков*. Москва. Т. 4 — 2011, Т. 5 — 2015, Т. 6 — 2020.

Эдельман Д. И. *Язгулямско-русский словарь*. Москва, 1971.

Эдельман Д. И., Молчанова Е. К. Об истории терминов родства и свойства в иранских языках и диалектах // *Алгебра родства: Родство. Системы родства. Системы терминов родства родства*. Сост. и отв. ред. В. А. Попов. Вып. 17. Санкт-Петербург, 2019, 114–142.

References

Abaev V. I. O rodovyykh otnosheniyakh i terminakh rodstva u osetin // *Engel's i yazykoznanie*. Moskva, 1972, 233–242. (In Russ.)

Abaev V. I. *Osetinskii yazyk i fol'klor*. Moskva, 1949. (TR dlya blizhaishikh krovnykh rodstvennikov i ikh IE sootvetstviya, 19–20; TR dlya brata i sestry kak pokazatel' drevnikh obshchestvennykh otnoshenii, 62–63). (In Russ.)

Bartol'd V. V. Pravnuk // *Izvestiya AN*, 1914, 2: 155–156. (In Russ.)

Bitarova Z. A. *Leksika rodstva i rodstvennykh otnoshenii v osetinskom yazyke*. Avtoref. dis. ... kand. nauk. Tbilisi, 1974. (In Russ.)

Bitarova Z. A. O nekotorykh terminakh rodstva v osetinskom yazyke, otrazhayushchikh uzkooseimnye otnosheniya // *Izv.*

Yugo-Osetinskogo nauch.-issled. in-ta. Tbilisi, 1977, 21: 167–176. (In Russ.)

Desnitskaya A. V. *Voprosy izucheniya rodstva indoevropskikh yazykov*. Moskva, Leningrad, 1955. (In Russ.)

Dzibel' G. V. *Annotirovannaya mezhdistsiplinarnaya bibliografiya nauchnoi literatury na russkom yazyke po rodstvu, sistemam rodstva, sistemam terminov rodstva, semeinorodovoi organizatsii i braku (s dobavleniyami literatury na yazykakh byvshego Sovetskogo Soyuza i Bolgarii)*, 1835–2012, 243–361. Elektronnyaya biblioteka Muzeya antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN. URL: <http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-88431-200-5/> (In Russ.)

Edel'man D. I. *Etimologicheskii slovar' iranskikh yazykov*. Moskva. T. 4 — 2011, T. 5 — 2015, T. 6 — 2020. (In Russ.)

Edel'man D. I. K istorii form terminov rodstva na *-tar v iranskikh yazykakh // *Uchenye zapiski Leningrad. gos. un-ta. Ser. vostokoved. nauk.* 1999. 37. *Vostokovedenie* 21. *Filologicheskie issledovaniya*, 1999. (In Russ.)

Edel'man D. I. K istorii terminov rodstva v iranskikh yazykakh // *Indologica. Sb. statei pamyati T. Ya. Elizarenkovoi*, kn. 2. Trudy Instituta vostochnykh kul'tur i antichnosti, vyp. XL. Moskva, 2012, 239–262. (In Russ.)

Edel'man D. I. K perspektivam rekonstruktsii obshcheiranского sostoyaniya // *Voprosy yazykoznaniiya*, 1982, 1: 37–47 (zd. sm. takzhe o nazvaniyakh deverya v iranskikh yazykakh i ego fonologicheskikh osobennostyakh, 38). (In Russ.)

Edel'man D. I. Semeinyi uklad v traditsionnom soobshchestve i dinamika terminologii rodstva // *Dinamika kul'turno-istoricheskoi paradigmy: chelovek, slovo, tekst: sbornik statei*. Moskva, Kaluga, 2014, 175–182. (In Russ.)

Edel'man D. I. *Sravnitel'naya grammatika vostochnoiranskikh yazykov. Fonologiya*. Moskva, 1986. (In Russ.)

Edel'man D. I. *Sravnitel'naya grammatika vostochnoiranskikh yazykov. Leksika*. Moskva, 2009. (In Russ.)

Edel'man D. I. *Yazgulyamsko-russkii slovar'*. Moskva, 1971. (In Russ.)

Edel'man D. I., Molchanova E. K. Ob istorii terminov rodstva i svoistvá v iranskikh yazykakh i dialektakh // *Algebra rodstva: Rodstvo. Sistemy rodstva. Sistemy terminov rodstva rodstva*. Sost. i otv. red. V. A. Popov. Vyp. 17. Sankt-Peterburg, 2019, 114–142. (In Russ.)

Faizov M. *Yazyk rushantsev Sovetskogo Pamira*. Dushanbe, 1966. (In Russ.)

Farhangi g'yiishhoi janubii zaboni tojikī. Murattibon Mahmudov M., Juraev F., Berdiev B. (Slovar' yuzhnykh govorov tadjhikskogo yazyka). Dushanbe, 2012. (In Tajik)

Farhangi zaboni tojikī (Slovar' tadjhikskogo yazyka). T. I–II. Moskva, 1969. (In Tajik)

Gryunberg A. L. O meste tatskogo sredi iranskikh yazykov // *Voprosy yazykoznaniya*, 1961, 1: 106–114. (In Russ.)

Gryunberg A. L., Steblin-Kamenskii I. M. Etnolingvisticheskaya kharakteristika Vostochnogo Gindukusha // *Problemy kartografirovaniya v yazykoznanii i etnografii*. Leningrad, 1974, 276–283. (In Russ.)

Gryunberg A. L., Steblin-Kamenskii I. M. *Yazyki Vostochnogo Gindukusha. Vakhanskii yazyk: teksty, slovar', grammaticheskii ocherk*. Moskva, 1976. (In Russ.)

Karamkhudoev N. *Bartangskii yazyk*. Dushanbe, 1973. (In Russ.)

Karamshoev D. *Shugnansko-russkii slovar'*. Moskva. T. I — 1988. T. II — 1991, T. III — 1999. (In Russ.)

Khorkashev C. Istilohoti kheshutaborī dar shevaho (Terminy rodstva v govorakh) // *Vestnik Tadjhikskogo natsional'nogo universiteta. Ser. Filol.* Dushanbe, 2014, 4/2 (133): 38–52. (In Tajik)

Kikvidze K. Ts. *Terminy rodstva i svoistva v persidskom yazyke*. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tbilisi, 1991. (In Russ.)

Kislyakov N. A. Problemy sem'i i braka v rabotakh sovetskikh etnografov (Po materialam Srednei Azii i Kazakhstana) // *Sovetskaya etnografiya*, 1967, 5: 92–104. (In Russ.)

Kurbanov Kh. *Roshorvskii yazyk*. Dushanbe, 1976. (In Russ.)

Levin Yu. I. Ob opisanií sistemy terminov rodstva // *Sovetskaya etnografiya*, 1970, 4: 34–40. (In Russ.)

Mikhailova T. A. «Shurin ili dever'... Oi, ya vseгда ikh putayu!» // *Ritual v yazyke i kommunikatsii*. Moskva, 2013, 77–86. (In Russ.)

Mirboboev A. Nazare ba tahavvuli zabonhoi eronii mintaqai Hindukushi sharqī // *Nomai Pazhūhishgoh (Vzglyad na protsessy stanovleniya i razvitiya iranskikh yazykov Vostochnogo Gindukusha)* // *Vestnik nauchno-issledovatel'skogo instituta pri Posol'stve Islamskoi Respubliki Iran v Respublike Tadzhiqistan*. Dushanbe, 2002, 2: 59–70. (In Tajik)

Nazarova Z. O. Sistema rodstva ishkashimtsev i ee otrazhenie v yazyke // *Malye yazyki i traditsii: sushchestvovanie na grani*. Vyp. 1: *Lingvisticheskie problemy sokhraneniya i dokumentatsii malykh yazykov* (Posvyashchaetsya 75-letiyu akademika Vyach. Vs. Ivanova). Moskva, 2005, 203–210. (In Russ.)

Pakhalina T. N. *Sarykol'sko-russkii slovar'*. Moskva, 1971. (In Russ.)

Pakhalina T. N. *Vakhanskii yazyk*. Moskva, 1975. (In Russ.)

Pisarchik A. K. O nekotorykh terminakh rodstva tadjikov // *Sb. st. po istorii i filologii narodov Srednei Azii. Tr. In-ta ist., arkheol. i etnografii AN Tadjh. SSR*. Stalinabad, 1953, 17, 177–185. (In Russ.)

Rastorgueva V. S., Edel'man D. I. *Etimologicheskii slovar' iranskikh yazykov*. Moskva. T. 1 — 2000. T. 2 — 2003. T. 3 — 2007. (Podrobnyye etimologicheskie stat'i po TR 'brat', 'dever' i 'doch', 178–184, 310–311, 476–481). (In Russ.)

Reznik D. G. Materialy k terminologii rodstva tadjikov (Soobshchenie pervoe: Shugnanskie i rushanskie terminy rodstva tadjikov Pamira) // *Uchenye zapiski Kulyabskogo gos. ped. in-ta*, 1957a, 3: 193–220. (In Russ.)

Reznik D. G. Yazgulyamskie terminy rodstva (Materialy k terminologii rodstva tadjikov, soobshchenie II) // *Uchenye zapiski Kulyabskogo gos. ped in-ta*, 1957b, 4: 287–310. (In Russ.)

Rozenfel'd A. Z. *Badakhshanskije govory tadzhikskogo jazyka*. Leningrad, 1971. (In Russ.)

Rozenfel'd A. Z. K terminologii rodstva i svoistva v tadzhikskikh gorakh // *Iranskoe jazykoznanie*. Moskva, 1976, 209–207. (In Russ.)

Rozenfel'd A. Z. *Vandzhskie govory tadzhikskogo jazyka*. Leningrad, 1964. (In Russ.)

Sharifova G. M. *Leksika tadzhikskikh govorov na sovremennoj etape: sostojanie i razvitie (na materialakh matchinskogo govora)*. Dis. ... kand. filol. nauk. Dushanbe, 2018. (In Russ.)

Shevahoi janubii zaboni tojikī (Yuzhnye govory tadzhikskogo jazyka). T. 1–5. Dushanbe, 1982. (In Tajik)

Steblin-Kamenskii I. M. *Etimologicheskii slovar' vakhanskogo jazyka*. Sankt-Peterburg, 1999. (In Russ.)

Trubachev O. N. Istorija slavyanskikh terminov rodstva // *Voprosy jazykoznanija*, 1960, 5: 140–144. (In Russ.)

Trubachev O. N. *Istorija slavyanskikh terminov rodstva i nekotorykh drevneishikh terminov obshchestvennogo stroja*. Moskva, 1959; pereizdano: Moskva, 2006. (In Russ.)

Trubachev O. N. K etimologii nekotorykh drevneishikh slavyanskikh terminov rodstva (IE *genƏ-, slav. rod", pleme, *ob'tjo) // *Voprosy jazykoznanija*, 1957, 2: 86–95. (In Russ.)

Zainiddinova Z. Az khususi istilohi «palonj» va sinonimhoi on (O termine «palonch» i ego sinonimakh) // *Zabonshinosii tojik*. Dushanbe, 1980, 104–107. (In Tajik)

Zainiddinova Z. Istilohhoi kheshtaborī (Terminy rodstva i svoistva) // *Shevahoi janubii zaboni tojikī*. Dushanbe, 1980, 1, 194–204. (In Tajik)

Приложение

1. Термины родства в памирских языках

Шуг-нанский	Рушанский	Бартангский	Рошорвский	Сарыкольский	Язгулямский	Ваханский	Ишканинский	Русский
та̄т	пид	пид	пид	дод, ато	лед	та̄т	то	отец
на̄н	мо̄д(д)	на̄н	на̄н	на̄н, мо̄да, ано(р)	на̄н	на̄н	но̄н	мать
пуц	пуц	пу/ац	по/уц	пы/уц, пура	поц	па̄тр	за̄с	сын
рӣзн	рӣзн	ра̄зн	ра̄зн	ра̄зн	до̄гд	до̄гд	(w)ӯдӯг(д)	дочь
вӣрд	вӣрд	вӣрб(д)	вӣрб(д)	вӣру	вӣред	вӣрғ, ло̄л	вӣр(д)	брат
йах	йах	йах	йах	йах	х̄ а̄рг, вӣфа̄г	х̄ й̄й	ихо	сестра
нӣбс	на̄бс	на̄бс	на̄бс	на̄бус	на̄бс	на̄пыс	на̄вьс	внук
нӣбс	на̄бс	на̄бс	на̄бус	на̄бус	на̄бас	на̄пыс	на̄вьс	внучка
а̄бе̄ра	а̄бӣра̄	а̄бӣра̄(ч)	а̄бе̄ра̄				на̄вьс// а̄бе̄ра	правнук

Шуг-нанекский	Рушанский	Бартагский	Рошорвский	Сарыкольский	Язгулямский	Ваханский	Ишкашимский	Русский
боб	боб/уб	боб	боб	боб	боб	пул	бубу, бобо	дед
мум	нан	мом	мом	мом(ик)	мом	мум	биби	бабушка
(а)мак	амак, дод	амак	амак	дуд	вац	бач	выц/ бъчи	дядя по отцу
ам̄	виц	виц	виц		вац, ама	воч	ама	тетя по отцу
хоблак	доб(д) хоблак	доб	шухобла	дуд	вац, тағои	бач	хьльк	дядя по матери
хобла	виц	виц	виц		вац, холā	воч	хўла	тетя по матери

2. Термины свойства в памирских языках

Шугнанский	Рушанский	Бартанский	Рошорвский	Сарыкольский	Язгулямский	Ваханский	Ишканинский	Русский
чор	чур	чур	чур		wex	бай	мол	муж
ўин	ўа'ин	ўан	ўан	ўин, пархоў	хатан	кэнд	куч	жена
абин	абен, х. авэн	абин	абин	бен	абан, абён	амбоғ	амбоғ	жены одного мужа
зинаў, б. зинау	зинау; х. зинау	зинау	зинау	зынал	зонау	стəх	узнул	невестка, сноха
хисур	хасур	хасур	хасур	хасыр	х'эсор	хурс, хэсыр	хьсыр	тесть, свекр
хйх	хб'ах	хх	хб'бх	хех	хўх	хаш, хэшдоман	хьщ	теща, свекровь
додеч, татеч, пидеч	пидеч	пидеч	пидеч	додеч, пидеч	пиандар, доди бағай	татич	пиандар	отчим
нанёз	мбдиз	мбдиз	нанйч/з	наниз	моиндар	нанич	моиндар	мачеха
думод	домод	домод	домод	х'ани, думуд	домод	дэмор	думод, лолик	жених, зять

Шуг-нан-анский	Рушанский	Бар-тангский	Рошорвский	Сары-кольский	Язгу-лянский	Ваханский	Ишкашимский	Русский
хисйрз	хасйрз	хасйрз	хасерз	хасерз	х ^о эсор	хасирз, лол	лол(ик), ду- мод	зять, муж се- стры
хисйрз		хасйрз			х ^о эсор, хсирз	хсирз	хъсьр-бъра sew	шурин (брат жены), деверь (брат мужа),
нивѣнц мичѣд	нивѣнц мичѣд	нивѣнц мечѣд	ўаниз мучѣд	нывонз хайун	хайенч мэсалф, хўх	мидўанз андарч, нун	орус унен, йуд	невеста золовка
хийўн	хайўн	хаўўн	хайун	хайун	зенаw	снор, янга, врыг-кынд	янга, врыгуч	сноха, жена брата
бѣча	бѣча	бѣча	бѣча	бачо	бѣча	бѣча	бѣча	свояк, муж сестры жены свояченица
пуцѣч	пу/ащйч	пу/ащѣч	пуцйч	пыщейч	хўх	қайсѣнгѣл		
ризйнѣз	разинѣз	разинѣз	разенлйч/з	разенейч	п(ѳ) сѣндара	пѣтрич	писандар	пасынок
						бѣгдич	дъхтарандар	падчерипа

3. Термины родства в таджикском языке: литературный язык и говоры Таджикистана, таджикские (дари) говоры Бадахшана (ГБАО и Провинции Бадахшан)

Т.-бад. (меж-пам. порси)	Т.-вандж.	Т. Вахиё	Т.-дарв.	Т. Рог	Литературный таджикский язык	Русский
таг, доди, дади	боба	аво, бобо	дад, во	да	падар	отец
нана/и, чийа	(м)ума	ача	оча, ума	чийа	модар	мать
бача	бача				писар	сын
духтар	духтар	дъхтар	духтар	дъхтар	духтар	дочь
бъродари/ бийори калон	биёр	ака, биёр	ака, биёр	биёр	ака, бародар	брат (старший)
бародари хърд, бийори хърд/ майда	биёр(ак)	лодар	лодар	биёр	лодар, ука/о, бародар	брат (младший)
ху(w)ар	ху(w)ар	хуар	хохар, апа	амшира	апа, хохар	сестра (старшая)
ху(w)арък, ху(w)ари майда	ху(w)ар	хуар	хохар	хуар	хохар	сестра (младшая)
набера	нъваса	нъваса	нъваса	набос	набера	внук

Т.-бад. (меж- нам. порси)	Т.-вандж.	Т. Вахиё	Т.-дарв.	Т. Рог	Литературный таджикский язык	Русский
(на)боса, нагича	хабаса	нъвасā	абоса	навеса, набоса	абера	правнук
абоса, нагича	нагича		абера	навеса	навеса	праправнук
бобо, Горон Бъбо	бобй	бобй	бобои, вои калон	во	бобо	дед
бибй	бибй	(а)ви	ви, бибй	ви	модаркалон	бабушка
амък	амук	(ъ)амак	(ъ)мак, вои ката	амаки	амак(й)	дядя, брат отца
ама	хама	ама		ама, янга	амма	тетя, сестра отца
таго/а, (модар)хольк	модархолак	таго	таго, язна	таго	таго	дядя, брат матери
хола	хола	хола	хола	хола	хола	тетя, сестра матери
бачаи амък			бачаи амак		бачаи/писари амак, амакбача	сын дяди по отцу, двоюродный брат

Т.-бад. (меж-пам. порси)	Т.-вандж.	Т. Вахиё	Т.-дарв.	Т. Рог	Литературный таджикский язык	Русский
бачаи тага			бачаи амак	биёрзо	бачаи таго, бародарзода	сын дяди по матери
амабача					бачаи ама, аммабача	сын тети по отцу
холабача	бачи хола холазо				бачаи хола, писархола, холабача	сын тети по матери
бийорзо	биёрзо	биёрзо	духтари амак	биёрзо	духтари амак, бародарзода	дочь дяди по отцу
хорзо	хорзо	биёрзо	хорзо	хорзо	духтари таго(йи)	дочь дяди по матери
дъхтари ама	хорзо	хорзо	хорзо	хорзо	духтари ама, хохарзода	дочь тети по отцу
дъхтари хола	бачи хола	хорзо	хорзо	хорзо	духтари хола, холадухтар, хохарзода	дочь тети по матери

4. Термины свойства в таджикских говорах Бадахшана (ГБАО и Провинции Бадахшан)

Т.-бад. (межпам. порси)	Т.-вандж.	Т. Вахйё	Т.-дарв.	Т. Рог	Литературный таджикский язык	Русский
шав(х)ар	шу	шӯ	амбоч	шу	шавхар	муж
зан	заньк		куч	очи́за	зан, завча	жена
амбоғ	боғчӯн	амбоғ	боғчун		амбоғ, палонч, зани камои	жены одного мужа
хъшдоман	хъштоман	хъштман	хъшдоман	хуша	хушдоман	свекровь, мать мужа
хъсьр	доларарӯс	хъсьр	хъсьр	хъсьр	хусур, падарзан, падаршӯй, падарарӯс, сурхуча	свекор, отец мужа, тесть
хъсьр		хъсьр	хъсьр	хъсьр	хусур	тесть, отец жены
			хола	хуша		теща, мать жены
шамард	шомард		шомард	дьмод	почо, шомард	жених
домод	дьмод, язна		домод	замо(и)	почо, домод	зять
орус	кумгол(а), харус		узнъл	орус, кингола	арус, келин	невеста
яна	яна		янна		хохаршӯй, кайсангил	золовка

Т.-бад. (межтам. порси)	Т.-вандж.	Т. Вахиё	Т.-дарв.	Т. Рог	Литературный таджикский язык	Русский
қайсангъл, янга	қайсангъл	қайсангъл	хуарарус		хохарзан, қайсангил	свогченица, сестра жены
янга, си/ унор	янга, сынор		янга	сынор	янга	невестка, жена брата
боча	боча, къда	язна	боча	боча	боча, шавхари хохар	свогк, муж сестры жены
падарандар	падарандар		пияндар		падарандар	отчим
модарандар	модарандар		моиандар	медъра	модарандар	мачеха
писарандар	писаранад		писарандар		писархонд	пасынок
дъхтарандар	дъхтарандар		дъхтарандар		духтари угай	падчерица
хъшдоман, модарарус	модарарус		хъшдоман		модарарус	мать невесты
евар, ивар	хевар	дударе(w), (x)евар	(x)евар	хевар	бародаршуй	деверь, брат мужа
хъсьрбура, хусурбача	хъсьрбура, долларарус	долларарус, хъсьрбача	хусурбура, хъсьрбра	хусурбура	язна, хусурбура, хусурбача, долларарус	шурин, брат жены

Т.-бад. (межам. порси)	Т.-вандж.	Т. Вахиё	Т.-дарв.	Т. Рог	Литературный таджикский язык	Русский
			боғчун			жена деверя, ятровь
			янна			жена шурина ятровь

Джамshedов Парвона Джамshedович
Российско-таджикский (славянский) университет
Душанбе, Таджикистан
Jamshedov Parvona Jamshedovich
Russian-Tajik (Slavonic) University
Dushanbe, Tajikistan
pjam07@mail.ru

**К составу фразеологических единиц
с компонентом «сердце» в шугнанском языке**
***On the composition of phraseological units
with the component “heart” in the Shughnani language***

Мирзоев Ш.

Mirzoev Sh.

В статье определяется состав и случаи применения фразеологических единиц с соматическим компонентом «сердце» в шугнанском языке, а также устанавливаются их русские эквиваленты. Целью статьи является определение места фразеологических единиц с соматизмом «сердце», который выражен определенной лексемой, в системе шугнанского языка.

Ключевые слова: фразеологические единицы, соматизмы, сердце

This article examines the composition of phraseological units with the component “heart” in the Shughnani language, as well as cases of their usage and their Russian equivalents. The purpose of the article is to determine the configuration and place of phraseological units with the somatic component, expressed by a particular lexeme in the system of the Shughnani language.

Key words: phraseological units, idioms, body part vocabulary, heart
DOI 10.37892/2313-5816-2021-1-142-154

У некоторых народов, в том числе и у населения Западного Памира, ГБАО, шугнанцев, рушанцев, ваханцев, ишкашимцев и язгулямцев, считается, что душа человека находится в сердце. Все, что происходит вокруг, человек сначала воспринимает сердцем и только потом осмысливает. При этом считается, что эмоциональное состояние человека, его переживания

связаны с сердцем, именно им человек воспринимает горе и радость, обиды и неприятности.

Как известно, в шугнанском языке имеется исконная лексема *зорд*, которая встречается и в других языках шугнано-рушанской группы (см. об этом подробнее [Эдельман 2009: 158]). При этом отметим, что в шугнанском языке, как и в прочих памирских языках широко используется и таджикско-персидское заимствование — *дил* (см. подробнее [Там же]). Это старое заимствование глубоко вошло в состав словаря памирских языков, в частности благодаря литературной традиции, существовавшей на персидском языке, и религиозной деятельности, которая многие столетия в регионе велась на персидском языке. В силу этого на современном этапе развития шугнанского языка данную лексему можно считать полностью усвоенной этим языком. К тому же заимствования в бесписьменных миноритарных языках являются одним из источников синонимии и становления синонимических рядов. При этом известно, что в синонимическом ряду одно из слов является стержневым, доминантным, а прочие второстепенными. Однако в нашем случае определить стержневую лексему достаточно трудно, так как вне контекста обе лексемы имеют практически одно значение. Во многих случаях в шугнанском языке лексемы *зорд* и *дил* представляют собой полные синонимы, передавая в шугнанской языковой картине мира значения как ‘анат. сердце; сердце’, так и ‘душа’ [ШРС 1: 570, 462], и могут употребляться параллельно в одних и тех же контекстах.

В настоящей работе мы рассмотрим употребление шугнанских фразеологических единиц со словом *сердце*. Само понятие фразеологизм является предметом дискуссии, что ведет к множеству классификаций фразеологических единиц (ФЕ). Исходя из устойчивости ФЕ, их соотношения со словом, одни ученые вводят в их состав широкий круг словосочетаний: пословицы, поговорки, афоризмы, крылатые слова; другие относят к ведению фразеологии собственно фразеологизмы.

Мы руководствуемся определением В. Н. Телия: «Фразеологический оборот (ФО) — это устойчивое по составу и структуре, лексически неделимое и целостное по значению словосочетание или предложение, выполняющее функцию отдельной лексемы (словарной единицы)» [1996: 147].

В любом языке имеется обширный пласт ФЕ, представляющий особый интерес для исследователей благодаря своей функциональной значимости, — это соматические фразеологические компоненты, в состав которых входит название частей тела человека/ животного. Соматические ФЕ, в основной своей массе, представляют собой метафорические или метонимические обороты речи, основанные на наблюдении за поведением человека.

О представлении эмоционального состояния в ФЕ в памирских языках и значении экстралингвистических факторов в языковой картине мира памирских народов на примере соматизма «глаза», см., например, [Додыхудоева 2020: 179–200].

В разного рода текстах (фольклорных, рассказах очевидцев, биографиях и личных историях), находящихся в шугнанском Фонде ИГН АН РТ и других источниках, нам удалось обнаружить порядка 40 шугнанских примеров ФЕ, построенных на употреблении слов *зорд* и *дил*. В нашем материале зафиксировано 4 случая, в которых слова *зорд* и *дил*, входя в состав ФЕ, могут употребляться в них параллельно; в 11 примерах может быть использовано только слово *дил*. В остальных ФЕ, которых зафиксировано более 20, применяется исконно шугнанское слово *зорд*. Мы рассмотрим ФЕ данного ряда и проиллюстрируем их фразовыми примерами:

зорд

1. *зорд хичйфтов* ‘разрывать(ся) (о сердце)’ [ШРС 3: 274]

Бачгалайен дис қйн ху нāн чӯд, иди оқибатен вам зорд хичйфт ‘ребята так замучили свою мать, что в конце концов загнали ее в гроб’, букв. ‘ее сердце лопнуло’, *йи мев атā йи*

чупон хабар вѵрт-иди ду ѵѳедочи рѵхт анчѵвч, йид кампѵри ту ди ди хѵнт ху вам зорд аз зақтов пок вид хѵчифт 'однажды пастух принес весть, что в горах под лавиной остались два охотника, у старухи от такой вести сердце разорвалось (от боли)'.

Кроме того, в шугнанском языке встречается фразеологизм *зарка хѵчѵфтот* 'разрываться (о сердце, о боли во всей грудиने)' с опорной лексемой — *зарка*, употребляющейся только в составе данной ФЕ, синонимичной *зорд хѵчѵфтот* 'разрываться (о сердце)': *вам гац-ен дис қѵн чу иди оқибатен вам зарка хѵчѵфт* 'ту девушку так замучили, что в конце концов ее сердце не выдержало, разорвалось'.

2а. **зорд танги кѵхтот** 'сжиматься (о сердце)' [ШРС 3: 27]

Йѵма тар нура ду афтѵ му зорд танги кѵхт 'вот сегодня уже две недели, как у меня с сердцем неладно, сердце сжимается'.

2б. **зорд-тѵнг видот** 'быть сердобольным', ср. *зорд тѵнг сут* 'сердце сжималось' [ШРС 3: 59]

Йѵд гѵдѵ зорд-тѵнг вудч-иди вам маў кѵл зѳхтот зѵрѵ на-кихт 'этот юноша был таким жалостливым, что не рещался резать овцу'.

3. **зорд нѵли гѵрдент** 'сердце перевернулось' (*нѵли гѵрдентот* 'переворачиваться, падать' [ШРС 2: 391])

Ви парѵ ва одам ца наўчѵст, зорд нѵли гѵрд, цем торик сѵд 'когда человек проходит над той пропастью, сердце падает, в глазах темнеет (от страха)'.

4. **зорд-ти галч вад** 'на сердце было беспокойно' (*галч* 'тревожное состояние' [ШРС 4: 237])

Подхо ар чо ца сут ѵа ви рѵзѵн ви зорд-ти галч вад... 'куда бы не отправлялся падишах, на сердце у него всегда было беспокойно (он беспокоился) за дочь'.

5. *зорд шарθк гāхт* ‘сердце затосковало’ [ШРС 3: 406]

Ди подҳо-йанд шич ди зорд амеҳā шарθк гāхт, тар йи чīз-ав ди дил на-тīздат ‘у падишаха теперь на душе всегда тягостно, ни к чему сердце его не тянется’.

6. *му зорд торик ситтов* ‘испытывать недомогание’,
букв.: ‘на сердце темно’

Йима цунд рӯз сут-иди му зорд торик ‘вот уже несколько дней, как мне нездоровится’.

7. *зорд бесавоб сӯд* ‘становится плохо с сердцем’, букв.: ‘сердце становится грешным’, ср. *саовоб* ‘справедливый, благой’ [ШРС 2: 521]

Йима цунд тов му зорд аз бийор тару бесавоб сӯд ‘вот уж несколько раз со вчерашнего дня с сердцем происходит неладное’.

8. *шито-зорд* ‘равнодушный, бессердечный (о человеке)’, букв.: ‘холодное сердце’ [ШРС 3: 428]

Тут ачаб шито-зорд одам на-вудч... ‘какой же ты черствый человек...’.

9. *зорд на-вирёдов* ‘не находить мужество’, букв.: ‘не находить сердце’ [ШРС 1: 571]

Ви мол исоб на-бйфт, атā ху-рд-ат ху зирётен-ард йи чīз зорд на-вирӯд ‘его богатство невозможно сосчитать, но он не решался что-то тратить на себя и своих детей’.

10. *зорд тӯр ситтов* ‘сжиматься, вздрагивать, пугаться (о сердце)’ [ШРС 1: 232]

Подҳо-бачā лӯди чи дедум вуд-атā тар вам гор ўёв-ум фирйит, му зорд-и тӯр ху, ди чāt-ум вижйвд ‘сын падишаха ответил, что хотел войти, но как только добрался до входа в пещеру, (мол), мое сердце ёкнуло, потому и вернулся’.

11. **зорд печай кихт** ‘привязаться, прикипеть сердцем, ухаживать (за девушкой)’

Йид вази́р пуц та ху зорд-ец нис дам га́ц-аф печай кихт ‘сын вазира всем сердцем привязался к той девушке’.

12. **зорд рухнойи ситтов** ‘испытывать облегчение’,
букв.: ‘сердце просветлело’ [ШРС 2: 496]

Йуданд-ен вам му́н подхо-ра вуд-ат ви-нд ви зорд рухнойи сит ‘как только падишаху принесли то яблоко, на сердце у него просветлело’.

13. **зорд вирихтов** ‘разбить сердце; перен. пугать, испытать охлаждение (о сердце)’

Подхо-бача сит ху мак ризй́н-ти ошик, ат ди на́н шич царанг кихт-иди ху пуц зорд аз дам гац вири́уд ‘сын падишаха влюбился в дочь своего дяди по отцу, а его мать сделала все, чтобы ее сын охладел к девушке’.

14. **зорд цирафстов** ‘тосковать; букв. саднить (о сердце)’ [ШРС 1: 232]

Ёкуб лу́вд веф-ард азор шу́кр худо-йард-атā, царанг-ум му зорд Юсуф-ча́т цирафст ‘Якуб им отвечал, что он тысячу раз благодарен Богу, но что делать; сердце ноет по Юсуфу’.

15. **зорд лаўза кихт** ‘сердце дрожит’ [ШРС 1: 232]

Подхо лу́вд: йима цу́нд-ум ру́з му зорд лаўза кихт-атā хāб ху́дм му-нд нист ‘падишах сказал: вот уж несколько дней дрожит сердце мое, по ночам не сплю’.

16. **зорд буқ чйдов** ‘испытывать беспокойство (в сердце)’ [ШРС 1: 232]

Ёкуб Юсуф ви ви́родар қати бе́зд сайли-атā ви зорд Юсуф-ча́т буқ ис кихт ‘Якуб отправил Юсуфа с его братьями в путешествие, а на сердце было беспокойно...’.

17. **зорд цуг дѣдов** ‘рваться, обрываться о сердце (от страха)’ [ШРС 1: 232]

Вийум ди вѣнт му зорд мис цуг дод... ‘как увидел я его, у меня сердце оборвалось...’.

18. **зорд видов** ‘беспокоиться о ком-л.’, букв.: ‘сердце горит’ [ШРС 1: 232]

ви подхо нуц фикри кихт-иди ви тѣти ви на-жѣвч, ху ѣев ви на-лѣкт, ди на-фѣмт иди ви тѣт-анд ви зорд ви-ти ѳуд ‘падишах не пускает сына на охоту, а сын думает, что отец его недолюбливает потому и не пускает, не догадывается он, что отец о нем беспокоится’.

В некоторых случаях данная лексема может применяться в значении «желудок, живот»:

19. **зорд гири дѣдов** ‘обессиливать’, ср. ‘надорвать живот’ [ШРС 1: 571, 393]

Йам вухйор вазѣр лувчи ху хизматгорен-ард ди палавон-ард зѣрд рѣган дет, лѣк ди тар зорд дед, зорд гири дед ‘хитрый вазир повелел своим слугам накормить пахлавана топленным маслом: пусть, мол, он лишится силы’.

20. **зорд хас-хас чѣдов** ‘мутить, тошнить (о желудке)’, *хас-хас кихт* ‘тошнит’ [ШРС 3: 184]

Му-рд ца-ди му зорд хас-хас кихт ас ху чой-ти андѣдов на-вѣрдѣм ‘не знаю, что со мной, тошнит меня, встать с места не могу’.

21. **зорд сифѣдов** ‘испытывать тошноту’, букв.: ‘подниматься (о желудке)’ [ШРС 3: 184]

Подхо нуц-анд ѣи хосият вудч хуни ди вѣнт ви зорд фук вахт сифѣдч ‘у сына падишаха была одна особенность, когда он видел кровь, это у него всегда вызывало рвоту’.

дил

Рассмотрим теперь примеры ФЕ со словом *дил* и также проиллюстрируем их фразовыми примерами в различных речевых ситуациях:

1. **дил-ти чйдов** ‘**поступать по сердцу, по чьей-л. воле**’, *дил-ти* ‘по сердцу’ [ШРС 1: 462]

ту ху дил-ти ўин ва, йаст ди-ти биди сўд ‘женись по своему усмотрению, по выбору своего сердца, может быть так будет лучше’, *вазйр подҳо-ра лўвд ту-т йида му ба дил на-чу* ... ‘вазир говорит падишаху: ты поступил по своему, не по моему’.

2. **дил дирамбтов** ‘**биться о сердце; перен. опасаться, казаться**’ [ШРС 1: 466]

Тама на-фāmум-атā му-нд му дил аз ви дирамт, бйди сўд бинёсум ху азўнди ‘не знаю, как вы, а я опасаясь его, будет лучше, если исчезну отсюда’.

3. **дил тйждов** ‘**тянуться о сердце, быть милым / немилым**’

Му дил ви на-тожд, маҷбўр ху чйдов на-вāрдйм ‘мое сердце к нему не тянется, заставить себя не могу’.

4. **дил римёдов** ‘**приказывать сердцу**’, *му дил му на-римед* букв.: ‘своему сердцу не прикажешь’

Мумкин вам гāц шартен ичро-чйд вāрдйм, ата му дил му на-римед ‘может быть я и смогу выполнить условия девушки, но сердцу не прикажешь (не велит оно идти на это дело)’.

5. **дил на-тйдов** ‘**не лежать (о сердце)**’

Подҳобачā гāрдд тар ху нāн ху лўвд: ик-ми ди му ўин аз чйд-анд ца бедч му дил тар ичизав на-тйзд ‘царевич, обратившись к матери, сказал: с момента пропажи моей жены из дому, я не могу заниматься ничем, сердце не лежит ни к чему’.

6. **дил пур** букв.: ‘сердце полное’, ‘сердце — спокойно’, **дил пур нист** ‘сердце беспокойно’

Аз ви зулди пуц му дил пур, йу ху-рд йаст, ат йима йам гул̄ му дил пур нист ‘за младшего сына я спокоен, он постоит за себя, а вот за старшего сына я беспокоен’.

7. **дилкувати видов** ‘**быть уверенным, надеяться**’, букв.: ‘иметь силы, способность сердца’ [ШРС 1: 465]

Подъобачā-йанд ви дилкувати ни вазйр-бачā вуд, фāмт йу та Робийа шартен фука ичро ких̄т ‘царевич надеялся на сына вазира, знал, что тот выполнит все условия Робии’.

8. **дилбардори чйдов** ‘**уговаривать, ободрять**’, из т., ср. т. *дилбардорй кардан* ‘утешать, успокаивать, ободрять’ [ТРС]

Чупун-бачā сифйнт биланд жйр-ти йиди ар тāх ху ких̄т, ата ви нāник-и бечора ас тагов дилбардори ви ких̄т ‘пастушок поднялся на скалу, чтобы броситься в пропасть, а его несчастная мать, (стоя) снизу успокаивала его’.

зорд / дил

В нескольких примерах обе шугнанские лексемы могут быть употреблены параллельно.

1. **зорд/дил хафā чйдов** ‘огорчать сердце’, **зорд/дил хафā ситтов** ‘печалиться (о сердце)’, **хафā чйдов** ‘печалить, огорчать, душить’, **хафā ситтов** ‘печалиться, огорчаться, обижаться’ [ШРС 3: 186]

Ар чāй ху дод зорд хафā ца ких̄т, йу та ху умр-анд баракат на виред ‘кто обидит своего отца (букв.: сердце отца), тому в жизни не будет счастья’, *ви пуц-ард-ам ху ризйн на дод, йу қарорат нах̄туйд, зойро ви дил хафā ситт* ‘мы отказали тому мужчине выдать за его сына нашу дочь, он потихоньку вышел, вероятно обиделся (букв.: его сердце обиделось)’.

2. *зорд/дил (аз чиз/чйй) шито ситтов* ‘охладевать (о сердце)’ [ШРС 3: 428], ср. № 8 *шито-зорд* ‘равнодушный, бессердечный’, букв.: ‘холодное сердце’

Жиуу-ум веф чу, атā аз дасти веф дод му зорд аз веф шито сит ‘я любила их, но из-за их отца охладела к ним’, *пи веф чйд ачга на-сām, аз веф му дил шито (сит): ху нāн-ен азоб чу* ‘я к ним больше никогда не пойду, я к ним охладел: они свою мать избили’.

3. *зорд/дил тāнг ситтов* ‘сжиматься (сердце)’ [ШРС 3: 27], ср. № 2а, 2б ср. *зорд тāнг сит* ‘сердце сжималось’ [ШРС 3: 59]

Ачаѳ ту зорд тāнг ма сӯд ту пуц-тир, лāк ху-рд сӯд ‘не жалею сына своего, пускай в люди входит’, *му дил амеѳа тама нāн-ти тāнг, йик ви менати йā тама-рд-ца чу, йи чидӯм нāн-та ху зирйотен-ард на кихт* ‘мне всегда жаль вашу мать, тех мучений, которые она вынесла из-за вас, никакая другая мать не вынесет ради своих детей’.

Заключение

Итак, приведенные выше примеры дают представление о составе фразеологических оборотов с соматизмами *зорд* и *дил* в шугнанском языке. При этом анализ показал, что:

— обе соматические лексемы, *зорд* и *дил*, используются, помимо обозначения непосредственно сердца, для характеристики внутреннего мира человека, символизируя душу, чувства, и выступают в качестве идентификатора слова «душа». В некоторых случаях *зорд* может иметь значение «желудок»:

— в ряде случаев удалось выделить соматические ФЕ, в которых компоненты *зорд* и *дил* могут быть взаимозаменяемы.

— соматические ФЕ с компонентами *зорд* и *дил* не всегда совпадают по смыслу с непосредственным значением

лексемы в языке, но передают широкий спектр таких эмоциональных состояний, как любовь и душевная боль, уверенность/неуверенность, а также некоторые физиологические состояния.

Литература

Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // *Избранные труды. Лексикология и лексикография*. Москва, 1986.

Додыхудоева Л. Р. К составу и семантике фразеологии, обозначающей страх, со стержневым компонентом *глаза* (на материале памирских и таджикского языков) // *Труды Института востоковедения РАН. Вып. 29: Проблемы общей и востоковедной лингвистики. Язык меняющийся: семантические и грамматические изменения в языках Азии и Африки*. Отв. ред. выпуска А. И. Коган; ред.-сост. А. С. Панина. Москва, 2020, 179–200.

Мирзоев Ш. *Синонимия в лексике бесписьменных языков*. Душанбе, 2007.

Мирзоев Ш., Карамова И. *Краткий словарь фразеологических единиц шугнанского языка и их эквиваленты в русском языке*. Душанбе, 2014.

РШС — Карамшоев Д. *Русско-шугнанский словарь*. Т. IV. Душанбе, 2005.

Телия В. Н. *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. Москва, 1996.

ТРС — *Таджикско-русский словарь. Фарҳанги тоҷикӣ ба русӣ*. Под ред. Д. Саймиддинова, С. Д. Холматовой, С. Каримова. Изд. 2-е, доп. Душанбе, 2006.

ШРС — Карамшоев Д. *Шугнанско-русский словарь*. Москва. Т. I — 1988. Т. II — 1991. Т. III — 1999.

Эдельман Д. И. Шугнано-рушанская языковая группа // *Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: Восточная группа*. Москва, 1987, 236–347.

Эдельман Д. И. *Иранские и славянские языки: Исторические отношения*. Москва, 2002.

Эдельман Д. И. *Сравнительная грамматика восточно-иранских языков. Лексика*. Москва, 2009.

References

Dodykhudoeva L. R. K sostavu i semantike frazeologii, oboznachayushchei strakh, so sterzhnevym komponentom glaza (na materiale pamirskikh i tadzhikskogo yazykov) // *Trudy Instituta vostokovedeniya RAN. Vyp. 29: Problemy obshchei i vostokovednoi lingvistiki. Yazyk menyayushchiysya: semanticheskie i grammaticheskie izmeneniya v yazykakh Azii i Afriki*. Otv. red. vypuska A. I. Kogan; red.-sost. A. S. Panina. Moskva, 2020, 179–200. (In Russ.)

Edel'man D. I. *Iranskie i slavyanskie yazyki: Istoricheskie otnosheniya*. Moskva, 2002. (In Russ.)

Edel'man D. I. Shugnano-rushanskaya yazykovaya gruppa // *Osnovy iranskogo yazykoznaneya. Novoiranskie yazyki: Vostochnaya gruppa*. Moskva, 1987, 236–347. (In Russ.)

Edel'man D. I. *Sravnitel'naya grammatika vostochnoiranskikh yazykov. Leksika*. Moskva, 2009. (In Russ.)

Mirzoev Sh. *Sinonimiya v leksike bespis'mennykh yazykov*. Dushanbe, 2007. (In Russ.)

Mirzoev Sh., Karamova I. *Kratkii slovar' frazeologicheskikh edinits shugnanskogo yazyka i ikh ekvivalenty v russskom yazyke*. Dushanbe, 2014. (In Russ.)

RShS — Karamshoev D. *Russko-shugnanskii slovar'*. T. IV. Dushanbe, 2005. (In Russ.)

ShRS — Karamshoev D. *Shugnansko-russkii slovar'*. Moskva. T. I — 1988. T. II — 1991. T. III — 1999. (In Russ.)

Teliya V. N. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty*. Moskva, 1996. (In Russ.)

TRS — *Tadzhiksko-russkii slovar'. Farhangi tojikī ba rusī*. Pod red. D. Saimiddinova, S. D. Kholmatovoi, S. Karimova. Izd. 2-e, dop. Dushanbe, 2006. (In Tajik, in Russ.)

Vinogradov V. V. Ob osnovnykh tipakh frazeologicheskikh edinits v russkom yazyke // *Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya*. Moskva, 1986. (In Russ.)

Мирзоев Шоназар

Институт гуманитарных наук им. Б. Искандарова АН РТ

Хорог, Таджикистан

Mirzoev Shonazar

B. Iskandarov Institute for Humanities AS RT

Khorog, Tajikistan

shokhnazar.mirzoev@mail.ru

***Меры длины и объема в иранских языках
Таджикистана: памирские и таджикский языки***
***Measures of length and volume in the Pamir and Tajik
languages of Tajikistan***

Назарова З. О.

Nazarova Z. O.

В статье дается обзор традиционных мер длины и объема, принятых в иранских языках Таджикистана. Приводится терминология единиц измерения длины, связанных с измерением длины по росту и отдельным частям тела человека, а также с измерением объема, площади и веса, дается структурно-семантический анализ устойчивых выражений, связанных с этой лексикой.

Это исследование актуально для документирования определенных слов и выражений в таких миноритарных языках, как ишкашимский, а также этнолингвистических разысканий.

Ключевые слова: иранские языки, ишкашимский язык, таджикский язык, пядь, перст, аршин, локоть, сажень, устойчивые выражения

The article provides an overview of the traditional measures of length and volume adopted in some Iranian languages of Tajikistan. It comprises a review of vocabulary associated with dimensional measurement using parts of the body, as well as volume, area and weight measurement and a structural-semantic analysis of phraseology.

This research is relevant for documenting the presence of particular words and phrases in minority languages such as Ishkashimi, as well as for ethnolinguistic research.

Key words: Iranian languages, Ishkashimi language, Tajik language, span, finger, *arshin*, cubit, fathom, phraseology

DOI 10.37892/2313-5816-2021-1-155-170

Проведенный анализ свидетельствует, что большая часть традиционных ишкашимских метрологических наименований заимствована из таджикского языка. В статье вводятся в научный оборот и анализируются фразеологические единицы, связанные с метрологией. Данное исследование особенно важно для документирования определенных слов и выражений в таких миноритарных языках, как ишкашимский.

Меры длины

Эту тему на материале памирских языках затрагивали этнографы в ряде статей в XX в. [Андреев 1958; Андреев, Половцов 1911; Мухиддинов 1984, Давидович 1970]. Подробный анализ материалов по истории таджикской метрологии XIX–XX вв. отражен в исследовании [Каюмова 1990; Холлов 2017: 36–50; Шозимова 2012]. Неоднократно затрагивалась метрологическая тематика в «Этимологическом словаре иранских языков» В. С. Расторгуевой и Д. И. Эдельман [2000; 2003; 2007] и Д. И. Эдельман [2011; 2015].

Известно, что одним из самых древних способов измерения длины у многих народов, включая ираноязычные и славяноязычные, служили части тела (рука, пядь, нога, шаг и др.), рост человека, а также меры, исторически связанные с повседневной хозяйственной жизнью общества. Мы рассматриваем такие способы измерения в первую очередь для ишкашимского языка, соотнося их с таджикским языком. На основании этого можно прийти к выводу, что большинство терминов обозначения мер длины, веса, объема являются заимствованными. При этом устойчивые выражения в ишкашимском языке с опорными словами этого разряда во многих случаях также соотносятся с их таджикскими эквивалентами: ишк. *одами настқад-но чэки анар аст*, ср. т. *қади наст, ҳунари маст* букв. ‘маленький рост, но мастер на все руки’ (говорят о человеке низкого роста, но ловком) или ишк. *ук қад-эм арат*, ср. т. *як қад наридам* ‘я подпрыгнул (от страха)’.

С другой стороны, значительная часть таких фразеологизмов является присущей только ишкашимскому языку. Это, например: ишк. *кэ мэ қад зар це дайон, нашам* ‘если мне дадут даже (гору) золота с меня высотой (букв. ростом), я не пойду’, передает обиду человека; *зоман пэ қад дўк* букв. ‘ребенок набирает рост (в утробе матери)’, ‘перен. забеременеть’, *ти қад пэ шэт-виш!* проклятье ‘чтоб ты умер’, букв. ‘да (увидю) тебя в (полный) рост под землей!’, *деци гэцтўк* букв. ‘(он) превратился в мешок’, говорят о толстом человеке.

1. вачаб

В ишкашимском языке способ измерения при помощи кисти руки передается термином *ваҷаб* (о происхождении термина в иранских языках см. [Расторгуева, Эдельман 2007: 432]); это мера длины, равная расстоянию между мизинцем и большим пальцем, пядь [Пахалина 1959: 246]. Этот термин заимствован из т. *ваҷаб* (его же упоминает М. С. Андреев для Хуфа и Язгуляма при измерении ширины и длины ткани (на платье и одеяло). Длина такой меры составляла 21–22 см [1958: 340]. В той же области эта мера принята и в ишкашимском быту. Термин употребляется при измерении ткани, одежды: ишк. *афт ваҷаб ук фри дэмарда кэрпа шу* ‘из семи пядей (ткани) выйдет хорошее двuspальное одеяло’. Часть населения Ишкашима говорит на местном наречии таджикского языка. Здесь можно отметить следующие примеры употребления: т. лит. *бару дарозии курпаамро чен кардам, ҳамагӣ шаши ваҷаб будааст* ‘я померила ширину и длину своего одеяла, оказалось (там) всего шесть пядей’.

В прежние времена, когда личные земельные наделы бывали весьма ограниченными, данная лексема использовалась в Ишкашима также и для измерения участков земли: *ук ваҷаб замини бе қэцт налакэну* ‘он не оставляет ни пяди незасеянной земли’. Такое традиционное применение термина было перенесено и на современные жизненные реалии

и в период Великой отечественной войны. Следующий пример иллюстрирует такое употребление: т. *як вачаб хокро ба душман намедиҳем* ‘ни пяди земли врагу не отдадим’. Как известно, с пядью связан ряд русских пословиц и поговорок, фразеологических оборотов, включая «ни пяди родной земли не отдадим».

По информации СМИ (серия статей об Ахмадшахе Маъсуде «шери панчшер») сходное выражение имеется и в языке дари Афганистана: *як кулоҳ хокро ба душман намедиҳем* ‘(даже) одной шапки земли не отдадим врагу’.

Однако здесь вместо термина «пядь» употреблена традиционная единица емкости сыпучих тел, в данном случае шапка (*кулоҳ*), что, возможно, связано с измерением сыпучих тел тубетейкой, которое существовало также в Таджикистане.

2. ангушт

При другом способе измерения используются пальцы (ишк. *ангэшт*, *ингит*, т. *ангушт* ‘палец’) (о происхождении термина в иранских языках см. [Расторгуева, Эдельман 2000: 169]). Любопытные данные о величине данной меры приводит таджикский просветитель Ахмад Дониш (1827–1897) в своем астрономическом труде «Маназир ал-кавакиб». Он по традиции определяет размер *ангушт* в 6 ячменных зерен, если расположить друг за другом одинаковые по размеру зерна [Ахмади Дониш 760: 172; прив. по: Холов 2017: 38].

Вторичные образования обозначений старинной меры длины в четыре пальца т. *чор ангушт* ‘четыре пальца’ были заимствованы в ишк. *чор ангэшт* и другие памирские языки [Расторгуева, Эдельман 2000: 171]. В иранских языках региона данный и подобные ему термины используются в качестве меры в сочетании с пядью при обозначении длины сверх размера пяди. Здесь применяются такие сочетания, как: «одна пядь и два пальца» т. *як вачабу ду ангушт*,

или ишк. *ук ваҷаб-эт ду ангэҷит* ‘одна пядь и два пальца’ или *ук ваҷаб-эт чор ангэҷит* ‘одна пядь и четыре пальца’. Знаменательно, что в ишкашимском языке в таких конструкциях почти не употребляется исконное слово *ингит*, оно заменяется освоенным таджикским заимствованием с церебральной согласной — *ангэҷит*. В шугнано-рушанской группе языков в этом случае используется исконное слово [Андреев 1958: 176; Карамшоев 2005: 150]. Такой способ измерения с применением термина палец встречается в медицинской терминологии т. *рӯдаи дувоздаҳангушта* ‘двенадцатиперстная кишка’.

Этот способ измерения в регионе до сих пор сохраняется как в таджикском, так и в ишкашимском языках. Так, на Западном Памире указательным пальцем измеряют высоту саженца или стебля пшеницы: ишк. *зондәм аме акдунд шадӯк* ‘пшеница — вот насколько выросла’ (высотой с указательный палец).

Та же лексема употребляется при описании небольшого количества, объема чего-либо. Так, в историях об известном бадахшанском поэте-суфии Мубораки Вахони (Мубораккадам) говорится, что во время поста он жил в келье (*чълахона*) и питался толокном с водой, порция его пищи была объемом с наперсток: ишк. *Суфи Мэборакқадам-эс чэла це надӯк, фақат век-т пэт -эс пэ ук ангэҷитона хӯлӯк* (полевые материалы 2009).

По сведениям А. К. Писарчик в старину в таджикском языке существовали также следующие меры длины: *мушит* ‘кулак, малая пядь, равная 12–15 см’. В Дарвазе и Каратегине у пастухов бытовали специализированные термины *овозрас* и *файродрас* ‘расстояние, на котором слышен человеческий голос’ (равное приблизительно 6–7 км); та же мера под названием *чени овоз*, *азон* или *чакрим* употреблялась у таджиков долины реки Сох в Ферганской долине [Писарчик 1954: 175; Каюмова 2009: 13].

3. оршин

До недавнего времени для измерения ткани в таджикском языке применяли аршин (т. ист. *оршин*, совр. *олчин* ‘аршин’) (о происхождении термина и его исходном размере в иранских языках см. [Расторгуева, Эдельман 2000: 213]), предполагается, что из среднеперсидского данная лексема была через тюркское посредство заимствована в русский язык — *аршин* [Там же].

Таджикский термин *о/алчин* применялся в Средней Азии еще до завоевания России и равнялся «русскому аршину», позднее эта мера здесь стала называться в регионе «николаевский аршин». Длина русского аршина составляет около 71 см — длина всей вытянутой руки от плечевого сустава до конца фаланги среднего пальца. В Таджикистане эта единица измерения была равна расстоянию от локтя до кончика указательного пальца, т. е. примерно 45–50 см [Давидович 1970: 109; Писарчик 1954: 177–178; Каюмова 2009: 12]. В персидском языке его же называли *аршин-е малик* ‘шахский аршин’. В настоящее время в персидском языке слово *аршин* вышло из употребления и используется единица измерения длины от локтя до кончиков пальцев — *араш* [Моин 1965: 201].

По рассказам информантов недобросовестные купцы, имевшие короткие руки, часто таким образом обманывали покупателей.

4. газ

На Западном Памире для измерения ткани использовалась таджикская лексема *газ* ‘локоть, мера длины, равная 100 см’. В целом здесь использовались два вида газа: 1) основная мера длины *чиб-газ* ‘деревянный газ’, букв. ‘дерево-газ’, и *гилим-газ* ‘газ (для) сукна’. При этом под названием *чиб-газ* ‘деревянный газ’ выступало несколько разных по размеру единиц: от середины груди до конца руки (83 см), от второго плеча

через грудь до первого плеча и конца пальцев (100–102 см), от плеча до конца пальцев, равный русскому аршину (71 см) [Каюмова 2009: 11–12]. Кроме того, имелись еще несколько более мелких единиц: *ним газ* ‘от указательного пальца до локтя (*то бозу*), полметра’, а также особые меры в Каратегине, Дарвазе и Бадахшане [Каюмова 2009: 12]: от конца пальцев до плеча (*то шона*) — приблизительно 71 см, от конца пальцев до середины груди — (*то нецбар*) приблизительно метр (от 83 до 100 см), от конца пальцев до второго плеча (*фар сәвд*) — полтора метра. Все эти меры в ишкашимском языке выражаются заимствованными из таджикского терминами *бозу*, *шона*, *нецбар* и только последнее обозначение связано с исконной лексикой — *far səvd* ‘до плеча’.

5. кулоч

На Западном Памире существовала и маховая сажень, это была важная мера длины (т. *ку/шлоч*, ишк. *қалоч*, вах. *қалоч* ‘маховая сажень’ и др., расстояние между концами пальцев рук, вытянутых в стороны на уровне плеча рук [165–175 см]). Она употреблялась как в строительном деле, так и при измерении земли [Андреев 1958: 342; Писарчик 1954: 176]. Д. И. Эдельман отмечает, что так измеряли длину, например, кос, в Язгуляме: *калбиц-ай на қалоч зийет* ‘ее нитяные косы длиннее одного аршина’ [Эдельман 1971: 209].

В горных районах Восточной Бухары «кулоч» широко использовался для обмера полей, для измерения тканей кустарного производства и в строительном деле и пр. [Андреев 1958: 342; Писарчик 1954: 176].

Данная лексема широко используется в устойчивых выражениях: ишк. *и зәввук ик қалоч*, то же вах. *йав зик ий қалоч* букв. ‘ее язык (с) один метр’, т. е. ‘язык длинный’, ср. т. *забони касе як қулоҷ будан* пер. ‘иметь длинный язык’; ишк. *авәс анәзд чалқалоч аразу* букв. ‘она еще прыгает (на) сорок метров’, перен. ‘хорошо выглядеть’, говорится о старых

людях, или *фай лоша*, и *ниц ук қалоч*, то же вах. *зафч хароб*, *йаw мис* и *қалоч* ‘она очень худая, у нее нос — с сажень’.

6. фарсах

Еще в начале XX в. в обиходе были приняты такие названия путевых мер, как: *фарсах*, *фарсанг*, *санг*, *мил*, а также тюркские *тош*, *йогоч*. Эти единицы расстояния исторически сложились, когда в прежние времена правителей сопровождали в походах скороходы. Пройдя определенное расстояние, примерно каждые 12 000 шагов (*қадам*), они ставили на определенном расстоянии путевой знак — камень (отсюда — т. *фарсанг*, *санг*, *тош*), металлический стержень (*мил(а)*) или деревянный кол (*йогоч*, *агач*), т. е. путевые вехи. В настоящее время они сохраняются только в фольклоре и сказках.

7. қад

Для измерения глубины или роста как в таджикском, так и в памирских языках употребляется лексема *қад* ‘рост’: ишк. *и қад пә осмон итук* ‘он ростом до неба’, говорится об очень высоком человеке, *ав ца қад униждук* ‘он (будто) стал меньше ростом’, говорится о человеке, ставшем визуально меньше ростом после болезни, *қад қулук* ‘(ребенок) растет’, (на глазах становится выше). Ср. также язг. *қад* ‘рост; именной предлог: настолько’, сочетание *қад кег* ‘набирать рост’ [Эдельман 1971: 208].

В качестве примера устойчивых ишканимских выражений можно привести: *мә қад-эт хам қул* букв. ‘согнул ты мой рост’, перен. ‘замучил ты меня; я замучился от горя’, а также выражения, связанные с приметами: *кә қади реж мисук шак* букв. ‘вдоль суфы спать — плохо’, плохая примета, так кладут покойника перед прощанием. В ишканимском языке встречаются и поговорки, включающие единицы измерения длины и роста; так, о капризной девушке говорят: *и-қад ук ваҷаб-эт и-тақал...* ‘она ростом с пядь, но ее кокетство...’.

Знаменательно, что перед похоронами, чтобы подготовить могилу нужного размера рост покойника измеряли только ивовой веткой (*гэфча*): *гэфча кэ қад насук* ‘мерить рост покойника’ [Назарова 2000: 56]. Возможно поэтому для измерения роста живого человека в Ишкашине не принято было использовать ветку или прут.

Меры объёма и веса

1. андоза

Для обозначения размера, объёма, величины, степени или количества в Ишкашине как в таджикском, так и в ишкашимском языках используется термин *андоза* ‘размер’: *ба цэ да руз шток акзи чэвон-зán-и шэд за, дигар андоза-и нэст* ‘через десять дней девушка стала такой молодой женщиной, что дальше некуда (из сказки); см. также *andoza goxik* ‘мерить, измерять’ [Пахалина 1959: 180], *кучагарди но мэс ук андоза вэд* ‘бродить по улицам должна быть мера’ (хватить бездельничать).

2. паймона

Сосуд для измерения объема жидкости и сыпучих веществ (зерна, муки) в таджикском языке называется *паймона*, исходное значение этого слова ‘чаша, кубок, бокал’ [ГРС 2006] (о происхождении термина в иранских языках см. [Эдельман 2015: 327]).

В ишкашимском языке с ним связано устойчивое выражение *паймона пэр шўк* букв. ‘чаша (жизни) наполнилась’, перен. ‘жизнь прервалась, человек умер’: *и паймона пэр шэдўк* ‘срок его жизни истек’. Это заимствование встречается и в других памирских языках. Ср., например, вах. *йав пимона пэр витк* ‘то же’. В таджикском языке эта лексема встречается в других идиоматическом выражении —

паймон(а) шикастан ‘нарушать обещание’, *паймонгусил*, *паймоншикан* ‘нарушающий договор, вероломный’ или *паймонагусор* ‘пьющий вино, любитель выпить’ [ТРС 2006].

В ишкашимском языке в качестве мерки обычно используют другой предмет и другой термин. Это род домашней утвари, самодельной деревянной мерки для отмеривания сыпучих тел и жидкостей — *гом* ‘мерка, сосуд, предназначенный для измерения’. Данный термин в настоящее время все еще находится в употреблении в домашнем хозяйстве.

К замечаниям об измерении объема жидкости можно привести кстати и следующее наблюдение. Как известно, в Таджикистане в ходе чаепития пиалу по традиции наполняют чаем лишь на треть. Наполнить до краев считается проявлением неуважения. Бытует мнение, что, если наполнить чаем пиалу до края, то гость сочтет, что от него хотят избавиться, неполная пиала же позволяет хозяину, подливая весь вечер чай, подавать гостю знак, что можно не спеша продолжать беседу. Традиции таджикского чаепития и все, что с ними связано, известны многим иранистам. Не раз я слышала, как у известного знатока иранских языков и культур Джой Иосифовны спрашивают: «Как Вам налить чай “с уважением или без”?», и она с улыбкой мягко отвечает: «С уважением, но полную чашку».

3. пуд, ман

Из таджикского языка проникли во все памирские языки единицы измерения объема жидкости и сыпучих веществ *пуд/т*, *ман* ‘мера веса, разная в различных районах’. на Западном Памире *пуд/т* соответствовал 16 кг [Мухидинов 1984: 8].

По рассказу моего информанта для того чтобы измерить зерно, использовали посуду, называемую *сери*.

В Ишкашине 1 сер равнялся 7 тюбетейкам зерна, т. е. 7 кг (или 1 *сер* = 7 *тоқи гондам* = 7 кг), та же мера в т. *дувуним сер* означала ‘два с половиной сера (8 кг)’, а *панч сер* ‘пять серов (16 кг.)’ [ТРС 2006].

ман — ист. ‘ман, мера, веса, разная в различных местах; единица площади, равная примерно одному гектару или четырём танабам’ [ТРС 2006] (о происхождении термина в иранских языках см. [Эдельман 2015: 325]).

Позднее в ишкашимский язык были заимствованы из таджикского языка веса и термины для их обозначения: *тарозу* ‘весы’, *тарозу хаҷӯк* ‘взвешивать’. Данный термин в ишкашимском языке употребляется в устойчивом выражении: *тарозу сар-и касу* (букв.: (он) смотрит на весы) ‘быть двуличным, кривить душой, лицемерить; смотреть, куда ветер дует’, так говорят о лицемерном человеке.

4. пор

Упомянем еще один важный термин. Нередко на Западном Памире землю, например площадь пахотного участка, измеряли по количеству высеваемого на этом участке зерна, которое измеряли тюбетейкой. Эта мера сыпучих тел была различна по объему. Ишк., вах. *пор* ‘деревянный сосуд (выдолбленный из целого ствола) с ручкой для забора зерна’ — мера зерна, равная примерно 12 тюбетейкам [Стеблин-Каменский 1999: 266; Давидович 1970: 100; Каюмова 2009: 15]. Та же мера Гороне называлась *сер*, в Шугнани *сёр* и соответствовала 6 и 8 тюбетейкам, в Рушани — *растай* и равнялась двум тюбетейкам. В Язгуляме единицей измерения зерна был объем одной тюбетейки *тақай* [Эдельман 1971: 209]. В Ванче главная мера сыпучих тел — *паймона* — равнялась количеству зерна, которое могло поместиться в 40–60 тюбетейках» [Мухиддинов 1984: 148].

В Вахане и Ишкашине, кроме основной меры веса — *пор*, измеряли вес зерна мешком, называемым *дец*, вах. *доцк*

‘кожаный мешок’ (для муки, зерна), сшитым из сыромятной кожи, который в Язгуляме был известен как *кулвор* [Эдельман 1971: 149].

5. чариб

В таджикском языке существовала еще одна лексема — *чариб*, ист. ‘джариб’ (единица измерения площади), ср. *чарибкаш* ‘землемер’ [Давидович 1970; ГРС 2006].

Итак, на Западном Памире до настоящего времени сохранились и до сих пор не потеряли своей актуальности уникальные исторические приемы народной метрологии антропометрического происхождения — древние способы измерения длины с помощью частей тела человека. Это объясняется тем, что эти способы всегда доступны и удобны особенно в повседневной жизни.

При этом термины для измерения объема (сыпучих материалов и жидкости) с помощью различных мер (*пор, ман, сер*), а также сама утварь (*паймона, гому*) вышли из употребления, что можно объяснить переходом на иные формы хозяйства.

Наряду с этим в ишкашимском языке сохранилось много фразеологизмов, связанных с такими традиционно принятыми формами измерения: *i nic uk qaloč* ‘сильно худеть’, *паймона нар шуқ* ‘закат жизни’, *и зэвук ук қълоч* ‘иметь длинный язык’, быть двуличным, кривить душой, *тэрозу сар касу* ‘лицемерить’, то же характерно и для таджикского языка, особенно для его диалектных форм — *рузҳои ангуштишумор* ‘считанные дни’.

Соотнесение терминологии ишкашимского языка с их таджикскими эквивалентами, позволяет сделать вывод, что большинство терминов обозначения мер длины, веса, объема являются заимствованными из таджикского языка. При этом устойчивые выражения в ишкашимском языке с опорными

словами этого разряда во многих случаях также соотносятся с их таджикскими эквивалентами.

С другой стороны, часть таких фразеологизмов является свойственной только для ишкашимского языка.

Сокращения

- вах. — ваханский
 ишк. — ишкашимский
 руш. — рушанский
 т. — таджикский
 ш. — шугнанский
 ТРС 2006 — Таджикско-русский словарь.

Литература

Андреев М. С. *Таджики долины Хуф*. (верховья Аму-Дарьи). Т. 2. Сталинабад, 1958.

Андреев М. С., Половцов А. А. *Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии Ишкашим и Вахан*. Санкт-Петербург, 1911.

Ахмади Дониш. *Маназир ал-кавакиб*. Рукопись Института языка, литературы, востоковедения и письменного наследия АН РТ, № 760.

Давидович Е. А. Материалы по метрологии средневековой Средней Азии // В. Хинц. *Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему*. Москва, 1970.

Карамшоев Д. *Русско-шугнанский словарь*. Под ред. И. М. Стеблин-Каменского, науч. ред. П. Д. Джемshedов, Л. Р. Додыхудоева. Т. 4. Душанбе, 2005.

Каюмова Х. А. *Народная метрология и хронология таджиков Каратегина, Дарваза Западного Памира XIX – начала XX вв.* Автореф. дис. канд. истор. наук. Худжанд, 2009.

Моин М. *Фарҳанг-е фāрсӣ (Персидский словарь)*. Т. 1. Тегеран, 1965. (На перс. яз.)

Мухиддинов И. *Особенности традиционного земледельческого хозяйства припамирских народностей в XIX – начале XX века*. Душанбе, 1984.

Назарова З. О. К проблеме изучения лексики погребального обряда в ишкашимском языке // *Вопросы филологии*, Москва, 2000, № 3(6): 52–60.

Пахалина Т. Н. *Ишкашимский язык*. Москва, 1959.

Писарчик А. К. Меры длины, употреблявшиеся ферганскими мастерами-строителями // *Материальная культура Таджикистана*. Вып. 1. Душанбе, 1968, 236–242.

Писарчик А. К. Строительные материалы и конструктивные приемы народных мастеров Ферганской долины в XIX – начале XX в. // *Среднеазиатский этнографический сборник*. Т. XXI. Москва, 1954, 216–298.

Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. *Этимологический словарь иранских языков*. Москва. Т. 1 — 2000. Т. 2 — 2003. Т. 3 — 2007.

Стеблин-Каменский И. М. *Этимологический словарь ваханского языка*. Санкт-Петербург, 1999.

Таджикско-русский словарь. *Фарҳанги тоҷикӣ ба русӣ*. Под редакцией Д. Саймиддинова, С. Д. Холматовой, С. Каримова. Изд. 2-е, доп. Душанбе, 2006.

Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. Т. 1–4. Москва, 1986.

Холов М. Ш. Таджикские линейные меры длины конца XVIII – начала XX веков // *Вестник таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук*, 2017, 1(70): 38–50.

Шозимова Т. Д. *Выражение мер длины и веса в шугнанском и английском языках*. Автореф. дис. на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Душанбе, 2012.

Эдельман Д. И. *Сравнительная грамматика восточноиранских языков*. Лексика. Москва, 2009.

Эдельман Д. И. *Этимологический словарь иранских языков*. Москва. Т. 4 — 2011. Т. 5 — 2015.

Эдельман Д. И. *Язгулямско-русский словарь*. Москва, 1971.

References

Akhmadi Donish. *Manazir al-kavakib*. Rukopis' Instituta yazyka, literatury, vostokovedeniya i pis'mennogo naslediya AN RT, № 760. (In Persian)

Andreev M. S. *Tadzhiki doliny Khuf (verkhov'ya Amu-Dar'i)*. T. 2. Stalinabad, 1958. (In Russ.)

Andreev M. S., Polovtsov A. A. *Materialy po etnografii iran-skikh plemen Srednei Azii Ishkashim i Vakhhan*. Sankt-Peterburg, 1911. (In Russ.)

Davidovich E. A. *Materialy po metrologii srednevekovoii Srednei Azii* // V. Khints. *Musul'manskie mery i vesa s perevodom v metricheskuyu sistemu*. Moskva, 1970. (In Russ.)

Edel'man D. I. *Etimologicheskii slovar' iranskikh yazykov*. Moskva. T. 4 — 2011; T. 5 — 2015. (In Russ.)

Edel'man D. I. *Sravnitel'naya grammatika vostochnoiranskikh yazykov. Leksika*. Moskva, 2009. (In Russ.)

Edel'man D. I. *Yazgulyamsko-russkii slovar'*. Moskva, 1971. (In Russ.)

Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka*. T. 14. Moskva, 1986. (In Russ.)

Karamshoev D. *Russko-shugnanskii slovar'*. Pod red. I. M. Steblin-Kamenskogo, nauch. red. P. D. Dzhamshedov, L. R. Dodykhu-doeva. T. 4. Dushanbe, 2005. (In Russ.)

Kayumova Kh. A. *Narodnaya metrologiya i khronologiya tadzhikov Karategina, Darvaza Zapadnogo Pamira XIX – nachala XX vv*. Avtoref. dis. kand. istor. nauk. Khudzhand, 2009. (In Russ.)

Kholov M. Sh. *Tadzhikskie lineinye mery dliny kontsa XVIII – nachala XX vekov* // *Vestnik tadzhikskogo gosudarstvennogo universiteta prava, biznesa i politiki. Seriya gumanitarnykh nauk*, 2017, 1(70): 38–50. (In Russ.)

Moin M. *Farhang-e fārsī (Persidskii slovar')*. T. 1. Tegeran, 1965. (In Persian)

Mukhiddinov I. *Osobennosti traditsionnogo zemledel'cheskogo khozyaistva pripamirskikh narodnostei v XIX – nachale XX veka*. Dushanbe, 1984. (In Russ.)

Nazarova Z. O. K probleme izucheniya leksiki pogrebal'nogo obryada v ishkashimskom yazyke // *Voprosy filologii*, 2000, 3(6): 52–60. (In Russ.)

Pakhalina T. N. *Ishkashimskii yazyk*. Moskva, 1959. (In Russ.)

Pisarchik A. K. Mery dliny, upotrebyavshiesya ferganskimi masterami-stroitel'yami // *Material'naya kul'tura Tadzhikistana*. Vyp. 1. Dushanbe, 1968, 236–242. (In Russ.)

Pisarchik A. K. Stroitel'nye materialy i konstruktivnye priemy narodnykh masterov Ferganskoi doliny v XIX – nachale XX v. // *Sredneaziatskii etnograficheskii sbornik*. T. XXI. Moskva, 1954, 216–298. (In Russ.)

Rastorgueva V. S., Edel'man D. I. *Etimologicheskii slovar' iranskikh yazykov*. Moskva. T. 1 — 2000. T. 2 — 2003. T. 3 — 2007. (In Russ.)

Shozimova T. D. *Vyrazhenie mer dliny i vesa v shugnanskom i angliiskom yazykakh*. Avtoref. dis. na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk. Dushanbe, 2012. (In Russ.)

Steblyn-Kamenskii I. M. *Etimologicheskii slovar' vakhanskogo yazyka*. Sankt-Peterburg, 1999. (In Russ.)

Tadzhiksko-russkii slovar'. Farhangi tojikī ba rusī. Pod redaktsiei D. Saimiddinova, S. D. Kholmatovoi, S. Karimova. Dushanbe, 2006.

Назарова Зарифа Одинамамадовна

Институт языкознания РАН

Москва, Россия

Nazarova Zarifa Odinamamadovna

Institute of Linguistics, RAS

Moscow, Russia

bnazarova@yandex.ru

Семантические поля скотоводческой лексики в арабском языке

The semantic fields of Arabic animal husbandry vocabulary

Белова А. Г.

Belova A. G

В статье рассматриваются тенденции семантических изменений специализированной глагольной лексики пастухов и кочевников древней Аравии — явление спецификации. Материал свидетельствует о таких процессах как: расширение значения, расщепление первичного сложного значения, образование полисемии и омонимии.

Ключевые слова: глагол, специализированное значение, спецификация, семантическое поле, полисемия, омонимия

The article examines specification, a type of semantic change in the specialized verbal vocabulary used by shepherds and nomads in ancient Arabia. A comparison with modern Arabic vocabulary shows linguistic processes such as semantic extension, splitting of the primary complex meaning, and the development of polysemy and homonymy.

Key words: verbs, specialized meaning, specification, semantic field, polysemy, homonymy

DOI 10.37892/2313-5816-2021-1-171-184

В процессе работы над отдельными вопросами истории арабского языка внимание исследователя неизбежно привлекает вопрос формирования и функционирования лексической системы как в синхронии, так и в диахронии.

Научная традиция, истоки которой восходят к арабской национальной грамматике и лексикографии, рассматривает словарный фонд арабского языка сквозь призму корневого

фонда. Поскольку арабский консонантный корень относительно устойчив, а его словарное гнездо включает лексику разных периодов образования и разных сфер функционирования, то все большие и авторитетные словари национальной школы XIII–XVIII вв., а вслед за ними и европейские словари, представили миру подлинный океан (*qāmūs*, араб. *muḥīṭ*) арабской лексики самых разных исторических периодов и самых разных контекстных значений. Следствием явилась иллюзия широкой полисемии корневой основы, точнее — консонантного корня.

Из безбрежного океана арабской лексики одинокому исследователю могут быть доступны лишь отдельные ручейки, имеющие некое русло определенного направления. Ниже предлагается рассмотреть историческую судьбу глагольной лексики, ограниченной одной сферой функционирования, а также основные тенденции ее семантических изменений.

В данной статье ограничиваемся материалом наиболее известных и доступных памятников арабского языка раннего периода: лексическим материалом из текста Корана (VII в.) и отрывком из поэтического текста VI в.¹

Поскольку к числу первых эпиграфических свидетельств протоарабского языка (период рубежа старой и новой эры) относятся наскальные надписи, оставленные именно древними пастухами-скотоводами², обратимся к лексике из сферы скотоводства.

Специальная лексика скотоводческого хозяйства должна была формироваться в течение нескольких тысячелетий по мере domestikации мелкого скота (VII–V тысячелетия до н. э. [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 580–581; ИДВ 1988: 209–224]) и далее, по мере одомашнивания крупного скота, лошади и, наконец, верблюда-дромадера (вторая половина II тысячелетия

¹ Отрывок взят из поэмы одного из самых ранних (начало VI в. н. э.) и самых известных поэтов по имени Сабит ибн Аус ал-Азди и с прозвищем аш-Шанфара. Полный текст с переводом и комментариями опубликован в [Jacob 1914–1915].

² О сафской эпиграфике и ее языке [Белова 1994, гл. II].

до н. э. [Гамкрелидзе-Иванов 1984: 559–560; ИДВ 1988: 224; 289–290 и сл.]). Как и в большинстве известных языков, специальная терминология продолжает функционировать в своей сфере, доколе в жизни общества сохраняется скотоводство. В то же время сопоставление однокорневой лексики древнего и современного периодов свидетельствует о заметных изменениях ее значений и сферы ее функционирования.

Рассматриваемая ниже специальная лексика представлена глаголами и отглагольными именами. Лексика относится к двум областям скотоводческого хозяйства:

1. уход за скотом; 2. использование скота.

1. Уход за скотом

1.1. Текст Корана, повествующий о сотворении скота: ... *wa l-an'āma ḥālaqa-hā la-kum... wa-la-kum fī-hā ḡamālun ḥīna turīḥūna wa ḥīna tasraḥūna* [Q 16:5/6] «... и скот Он создал для вас ... и для вас в них — красота, когда [вы] [их] гоните на покой и когда выпускаете» [Крачковский 1963: 209]. Глаголы *turīḥūna* (imperf., 2 m. pl., IV-stem) «[вы] гоните на покой» и *tasraḥūna* (imperf., 2 m. pl., I-stem) «выпускаете [пастись]» противопоставлены не только по направлению (или цели) действия, но и по времени совершения действия: скот загоняют на отдых вечером, а выгоняют на пастбище утром. Каждый из глаголов помимо обозначения действия содержит дополнительную информацию о его цели и времени суток его свершения.

В современном АЛЯ и диалектах глагольное гнездо *rwh* (как IV-stem, так и I-stem) представляет большую группу словоформ широкого значения. Глагольное значение расширяется до самого общего значения «отправляться»; и, сохраняя дополнительную информацию о «вечернем отдыхе», образуется омонимичный глагол «отдыхать; быть в довольстве, комфорте» [Баранов 1976: 318–319]. Ср. в одном из современных бесписьменных языков Южной Аравии мехри: *a-ryūh* (causative) [Johnstone 1987: 333] «дать покой, отдых»³.

³ О сафской эпиграфике и ее языке [Белова 1994, гл. II].

Глагол *srh* (I-stem) «выпускать на пастбище (утром)» в современном АЛЯ сохраняет значение основного действия — «пасти/пастись», однако теряет дополнительную информацию о времени суток. В то же время в корневом гнезде *srh* отмечаются глагольные значения, которые можно было бы объединить общим понятием «выпускать/выходить на свободу, на свободное пространство»: «расчесывать волосы» (т. е. выпускать их); «давать развод», «увольнять»; демобилизовать» [Баранов 1976: 357]⁴. В отглагольных именах: *masrah-* (n. m. sg.), имя места действия сохраняет значение «пастбище» наряду с омонимичным именем в значении «арена», «театр». Этимологическая связь в корневом гнезде очевидна, но в словарной системе возникают омонимы.

1.2. Текст Корана повествует о событиях страшного суда, когда всё рухнет и нарушаются нормы привычной жизни: *wa idā l-‘išāru ‘uttilat* [Q 81:4] «и когда десяти месяцев беременные верблюдицы будут без присмотра» [Крачковский 1963: 478]⁵. Глагольная форма *‘uttilat* (perf. pass. 3. f., II-stem) связана с глагольным корнем *‘tl* «быть, стать без чего-либо, лишиться чего-либо». В производной основе (II-stem) имеет значение «оставить домашнее животное без ухода, без присмотра, без пастуха» [Bustānī: 1389]. В современном АЛЯ функционирует в широком значении «лишиться чего-либо», однако ее дополнительное значение изменяется: «лишиться работы» > «не работать», «быть, стать безработным». Семантическое поле расширяется и возникают новые понятия. Ср. производные отглагольные формы: *‘ātīl-* prf. I-stem, act.) «безработный»; *‘utl-at-* (n. f.) «безработица»; «каникулы» [Баранов 1976: 523]. В семитских языках глагольный корень

⁴ В ряде семитских языков глагольная форма **srh* также характеризуется общей семантикой «выход/выпуск (на свободу)» [Zammit 2002:218–219]; в языке мехри *srh* «to go» [Johnstone 1987: 352].

⁵ Верблюдица на 10-м месяце беременности должна родить детеныша и нуждается в это время в особом уходе.

*'t] имеет широкое значение «лишаться чего-либо, не иметь чего-либо»; «пренебрегать»: мехри 't] [Johnstone 1987: 341]; также — в арамейских [Zammit 2002: 291].

1.3. Поэтический текст [Шанфара: 14] повествует о немелом скотоводе, над которым насмехается поэт: ...*yu'aššī sawāma-hu muḡadda'atan suqbānu-hā wa hya buhhalu* [Jacob 1915: Abhandlung 8:2] ...[он] пасет свое стадо поздним вечером! [при этом] верблюжата их [верблюдиц из стада] плохо накормлены, хотя они [верблюдицы] с неперевязанным выменем⁶.

Глагольная форма *yu'aššī* (imperf., 3 m. sg., II-stem) «пасет поздно вечером» восходит к корню 'šw/y «быть, стать, оказаться поздно вечером, ночью». Производные основы сохраняют дополнительную информацию о времени суток: «делать что-либо ночью»; «совершать вечернюю трапезу». Уже в ранних текстах можно отметить изменение семантики глагола, которое в то же время сохраняет информацию о ночном времени: 'šw/y (v.) «плохо видеть ночью» > «иметь слабое зрение» > «слепнуть».

В современном АЛЯ глагольный корень сохраняет значение времени суток в производных основах: «ужинать», 'ašā- (n.) «ужин»; 'išā- (n.) «вечер»; 'ašā'- (n.) «куриная слепота» [Баранов 1976: 517].

Отглагольное причастие *muḡadda'-at-* (part. II-stem, pass., f. pl.) «плохо накормленные/недокормленные» входит в парадигму глагольного корня ḡd' «отрезать, отсекают какую-либо часть тела»; ḡd' (II-stem) «недодавать корм»; именная форма ḡad'- «дурная, вредная пища». Можно предположить, что рассматриваемая нами глагольная основа II-stem представляет

⁶ У пастуха всё не в порядке: он запаздывает, до позднего вечера пасет свое стадо, хотя его уже давно пора загнать на ночь домой; его верблюжата недокормлены, хотя у верблюдиц вымя не перевязано (т. е. они могли бы кормить своих детенышей), но дело в том, что у них нет молока. Это всё — недосмотр пастуха, он пасет на бесплодных местах (переводы поэтических отрывков и комментарии — автора статьи).

контаминацию двух значений от первичных основ разного происхождения. В современном АЛЯ глагольный корень (I-stem) сохраняет одно значение «отсекать (часть тела)», «увечить» [Баранов 1976: 120].

Отглагольная форма, причастие *buhhal-* (prt. I-stem, f. pl.) < *bāhil-* (prt. I-stem, f. sg.) «верблюдица с неперевязанным выменем (чтобы она могла кормить детеныша)» входит в парадигму глагольного корня *bhl* «оставить верблюдицу без повязки на вымени», также «предоставить кому-либо доить верблюдицу и пользоваться ее молоком».

В современном АЛЯ *bāhil-* (prt. I-stem, m., sg.) имеет смещенное значение, сохраняющее отношение к домашнему животному — «неспутанный, нестреноженный». В то же время глагольное значение расширяется и его производное *bāhil-* (prt.) означает «незанятой, свободный»; «праздный» [Баранов 1976: 89].

В семитских языках можно отметить соответствия в Aram Syr *bāhel* «перестать что-то делать; отдыхать»; Eth Amh *bowal* «праздный»; «безработный» [DRS 1976: 48].

В арабских диалектах первичное значение *bhl* изменяется в аналогичном направлении. Однако в сфере традиционного хозяйства глагольная основа *bhl* и ее производные сохраняют семантическую связь с понятиями приплода у скота. Так, в йеменском диалекте *bāhīlu* «родившая верблюдица», *bahīl* «новорожденный детеныш» [Behnstedt 1992: 116]. В диалекте Мавритании (хассанийя) *bhāl* (n. m. sg.) «наспинный ремень для поддержки емкости под выменем верблюдицы» [Taine-Cheikh 1988: 149].

2. Использование скота

2.1. Текст Корана повествует о сотворении скота: ...*wa l-ḥayla wa l-biḡāla wa l-ḥamīra li-tarkabū-hā*... [Q 16:5/8] ... [Он сотворил для вас...]... «и коней, и мулов, и ослов, чтобы вы на них езддили...» [Крачковский 1963: 210]. Глагольная

форма *tarkabū* (imprf. I-stem, 2 m. pl., modus subj.) восходит к глагольному корню *rkb* «ехать, ездить верхом». В этом значении глагол *rkb* функционирует в семитских языках со времени приспособления подходящих животных для этого вида службы⁷. В этом значении глагольный корень *rkb* отмечен во всех семитских языках [Zammit 2002: 199].

Уже в ранних памятниках арабского языка значение глагола *rkb* расширяется и глагол используется для обозначения езды не только на верховых животных. Так, в тексте Корана: ...*wa ġa'ala la-kum mina l-fulki wa l-an'āmi mā tarkabūna* [Q 43:12] ... «[и Он] сделал вам из судна и животных то, на чем вы ездите»... [Крачковский 1963: 388]; также — в другом контексте: ...*idā rakibā* (perf. I-stem, 3 m. du) *fi s-safīnati*... [Q 18:71] «...когда они [оба] сели на корабль...»⁸. Производное отглагольное имя *markab-* (n. m. sg.) «то, на чем ездят (верхом)» расширяет свое значение до обозначения любого транспортного средства: верховое животное, водный транспорт, повозка.

В доисламской поэзии глагол *rkb* используется не только в прямом, но и в переносном значении. Так, у доисламского поэта ал-Хутай'а (VI–VII в. н.э.): *lā yaṣ'ubu l-'amru 'illā rayta yarkabu-hu* [Полосин 1995: 137] «самое трудное в деле — это взяться за него» (дословно: не трудно дело, кроме как после того, как вскочат на него верхом»).

Глагольный корень *rkb* к современному периоду АЛЯ значительно расширяет свое значение и служит основой для широкого семантического поля «ездить/садиться (о любом виде передвижения и на любом виде транспорта: наземном, водном, воздушном). Возникают словарные омонимы: *rākib-* (prt. I-stem, m., sg.) (1) «верховой», «наездник», «всадник» и «пассажир» (автобуса, поезда, самолета). Производное

⁷ Раннее и, возможно, первичное значение глагольной основы **rkb* реконструируется как «to have intercourse / иметь половые сношения» [SED I 2000: 316–317, 60].

⁸ В переводе И. Ю. Крачковского «когда они были на судне» [1963: 236].

отглагольное имя *markab-at-* (n. f. sg.) используется для обозначения самых современных средств передвижения: *markabatu l-faḍā'i* «космический корабль»; *al-markabātu l-qamariyyatu* «луноход» [Баранов 1976: 311–312].

2.2. Одной из важнейших функций одомашненного животного с древнейших времен была перевозка грузов по суше, особенно в связи с развитием караванной службы⁹. Это назначение домашних животных отмечено и в тексте Корана: *wa tahmilu atqāla-kum ila baladin lam takūnū bāligī-hi illā bi-šaqi l-anfusi...* [Q 18:7] «и переносят [они] ваши грузы в страну, которой вы бы не достигли без утомления самих себя» [Крачковский 1963: 209].

В арсенале средств управления животными использовались и голосовые средства. В лексическом фонде арабского языка обнаруживается большой список глаголов, обозначающих голосовое воздействие как пастухов, так и погонщиков на стадных, вьючных и верховых животных. Часть таких глаголов могла одновременно обозначать и физические меры воздействия (поводом, бичом и т. п.). Примерами могут послужить такие глаголы, как: *'lb* «сгонять разбредшееся стадо»; *btṭ* «рассеять животных по пастбищу»; *hrš* «подергать уздой, чтобы верблюд ускори движение» [Bustāni: 384].

В семантическое поле «гнать, погонять (животных)» входит и группа глагольных корней, синонимичных по значению и близких по звуковому составу. Глагольные корни этой группы примечательны тем, что объединены двухсогласной «ячейкой», содержащей одну из таких пар «щелевой свистящий + смычный заднего ряда»: **zg / *zġ / *z' / *d' / *s'*. Как правило, «ячейка» расширена до трехсогласного корня: *zġw* (< **zg + w*); *mzġ* (< **m + zġ*); *zwġ* (< **z + w + ġ*); *nzġ* (< **n + zġ*); **s'y* (< *s' + y*).

⁹ К началу II тысячелетия до н. э. на территории Передней Азии сухопутное передвижение караванов, доставка грузов и товаров осуществлялась с использованием вьючных животных (главным образом крупных ослов), которых вели погонщики, как пешие, так и верховые [ИДВ 1988: 52–54].

Функция 3-го согласного заключается в расширении корня в соответствии с морфологической системой трехсогласной парадигмы. Происхождение 3-его согласного пока остается открытым вопросом.

Один из глаголов этой «фонетическо-семантической» группы можно отметить в тексте Корана: *...a lam tarā anna llāha yuzġī saḥāban...* [Q 24:43] «Разве ты не видишь, что Аллах гонит¹⁰ облака...» [Крачковский 1963: 281]. Глагольная форма *yuzġī* (imperf. 3 m. sg. IV-stem) восходит к глагольному корню *zġw* < **zg* + *w*.

Рассматриваемая фонетическо-семантическая группа глагольных корней по этим же фонетическим признакам связана с соответствующей группой глаголов, означающих «крик, пение, производство любых голосовых звуков (как о людях, так и о других живых существах)». Такое звуко-образительное происхождение глаголов «гнать, погонять» может объяснить формирование большого количества корневых фонетических вариантов, нарушающих регулярную фонологическую систему как арабского языка, так и других семитских языков, имеющих подобные соответствия.

Другой особенностью глагольной группы семантического поля «гнать, погонять» является развитие исходной семантики в одном направлении. Вторые и новые значения этих глаголов образуют синонимический ряд «науськивать; подстрекать; натравливать; сеять рознь; злословить».

Из необъятного словарного фонда арабского языка в первом и втором разделах была рассмотрена ограниченная группа глагольной лексики, связанной одной из важнейших сфер жизни и быта древних носителей арабского (или прото-арабского?) языка.

¹⁰ Национальный традиционный комментарий поясняет значение глагола *yuzġī* синонимичным, но, видимо, более распространенным глаголом *swq*: *yasūqu bi-rifqin* «гонит мягко, ласково» [Q 24:43].

При рассмотрении этой лексики в историческом аспекте можно отметить основные особенности ее семантики и основные направления ее развития или изменения.

Глаголы этой группы включают более одной информации одновременно: действие/состояние + дополнительная информация о времени суток, о направлении или цели действия. Эти глаголы передают подробную информацию о действии или событии или имеют очень узкое значение и узкую сферу функционирования. Это семантическое явление мы называем явлением лексической спецификации.

Общей тенденцией семантических изменений глаголов спецификации является тенденция к утрате дополнительной информации и к расширению основного значения. Классическим примером может послужить глагол *rkb* «ехать верхом» > «ехать (вообще)». Кроме общей тенденции можно отметить тенденцию к «расщеплению» двух первичных значений и к образованию омонимии в современном глаголе или его производных, ср. глагол *srh* «пасти» и «расчесывать волосы»; «увольнять»; или глагольную основу *'šw/u* «слепнуть»; «ужинать».

Такие глаголы как *ǧd'* > «лишать чего-либо»; *'tl* > «бросать на произвол судьбы» (< «оставить без присмотра, т. е. без помощи»), *bhl* > «стать бездельником, праздным» утрачивают специфицирующий компонент исходного значения, но обобщают значение исходного действия.

Группа глаголов-синонимов семантического поля «гнать, погонять» свидетельствует о другом векторе в направлении семантических изменений. Эти глаголы утрачивают свою очевидную связь со звукоизобразительными глаголами «крика» и вместо обозначения отношения между человеком и животным, начинают обозначать более сложные и более абстрактные отношения между членами человеческого общества.

Семантические изменения древней глагольной лексики специфицированного значения и появление новых значений

этой лексики в современном АЛЯ не исключают и того факта, что в традиционном скотоводческом хозяйстве древняя терминология сохраняет свои функции и продолжает использоваться в своем первичном значении. Об этом могут свидетельствовать некоторые данные современных арабских диалектов.

В лексической системе арабского языка семантические изменения древних глаголов, характеризующихся спецификацией, приводят к развитию полисемии глагольной основы (если придерживаться рассмотрения лексики через призму консонантного корня) или к появлению омонимии (если рассматривать эту лексику «от реального слова»)¹¹.

Вопрос о том, изменяется ли семантика глагольной лексики быстрее и активнее, чем семантика субстантивной лексики, остается открытым. На него смогут ответить лишь коллективные фундаментальные исследования основного словарного фонда арабского языка.

Грамматические сокращения и знаки

* — знак реконструкции

— дефис отделяет некорневые морфемы и клитики от основы слова

v. — глагол

perf. — перфект

imperf. — имперфект

stem — глагольная основа (порода); I — непроездовая,

II–X — производные

act. — актив

pass. — пассив

prt. — причастие

¹¹ Ср., например, *'ašw-at-* (n. f.) < *'šw/y* (v.) «темнота», «плохое зрение»; «ужин» [Баранов 1976: 517] — как результат «разрыва первоначальной единой семантики многозначного слова» [ЛЭС 1990: 344–345].

- 1, 2, 3 — лицо
 m. — муж. род
 f. — жен. род
 sg. — ед. число
 du — двойств. число
 pl. — множ. число
 n. — имя

Сокращенные названия языков

- АЛЯ — арабский литературный язык
 Amh — амхарский
 Aram — арамейский
 Eth — эфиосемитские (языки)
 Syr — сирийский (арамейский)

Литература

- Баранов Х.К. *Арабско-русский словарь*. Москва, 1976.
 Белова А.Г. *Историческая морфология арабского языка*. Москва, 1994.
 Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. *Индоевропейский язык и индоевропейцы*. Ч. II. Тбилиси, 1984.
 ИДВ — *История Древнего Востока*. Ч. II. *Передняя Азия. Египет*. Москва, 1988.
 Крачковский И. Ю. *Коран*. Пер. и комм. И. Ю. Крачковского. Москва, 1963.
 ЛЭС 1990 — *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва, 1990.
 Полосин В. В. *Словарь поэтов племени Абс. VI–VIII вв.* Москва, 1995.
 Behnstedt Peter. *Die nordjemenitischen Dialekte*. Teil 2. Glossar. Wiesbaden, 1992.
 al-Bustānī Butros. *Quṭru l-Muḥīṭ*, repr. ed. 1869. (a concise arabic Dictionary). Beirut.

DRS — Cohen D. *Dictionnaire des racines sémitiques ou attestées dans les langues sémitiques*. Paris, 1970–1999.

Jacob Georg. *Schanfara-Studien*. 1. und 2. Teil. München. 1914–1915.

Johnstone T. M. *Mehri Lexicon*. London, 1987.

Q — *Коран*, Дамаск, 1963.

SED I — Militarev A., Kogan L. & all. *Semitic Etymological Dictionary*. Vol. I. *Anatomy of Man and Animal*. Münster, 2000.

Taine-Cheikh Catherine. *Dictionnaire Ḥassāniyya-Français*. V. I. Paris, 1988.

Zammit Martin. *Comparative Lexical Study of Qur'ānic Arabic*. Leiden, Boston, Köln, 2002.

References

al-Bustānī Butros. *Qūtru l-Muḥīṭ*, repr. ed. 1869. (a concise arabic Dictionary). Beirut.

Baranov Kh.K. *Arabsko-russkii slovar'*. Moskva, 1976. (In Russ.)

Behnstedt Peter. *Die nordjemenitischen Dialekte*. Teil 2. Glossar. Wiesbaden, 1992.

Belova A.G. *Istoricheskaya morfologiya arabskogo yazyka*. Moskva, 1994. (In Russ.)

DRS — Cohen D. *Dictionnaire des racines sémitiques ou attestées dans les langues sémitiques*. Paris, 1970–1999.

Gamkrelidze T. V., Ivanov Vyach. Vs. *Indoevropskii yazyk i indoevropetsy*. Ch. II. Tbilisi, 1984. (In Russ.)

IDV — *Istoriya Drevnego Vostoka*. Ch. II. *Perednyaya Aziya. Egipet*. Moskva, 1988. (In Russ.)

Jacob Georg. *Schanfara-Studien*. 1. und 2. Teil. München. 1914–1915.

Johnstone T. M. *Mehri Lexicon*. London, 1987.

Krachkovskii I. Yu. *Koran*. Per. i komm. I. Yu. Krachkovskogo. Moskva, 1963. (In Russ.)

LES 1990 — *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'*. Moskva, 1990. (In Russ.)

Polosin V. V. *Slovar' poetov plemeni Abs. VI–VIII vv.* Moskva, 1995. (In Russ.)

Q — *al-Qur'ān*, Dimašqu, 1963.

SED I — Militarev A., Kogan L. & all. *Semitic Etymological Dictionary*. Vol. I. *Anatomy of Man and Animal*. Münster, 2000.

Taine-Cheikh Catherine. *Dictionnaire Ḥassāniyya-Français*. V. I. Paris, 1988.

Zammit Martin. *Comparative Lexical Study of Qur'ānic Arabic*. Leiden, Boston, Köln, 2002.

Белова Анна Григорьевна
Институт востоковедения РАН
Москва, Россия
Belova Anna Grigorievna
Institute of Oriental Studies, RAS
Moscow, Russia
himyarit@yandex.ru

**Прилагательное «радостный»:
значение и формы употребления
The Russian adjective “radostny” (“joyful”):
Meaning and form**

Ковшова М. Л.

Kovshova M. L.

В статье исследуется прилагательное *радостный*, его словарные дефиниции, создается толкование в аспекте эмоциональной оценки, отмечается область денотации и ее расширение, приводятся формы употребления в разных синтаксических позициях и конструкциях. Исследование позволяет уточнить значение признака *радостный* в русской языковой картине эмоций. В статье представлен фрагмент словарного очерка.

Ключевые слова: *радостный*, прилагательное, эмоциональная оценка, значение, формы употребления

The article is part of a dictionary entry dealing with the Russian adjective *radostny* ('joyful'). Special attention is paid to the lexical definition, interpretation in terms of emotional evaluation, the denotative sphere and its extension, and the use of the adjective in various syntactic positions and structures. This study shows the development of the attribute *radostny* in the Russian linguistic representation of emotions.

Key words: *radostny* ('joyful'), adjective, emotional evaluation, semantics, forms of use

DOI 10.37892/2313-5816-2021-1-185-198

*Быть счастливым. Радостным. Восторженным.
Таким, как должен быть обыкновенный человек
с открытым сердцем.*

М. М. Зоценко «Перед восходом солнца»

Введение

Радость — позитивная эмоция, одна из десяти базовых эмоций; она возникает при обладании или в ожидании обладания каким-либо значительным благом [Изард 2003]. Радость — одно из проявлений возбуждения как реакции на внезапное позитивное изменение, что вызывает состояние «сброса» негативных раздражителей; в состоянии радости человек становится гуманнее, добрее, отзывчивее; на сенсорном уровне радость выражается с помощью мимических и звуковых реакций, жестов и движений [Рейковский 1979]. В русском языке понятие радость осознается во взаимосвязи с понятиями веселье, удовольствие, удовлетворение, восторг, торжество, ликование; их «толкования вращаются в замкнутом синонимическом кругу» [Пеньковский 2004: 61]. В религиозной сфере радость означает возвышенное состояние духа; ср.: «Они найдут радость и веселие, а печаль и вздыхание удалятся» (Исайя 35:10). Слова радости вплетаются в восхваление жизни; ср.: «Веселись, юноша, в юности твоей, и да вкушает сердце твое радости во дни юности твоей» (Еккл. 11:9); передают сокровенные смыслы; ср.: «...не радуется неправде, а сорадуется истине» (1 Посл. к Кор. 13:6). Концепт радости сложно уловить, поскольку он распределен «между материальным объектом, средой и внутренним состоянием человека» [Степанов 1997: 307]. Исследуем значение прилагательного эмоциональной оценки и создадим общую характеристику форм его употребления.

1. Этимология и семантика прилагательного *радостный*

Внутреннюю форму, мотивирующую значение прилагательного, проясняет этимология. *Радостный* происходит от *радый*, *рад*; *рад* — слово исконно русское, восходит к праславянскому корню: «др.-русск., ст.-слав. радъ (др.-греч. $\rho\epsilon\upsilon\chi\alpha\rho\acute{\iota}\varsigma$), укр. радий, рад, белор. рад, болг. рад, сербохорв. ра̑д, ра̑да, ра̑до «охотный», словенск. ràd, ráda «рад, охотный», чешск. rád — то же, словацк. rád, польск., в.-луж., н.-луж. rad. Предполагают родство с англос. *gót* «радостный, благородный», др.-исл. *gótask* «проясняться, веселеть», англос. *gótu* ж. «радость»» [Фасмер 1987, 3: 429]. *Рад* близок *радеть*, от др.-русск. *радити* «заботиться»; «хотеть, стремиться, работать» [Фасмер 1987, 3: 430]; ср. *радивый*, *ради*. По версии Ю. С. Степанова, слово *ради* имеет глубокую связь с древнеперсидским *gādiy*: «Оба слова употребляются как предлоги, точнее — как “последологи”» (*ради Бога, Христа ради*), но изначально являются существительными; «персидское слово, кроме того, прямо отождествляется как локатив (местный падеж) существительного жен. рода с основой *gād-*» [Степанов 1997: 305] (см. об этом также [Эдельман 2002: 135–136; 2017; 2020]). Данная этимология проясняет значение *рад* — «готовый к благодеянию, его совершению или восприятию» [Степанов 1997: 309]. Дж. И. Эдельман, отмечая сходство семантики и функций этого элемента в иранских и славянских языках, указывает, что «идея прямого заимствования в праславянский древнеиранского **gādi* вызывает вопросы о времени и источнике заимствования, на которые пока нет ответа, а идея точного соответствия этих форм при спонтанном развитии вызывает вопросы историко-фонетического и историко-морфологического характера, особенно с учетом синтаксических свойств этих языков: для иранских наличие послелoga — норма <...>; для славянских наличие послелoga — исключение» [Эдельман 2002: 135–136].

Рассмотрим словарные толкования прилагательного. В словаре Даля *рад, радостный* — «кто радуется, чувствует радость» [Даль 2004, III: 450]. В словаре Ушакова указано три значения: 1. Полный радости, веселья. 2. Доставляющий радость, возбуждающий радость. 3. Выражающий радость [Ушаков 1939, III: 1110]. В «Малом академическом словаре» указано два значения: «1. Испытывающий чувство радости. <...> Выражающий радость. *Радостный смех. Радостный вид.* <...> 2. Вызывающий, доставляющий радость. *Радостное событие*» [МАС 1984, III: 581]. Ср. также: «1. Полный радости, веселья, выражающий радость. <...> 2. Доставляющий радость» [Ожегов, Шведова 2006: 640].

Толкования, взятые в их временной последовательности, отражают смысловую трансформацию признака, что позволяет описать его в аспекте эмоциональной оценки. *Радостный* — атрибутивный позитив, объективные параметры которого формулируются в трех основных значениях: 1. Испытывающий чувство радости *кто* / перен. *что* (человек / перен. реалии природного мира). Ср.¹: *Маратов возвращался с этих вечеринок радостный, возвышенный* (Ю. Мамлеев «Американские рассказы» [1975–1999]). *Май, набрав крылья, уже плывет над землей, он невесом и воздушен, радостен и победен, юн и красив* (В. Г. Распутин «Новая профессия» [1998]). 2. Выражающий радость *что* (реакции визуального, слухового, осязательного видов, связанные с первичной, аффективной, стадией восприятия). Ср.: *Слезы текли по смеющемуся, радостному лицу, крики прерывались счастливым смехом...* (Г. Адамов «Тайна двух океанов» [1939]). 3. Вызывающий, доставляющий радость *что* (предмет, явление, событие, чьи внешние качества или внутренние свойства отвечают представлениям о желаемом благе). Ср.: *Это была стройная, очаровательная девушка, и весь радостный облик её струил ласку на окружающий мир* (Ф. Искандер «Случай в горах» [1980–1990]). *Радостный камень*

¹ Здесь и далее все примеры приводятся по [НКРЯ].

и широкой силы: самому вислоносому дураку покажи, и тому весело станет (П. П. Бажов «Железковы покрывки» ([1942])).

Расширение области денотации приводит к распространению признака на разные объекты и вызывает сдвиги в оценочной семантике прилагательного *радостный*². Денотативный сдвиг от внешнего мира к миру внутреннему обуславливает формирование интеллектуальной и эстетической оценки. Ср.: *Тут радостный трагизм людей, приступающих к делу жизни и смерти*. (В. В. Бибихин «Из записей на тему самопознания» [1970–1992]). *За сеткой в окне, в полуденном солнце, красовался радостный и весенний бор на другом берегу реки, а поближе сверкала река* (М. А. Булгаков «Мастер и Маргарита» [1929–1940]).

2. Общая характеристика форм употребления

Ассертивная и негативная формы. Прилагательное употребляется в ассертивной или негативной форме, с аффиксом *без-* или частицей *не*. Ср.: *Они раздражены... недобро поглядывают на радостного победителя* («Октябрь», 2002). *Мысли текли под шелковой шапочкой, суровые, ясные, безрадостные*. (М. А. Булгаков «Белая гвардия» [1923–1924]). *Может быть, твоя любовь и большая, но она не радостная* (В. Б. Шкловский «Зоо. Письма не о любви, или Третья Элоиза» [1923]).

Степени сравнения и динамика признака. Качественный признак, лежащий в основе семантики прилагательного, может меняться на шкале интенсивности, что определяет его основное семантическое свойство иметь степени сравнения.

Сравнительная степень сравнения в простой и составной

² Модификация эмоциональной оценки *радостный*, такие ее характеристики, как субъективность, неопределенность и др., рассматриваются автором в статье «Семантика прилагательного *радостный* и концептуализация эмоциональной оценки» // Критика и семиотика, 2021, 1:159–175.

форме употребляется и в отношении конкретных объектов, и в обобщающем контексте; ср.: ... *одуряющая пошлость мировой провинции... не делающая тебя ни добрее, ни радостней...* (Ю. Нагибин «Тьма в конце туннеля» [1994]). *Сам Гавриил не мог бы принести мне вести более радостной, чем ты!* (А. В. Чаянов «Венедиктов, или Достопамятные события жизни моей [1922]). ... *я снова пережил уже знакомый, но от этого не менее радостный и восторженный миг «неузнавания»* (А. Маринина «Черный список» [1995]). Обобщению служат конструкции с признаком в форме сравнительной степени, простой и составной:

— с риторическим восклицанием (типа «что может быть Р»); ср.: *Что может быть радостнее и дороже этой волнующей и долгожданной поры, когда трудовой день равен целому году* («Вперед», 1966); *Есть ли на свете что-либо более безнадежное, более безрадостное, нежели этот некогда погибший торный путь, а может, высохшее русло в проклятом Богом мертвом скальном ущелье?..* (Семен Лунгин «Виденное наяву» [1989–1996]);

— с риторическим вопросом (плюс интенсификатор); ср.: *А если он добавит еще семьсот? — будет он еще буйнее и радостнее?* (Вен. Ерофеев «Москва—Петушки» [1970]);

— с отрицанием (типа «нет ничего Р [того, как/чем]»); ср.: *«Милый», «любимый» — не было ничего радостнее, полнее и утешительнее этих вечных слов* (О. В. Волков «Из воспоминаний старого тенишевца» [1988]); *Нет ничего радостнее того, как то, когда мы знаем, что люди любят нас* (Л. Н. Толстой «Путь жизни» [1910]); ... *Нет ничего радостнее для человека, чем быть свидетелем этого великого таинства — зарождения нового дня...* («Огонек», 1981).

Превосходная степень. Превосходная степень с компонентами *всех, всего* характерна для позитивной формы *радостный*; ср.: *Кто был радостней всех, так Дядя Тера.* (С. Носов «Грачи улетели» [2005]). *Радостнее всего то, что тут же узнаешь: машины успели показать себя хорошо*

в работе... («Огонек». № 2, 1959). Превосходная степень с компонентом *самый* употребляется прилагательным в позитивной и в негативной форме; ср.: *Происходило это ... в самый радостный для Образцова период...* (С. Алешин «Встречи на грешной земле!» [2001]). *С жизнью в Александрове связан не самый радостный эпизод в жизни нашей семьи...* (Т. Шмыга «Счастье мне улыбалось...» [2000]). *Перекопский перешеек был, наверное, самым безрадостным местом русского юга.* (Е. Водолазкин «Соловьев и Ларионов» [2009]). *Зато миллионы зрителей готовы смотреть одно из самых безрадостных шоу на земле — выступления российских футболистов* («Русский репортер», 2012). Также форма превосходной степени с компонентом *самый* употребляется в конструкции с клише *на свете, в мире*; ср.: *Это самый чистый и самый радостный цвет на свете* («Домовой», 2002). *Опять навалившаяся тоска делала безрадостным все на свете* (Ю. М. Нагибин «Рассказ синего лягушонка» [1991]). *Вы — самая радостная в мире молодёжь!* (А. И. Солженицын «Молодняк» [1993]). Обобщению не препятствует выделение одного объекта оценки из многих; ср.: *Эта неделя может стать одним из самых радостных периодов вашей жизни* («Вечерняя Москва», 2002.07.18). Превосходная степень с компонентом *самый* часто используется в речевой формуле обобщенного пожелания; ср.: *Мы желаем любимым самого высокого, самого светлого, самого радостного.* (митрополит Антоний (Блум) «О вере» [1985–1995]).

Степень проявления признака также эксплицируют конструкции:

— тавтологичные; ср.: *А услышал вдруг голос возле себя, радостный-радостный...* (Ф. Абрамов «Две зимы и три лета» [1968]);

— сравнения («до того Р [, что]»); ср.: *... смех Пушкина: внезапный, короткий, обрывистый и до того радостный, что все смеялись.* (Ю. Н. Тынянов «Пушкин [1935–1943]).

...*Это были слезы благодатные, до того радостные, что нет радости, которая бы сравнилась с ними.* (В. Д Пришвина «Невидимый град» [1962]);

— сравнения с утверждением или отрицанием («такой/ [совсем] не такой Р [, что/точно/как/какой]»); ср.: *Они не ожидали, что встреча их выйдет такой теплой и радостной* (Д. Гранин «Искатели» [1954]). *И тон у неё был такой радостный и хвастливый, что он подумал: «Вот так “я ненавижу”!»* (Ю. О. Домбровский «Хранитель древностей» / Приложение [1964]). *Он был не такой радостный, как в первый раз...* («Знание — сила», 2005). *Начался новый период жизни, увы, недолгий и совсем не такой радостный...* («Наука и жизнь», 2008).

Для усиления или ослабления оценки прилагательного *радостный* используются интенсификаторы и дезинтенсификаторы. И те, и другие могут быть: 1) нейтральными, без оценочных коннотаций (*очень, не очень, почти* и др.) и 2) такими, которые содержат сему негативной оценки (*слишком, не слишком, чересчур* и др.). Ср.: 1) *Для меня это был тоже очень радостный день.* (Б. Стрельников, В. Песков «Земля за океаном» [1977]). *Однако вид у одного из «героев года» Джерарда Уильямса не очень радостный* (Комсомольская правда, 2012.01.17). *И лицо обрело выражение удивленное, загадочное, почти радостное* (В. Г. Галактионова «5/4 накануне тишины» // «Москва», № 11, 12. 2004) ...*Раздался за калиткой приветливый, почти радостный гудящий голос* (В. Дудинцев «Белые одежды» / Первая часть [1987]). 2) *И в ответ услышал не слишком радостный рассказ* (Труд-7, 2001.03.02). *Если хотите что-нибудь провалить — поручите комсомолу, — резюмировал я, чем вызвал какой-то чересчур радостный смех.* (В. Слипечук. «Зинзивер» (2001)). Радость — эмоция недолговременная, возникающая в ответ на определенные «стимулы», потому с признаком *радостный* не сочетаются интенсификаторы, имеющие сему полноты, законченности: *совершенно, абсолютно, совсем;*

ср. лишь единичный пример: *На всенощной вчера было совершенно радостное настроение...* (митр. Вениамин (Федченков) «Два сорокоуста» [1927–1948]). В то же время с этими интенсификаторами хорошо сочетается негативная форма *безрадостный*, поскольку данный признак обозначает что-либо, не способное вызвать, доставить человеку радость; полная неспособность радовать маркируется с помощью интенсификаторов *совершенно, абсолютно, совсем*. Ср.: *Настали совершенно безрадостные дни. Роман был написан, больше делать было нечего...* (М. А. Булгаков «Мастер и Маргарита» [1929–1940]). *Смерть сына сделала жизнь Владимира абсолютно безрадостной.* (А. Тарасов «Миллионер» (2004)). *Распадаются ... профессиональные писательские союзы в регионах. Казалось бы, картина совсем безрадостная* (Интернет-альманах «Лебедь», 2003.10.26). В отдельных примерах негативная оценка усиливается интенсификатором *очень*; ср.: *...таким людям совершенно безразлично, у кого останутся Курильские острова. — Очень безрадостная картина...* («Эксперт», 2004.12.06). В редких случаях, если объект конкретизирован, оценка *безрадостный* может усиливаться интенсификатором *слишком*; ср.: *... многие укоряли его за слишком безрадостный финал «Петушков».* («Огонек», 2015). С целью обобщения также используются конструкции с квантификаторами *много, мало, ничего* для усиления, ослабления или «обнуления» степени проявления признака, который субстантивируется; ср.: *...много было в этом году интересного и радостного* («Вечерняя Москва», 2002.12.19). *Хотя мало радостного вы нам сообщили, что дальше делать — подумайте!* (Б. Е. Черток «Ракеты и люди» (1999)); *Ничего в тебе нет удивительного, ничего нет радостного* (В. Н. Гельфанд «Дневники 1944–1946 гг.» [1944–1946]).

Радостный в атрибутивной и предикативной позиции. Позиция субъекта. Признак *радостный* употребляется в двух основных позициях: 1) атрибутивной

в полной форме при именах нарицательных и собственных и 2) предикативной в полной и краткой форме при именах нарицательных и собственных. Ср.: 1) *В парке через дорогу бродили радостные подростки с пивом* (А. Терехов «Каменный мост» [1997–2008]). — *Вот тем и занимают-ся, — ответила радостная Таня* (Л. Петрушевская «Свой круг» [1987]). *Вчера дома радостный семинар с ребятами о Лицее* (Н. Я. Эйдельман «Дневник Натана Эйдельмана» [1979]). 2) *Столыпин совершил поездку в Западную Сибирь, из которой вернулся радостный и полный впечатлений* («Наука и жизнь», 2007). *Он очень радостен, этот интерес...* (Ан. Эфрос «Профессия: режиссер» [1975–1987]). Признак *безрадостный* также употребляется в атрибутивной и предикативной позиции; ср.: *В избах заголосили бабы ... вспыхнули буйные, безрадостные гулянки с плачем и песнями.* (Г. М. Марков. Строговы. (1936–1948)). *Жизнь стариков зачастую безрадостна...* («Семья», 2000.01.19). Однако прилагательное *безрадостный* употребляется, как правило, с именами нарицательными, обозначающими предмет, событие, явление, которые своими качествами не вызывают, не доставляют человеку радости. Крайне редко *безрадостный* обозначает или характеризует человека (лицо); в единичных случаях негативный признак сочетается с онимом; ср.: *Пусторослев остался жить, — усталый, безрадостный, втянутый в суету ежедневной работы ...* (Ф. К. Соллогуб «Рождественский мальчик» [1905]). *Потрясающий, безрадостный Высоцкий* (Н. Я. Эйдельман «Дневник Натана Эйдельмана» [1981]).

В **атрибутивной позиции** полная форма прилагательного обозначает признак, который проявляется и воспринимается в полной мере. Ограничения создаются родительным падежом с предлогами *для, с, от*. Ср.: *Радостный для нее момент борьбы сна и яви на его отекшем родном лице, сменяющийся бесповоротным узнаванием* (А. Цветкова «Сны Амины» //

«Сибирские огни», 2012). *Владимир Львович, радостный с перепоею, заблеял баранчиком...* (А. Н. Толстой. Гадюка (1928)). *Все они вылезли на мостки и заплясали на них, радостные от молодости, от лёгкости и силы* (В. Аксенов «Пора, мой друг, пора» [1963]). Устарела конструкция с предлогом *в* и предложным падежом; ср.: *Совершался странный и радостный в своей необычности, волнующий мысли процесс* (И. А. Новиков «Золотые кресты» [1907]).

В **предикативной позиции** прилагательное часто употребляется в сравнительной степени сравнения. Ср.: *Выглядящий сейчас сурово, собор был приветливее, радостнее, легче* (С. А. Еремеева «Лекции по русскому искусству» [2000]). *Я понял также — и не менее радостна эта мысль, — что никогда не поздно подвергнуть свое духовное существо этому усилию...* (Д. Самойлов «Проза поэта» [1970–1980]). Прилагательное в краткой форме выражает признак, который ограничен во времени, диапазоне действия и др. Краткая форма может управлять дательным падежом и родительным падежом с предлогом *для*; ср.: *Решил сообщить одну новость, которая для вас, очевидно, будет радостна* (М. Магомаев «Любовь моя — мелодия» [1999]). В позиции предиката чаще, чем прилагательное, употребляется образованное от него наречие *радостно* в сравнительной степени сравнения; ср.: *Знаешь что... — Голос ее зазвучал радостней. — У моей подруги, у Вальки, родители уехали на дачу* (А. Мельник «Авторитет» [2000]). Оценочный признак может быть усилен интенсификатором; ср.: *... молодой человек пошёл ещё бодрее, ещё радостнее ...* (М. А. Булгаков «Мастер и Маргарита» (1929–1940)). *Ещё безрадостнее, безнадешнее представлялось будущее* (Г. Е. Николаева «Битва в пути» [1959]).

В **позиции субъекта** употребляется клишированная конструкция «превосходная степень с субстантивированным прилагательным в форме среднего рода» (*самое радостное*)

в обобщающих контекстах с утверждением; ср.: *Все хорошо знают, что самое радостное и приятное в праздновании Нового года — это приготовление к нему* («Отечественные записки», 2003).

Заключение

Семантическая основа прилагательного радостный — эмоциональная оценка — влияет на особенности его употребления в полной и краткой форме, на динамику признака в позитивном и негативном значении.

Анализ форм употребления показал, что язык стремится к обобщению событий и предметов, подлежащих эмоциональной оценке, с целью ее объективации.

Литература

Даль В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. В IV тт. Т. I. Т. III. Москва, 2004.

Изард К. Е. *Психология эмоций*. Санкт-Петербург, 2003.

МАС — *Словарь русского языка в IV тт*. Гл. ред. А. П. Евгеньева. Т. III. Москва, 1984.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения 02.01.2021).

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. *Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений*. Москва, 2006.

Пеньковский А. Б. *Радость и удовольствие* в представлении русского языка // А. Б. Пеньковский. *Очерки по русской семантике*. Москва, 2004, 61–72.

Рейковский Я. *Экспериментальная психология эмоций*. Москва, 1979.

Степанов Ю. С. *Константы. Словарь русской культуры*. Москва, 1997.

Ушаков — *Толковый словарь русского языка*. В IV тт. Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. I, III. Москва, 1935–1940.

Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. I–IV тт. Москва, 1986–1987. Т. III.

Эдельман Д. И. *Иранские и славянские языки. Исторические отношения*. Москва. Изд. 1-е, 2017. Изд. 2-е, доп. 2017.

Эдельман Д. И. *Этимологический словарь иранских языков*. 6. Москва, 2020.

References

Dal V. I. *Tolkovy slovar zhivogo velikorusskogo yazyka*. V IV tt. T. I. T. III. Moskva, 2004. (In Russ.)

Fasmer M. *Etimologicheskyy slovar russkogo yazyka*. I–IV tt. Moskva, 1986–1987. T. III. (In Russ.)

Izard K. E. *Psikhologiya emotsy*. Sankt-Peterburg, 2003. (In Russ.)

MAS — *Slovar russkogo yazyka v IV tt*. Gl. red. A. P. Yevgenyeva. T. III. Moskva, 1984. (In Russ.)

NKRYa — Natsionalny korpus russkogo yazyka. [Elektronny resurs]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html> (accessed: 02.01.2021). (In Russ.)

Ozhegov S. I. i Shvedova N. Yu. *Tolkovy slovar russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheny*. Moskva, 2006. (In Russ.)

Penkovsky A. B. *Radost i udovolstviye v predstavlenii russkogo yazyka* // A. B. Penkovsky. *Ocherki po russkoy semantike*. Moskva, 2004, 61–72. (In Russ.)

Reykovsky Ya. *Eksperimentalnaya psikhologiya emotsy*. Moskva, 1979. (In Russ.)

Stepanov Yu. S. *Konstanty. Slovar russkoy kultury*. Moskva, 1997. (In Russ.)

Ushakov — *Tolkovy slovar russkogo yazyka*. V IV tt. Pod red. D. N. Ushakova. T. I, III. Moskva, 1935–1940. (In Russ.)

Ковшова Мария Львовна
Институт языкознания РАН
Москва, Россия
Kovshova Maria Lyvovna
Institute of Linguistics, RAS
Moscow, Russia
kovshova_maria@list.ru

Avestica, Sogdo-Yagnobica, and Indo-Europæica

Schwartz M.

Шварц М.

The phonological form of two late Avestan words, problematic from the Indo-Iranian viewpoint, will be explained through an examination of Middle and New Iranian, and particularly Yaghnobi, with consequences for Avestan textual history. A Proto-Indo-European form will also be given and its semantics analyzed.

Key words: Avestan phonology, Indo-Iranian etymology, Yaghnobi, Sogdian, Pashto, Vendidad, Magi, Proto-Indo-European etymology

Мы рассматриваем в аспекте фонологии два позднеавестийских слова, которые представляются проблематичными с индоиранской точки зрения. Объяснения приводятся на основе рассмотрения средне- и новоиранских языков, в частности ягнобского, с последствиями для истории авестийских текстов. Кроме того, приводится праиндоевропейская форма и анализ ее семантики.

Ключевые слова: авестийская фонология, индоиранская этимология, ягнобский, согдийский, пашто, Вендидад, маги, протоиндоевропейская этимология

DOI 10.37892/2313-5816-2021-1-199-205

I am pleased to offer this brief study to Professor Joy Edelman in recognition of her important scholarly service to Iranian linguistics in general, and specifically her work on Central Asiatic languages.

Avestan *gañti-* (nominative *gañtiš* ‘stench, odor’, *Widēwdād* 7.56 ad *Hadōxt Nask* 2.25) and *gañtuma-* ‘wheat’, are phonologically problematic for their *-t-*, for which an attempt at explanation will be given here, proceeding from *gañti-* to *gañtuma-*.

Avestan *gaṇti-* is immediately irreconcilable with Old Indic *gandhá-*, *-gandhi-*. Mayrhofer [1992: 461] affirms their connection, but remarks that their relationship is uncertain.

Cheung [2007: 103–104] derives Avestan *gaṇti-* and its Iranian cognates from a root **gant* ‘to smell badly, stink’, and comments that the Iranian root (and Sanskrit *gandh-*) can hardly be of Indo-European origin, and he further states that Greek *dénnos* ‘a blaming, a reproach’ is “not compelling” as a cognate, and that what he calls “a strange dental «alternation»” in the Indic and Iranian roots “points to borrowing”. It may be said for now that this refuge in substratism, positing a borrowing of a verb for so basic and familiar a concept as ‘to stink’ does not especially command credence; an Indo-European origin of the verb in question will be upheld at the conclusion of this study, with its quest for an explanation of the phonic irregularity, from a broader view of the Iranian languages.

Such a view was attempted for the solution of *gaṇti-* by Szemerényi [1951: 163 = 1991: 1809]. In an article positing a Sogdian linguistic influence on the Avesta, Szemerényi tried to explain *gaṇti-* as attesting a Sogdicism. Suffice it to note that although Szemerényi’s other Avestan candidates for Sogdicism fail to convince, his explanation of *gaṇti-*, while flawed, deserves consideration for its helpful suggestiveness. Szemerényi lists Old Indic *gandha-* ‘odor’, Pahlavi *gannāk* [i.e. *gn’k* = *gannāg*; cf. Parthian *gand’g* ‘foul’ M.S.], Christian Sogdian *yaṇtāk* [i.e. Estrangela Syriac script *ynt’q* M.S.] ‘böse’, Balochi *gandag/γ* ‘schlecht, böse’, and Pashto *yandal* ‘Ekel empfinden’. Szemerényi sees the foregoing forms as all based on Iranian *gand-* and not *gant-*, since Balochi preserves original *-nt-* e.g. in *ant* ‘they are’ and *dantān* = Persian *dandān* ‘tooth’, and Southwest Iranian develops only original *-nd-* into *-nn-*, preserving Old Iranian *-nt-* as *-nd-*.¹

¹ This is not contradicted by Manichean Middle Persian *dn’h*, once thought to mean ‘toothache’ [Henning 1958: 98], but actually meaning ‘harm, destruction’ < **ati-nāθa-*; see [Schwartz 2002: 236 with fn. 27].

Szemerényi continues: “Nevertheless, Avestan preserves the form *ganti-* ‘übler Geruch, Gestank’ to be sure in two later passages.” Finding it difficult to assume an Old Iranian alternation *gant-/gand-* (Indo-European t/dh), Szemerényi concludes: “I prefer to regard the Av. form as a Sogdian spelling represented also in the Chr. Sogdian form quoted above, i.e. *t* stands for the voiced dental stop.”

It is difficult to imagine how (and why) a Syriac-script *spelling* of a *Christian* text, dating, moreover, from long after the period of composition of the Avesta, influenced a form found in the Zoroastrian *Widēwdād*. Furthermore, Szemerényi’s “*t* stands for the voiced dental stop” is phrased obscurely.

We must first note that Christian Sogdian attests *γnt* (also Sogdian script *γnt*) ‘stench’. Moreover, Manichean Sogdian attests *γnd’q* ‘evil’; and *γnd’ky qrynyy*, *γnd’kry* ‘evildoer’ are found alongside *γnt’k* etc. Similarly Christian *nbnt* and *nbnd* = Manichean *nβnd* ‘with, accompanying’, √*band*; Christian *snq* and *sng* = Manichean *sng* ‘stone’ < **asanga-*; Chr. *znq* and *zng* = Man. *zng* ‘species, kind’ < **zanaka-*; Chr. *γmpn* and *γmbn* = Man. *γmpn* and *γmbn*; Chr. *’ntwxs* and *’ndwxs* = Man. *’ntwxs* ‘to strive’, √*tuxs*; etc. etc. In Sogdian script, which was used for writing the Sogdian language before the employment of the Syriac and Manichean alphabets, we find for words like the foregoing only *-nt-*, *-nk-*, and *-np-*, even though the stops may have been pronounced voiced, as in the Chr. and Man. examples.

The explanation of these spellings is as follows: (1) The Old Iranian voiced stop phonemes /b/, /d/, and /g/ in simple environments became spirantized to Sogdian [β] ([v]), [δ], and [γ], whereas immediately after nasals (and *z*) in clusters, the Old Iranian voiced stops were represented as *p*, *t*, and *k*. In addition, the Old Iranian voiceless stops became voiced by the immediately preceding nasals. Thus there no longer existed distinct phonemes /b/, /d/, and /g/, although these sounds, whose reflexes after nasals merged with the post-nasal outcomes of old /b/, /d/, and /g/, may

have been phonetically (but not phonemically) pronounced as voiced after nasals, perhaps in free alternation with voiceless articulation.

One must also take into consideration the influence of spellings in Sogdian script on Christian Sogdian orthography, in which indication of voicing of nasal clusters is rarer than in Manichean orthography, where this influence also figures, and whose orthography is in general more conservative (cf. remarkably Man. *ʾdry* < Sogd. script *dry*, but Chr. *šy* ‘three’). There are parallelisms in the orthography of Modern Greek, whose phonological history is in relevant details parallel to that of Sogdian.

In Yaghnobi, proceeding from the background situation, only voiceless stops are found after nasals in relevant words, e. g. *sank* ‘stone’, *vant-* ‘to bind’, *būyunt* ‘pocket’ (**apagunda-*), *zunk* ‘knee’ (**zānuka-*), etc., except where a stop is voiced under the influence of cognate words in Tajik. The matter is discussed in detail by Xromov [1973: 128–130], where [129] I. Gershevitch is also quoted with regard to relevant Sogdian data. Significantly for our main subject, Gershevitch affirms the antiquity of the Yaghnobi situation, and cites (solely) as parallels outside of Yaghnobi the Avestan words *gan̄ti-* and *gan̄tuma-*.

As for Avestan *gan̄tuma-* ‘wheat’, an origin in older Iranian **ganduma-* suggest that they try to fix the gap in the Old Indic word *godhūma-*, which, as noted by Mayrhofer [1992: 498–499], who cites Hittite *kant-* and Arabic *hint-*, is due to some folk etymology. However, for an underlying Iranian **ganduma-*, note Balochi *gandum*, *gandim*, and Manichean Middle Persian *gnwm* (vs. Pahlavi *gndwm*). Morgenstierne [2003: 31] suggests that Pashto *yan'əm* ‘wheat’ may show “pretonic loss of *-d-* from *-nd-*”; cf. Khotanese *ganama-*. This leaves for discussion the Avestan form, together with Yaghnobi *γantum* = Chr. Sogd. *γntm*.

I propose that our two focal Avestan words, occurring as they do in late texts, reflect a stratum of composition within a Sogdian area in which a speech prevailed which shows the idiosyncrasies discussed above for Yaghnobi, and hence *-t-* from expected **-d-*.

The case for such a scenario is strengthened by the fact (which I recall from my student days with W. B. Henning) that the *Widēwdād*, in which one of our words occurs, has for ‘to give’ not the expected $\sqrt{dā}$, but *fra-√bar*, whence Sogdian /θβar-/ , as the ordinary word for ‘to give’ (= Yaghnobi *tifār-*), although comparable forms occur in Khwarezmian and Khotanese. If the *Widēwdād* is indeed, as many Iranists have proposed, a Magian or Magianized work (note as a likely West Iranian trace the similarity of *Wid.* 2.20-36 to the Mesopotamian deluge legend), the tentative suggestion given here may constitute a marginal addition to the dossier of the Sogdian Magi (for which see [Grenet, Azarnouche 2007]).

Since it has been shown that an Indo-Iranian etymon **gandh-* ‘smell, odor’, the earlier question of the etymon’s having a Proto-Indo-European origin (rejected, together with a unified Indo-Iranian proto-form, by Cheung) merits reconsideration. Toward this end, a view of linguistic change is offered which not merely observes formal phonic regularity, but also offers an awareness of scenarios of semantic evolution, informed by attested patterns of the development of meaning.

The basic materials for the relevant etymology were in fact provided by Pokorny [1959: 466–467], which will here be redacted with modifications and reshaped, positing $\sqrt{*g^w ed^h}$ (with a nasal infix stem), meaning ‘to slam, knock forth/away, push at/away, punch, repel’, and then expressions of repulsion, disdain, and loathing, a semantic match of Greek *dénnos* (< **g^w énd^h no-* ?) ‘a reproach, a blaming’ and Pashto forms *γand-* ‘to dislike, censure, criticise’, *γand’ana* ‘a censure, blame’, cf. *γānda* ‘disliked, loathsome’. Obviously via ‘loathsome, foul’, these Pashto words are compared by Morgenstierne [2003: 31] with Balochi *gandag* ‘bad’, Persian *gand* ‘stench’, and the Afghan place-name *Ghandak*, a village reeking from sulphurous coal beds. Via ‘odor’, Old Indic generalized the meaning of *gandhá-*, *-gandhi-* to ‘(any) smell, fragrance’. Possibly relevant too are examples of etymologically different forms, noted by Pokorny, in which ‘stoßen, zusammenstoßen’ give ‘stench, malodorous substance’.

From the root sense of ‘slam, knock away, punch at’, Lithuanian has *gendù*, *gèsti* ‘Schaden nehmen, verderben, zugrunde gehen’, *pagadas* ‘Verderben’. Non-infixed derivatives of the same root may now be recognized in Iranian: Christian Sogdian $\gamma\delta$ - ‘a wound, scourge, beating’, whose meaning provides more semantic specificity for Avestan *gaða-*, hitherto taken as ‘Verderben, Unheil’ or the like, whose adjective *apayaða-* would be verbal, ‘that which scourges, afflicts violently’.

Our quest for the explanation of Avestan *gañti-* (and *gañtuma-*) has taken us via various later languages, and most importantly Sogdian and Yaghnobi, with illumination of Iranian cultural history, and finally to Proto-Indo-European, with an example of the interest of Iranian for its reconstruction, and here our investigation ends².

References

Cheung J. *Etymological Dictionary of the Iranian Verb*. Leiden, Boston, 2007.

Grenet F., Azarnouche S. Where are the Sogdian Magi? // *Bulletin of the Asia Society*, 2007, 21: 159–177.

Henning W. B. “Mitteliranisch” // *Handbuch der Orientalistik* 1/IV/1. Leiden, 1958, 20–130.

Mayrhofer M. *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen*, I. Heidelberg, 1992.

Morgenstierne G. *A New Etymological Dictionary of Pashto*. Compiled and Edited by J. Elfenbein, D. N. MacKenzie, and N. Sims-Williams. Wiesbaden, 2003.

Pokorny J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*, I. Bern, 1959.

Schwartz M. “Qumrān, Turfān, Arabic Magic, and Noah’s Name” // R. Gyselen (ed.), *Charmes et Sortilèges, Magie et Magiciens. Res Orientales XIV*. Bures-sur Yvette, 2002, 231–238.

² I thank Nicholas Sims-Williams and Michael Weiss for kindly supplying bibliographical material and comments.

Szemerényi O. “Sogdicisms in the Avesta” // F. Altheim (ed.), *Aus Spätantike und Christentum*. Tübingen, 1951, 153–166 = Szemerényi O. // P. Considine and J. T. Hooker (eds.), *Scripta Minora* IV. Innsbruck, 1991, 1799–1812.

Хромов А. Л. *Jagnobskij jazyk*. Moscow, 1972. [Хромов А. Л. Ягнобский язык. Москва, 1972.] (In Russ.)

Schwartz Martin
Professor of Iranian Studies at the University of California,
Berkeley, USA
Шварц Мартин
Калифорнийский университет
Беркли, США
martz@berkeley.edu

Немного о РАДОСТИ
Из истории персидского лексикона¹
Some notes on Joy. From the history of the Persian lexicon

Виноградова С. П., Битарти З. А.

Vinogradova S. P., Bitarty Z. A.

Эти заметки посвящены понятию *радость* на примере отдельных репрезентирующих его исконно иранских слов в современном персидском языке в сравнительно-историческом аспекте.

Ключевые слова: радость, счастье, персидский язык, древнеперсидский язык, история слов

These notes are devoted to the concept of joy and its representation with words of purely Iranian origin in the modern Persian as well as in its history.

Key words: joy, happiness, Persian, Old Persian language, the history of words

DOI 10.37892/2313-5816-2021-1-206-219

1. РАДОСТЬ как личное имя

Радость в силу самой ее природы обречена на концептуализацию в языковом сознании. Чтобы это замечание не оставалось общим местом, отсылаем к фундаментальному исследованию Ю. С. Степанова «Константы: Словарь русской

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта № 20-512-07004 РФФИ «Древнеиранские тексты по аудиозаписям лекций В. И. Абаева. (Избранные тексты «Авесты» – 1982–1983 гг.; древнеперсидские монументальные надписи – 1983–1984 гг.). Анализ и комментарии». Рук. Виноградова С. П., Битарти З. А.

культуры» [2001]. Это (т. е. концептуализация) — исторический феномен. Он носит конкретный характер и имеет привязку к конкретным культурно-историческим условиям. *Радость* может обретать статус ключевого понятия не только в мировосприятии отдельного человека, но и быть декларируема как особая ценность в представлениях отдельных групп людей. Однако содержательное наполнение этого понятия также имеет всегда конкретно-исторический характер. Одним из отзвуков подобной концептуализации можно считать функционирование слов, репрезентирующих *радость* в качестве антропонимов. *Радость* в качестве антропонима, в составе простой, производной или составной структуры, представлена в целом ряде ономастиконов мира. Возникновению этих имен, как известно, способствуют «особые условия, мотивы и обстоятельства», как то «социальные условия, обычаи, влияния моды, религии и т. д.» [Подольская 1990: 37].

Так, считается, что женское имя Джой, или *Радость*, вошло в англоязычный ономастикон в среде пуритан в 17-м в. В дальнейшем оно стало очень популярным, наряду с другими женскими именами этого ряда, как-то Хоуп ‘надежда’, Фейт ‘вера’ и др. Джой, или *being joyful in the Lord, Радость во Господе*, — добродетель, объединяющая весь христианский мир, долг каждого христианина. Эта радость целиком принадлежит сфере духа и души и носит очень личностный характер. Кроме того, *joy*, принадлежа старофранцузскому пласту английской лексики, во многом сохраняет связи с кругом значений исходной старофранц. лексемы *joie*- ‘удовольствие, восторг, эротическое удовольствие, радость, блаженство’ (индоевр. **gāu*- ‘радоваться; бахвалиться’ [Рокорну 2007: 990]). Более ранняя история бытования этой лексемы дает нам другой пример концептуализации. *Joie* ‘радость’, наряду с Прекрасной дамой, возведенная в культ поэзией бретонских трубадуров, также способствовала расширению единого общеевропейского культурного поля положительных коннотаций у этого слова.

В персидском языке слово исконно иранского фонда *šādī*, репрезентирующее *радость*, весьма популярно в качестве мужского имени. Еще более популярно оно в ираноязычных областях Средней Азии. Расширение структуры этого заимствованного из персидского имени за счет таких полуформантов, как *-хон*, *-гул* и др. позволяет дифференцировать имена по полу/роду. Такое имя носит (увы, носил) ученик Джой Иосифовны Эдельман Шоди-хон Юсуфбеков. Подобная практика эмоционально окрашенных имен известна и тюркским народам региона (ср. напр., мужское имя *Дангамтар*, по-туркменски букв. ‘рассветает’ (сообщено Е. А. Поцелуевским). Традиция имянаречения на основании таких ярких и глубинных мотиваций уходит корнями в глубокую древность. Так, у В. И. Абаева имя Заратуштры, букв. ‘старо-верблюдный, (обладающий) старыми верблюдами’, и у И. М. Стеблин-Каменского другие имена-обереги у скотоводов Средней и Центральной Азии.

2. РАДОСТЬ, или ВЕСЕЛЬЕ

Содержательное наполнение понятия *радость* в языке всегда имеет конкретно-исторический характер. В персидском языке *šādī* — одно из исконно иранских слов для обозначения *радости* — морфологически производно от прилагательного *šād*. В двуязычных словарях оно толкуется как 1) веселье, радость; 2) свадьба [Миллер 1953: 303]. В толковых персидских словарях *šād* и его дериват *šādī* трактуются с помощью слов композитной структуры, входящих в семантическое поле *радость* и имеющих в качестве основного значимого компонента такие слова, как *хоš* ‘хороший, приятный, радостный, веселый’, *farah* ‘радость, веселье’, *bīyam* ‘беспечальный’. Так, самый ранний (сер. 17-го в.) из известных словарей [Borhaan-e ghaatee: 1222–1223] объясняет *šād* с помощью адективированных композитов *хоš-vayt* букв. ‘хороший-время’, *хоš-hāl* ‘хороший-состояние’, *bā-farah* ‘с-радостью’, *bī-yam* ‘без-горе’.

Устойчивое расхожее выражение *šād bāš!* ‘радостный-будь’, использующееся как пожелание, приветствие, в том числе и военное, соответствующее нашему «здравия желаю!», пожалуй, более всего раскрывает содержание персидского понятия *радость*. Наиболее полно языковой материал представлен в онлайн-словаре персидского языка Али Акбара Деххода². Из общих наблюдений над словарным материалом можно сделать вывод, что исконно иранская лексема *šādī* в персидском языке служит для номинации *радости* как положительно окрашенного, сильного внутреннего переживания. *Радость* здесь имеет преимущественно душевно-телесную природу и сопряжена с внешними поведенческими проявлениями этого субъективного чувства, с желанием разделить его с другими. Отсюда и переосмысление *šādī* как «свадьба». Лексико-семантическое поле *радости* пересекается, накладывается в значительной мере на лексико-семантическое поле *веселья*. *Радость* как *веселье* в современном персидском характерна скорее для сферы душевной, чем телесной. Ср. совсем другие слова в персидском для передачи удовольствия как простого чувственного переживания (заимствованные из арабского *lazzat, hazz*), или удовлетворения, и т. п.

Лексико-семантическое поле *радости* в современном персидском языке, как правило, не пересекается с лексико-семантическим полем *счастья* (при том, что чувство радости является одним из компонентов этого субъективного состояния наибольшей внутренней удовлетворенности, правда необязательным, по утверждению психологов). В функционировании исконно иранских лексем при обозначении спектра этих тесно связанных понятий, радости и счастья, наблюдаются свои предпочтения, и даже строгие закономерности. Так, собственно *счастье* и только счастье в современном персидском коррелирует с составной структурой лексемы. Подобно русскому слову *счастье*, совр. перс. ‘счастье’ (*xoš+baxt+i*,

² URL:<https://icps.ut.ac.ir/fa/dictionary>

букв. ‘хороший+участь+деривационный суфф.’, *nik+baxt+i* ‘добрый+участь+деривационный суфф.’) включает в себя более одного компонента и тоже означает букв. ‘хорошая часть, доля’. Таким образом, в этом можно видеть непосредственную связь *счастья* с *доброй участью*, с *доброй судьбой* в наивной картине мира, как она воплотилась в языке современных персов и других народов сопредельного исторического культурно-языкового ареала. Эти представления о счастье могут быть связаны с фаталистическим мироощущением и одновременно с надеждами на то, что судьбу можно задобрить, заговорить.

3. РАДОСТЬ или СЧАСТЬЕ

Такие базовые понятия в психологии человека, как *радость* и *счастье*, по данным исконно иранского фонда лексики в современном персидском языке выражены лексемами разной структуры: простая морфемная структура у ‘радости’ (*šād-ī*) и составная морфемная структура у ‘счастья’ (*xoš+baxt+i* или *nik+baxt+i*). Как можно предположить, эти две морфологически различные структуры принадлежат разным хронологическим уровням, где первичной структурой является структура *šād-ī* (‘радость’), вторичной — структура типа *xoš+baxt+i* или *nik+baxt+i* ‘счастье’. Следующее предположение не формального, а содержательного плана. Так, можно полагать, что в некий период в истории персидского языка *радость* и *счастье* в представлениях древнего человека существовали нераздельно, в синкретическом виде; и столь существенные с точки зрения психологов различия между этими понятиями были еще не отрефлексированы и оставались эксплицитно невыраженными в языке.

Об этом же говорит и сравнительно-исторический материал иранских языков. Такое нерасчлененное понятие *радость-счастье* представлено в истории иранских языков в «Этимологическом словаре иранских языков» Веры Сергеевны Расторгуевой и Джой Иосифовны Эдельман [2003,

2: 268–273]. Это реконструированный праиранский корень *čī(i)ā- с широким кругом толкований, суммирующих данные древних и живых иранских языков: ‘радоваться, быть счастливым, богатым, довольным; быть/становиться спокойным’ (примеры чему широко представлены в вымерших языках так называемого среднеиранского периода, включая среднеперсидский). Для его исходного индоевропейского корня восстанавливается значение ‘приятно, покойно отдыхать’, продолженное в латинских (‘отдыхать-тихий-покой’), церковнославянских (‘почивать-покой-успокаиваться’) рефлексах (и ср. тохарское В этого же корня — ‘reich, богатый’) [2003, 2: 268–273]. В исторической перспективе рефлексы праиранского корня в живых языках, судя по материалам словаря, представлены неравномерно. Содержательно же наблюдается специализация его рефлексов по языкам с сужением значения. Напр., в шугнано-рушанской группе продолжено значение ‘развлекаться (и развлекать); утешаться (и утешать)’; перс. заимствования в курдском и др. сев-западноиранск. языках несут значения ‘радость; празднество; пир; веселье’ и т. п. Наиболее широко представлены рефлексы разной структуры и значений в осетинском: ‘покой, отдых; радость’ и т. п. [2003, 2: 268–273]. Таким образом, в живых иранских языках рефлексы рассматриваемого корня демонстрируют сужение исходной семантики. Они утратили способность репрезентировать понятие *счастье*.

4. РАДОСТЬ-СЧАСТЬЕ

В предыстории персидского языка в текстах на древнеперсидском языке, предшественнике (через этап среднеперсидского) персидского, засвидетельствованы два производных искомого корня, контекстуальные значения которых соответствуют реконструированным в Словаре [Расторгуева, Эдельман 2003]. Перс. *šād* и *šādī*, соответствующие праформам *čīāta- (лексикализованное причастие) с реконструированным

значением ‘богатый, счастливый, довольный, спокойный; веселый’ и **šjāiti-* (существительное), ‘счастье, мир, спокойствие’, имеют соответствия в древнеперсидском.

Древнеперсидский материал приводится по книге Р. Г. Кента. Его источник — нурукописные письменные памятники, надписи на каменных сооружениях, поверхностях скал, архитектурных объектах, изделиях из камня эпохи Ахеменидов (552–330 до н. э.), от основателя империи Кира II Великого до ее падения под натиском греко-македонских войск Александра Македонского.

В текстах эпиграфических памятников на древнеперсидском языке насчитывается 22 случая употребления производных рассматриваемого древнеиран. корня. Все они встречены в наскальных надписях Дария I, Ксеркса I и Артаксерксов I, II и III.

В них он представлен двумя именными дериватами.

1) Это прилагательное *šiyāta-* ‘peaceful, happy (on earth)’, т. е. ‘мирный, спокойный, счастливый (на земле)’; по структуре это пассивное причастие прош. времени (на *-ta*). (К нему Кент приводит соответствия: авест. Гат *šyāta-* и позднеавест. *šāta-* ‘joyous’, ‘радостный’; лат. *quiētus* ‘quiet’, ‘спокойный, тихий’.)

2) Это существительное жен. р. *šiyāti-* ‘welfare, peace (on earth), happiness (also after death)’, ‘благоденствие, благосостояние, мир (на земле), счастье (также после смерти)’. Позднеавест. соответствие *šāti-* ‘joy’, для которого дается значение ‘радость’. По источникам на древнегреческом языке известно имя персидской царевны Парисатиды, или Парисатис, одной из жен Александра Македонского. Образовано по модели типа бахуврихи: **paru-šyātiš*. Переводится как ‘много-радостная’ или ‘многосчастливая’ (?) [Kent 1953: 210–211].

Анализ словоупотреблений показывает, что перевод абстрактных имен в составе текста на мертвом языке носит (ис)толковательный характер, зависит от контекста и, шире, учитывает также определенный «литературный» канон,

сложившийся, как известно, для данного жанра в эпиграфике древних цивилизаций на территории Передней Азии и северо-восточной Африки.

В ахеменидских текстах можно выделить два типа контекстов с использованием этих двух лексем, *šiyāta-* (в форме именит п. ед. ч. муж. р.) и *šiyāti-* (в форме именит. или винит. п. жен. р.). В одном типе контекстов:

1) *Šiyātiš* — это творение бога, оно также конкретно, как и небо, земля, человек. У Дария I *šiyātim* (акк.) — это то, что, наряду с «небом, землей и человеком», создано «для человека» (ед. ч. род. п.) «богом великим Аурамаздой» (DNa 1–4). Таких однотипных фраз много. Это вводная фраза, стандартная, клише для целого ряда надписей Дария I, Ксеркса I и Артаксерксов I, II и III (20 раз на 60 с чем-то надписей).

2) Вместе с тем, это состояние *šiyātiš* имеет конкретный характер (его субъект — *kāra* ‘народ-войско’, нерасчленимое понятие, народ=ополчение. Правда, при таком толковании женщины оказываются «за бортом»?); имеет конкретную временную протяженность (*duvaištam* ‘долго’), может быть ‘ненарушенной’, *a-xšatā*, (а, следовательно, ее можно и нарушить, повредить). Оно зависит от защищенности народа (со стороны земного царя). «Если народ-войско Парса будет защищен» и «долго *šiyātiš* нарушена», — тогда «Аура снизойдет на этот (царский) дом» (DPe 22–24). Эта надпись в Персеполе представляет собой перечисление, от имени Дария Великого, тех стран, которыми он «завладел — вместе с Парсой (творит. социативности), — которые меня боялись, мне дань приносили: Сузы, Мидия, Вавилон, Аравия, Ассирия, Мудрайа-Египет, Армения, Каппадокия, Сарды, ионийцы материковые и приморские; Сагартия, Парфия, Дрангиана, Арейя, Бактрия, Согдиана, Хорезм, Саттагидия, Арахосия, Синд, Гандара, Скифы, Мака». Таким образом, *šiyātiš* в этом тексте есть результат совместных усилий царя и бога.

Интерпретация понятия *šiyātiš* в перечисленных пассажах как англ. ‘welfare, peace (on earth), happiness (also after death)’,

русск. 'благоденствие, благосостояние, мир (на земле), счастье (также после смерти)' [Kent 1953: 210–211] и их переводные эквиваленты у других исследователей может быть поддержана сопоставлением с другими текстами эпиграфических памятников предшествующих эпох очерченного региона. Именно на территории стран, ставших теперь сатрапиями державы Ахеменидов, в текстах политического, декларативного характера эпохи процветания от имени их правителей и можно найти параллели для подобного типа выражений, которые могли послужить типовыми образцами для более поздних надписей ахеменидских царей. Так, например, всем известны Законы Хаммурапи (1792–1750 до н. э.). Их преамбула заканчивается следующим пассажем: «Когда Мардук направил меня, чтобы справедливо руководить людьми и дать стране *счастье*, тогда я вложил в уста страны *истину* и *справедливость* и улучшил положение людей. Отныне...». За этим следует текст самих законов (не убий, не укради и т. п., всего общим числом 282 статьи) [ХИДВ 1997: 128]. Еще пример — Египет, Среднее царство, предположительно периода Сенусерта I (1956–1911/1910 до н. э.). Из так наз. «Поучений царя Аменемхата»: «Поучение его величества царя Верхнего и Нижнего Египта... во сне сыну своему...: “Явись как бог! Внимай словам моим, и будет благополучно царствование твое над сей землей... и приумножишь *счастье* земли”» [ХИДВ 1997: 29]. *Счастье, благо, истина/правда, справедливость*, «людям *благоденствие* навеки» [ХИДВ 1997: 152], эти абстрактные понятия, формирующие общее ценностное поле региона, кочуют из текста в текст в эту эпоху формирования идеалов, занявшую несколько тысячелетий. (Очень популярное в этом ряду декларируемых добродетелей — равенство «имущих» и «неимущих», поддержка «бедных» и «малых» [ХИДВ 1997: 30], «чтобы сильный не притеснял слабого» [Там же: 152].)

Во втором типе древнеперсидских контекстов *šiyātīš* — это уже индивидуализированное «счастье»; субъектом этого состояния является конкретный человек; и для наступления

этого состояния от каждого отдельного человека требуются встречные усилия с его стороны, а именно приверженность Богу Великому Аурамазде. Для «счастья» в таких контекстах используются и другие переводные эквиваленты, например «блаженство» (В. И. Абаев), связанное коннотациями с областью индивидуальных состояний (в отличие от просто ‘happiness’ у Кента). Уже в последнем столбце Бехистунской надписи (считаемся более поздним относительно первых четырех и не снабженном ни эламским, ни аккадским переводом), где излагаются, от первого лица, свершения царя в его третий год правления, когда был разгромлен восставший Элам, Дарий I подчеркивает, что «Те эламиты были неверные и не чтили Аурамазду. Я (же) чтил Аурамазду. По воле Аурамазды я поступил с ними, как хотел». Дважды в этом столбце повторяется пассаж: «Говорит Дарий-царь: “Кто Аурамазду будет почитать, пока способный будет (т. е. в силах будет), (тому) и живому и мертвому — *šiyātiš* (‘счастье, блаженство, радость’)»» (DB V 20, 36; здесь и далее, при отсутствии ссылок, приводится авторский перевод). Именно соположение *šiyātiš* «и при жизни и по смерти», приравнивание этого состояния в двух совершенно различных пространственно-временных пределах и дает основание более расширенному пониманию содержания такого понятия, т. е. *šiyātiš*, как ‘счастье’, ‘блаженство’, ‘blessedness’ и вплоть до ‘радости’. Этой своей декларацией Дарий, можно сказать, апеллирует к фактору «внутреннего локуса контроля», переводя внимание с внешних факторов поведения на внутренние. Примеров подобного внимания к внутренней духовной, или душевной, жизни индивида в других текстах из «Хрестоматии по истории Древнего Востока» (региона Переднего Востока и Северной Африки) нами не встречено.

Оба типа контекстов — как фраза, провозглашающая *šiyātiš* творением, наряду с землей и небом, бога великого Аурамазды (XPh 3), так и фраза, ставящая *šiyātiš* в зависимость от соблюдения законов, «которые Аурамазда

установил», и от «почитания Аурамазды по Арте и с барсманом», т. е. ритуально закрепленным образом (XPh 41, 47, 50, 53, 55), — представлены в надписи царя Ксеркса I Ахеменида (486–65 до н. э.) в Персеполе (XPh). В этой знаменитой Антидэвовской надписи сына Дария I впервые и единожды — среди всех дошедших до нас древнеперсидских текстов — появляется важнейший религиозный зороастрийский термин *artāvan-* букв. ‘причастный Арте’ (часто переводится как ‘праведный’, ‘righteous, blessed’). И. М. Стеблин-Каменский, сделавший переводы значительной части зороастрийского писания «Авеста», дает такое определение для Арты (авест. *aša-*, древнеиндийское *ṛta-* – «истина, правда, справедливость – принцип, правящий миром («миропорядок»)» [2009: 175], «основное понятие зороастризма, противопоставляющееся во всех явлениях понятию Друг», т. е. Лжи, «и правящее всем миром» [1993: 201]. Это значимый контекст в свете все еще длящихся споров о том, исповедовали ли Ахемениды зороастризм или же были приверженцами культа Ахурамазды как «величайшего из богов» (в триаде Ахурамазда, Митра, Анахита). Для нас здесь значение приобретает тот факт, что выражение, бытовавшее, со всей очевидностью, в речи как клише, в том числе и в пожеланиях («тому и живущему и умершему — счастье» DB V 20, 36), распалось на две части, в которых (эмоциональное?) состояние умершего имеет уже иную природу, чем живущего. Так, у Ксеркса, призывавшего не просто поклоняться/почитать Ахурамазде, но почитать его с Артой и с барсманом, состояние такого почитателя Ахурамазды характеризуется как «причастное Арте» и противопоставляется состоянию «счастья» у этого почитателя Ахурамазды в его земном бытии. Таким образом, пожелание тому, кто поклоняется Ахурамазде по Арте и с барсманом, звучит в устах Ксеркса приблизительно так: «Да будет тот счастлив (*šiyāta*) при жизни и причастен Арте (*artāvā*) по смерти». (Вспомним современную здравицу *šād bāš!* которой, как оказывается, более полутора тысяч лет.)

Итак, столь широкая представленность лексем *šiyāta-* и *šiyāti-* в исторических текстах подобного плана (22 случая на 60 с чем-то надписей) может свидетельствовать как об определенной концептуализации понятия, репрезентированного данными словами, так и о значительном объеме понятия, включавшего в себя человеческое благополучие во всех его составляющих, и в радости, и в счастье. Такой вывод, как представляется, может быть поддержан и контекстами употребления рефлексов рассматриваемого древнеиранского корня из текстов на другом древнеиранском языке, авестийском (Гаты и Младшая Авеста), но это уже выходит за рамки истории собственно персидской лексики.

Литература

- Аргайл М. *Психология счастья*. Москва, 1990.
- Восканян Г. А. *Русско-персидский словарь*. Москва, 1986.
- Миллер Б. В. *Персидско-русский словарь*. Москва, 1953.
- Подольская Н. В. Антропонимика // *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва, 1990.
- Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. *Этимологический словарь иранских языков*. Т. 2. Москва, 2003.
- Стеблин-Каменский И. М. *Авеста: Избранные гимны. Из Видевдата*. Москва, 1993.
- Стеблин-Каменский И. М. *Гаты Заратуштры*. Санкт-Петербург, 2009.
- Степанов Ю. С. *Константы: Словарь русской культуры*. Москва, 2001, 419.
- ХИДВ — *Хрестоматия по истории Древнего Востока*. Москва, 1997.
- Bartholomae Chr. *Altiranisches Wörterbuch*. Strassburg, 1904.
- Durkin-Meisterernst D. *Dictionary of Manichaean Middle Persian and Parthian // CORPUS FONTIUM MANICHAeorum*. V III P. 1. London, 2005.

Kent R. G. *Old Persian Grammar, Texts, Lexicon*. 2nd rev. ed., New Haven, 1953.

Pokorny J. *Proto-Indo-European Etymological Dictionary*. A Revised Edition of Julius Pokorny's *Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch*. URL: <https://indo-european.info/pokorny-etymological-dictionary/whnjs.htm>

Borhaan-e ghaatee (букв. решающий аргумент, псевдоним Мохаммада Хосейна бен Халаф Табризи, составителя толкового словаря персидского языка в 1062 г. хиджры, и название этого словаря, под ред. Мохаммада Мо'ина в Тегеране), jeld-e 3. Tehran, 1342. (На перс. яз).

'Omid, Hasan. *Farhang-e Omid* (Толковый словарь персидских и арабских слов в составе персидского языка), jeld-e 2. Tehrān, 1384. (На перс. яз).

References

Argail M. *Psikhologiya schast'ya*. Moskva, 1990. (In Russ.)

Bartholomae Chr. *Altiranisches Wörterbuch*. Strassburg, 1904.

Borhaan-e ghaatee (lit. Decisive Argument, pseudonym of Mohammad Hossein bin Khalaf Tabrizi, compiler of the Persian dictionary in 1062 AH, and the title of this dictionary, edited by Mohammad Mo'in in Tehran), jeld-e 3. Tehran, 1342. (На перс. яз).

Durkin-Meisterernst D. *Dictionary of Manichaeae Middle Persian and Parthian//CORPUS FONTIUM MANICHAEORUM*. V III P. 1. London, 2005.

Kent R. G. *Old Persian Grammar, Texts, Lexicon*. 2nd rev. ed., New Haven, 1953.

KhIDV — *Khrestomatiya po istorii Drevnego Vostoka*. Moskva, 1997. (In Russ.)

Miller B. V. *Persidsko-russkii slovar'*. Moskva, 1953. (In Russ.)

'Omid, Hasan. *Farhang-e Omid* (Dictionary of Persian and Arabic words in the Persian language), jeld-e 2. Tehrān, 1384. (На перс. яз).

Podol'skaya N. V. Antroponimika // *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'*. Moskva, 1990. (In Russ.)

Pokorny J. *Proto-Indo-European Etymological Dictionary*. A Revised Edition of Julius Pokorny's Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. URL: <https://indo-european.info/pokorny-etymological-dictionary/whnjs.htm>

Rastorgueva V. S., Edel'man D. I. *Etimologicheskii slovar' iranskikh yazykov*. T. 2. Moskva, 2003. (In Russ.)

Steblyn-Kamenskii I. M. *Avesta: Izbrannye gimny. Iz Videvdata*. Moskva, 1993. (In Russ.)

Steblyn-Kamenskii I. M. *Gaty Zaratushtry*. Sankt-Peterburg, 2009. (In Russ.)

Stepanov Yu. S. *Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury*. Moskva, 2001, 419. (In Russ.)

Voskanyan G. A. *Russko-persidskii slovar'*. Moskva, 1986. (In Russ.)

Виноградова Софья Петровна
Институт языкознания РАН
Москва, Россия
Vinogradova Sophia Petrovna
Institute of Linguistics, RAS
Moscow, Russia
sophiapv@yahoo.com

Битарти Зоя Александровна
Юго-Осетинский НИИ им. З. Н. Ванеева
Цхинвал, Республика Южная Осетия
Bitarty Zoya Alexandrovna
Vaneev Z.N. South Ossetian Research Institute
Tskhinval, Republic of South Ossetia

“Hunger” and “thirst” in Sogdian **«Голод» и «жажда» в согдийском**

Sims-Williams N.

Симс-Уильямс Н.

In various Iranian languages, words for “hunger” and “thirst”, “hungry” and “thirsty”, etc. form rhyming pairs. Such pairs raise the question whether these words were always parallel or whether they were originally less similar and have converged as a result of mutual influences in phonology and word-formation. Here, as a contribution towards answering this question, the relevant words in Sogdian and some of the most closely related languages will be put under the microscope.

Key words: Sogdian, Iranian languages, etymology, etymological convergence, “hungry”, “thirsty”, “drink”

В различных иранских языках слова «голод», «жажда», «голодный», «испытывающий жажду» и т. д. формируют рифмующиеся пары. Наличие таких пар поднимает вопрос, были ли данные слова всегда параллельными или изначально они не были столь схожи и подверглись конвергенции вследствие взаимовлияний в фонологии и словообразовании. В качестве вклада в ответ на этот вопрос мы рассмотрим в данной статье «под микроскопом» соответствующие слова в согдийском и нескольких наиболее близких языках.

Ключевые слова: согдийский, иранские языки, этимология, этимологическая конвергенция, «голод», «жажда», «питие»

DOI 10.37892/2313-5816-2021-1-220-230

It has long been observed [Hübschmann 1895: 92; Bartholomae 1925: 65–66; Benveniste 1933: 242] that some Iranian languages attest parallel or rhyming forms for the adjectives “hungry” and “thirsty”, e.g. Sogdian *cš'ntk* [čəšandē]: *wš'nty* [wəšandē], Pashto

tāğay: *wāğay*, Persian *tišna* : *gušna*. The same applies to the related nouns “hunger” and “thirst” and the verbs “to be hungry, to be thirsty”. Nowadays such pairs can easily be collected using the word-lists in the *Comparative-thematic dictionary of the New Iranian languages and dialects* by Mohammad Hassan-doust [2011]. However, the parallelism is not always exact and sometimes seems to result from the gradual convergence of forms which were originally less alike. In this paper I would like to gather together the relevant words attested in Sogdian, including a few forms from texts that have not so far been published, in order to clarify their etymologies and, where possible, the stages of their development and possible etymological convergence.

1. *δβz*- ‘hunger’

The earliest attested Sogdian word for “hunger”, cognate with Parthian *'dbz* and Yaghnobi *deváz* ‘id.’, is *δβz*-, which occurs twice in the 4th-century “Ancient Letters” in the phrase *MN δβz* or *MN δβz'* ‘from hunger’.¹ The abl. sg. form *S δβz'*, *'δβz'*, *'δβzh*, *C dbz'* is frequently attested in later texts too. The fact that it belongs to a m. stem *δβz*-, *dbz*- is clear from the C nom. sg. *dbzy* and acc. sg. *dbzw* in the manuscript E27. However, *S δβz'* is also attested as nom. sg. in P22.3, and *C dbz'* as acc. sg. in E28/16, V15. These forms seem to indicate a f. stem. As I have suggested previously [Sims-Williams 2016: 70], the occasional transfer of *δβz*- from

¹ In general, to save space, detailed references to the texts and editions will only be given in the case of forms not included in the standard Sogdian dictionaries [Gharib 1995; DMT III/2; Sims-Williams 2016], where one can also find keys to the conventional abbreviations of the names and signatures of Sogdian texts.—Other abbreviations: abl. = ablative, acc. = accusative, C = Christian (i.e. Syriac) script, DMT III/2 = Sims-Williams and Durkin-Meisterernst 2012, f. = feminine, GMS = Gershevitch 1954, m. = masculine, M = Manichaean script, nom. = nominative, S = Sogdian script, sg. = singular.—I take this opportunity to express my thanks to Agnes Korn for kindly reading this paper and saving me from several errors and solecisms.

m. to f. inflection may result from assimilation to *cšn* ‘thirst’. This is supported by the formation of $\delta\beta z'mwrt'y$ ‘dead from hunger’, which stands beside *cšn'-mwrtk* ‘dead from thirst’ in VJ 317–18.²

In passing we may note MacKenzie’s attractive proposal [in Morgenstierne 2003: 46] to explain Pashto *lwǰǰa* f. ‘hunger’ as a conflation of **du azā-* with *wǰǰay* ‘hungry’. If this is correct, the f. gender of the underlying **du azā-* may perhaps be secondary, as appears to be the case in Sogdian. In theory, one could attribute it to the influence of *tánda* f. ‘thirst’ < **tršna-tā-* [Morgenstierne 2003: 81], but it is also possible that the source is some form which does not survive in modern Pashto.

2. *wš-* ‘to be hungry’ and **cš-* ‘to be thirsty’

The Sogdian verb “to be hungry”, unrelated to the noun $\delta\beta z-$ discussed above, is attested by two forms, the first being C *wš'msq* ‘I am hungry’, 1st person sg. present durative, in E23.99. This clearly indicates a present stem *wš-*, as is confirmed by the well-attested adjective S *wš'nty*, C *'wšnty* ‘hungry’, in origin a present participle in **-ant-a-ka-* [GMS §1068]. The second is a strange 3rd person sg. present attested in the phrase S *cš''yt* ‘PZY *wš''yt* ‘is thirsty and is hungry’ (SCE 29). The ending *-(')yt* for expected **-ty* in this rhyming pair displays an aberrant development, which is also attested by the form $\beta y\delta'y$ ‘is obstructed’ (for expected **βyδty*) < **badīat(a)i* ‘is bound’, SCE 34, 415 [MacKenzie 1970: 51], and which is apparently a dialectal feature of this manuscript. Thus, despite appearances, *wš''yt* can be understood as belonging to the present stem *wš-* mentioned above, while *cš''yt* can be attributed to a present stem **cš-*.³ The latter is not

² Gershevitch [1946: 140], followed by Wendtland [2006: 232–233], suggests that the first part of $\delta\beta z'mwrt'y$ might be an ablative but cites no parallel for such an unusual formation. The vowel *-ā-* in the personal name $\beta y''\beta y'rt$ may result from *-a+a-* in *sandhi*, see Sims-Williams [1992: 45].

³ Maggi [1995: 115] compares *cš''yt* with Khotanese *[tta](rr)āyātā*, later *ttarrāye* ‘thirsty’, which is interpreted as the past participle of a denominative verb **ttarrāy-* based on the adjective *ttarraa-* ‘id.’.

directly attested, but is again implied by the adjective (former present participle) *cš'ntk* ‘thirsty’.

Etymologically, it has always been clear that **cš-* and its derivatives belong to the Iranian root **tarš*, Indo-European **ters* ‘to dry up; to be thirsty’, which has clear cognates in Hittite, Greek, Latin etc. [Mayrhofer 1992: 635–636; Rix et al. 2001: 637–638; Cheung 2007: 383–438]. The form *cš''yt* almost certainly implies a present stem in **-ia-*, as does the Choresmian equivalent *čy-* ‘to be thirsty’ [MacKenzie 1971: 32a]. Sogdian **cš-* and Choresmian *čy-* can thus be directly equated with Vedic *tṛśya-* ‘id.’, already attested in the Rgveda in the form of the participle *tṛśyant-* ‘thirsty’ (cf. Sogdian *cš'ntk*). As noted by Gershevitch [GMS §§150, 277], the regular Sogdian development of initial **tr-* to *čə-* probably implies an intermediate stage **trə-*, a treatment strongly reminiscent of Avestan forms such as *trəfiia-* ‘to steal’ (= Sogdian *cf-* [čəf-]), if we may accept the reading and interpretation of this form by Hoffmann and Forssman [2004: 91; differently de Vaan 2003: 512–13].⁴ Gershevitch’s proposed intermediate stage **trə-* makes it possible to bring together under a single rule the change of initial **tr-* to *č-* and that of final **-tr* to *-č* in Sogdian *zrwšc* < **zara(h?)uštr* ‘Zoroaster’ [GMS §278] as opposed to the preservation of non-tautosyllabic **-t.r-* in forms such as the nom. sg. *xwštry* [xušt.rí] ‘camel’.⁵

In Sogdian, however, there is no known noun or adjective from which a denominative *cš''y* (or *wš''y*) could be formed.

- ⁴ It remains unclear in exactly what conditions the spellings with *trə* may be considered regular in Avestan. De Vaan [2003: 513 n. 673] objects to the use of Middle Persian *trift/truft* ‘stolen’ as evidence for the linguistic reality of Avestan *trəfiia-* [Hoffmann and Narten 1989: 73 n. 126], but the Sogdian and Choresmian forms provide even stronger evidence on this point.
- ⁵ Sogdian *zrwšc* [zrōšč] (which is a heavy stem, as noted in DMT III/2, 233b, despite the statement to the contrary in GMS §399) can hardly derive from an Old Iranian **zaratuštra-* or *zaraθuštra-*, whose intervocalic **t/θ* should not have been lost. If it is a native

Unlike *cš- ‘to be thirsty’, wš- ‘to be hungry’ does not belong to a root with a clear pedigree in the older Indo-Iranian languages, let alone in distant branches of Indo-European. Cognates are well attested in Iranian, however, the earliest being Avestan *varəšīia-*, known only from the *Frahang-i oīm*, where it is glossed by Middle Persian *gursag* ‘hungry’ [Klingenschmitt 1968: 132]. Johnny Cheung [2007: 423] lists most of the relevant forms under an assumed Iranian root **u arš*, which, he says, ‘appears to be a kind of «Reimbildung»’ modelled on **tarš*. However, as Cheung himself notes, some forms in Persian and closely related languages, such as Middle Persian *gursag* just mentioned, seem to attest a variant **u ars*, which would suggest that **u arš* was not invented *ex nihilo* as a pendant to **tarš*, but is at the most an adaptation of a pre-existing root. The co-existence of forms with apparent **urs-* and apparent **urš-* is explained by Klingenschmitt [2000: 208–210] on the basis of a double treatment of Indo-European **ks* (and **kʰp*) in Middle and New Persian as either *s* (probably genuine Persian) or *š* (North-Western Iranian or more generally non-Persic), thus making possible a connection of **urs-/urš-* ‘to be hungry’ < **u lks-* with Armenian *k’alc* ‘hunger’ < **su lks-*. If one accepts this explanation, one cannot even claim that the root in question has been adapted to resemble **tarš*, since the *š* of **u arš* is in fact the regular outcome of **ks* in all non-Persic Iranian languages. However, it is possible that the existence of the inherited **tršja-* is responsible for the formation of a present stem in *-ja-* to the root **u arš*, as attested by Sogdian *wš’yt* and Choresmian *wšy-* ‘to be hungry’. The latter is derived by MacKenzie [1971: 32a] and Samadi [1986: 222] from **ursja-*, but the case of Choresmian *γšy-* ‘to rejoice’ < **gršja-* shows that a derivation from **uršja-* is equally possible.

form, it must derive from **zara-uštra-*, where the prior element either never had a final *-t* or lost it in quasi-final position (type: Old Persian *Dāraya-vau-*); alternatively, it may be borrowed, either from an Old Persian **zara-uštra-*, or from an early Middle Iranian form such as **zarahuštr* (cf. Parthian *zrhwšt* with *h* < **θ*).

3. *cšn* ‘thirst’, **cšn*’*wq* ‘thirsty’

The oldest form of the noun ‘thirst’ is attested as *cšn*’ in both Buddhist and Christian texts: S *cšn*’ in VJ 814, Vim. 134, and in the compound *cšn*’*mwrk* ‘dead with thirst’ already mentioned; C *cšn*’ in E27/102, V21, and E29/5, V19. M **cšn*’ can also be reconstructed in the compound *wš(’)[nd]t-c(š)[n’]* ‘hunger and thirst’ to be discussed below. A later form, with regular loss of š between č and a nasal [GMS §385–386], is C *cn*’ in E27/69, R25, and M *cn*’, which is attested in compounds with the word for ‘hunger’, e.g. *wšn-cn*’ in M121, V4 [DMT III/2: 205], and probably also as a separate word in M501j, B2 (unpublished, without clear context). It used to be assumed that *cšn*’ or *cn*’ is a m. noun, from **tršna-* according to Gershevitch [GMS §386], the form in -’ being the abl. sg., but it clearly does not function as an ablative in all contexts. The fact that no form is attested with an ending other than -’ suggests that it is in fact an uninflected f. noun like šy’ ‘memory, intelligence’ or qty’ ‘deed’ [Sims-Williams 2014: 104].⁶ If so, it will correspond more closely to Vedic *tr̥ṣṇā-* f. ‘thirst’ than to Avestan *taršna-* (< **tršna-*) m. ‘id.’. Like the Avestan form, Khotanese *ttarra-* ‘thirst’ is a m. noun, but a f. equivalent seems to be attested by its derivative *pattarrā-* ‘drink’ < **pati-tršnā-*,⁷ lit. ‘anti-thirst’.

From the noun *cšn*’, *cn*’, is formed an adjective meaning ‘thirsty’. The two attested forms C *cšnwq* and *cn’wq* imply an underlying **cšn’wq*. This is the only example listed by Gershevitch [GMS §1077] for an adjectival suffix -*āuk*, but it is clear enough that it is merely an extended form of the possessive suffix -*āu* < **-ā-ū an-*

⁶ Admittedly, it is not clear why **tršnā-* did not result in a f. light stem **cšn-* (nom.-acc. sg. **cšn*’, oblique cases **cšny*’). A reconstruction **tršnā-kā-* does not help, as this should have resulted in **cšn’k*.

⁷ Thus Maggi [1995: 115–117], though it is not clear to me whether he understands the prefix **pati-* as having adversative force as I here assume following Skjærvø [2004: II, 295]. It also seems possible that the Khotanese denominative verb **ttarrāy-* is not based on the adjective *ttarraa-* (see above, n. 3) but on the noun **ttarrā-*.

or **-ā-uant-* [GMS §1076]. Finally, from the adjective **cšn'wq* a noun 'thirst' is formed with the common f. abstract suffix *-yā-*: S *cšn'wky* in *Huyadagmān* 1.28 [Reck 2006: 160], C *cšnwqy* in E28/16, V15.

4. *wšnt* 'hunger', **wš'wq* 'hungry'

Beside *dbz-*, a single Christian Sogdian text attests a second word for 'hunger': C *wšnt* (E29/5, V12, 19, 23). The same noun is probably attested in the compound M *wšn-cn* 'hunger and thirst' (M121, V4), *t* being lost before *č* as it often is in the f. forms of past participles (e.g. 'wswytyy 'pure', f. 'wswyc).⁸ This interpretation receives confirmation from the variant spellings *wyšnd-cn* (in the same text, M121, R1) and *wš(')[nd]t-c(š)[n']* (M900, R1), both passages so far unpublished. The closest cognate of *wšnt* 'hunger' and its variants is Parthian *wšynd*, which is attested both as an adjective 'hungry'— in this sense of course a present participle in origin, like Sogdian *wš'nty* (above, §2) and Choresmian 'wšynd 'hungry'—and as a noun 'hunger'. The same double function is attested in the case of Parthian *tšynd* 'thirsty; thirst', though ambiguity can be avoided by the use of the abstract suffix: *tšyndyft* 'thirstiness, thirst'. There seems to be no way of determining whether Parthian *wšynd* and *tšynd* simply attest the use of the adjective as a noun, or whether the nouns were originally distinguished by some feature which is no longer observable (e.g. a shift of accent or a suffix such **(i)ā-*).

An adjective C *wšwq* 'hungry' is attested only once, in E27/102, V27, where it occurs beside *cšnwq* 'thirsty'. This fact might suggest that *wšwq* (i.e. [wəšōk] < *[wəšāuk], the vowel *ō* being indicated by the point above *w*) is modelled on *cšnwq*. In that case, however, one would rather expect **wšnwq*, especially given that the *-n-* is actually present in the noun *wšnt*. It may therefore be better to

⁸ Thus Sims-Williams [2014: 104]. Gershevitch [GMS §386] cites *wšn cn* from this text, translating 'hungry and thirsty'. The text is not sufficiently well-preserved to exclude this translation, but the form of *cn* is hardly that of an adjective.

interpret *wšwq* as being formed with the same suffix as *cšnwq* but from an otherwise unattested noun **wš-* ‘hunger’. Such a noun could derive from **uršā-* < **uršā-* < **uršā-* < **uršā-*, cf. Persian *gurs* ‘id.’ as explained by Klingenschmitt [1968: 132], or from **uršija-*, a form implied by Choresmian *wšyk* m. ‘id.’ (with added **-ka-*) and *wšywnd* ‘hungry’ (with a possessive suffix comparable to that of Sogdian *wšwq*).

Appendix: *cšnt* ‘drink’

The Sogdian noun meaning ‘drink’ is widely attested as S *cšnt*, M *cšnd* (with variant *cšnd’k*), C *cšnt*. The similarity to the family of words meaning ‘thirst, thirsty’ etc. is striking, but there can be no original connection: Sogdian *cšnt* ‘drink’, together with the verb *ptcš-*, *pcš-* ‘to taste, to drink’, no doubt belongs to a root **čaš-*, cf. Persian *čašīdan* ‘to taste’, Pashto *cš-* ‘to drink’ etc., as rightly stated both by Rastorgueva and Èdel’man [2003: 235–238] and by Cheung [2007: 35–36].⁹

A problem arises with Parthian *tyšng* ‘drink’, variants *tyšng*, *tyšyng*, which Sundermann [1992: 123] derives from **třšna-* and which Cheung [2007: 383] consequently lists under **tarš* ‘to be thirsty’. Sundermann refers to Henning [1947: 43 with n. 1], where one finds this remark on *tyšng*: “In M[iddle] Pers[ian] = thirsty, but in Parthian = drink (cf. Sogdian *cšnt* ‘drink’ beside *cšn-* ‘thirst’)”. It is not clear to me whether Henning intended to imply that the words meaning ‘thirsty’ and ‘drink’ are cognate or whether he was merely noting an interesting coincidence. In any case, although these words certainly belong to related semantic spheres, their meanings are hardly compatible. It is simpler, in my view, to suppose that Parthian *tyšng* ‘drink’ belongs to **čaš-*, with dissimilatory loss of the sibilant component of the initial [č] (i.e. [tř]) before the following sibilant. I do not know of another example of this development in the rather small Parthian corpus,

⁹ The question whether **čaš* ‘to taste, drink’ is ultimately related to **čaš* ‘to show, teach’, on which these authors disagree, is not relevant here.

but it is common in Middle Persian, cf. *tis* ‘something, thing’ < **čis-čim* [Sims-Williams 1982: 174–175], *tasum* ‘fourth’ < **čaçuma-* [Hoffmann 1975: 186 n. 1], etc. Similar cases are attested in certain Tat dialects, e.g. *düšmä* ‘spring (of water)’ (~ Persian *čašma*), *düširän* ‘to boil’ (~ Persian *jūšīdan*) [Suleymanov 2020: 79–80], and I suspect that further such examples can be found elsewhere in Iranian.¹⁰ It seems, in fact, that there is even an isolated case in Sogdian, where *cš`nt* ‘drink’ appears once in the spelling *`tš`nt* (i.e. [ətšand] < *[tšand] < *[təšand]), with regular development of a prothetic vowel before a double consonant): S *xwrt`iš`nty xwrtδ`r(t)* [‘he consumed food and drink’, Ch/U6506, V3 [Kudara, Sundermann and Yoshida 1997: 121].

References

Bartholomae C. Zur Kenntnis der mitteliranischen Mundarten, VI // *Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften*, Phil.-hist. Kl. 1925–1926. 6. Heidelberg, 1925.

Benveniste É. Notes sur le fragment sogdien du Buddhadyānasamādhisāgarasūtra // *Journal Asiatique*, 1933, 223: 193–245.

Cheung J. *Etymological dictionary of the Iranian verb*. Leiden, Boston, 2007.

de Vaan M. *The Avestan vowels*. Amsterdam, New York, 2003.

DMT III/2 — Sims-Williams N., Durkin-Meisterernst D. *Dictionary of Manichaean Sogdian and Bactrian. Dictionary of Manichaean Texts III/2*. Turnhout, 2012.

Gershevitch I. Sogdian compounds // *Transactions of the Philological Society*. 1945 [1946]: 137–149.

Gharib B. *Sogdian Dictionary: Sogdian-Persian-English*. Tehran, 1995.

GMS — Gershevitch I. *A grammar of Manichean Sogdian*. Oxford, 1954.

¹⁰ An anonymous reviewer of this paper kindly adds the example Tajik *tušbera* < Uzbek *čučvara* ‘dumpling’.

Hassan-doust M. *Farhang-e taṭbiqi-mouzu‘i-ye zabānhā va guyešhā-ye Irāni-ye nou* [Comparative-thematic dictionary of the New Iranian languages and dialects]. 2 vols. Tehran, 2011.

Henning W. B. Two Manichæan magical texts, with an excursus on the Parthian ending -ēndēh // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*, 1947, 12(1): 39–66.

Hoffmann K. *Aufsätze zur Indoiranistik*. I. Wiesbaden, 1975.

Hoffmann K., Forssman B. *Avestische Laut- und Flexionslehre*. 2., durchgesehene und erweiterte Auflage. Innsbruck, 2004.

Hoffmann K., Narten J. *Der sasanidische Archetypus*. Wiesbaden, 1989.

Hübschmann H. *Persische Studien*. Strassburg, 1895.

Klingenschmit G. *Frahang-i ōīm. Edition und Kommentar*. PhD dissertation. Erlangen, 1968.

Klingenschmitt G. *Mittelpersisch // Indoarisch, Iranisch und die Indogermanistik*. Wiesbaden, 2000, 191–229.

Kudara K., Sundermann W., Yoshida Y. *Iranian Fragments from the Ôtani Collection*. Text Volume. Kyoto, 1997.

MacKenzie D. N. *The “Sūtra of the causes and effects of actions” in Sogdian*. London, 1970.

MacKenzie D. N. Supplement // *A fragment of a Khwarezmian dictionary by the late W. B. Henning*. London, 1971, 28–50.

Maggi M. *The Khotanese Karmavibhaṅga*. Rome, 1995.

Mayrhofer M. *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen*. I. Heidelberg, 1992.

Morgenstierne G. *A new etymological vocabulary of Pashto*. Beiträge zur Iranistik 23. Wiesbaden, 2003.

Rastorgueva and Èdel’man — Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. *Этимологический словарь иранских языков*. Москва, 2003, Т. 2. (In Russ.)

Reck C. Reste einer soghdischen Version von Huyadagmān I in der Form eines Responsoriums zwischen Erwähltem und Hörer // *Languages of Iran: Past and Present. Iranian studies in memoriam David Neil MacKenzie*. Iranica 8. Wiesbaden, 2005 [2006], 153–163.

- Rix H. et al. LIV. *Lexicon der indogermanischen Verben. Zweite Auflage*. Wiesbaden, 2001.
- Samadi M. *Das chwaresmische Verbum*. Wiesbaden, 1986.
- Sims-Williams N. Notes on Manichaean Middle Persian morphology // *Studia Iranica*, 1981 [1982], 10/2: 165–176.
- Sims-Williams N. *Sogdian and other Iranian inscriptions of the Upper Indus*. II. London, 1992.
- Sims-Williams N. *Biblical and other Christian Sogdian texts from the Turfan Collection. Berliner Turfantexte 32*. Turnhout, 2014.
- Sims-Williams N. *A Dictionary: Christian Sogdian, Syriac and English. Beiträge zur Iranistik 41*. Wiesbaden, 2016.
- Skjærvø P. O. *This most excellent shine of gold, king of kings of sutras: The Khotanese Suvarṇabhāsottamasūtra*. 2 vols. Cambridge MA, 2004.
- Suleymanov M. *A grammar of Şirvan Tat. Beiträge zur Iranistik 46*. Wiesbaden, 2020.
- Sundermann W. *Der Sermon vom Licht-Nous. Berliner Turfantexte 17*. Berlin, 1992.
- Wendtland A. Einige Bemerkungen zu den soghdischen Alten Briefen // D. Weber (ed.) *Languages of Iran: past and present. Iranian studies in memoriam David Neil MacKenzie. Iranica 8*. Wiesbaden, 2005 [2006], 229–238.

Sims-Williams Nicholas
SOAS University of London
London, UK
Симс-Уильямс Николас
Лондонский университет SOAS
Лондон, Великобритания
ns5@soas.ac.uk

Об одном славяно-иранском лексическом соответствии¹

On a certain Slavic-Iranian lexical correspondence

Варбот Ж. Ж.

Varbot Zh. Zh.

Общность индоевропейского происхождения и многовековые контакты славянских и иранских языков обусловили различные по природе лексические соответствия этих языков, в том числе параллелизм структурно подобных производных от родственных глаголов и отражение вариантных и.-е. производных. В статье рассматривается семантическое и структурное соответствие праслав. **kórsta* ‘кожная болезнь, корка, нарост’ и праиран. **karasta* ‘шкура, кожа’. Последнее происходит из **kart-ta-* < и.-е. **kṛ-t-to-* ‘отрезанное, срезанное’ от и.-е. корня **(s)ker-*, **(s)kerə-*, **(s)krē-* ‘резать, срезать, отрезать’, от варианта с детерминантом **-t-* – **(s)kert-*. Продолжением этого и.-е. глагола являются праслав. **čersti/*črto* ‘чертить, проводить борозду’ и **kṛt(a/ě/i)ti* ‘ломать, портить’.

Отношения праслав. **kórsta* и праиран. **karasta* могут быть истолкованы как параллелизм производных с суф. *-t-* и разными степенями корневого вокализма от глаголов, восходящих к и.-е. **ker(ə)t-*. Представляется возможным также общий славяно-иранский и.-е. архаизм — отражение вариантного и.-е. **kor(ə)t-tā/*kṛ-t-to-*.

Ключевые слова: славянская этимология, славяно-иранские лексические связи, параллелизм производных от общих индоевропейских глаголов, отражение индоевропейских вариантных архаизмов

¹ Статья написана при реализации проекта «Лексика славянских языков как наследие и развитие праславянского лексического фонда: словообразовательный, семантический и этимологический аспекты анализа в лексикографическом представлении», поддержанного грантом РФФИ № 19-012-00059.

The common Indo-European origin of Slavic and Iranian languages, and their contacts over many centuries have created various genetic lexical correspondences, including parallelism in structurally similar derivatives of related verbs and relationships among I.-E. derivative variations. In the present article, we analyse the semantic and structural correspondence of Proto-Slav. **kórsta* ‘skin illness, bark, outgrowth’ and Proto-Iran. **karasta* ‘skin’. The latter is reconstructed as **kart-ta-* < I.-E. **kr̥-t-ta* ‘cut off’ from the I.-E. **(s)ker-/*(s)kerə-/*(s)krē-* ‘to cut, cut off’ with the determinant *-t-* – **(s)kert-*. Reflexes of this I.-E. verb are the Protoslav verbs **čersti/*čr̥tō* ‘draw, make furrow’ and **kr̥t(a/ě/i)ti* ‘break, damage’.

It is possible to explain the correspondence of the Proto-Slav. **kórsta* and Proto-Iran. **karasta* as due to parallelism in structurally similar derivatives of related verbs or as a reflection of the I.-E. derivative with its variations: **kor(ə)t-tā/*kr̥-t-to-*.

Key words: Slavic etymology, Slavic-Iranian lexical ties, parallel verbal derivations, Indo-European archaisms

DOI 10.37892/2313-5816-2021-1-231-236

Славянские и иранские языки связаны родством в семье индоевропейских языков и многовековыми контактами вследствие как территориального соседства, так и этнокультурных взаимоотношений говорящих на этих языках народов. Отражением этих контактов являются лексические сходства. Теме славяно-иранских (ирано-славянских) лексических связей посвящены исследования многих славистов, иранистов и индоевропеистов [Эдельман 2002; Трубачев 1967; Топоров 1989; Зализняк 1962; см. обширную библиографию вопроса в Эдельман 2002: 211–228]. Исследователи акцентируют разнообразие типов проявления этих связей и, что особенно существенно для славянской этимологии, множественность их происхождения [Эдельман 2002: 142, 166–167]. Для праславянской этимологии важнейшими источниками славяно-иранских лексических сходжений являются параллельные, структурно сходные образования от родственных

основ индоевропейского происхождения и общие архаизмы индоевропейского происхождения.

К числу славянских слов, для уточнения происхождения которых представляется перспективным сопоставление с иранской лексикой, может быть отнесено праслав. **kórsta* с семантикой ‘кожная болезнь, корка, нарост’ (см. ст.-слав. **красѣа** στίγμα λέπρας, болг. *красѣа* ‘чесотка’, сербохорв. *kràsta* ‘струнья, оспа, проказа; зелень на стоячей воде’, польск. диал. *krosta* ‘костра, отделяющаяся при чистке конопля’, русск. *корóста* ‘кожная болезнь’, диал. ‘корка на поверхности глинистых почв при высыхании; наплыв или нарост на древесном стволе’ и др.) [ЭССЯ 11: 93–94]. Существующие толкования происхождения этого слова: родство с лит. *kaĩšti* ‘чесать (шерсть, лен)’, лат. *carrere* ‘скрести, чесать’, производность от праслав. **čьrxati* ‘резать, драть’, которые все восходят к и.-е. **(s)ker-* ‘резать, драть’ с распространителем **-s-*, подвергаются сомнению вследствие акцентологических несоответствий: циркумфлекс в предполагаемых производящих основах, акут в **kórsta* [ЭССЯ 11: 94–95], однако и версия образования от **kora*, предлагаемая в этом словаре, вызывает возражения в отношении словообразовательной структуры, поскольку сомнителен суф. *-sta* в производном от имени существительного.

Следует, кажется, обратить внимание на структурную и семантическую близость праслав. **kórsta* и древнеиран. **karasta-* ‘шкура, кожа’. Их общее семантическое составляющее может быть определено как ‘болезненный или охранительный покров на теле животного, человека или на растении, который удалается в лечебных или потребительских целях’. Древнеиран. **karasta-* (**kṛsta-*) толкуется как «лексикализованное отглагольное имя **kart-ta-* или **kṛd-ta-* от корня **kart-* ‘резать, срезать’ или **krad-* ‘скоблить’ — точный арийский прототип неясен, ср. др.-инд. *kṛtti-* ‘шкура, кожа; покров, кожаный покров’, образованное от корня **kart-*, но по иной словообразовательной модели. Возводится к производному **kṛ-t-to-* ‘отрезанное,

срезанное' от и.-е. корня **(s)ker-*, **(s)kerə-*, **(s)krē-* 'резать, срезать, отрезать', от варианта с распространителем **-t-*: **(s)kert-*, **(s)kret-*. Не исключен и вариант с распространителем **-d-*, т. е. **kr̥₀-d-to-* (праиран. **-st-* чаще продолжает арийск. **-dt-*, чем **-tt-*)» [Эдельман 2011: 289]. Очевидно, что как в семантическом плане, так и в плане реконструкции исходной структуры, это объяснение применимо и к праслав. **kórsta*. Точнее, в отношении структуры, как соответствие для праславянского существительного **kórsta* предпочтительно праиран. **kart-ta-* и производность от **kart-* 'резать, срезать' (восходящего к и.-е. корню **(s)ker-*, **(s)kerə-*, **(s)krē-* 'резать, срезать, отрезать'). Для этого предпочтения существенны два обстоятельства: первое — глагольному древнеиранскому **kart-* 'резать, срезать' есть праславянское соответствие — к тому же и.-е. корню восходят праслав. глаголы **čersti* / **čr̥to* (др.-русск. *чърсти*, *чърту* 'чертить, проводить борозду, вспахивать' ← **'резать, надрезать, делать нарезки на какой-л. поверхности'*) [ЭССЯ 4: 75–76] и **kr̥tati* / **kr̥tēti* / **kr̥titi* (болг. *кѣтя* 'ломать', сербохорв. *kriiti* 'ломать, крушить', чеш. *kartit* 'портить' и др.) [ЭССЯ 13: 241–242], ср. также русск. диал. *кармуть* 'чесать, вычесывать (шерсть)' [Селигер 3: 18]; второе существенное обстоятельство — вероятность э для исходного и.-е. **kerət-*, что обосновывает акут в праслав. **kórsta*. Родство праслав. **kórsta* с **čersti* / **čr̥to* и **kr̥tati* / **kr̥tēti* / **kr̥titi* (<и.-е. **kerət-* < **(s)kerə-*) означает также ближайшее родство этого имени существительного с праслав. **kórtь* 'раз' (также с акутом).

Отношения **kórsta* и **čersti* / **čr̥to*, **kr̥tati* / **kr̥tēti* / **kr̥titi* могут быть истолкованы как производность на праславянском уровне. Но возможна, кажется, и версия о соотносительности праслав. **kórsta* и приведенных праслав. глаголов как продолжений и.-е. производного имени и производящего и.-е. глагола **ker(ə)t-*. Тогда соотношение праслав. **kórsta* < и.-е. **kor(ə)stā* и праиран. **karasta* < и.-е. **kr̥sto-* отражает вариантность (в огласовке корня) и.-е. именно производного с суф. *-t-* (вероятно, причастия) от и.-е. глаг. **ker(ə)t-*, то есть

**kor(ə)t-tā/*kr-t-to-*. Ср. соотношение праслав. **bolgo* ‘добро’ и авест. *bərəg-* ‘религиозный ритуал, обряд’ [ЭССЯ 2: 173; Расторгуева; Эдельман 2003: 111–112].

Литература

Зализняк А. А. Проблемы славяно-иранских языковых отношений древнейшего периода // *Вопросы славянского языкознания*. Вып. 6. Москва, 1962.

Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. *Этимологический словарь иранских языков*. Т. 2. Москва, 2003.

Селигер. Материалы по русской диалектологии. Словарь. Выпуск 3. К–М. Под. ред. А. С. Герда. Санкт-Петербург, 2007.

Топоров В. Н. Об иранском элементе в русской духовной культуре // *Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы*. Москва, 1989.

Трубачев О. Н. Из славяно-иранских лексических отношений // *Этимология*. 1965. Москва, 1967.

Эдельман Д. И. *Иранские и славянские языки. Исторические отношения*. Москва, 2002.

Эдельман Д. И. *Этимологический словарь иранских языков*. Т. 4. Москва, 2011.

ЭССЯ – *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*. Под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 2. – Москва, 1975; вып. 4. – Москва, 1977; вып. 11. – Москва, 1984; вып. 13. – Москва, 1987.

References

Edel'man D. I. *Etimologicheskii slovar' iranskikh yazykov*. Т. 4. Moskva, 2011. (In Russ.)

Edel'man D. I. *Iranskie i slavyanskie yazyki. Istoricheskie otnosheniya*. Moskva, 2002. (In Russ.)

ESSYa – *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskii leksicheskii fond*. Pod red. O. N. Trubacheva. Vyp. 2. – Moskva, 1975; vyp. 4. – Moskva, 1977; vyp. 11. – Moskva, 1984; vyp. 13. – Moskva, 1987. (In Russ.)

Rastorgueva V. S., Edel'man D. I. *Etimologicheskii slovar' iranskikh yazykov*. T. 2. Moskva, 2003. (In Russ.)

Seliger. *Materialy po russkoi dialektologii. Slovar'*. Vypusk 3. K–M. Pod. red. A. S. Gerda. Sankt-Peterburg, 2007. (In Russ.)

Toporov V. N. Ob iranskom elemente v rusckoi dukhovnoi kul'ture // *Slavyanskii i balkanskii fol'klor. Rekonstruktsiya drevnei slavyanskoi dukhovnoi kul'tury: istochniki i metody*. Moskva, 1989. (In Russ.)

Trubachev O. N. Iz slavyano-iranskikh leksicheskikh otnoshenii // *Etimologiya*. 1965. Moskva, 1967. (In Russ.)

Zaliznyak A. A. Problemy slavyano-iranskikh yazykovykh otnoshenii drevneishego perioda // *Voprosy slavyanskogo yazykoznaniya*. Vyp. 6. Moskva, 1962. (In Russ.)

Варбот Жанна Жановна

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Москва, Россия

Varbot Zhanna Zhanovna

Vinogradov Russian Language Institute, RAS

Moscow, Russia

zhannavarbot@yandex.ru

**Богиня Хшум — Кшумай
от Хорезма до Кафиристана
The Goddess Khshum — Kshumai:
From Chorasmia to Kafiristan**

Лурье П. Б.

Lurje P. B.

В статье анализируется соответствие имен богинь: согдийского и хорезмийского (ə)Xšum, бактрийского Ромаго, Омца (?) с одной стороны, и кати Kušum'āī, калаша Kušumai, с другой. Мы предполагаем, что это варианты одного и того же иранского теонима, в кафирские и дардские он был заимствован из восточноиранского, прото-мунджанского *Xšumá. Анализируются предложенные этимологии имен богинь, возможные совпадения их ролей в пантеоне, критически пересматриваются предложения по их иконографии.

Ключевые слова: хорезмийский язык, согдийский язык, бактрийский язык, кафирские (нуристанские) языки, кати, дардские языки, калаша, теонимы, домусульманский пантеон восточных иранцев, заимствования

The article analyzes the correspondence of the goddess names (ə)Xšum in Sogdian and Chorasmian, Bactrian Ромаго, Омца (?) on one side, and Kati Kušum'āī, Kalasha Kušumai, on the other. We suppose that these are all variants of a single Iranian theonym which was borrowed into the Kafiri and Dardic languages from East Iranian, proto-Munji *Xšumá. We analyze the proposed etymologies of the names of goddesses, the possible coincidences of their roles in pantheon, and critically review iconographic proposals.

Key words: Chorasmian language, Sogdian language, Bactrian language, Kafiri (Nuristani) languages, Kati, Dardic languages, Kalasha, theonyms, pre-Islamic pantheon of Eastern Iranians, loanwords

DOI 10.37892/2313-5816-2021-1-237-255

Темой настоящей заметки является близкое совпадение теонима — имени важной богини у восточноиранских народов до ислама и у язычников Восточного Гиндукуша, культ которой в какой-то степени сохранился и по сей день¹. Это совпадение едва ли можно принять за простое созвучие, скорее речь идет о персонаже восточно-иранского домусульманского культа, который был некогда распространен на широкой территории и заимствовался из одного языка в другой.

Теоним *xšwm-*, *'xšwm-* в Согде и Хорезме не встречается сам по себе: лишь в именах собственных, календарном обозначении и топониме.

Самая ранняя аттестация — в имени в надписи на верблюжьей челюсти из Бурлы-Калы в Хорезме (III–I вв. до н. э) в форме *xšwmnk*, с гипокористическим или адвербиальным суффиксом *-nk* [Лившиц, Мамбетуллаев 1985: 40; Lurje, forthcoming: No. 326]. В более поздних хорезмийских текстах на гипсовых оссуариях из Ток-калы (VII–VIII в.) и на серебряных сосудах середины VIII в. встречаются имя *'xšwmbnt*, стяжение из **'xšwmbntk* 'Раб Эхшум', патронимия к тому же *'xšw(m?)bnt'n-w* [Лившиц, Гудкова 1967: 14; Lurje, forthcoming: 47] и патронимия *'xšwту'n'n* к имени 'дар (*y'n*) Эхшум' [Лившиц, Мамбетуллаев 1985: 39; Lurje, forthcoming: No. 48].

В датах на ток-калининских оссуариях встречается название месяца *'xšwm*, и оно соответствует 12-му месяцу хорезмийского календаря в списке Бируни, *'sbnd'rmjy fw xšwm* [Лившиц 1970: 168].

В согдийском контракте о покупке половины науса В-8 из документов с горы Муг, датированном правлением Чегин Чур

¹ Я благодарен Д. Б. Буянеру, М. С. Пелевину, А. Росси, А. Тесс, С. Х. Шомахмадову и анонимному рецензенту за помощь в обнаружении использованной в статье литературы (что весьма насущно в условиях карантина) и интересные соображения. Все выводы, разумеется, остаются на совести автора.

Бильге (рубеж VII–VIII вв.) одного из покупателей именовали *'xšwmβntk* ‘раб Эхшум’ [Лившиц 2008: 56; Lurje 2010: 121]. Имя его брата *m'xc* (к *m'x* ‘луна’) и отца *'sm'nc* (к *'sm'n* ‘небо’) можно понимать как образованные от названий дней месяца. В согдийском буддийском колофоне P8 (Дуньхуан, VII–VIII вв.), большинство имен в котором не несут следов буддийской пропаганды, встречается женское имя *xwšm'nc*, которое можно понимать как образование с суффиксом женского рода от *xšwm/xwšm* с распространенной в согдийском метатезой [Lurje 2010: 446]. Близкую форму можно видеть в топониме *Xušminj(a)kaθ*, отмеченном в окрестностях Кеша (совр. Шахрисябз) в XII–XIII вв. [Barthold, 1928: 140], с суффиксом прилагательного женского рода *-inj* и *kaθ* ‘город, селение’ (ж. р). Ш. С. Камалиддинов [1996: 28] полагает, что это название сохранилось как современный Кишмиштепа на окраине города Чиракчи по дороге из Шахрисябза в Карши.

Как и в Хорезме, в Согде *'xšwm* отразился в названии двенадцатого месяца: *'xšwtuc*, *xšwtuc* в согдийских текстах и *xšwm* у Бируни [Лившиц 2008: 56]². В контракте из Турфана о покупке рабыни 639 г., а также в уйгурском манихейском календаре 1003–1004 г. этот месяц выписывается *xšwmsβ'yc*, *'xšwms'pc* с неясной второй частью [Yoshida, Moriyasu 1988: 11–12].

Среди бактрийских материалов ближе всего к рассматриваемому корню имя собственное *Роцоγοβανδαγο* ‘раб Шумуга’, где в имени божества закономерно выпало начальное *x* перед *š*, а основа была дополнена суффиксом [Sims-Williams 2010: No. 558]. Николас Симс-Уильямс [2017] теперь полагает, что та же основа в иной диалектной форме отразилась в имени бактрийской богини *Оццо*, *Оцца*, о чем см. ниже. Отметим специально, что этот теоним не представлен в бактрийском календаре.

² На стр. 36b ранней (и неучтенной Захау) стамбульской рукописи «Памятников минувших поколений» (фотокопия хранится в хранилище рукописей ИВР под шифром ФВ-117) приводится вариант названия месяца: *xš'wm'j*.

Женский пол божества *Xšum* можно предположить уже по тому факту, что оно заменяет в календаре авестийскую *Spənta Āramaitī* (gen. *Spəntaiiā Ārmatōiš*), среднеперсидскую *Spandarmad*, одну из «бессмертных святых», чей грамматический род и образ всегда женские [Shenkar 2014: 32–35 и далее с литературой].

Весьма созвучный теоним *Kṣaumā*³ отмечен в длинном перечне индийских божеств в санскритском тексте *Махасамаджасутра* из рукописи 581, найденной германской турфанской экспедицией у северных ворот Идикутшахри [Waldschmidt 1932: 181; 1980: 158; 128R, 23]. Параллельные версии сутры на других языках — палийская, две китайские, тибетская — располагают на этом месте божество *Soma* или *Somā*, и Вальдшмидт предлагает аналогично исправлять текст [1980: 158 прим. 111]⁴. Я предполагаю, что переписчик рукописи (тюрок судя по нескольким припискам [Waldschmidt 1932: 3–4 n. 1]) по какой-то причине заменил индийскую Сому на богиню, которую почитали жившие

³ Фразу *kṣaumātho* (пада *kṣaumā atho*) *prṣṭha(to gatā)* Вальдшмидт переводит “*Kṣaumā now, in the rear, arrived*”; *prṣṭhata* “*in the rear*” упоминается также с связи с богиней *Hārītī* (30).

⁴ Другие пять фрагментов *Махасамаджасуты*, найденных германскими Турфанскими экспедициями, не содержат этого пассажа. Фрагменты иной рукописной версии этого текста, начертанной северо-туркестанским брахми, имеются в коллекции Поля Пельё, в том числе отрывок, соответствующий стихам 21–23 [bleu 156, petit 521 согласно каталогу: Hartmann, Wille 1997: 150]. Они были исследованы в неопубликованной (и потому недоступной мне) диссертации Й.-У. Хартманна [1992: Nr. 165].

Фрагмент комментария к неизвестной версии *Махасамаджасуты* имеется в коллекции Шёэна и происходит из северо-западной Индии [Buddhist manuscripts of the Schøyen Collection III, 195–206, транслитерация и фотография доступны по адресу <https://www2.hf.uio.no/polyglotta/index.php?page=record&vid=815&level=2&cid=621870>], там данный пассаж отсутствует.

в Турфане многочисленные колонисты — согдийцы⁵. Для передачи иранского *xš* через *kš* в письме брахми ср. аналогичный прием в хотано-сакской орфографии, тохарское *B kšum* для бактрийского *χρῶνο* ‘год правления’; дифтонг *au* в буддийском гибридном санскрите совпал с *o* и часто чередовался с *u* [Edgerton 1953: 26–28].

Наконец, очень близко согдийской и хорезмийской (ə)Xšum имя богини, засвидетельствованной в пантеоне последних язычников Гиндукуша: кати и калаша *Kušum'ai*. У северного нуристанского (кафирского) народа кати до принятия ислама *Kušum'āī*⁶ была богиней, связанной с дикими козлами (священные животные для кафиров), дождями, цветением винограда, она живет на снежной горе Тирич Мир (к северу от Нуристана) и является матерью мудрого Мона, одного из главных богов кати, ей был посвящен праздник винограда в месяце *Šudē* [Morgenstierne 1951: 164; Йеттмар 1986: 113–115 et passim]. У дардского народа калашей, последнего сохраняющего доисламскую религию в восточном Гиндукуше, также присутствует богиня *Kušumai*, которая выступает параллельным именем исконной богини *Jaç* (из др.-инд. *yakṣā-*) со сходными функциями; это имя заимствовано от кати [Morgenstierne 1973: 156; Йеттмар 1986: 371–373].

⁵ Иное объяснение любезно предложил мне С. Х. Шомахмадов: *Сома* был заменен своею иранской параллелью, *Hauma-* (согд. *xwmt* в ономастике, см. [Lurje 2010: 440]). В дальнейшем переписчик «ресанскритизировал» **khoma* в *kšauma*. Другая характерная пракритская форма в тексте — *suvaṇi* для *suparṇī* [Waldschmidt 1932: 5]

⁶ Такую транскрипцию использует Моргенстьерне, надстрочная черта передает ударение следующего гласного. В записях жившего в Читрале последнего жреца кати используется транскрипция *Kṣəm'āī* [Morgenstierne 1951: 164, 181], о других формах ниже. В литературе более распространена упрощенная форма имени *Kuшумай/Kshumai*.

Моргенштерне [1951: 164] приводит имя богини в кати также как *Kūmr'aī*, *Kūmr'ai* в Камдеше и Уртсуне⁷, она отождествляется с *Kimē*, богиней у прасун, другого северного нуристанского народа. Буддрусс [по: Йеттмар 1986: 115], впрочем, указывает, что этимологической связи между *Kuṣum'āi* и *Kimē* нет. Также Фюссман отделяет *Kuṣum'āi* с одной стороны от *Kūmr'aī* и *Kimē* с другой, а Паркс как будто объединяет *Kuṣum'āi* с *Kimē* от *Kūmr'aī*, отмечая сложность их сведения воедино [Fussman 1977: 29, 33; Parkes 1986: 153]. Пальваль [по: Йеттмар 1986: 115] полагал, что Кшумаи, Крумаи и Камри — различные богини.

Единственная известная мне попытка этимологии кафирского теонима — сопоставление с древнеиндийским *kumārī* ‘дева, принцесса’ [Morgenstierne, 1951: 164, с вопросительным знаком], Фюссман [1977: 29] видит этимон как *kumarikā*, от того же корня, он отмечает, что переход *r* в *ṣ* необъясним, ему следует и Паркс [1986: 153]. Они полагают контаминацию богинь с созвучными именами и разными функциями.

Надо отметить, что, несмотря на, казалось бы, архаичный характер религии кафиров Гиндукуша, среди теонимов имеется изрядное количество заимствований. Это указано в литературе для катийского *Mōn*, прасун *M'āndī*, калаша *Mahand'eu* из древнеиндийского *Mahā(n)-deva*, ашкун *Blamadē* из *Brāhma-deva* [Morgenstierne, 1926: 53] с индоарийским переходом индоевропейского **ǵh* в *h*. Единственное имеющееся объяснение кати *utō* ‘наследственный жрец’ от древнеиндийского *hotr-* требует среднеиндийской формы **hottaa* (см.: [Parkes 1986: 158] и там же дискуссию).

Как результат контаминации персидского *nahang* и индийского *nāga* объясняется морская дракон *nhoj* у калашей,

⁷ Тут она отождествляется с калаша *bhūt* ‘дух умершего’ [Morgenstierne 1951: 164; 1973: 89].

кати *ноу* [Morgenstierne 1973: 157]⁸. Несколько терминов для сверхъестественных существ: *balo*, *perian*, *dew* у кати иранского происхождения [Jettmar 1986: 42]; первое персоязычное, а второе и третье могут быть равно персидскими или восточноиранскими. Фюссман, который в целом выступает за индийские, а не иранские связи религии кафиров, отмечает кати *патош* ‘молитва’ как иранизм (согд. *nm’suw*, бактр. *vaṃoṣo*). Аугусто Какопардо добавляет иранские связи зимних календарных праздников у калаша [Cacopardo 2016: 261–264]⁹.

Kuṣum’āī не может быть собственно нуристанской формой, поскольку индо-иранское **kš* реализуется тут как аффриката *ts*, *s*, *ç*, *ʃ*: кати *асī* при древнеиндийском *akṣi-* ‘глаз’, *īts* при *ṛkṣa-* ‘медведь’, *çurī* при *kṣurikā* ‘нож’ [Morgenstierne 1926: 58–59]. Мне представляется вероятным, что имя богини *Kuṣum’āī* в языке кати является заимствованием из иранского источника, связанного с согдийским и хорезмийским Хшум. Заметим кстати, что Йеттмар [1986: 113–115 et passim, со ссылкой на недоступную мне диссертацию П. Сноя] предполагал, что Кшумай была чужеродной, возможно дардской или даже доарийской богиней, которую восприняли кати.

Вполне естественным источником заимствования являются близкородственные языки непосредственных северных

⁸ Интрузия неэтимологического *n* объясняется на дардско-нуристанском материале [Fussman 1977: 36–37].

⁹ В имени бога кати *Bag(y)‘iṣṭ*, калаша *Bay‘iṣṭ*, которое возводится к **Bhagiṣṭha* ‘самый дарящий’ [Morgenstierne 1951: 165; 1973: 154; Fussman 1977: 32; Parkes 1986: 151], соблазнительно видеть иранское **baga-* ‘бог’, отличное от индийского *deva* (кати *dē*, ашкун *dēi*, прасун *lū*, калаша *deu*). Иранское заимствование (архаичный суперлатив **bagišta-*, композит *baga-yašta-*, едва ли согдийское (*βγυšt*) или ваханское множественное число) во всяком случае объяснило бы сохранение *g*, которое смущало Фюссмана [1977: 32]. Ср. согдийское имя *βγυštyn* [Lurje 2010: 141].

соседей нуристанцев — мунджанцев и йидга (последние живут вблизи западного склона Тирич-мира). В мунджанском и йидга, в отличие от других памирских языков, сохраняется начальное $x\check{s}/x\check{s}$, как и формальный показатель женского рода (мунджанское *-a*, йидга *-o*) [Эдельман 1986: 116–117; 1990: 158–159], ср. мундж. *xšáva*, йидга *xšovo* из **xšap-ā* ‘ночь’. Реконструируемую мунджанскую форму (до обращения в ислам) мы восстанавливаем как **Xšumá*.

Переход начального *x* в *k* объясняется на дардско-нуристанском материале, где щелевые согласные представлены слабо: в заимствованных словах *x*-образный звук часто переходит в смычный, ср. вайгали *īk* из пашто *īx* ‘верблюд’ [Morgenstierne 1926: 53], калаша *koštan* из персидского *xuš* ‘приятный’ [Morgenstierne 1973: 116], кати *kal'os* из арабского, персидского *xalās* ‘конец’ [Morgenstierne 1951: 172 ff]. Ретрофлексное \check{s} на месте иранского \check{s} также встречается в заимствованиях: калаша *šab'aš* ‘браво’ из персидского *šāh bāš* ‘будь шахом’ [Morgenstierne 1973: 143]; отметим также фонему \check{s} в реконструируемом мунджанском прототипе. Конечное *-i* возникло, видимо, при заимствовании в кати.

Для среднеиранского теонима *Xšum* было предложено несколько этимологий. И. А. Гершевич полагал, что тут отражается авестийское *fšūmant-* ‘der sich Vieh halt’, осет. *fysym/fusun* ‘хозяин в отношении гостя’ [Gershevitch, 1975: 206]. Надо отметить, что иные случаи развития $f\check{s} > x\check{s}$ в согдийском редки: *xwšp'ny* ‘пастух’ из **fšū-pānaka-* и, может быть, титул *Afšīn*, если из *xšēwan* [Gershevith, 1954: 48], а в хорезмийском вовсе неизвестны. Кроме того, если для имени мужского рода этимоном мог выступить именительный падеж **fšūmā*, то для формы женского рода **fšūmatī* объяснить утерю *-t-* затруднительно.

В. А. Лившиц считал возможным возводить теоним к авестийскому *xšnaōta* ‘удовлетворение’, как среднеперсидское *šnōt* [Лившиц, 2011: 162]. В этой этимологии удовлетворительно не объясняется потеря *n*, ср. согдийское *xšn'w*

из **xšnāvaya-* ‘удовлетворять’, позднехорезмийское (*ʿ*)*xnwry* ‘благодарить’ из **xšnauθraya-*.

Николас Симс-Уильямс связывает бактрийскую *ṛoṃayo* и согдийскую *xšwmt* с древнеиранским **uxštā*, **uxštā-kā* ‘growing, crescent’, что дало термин ‘луна’ в ряде памирских языков: мунджанское *yumagā*, йидга *imoṃo*, сангличи *wulmēk*, ишкашими *lōmik*, вахан. *žəmak* [Sims-Williams 2010, No. 558]. В развитие гипотезы он определил бактрийскую богиню *Оцца/Оццо* (в надписи Канишки из Рабатака и на монете следующего кушанского царя, Хувишки) как диалектное развитие той же основы и в качестве альтернативного источника предложил иранское **šam-* ‘светить’, **u(s)-šmā-*, **u(s)-šmā-kā-*, которую он видит этимологом и ряда западно-иранских форм типа зазаки *āšma* ‘луна’. Начальное *x* в согдийском в этом случае объясняется как неэтимологическое наращение типа *ʿxwštr* из **uštra-* ‘верблюд’¹⁰ [Sims-Williams 2017].

Следуя этимологическому толкованию Симс-Уильямса, автор настоящей заметки некогда предложил рассматривать «Лунную деву» в искусстве Согда как репрезентацию Хшум.¹¹ С этим толкованием — что мне очень лестно — согласились уважаемые коллеги [Shenkar 2014: 100 прим. 482, Grenet 2015: 139], однако в настоящее время я отношусь к нему с известным скепсисом.

Наряду с «Лунной девой» — изящным женским торсом с косицами, в тюрбане, с нимбом и лентами из-за плеч, как бы вырастающим из полумесяца, в согдийском искусстве мы встречаем и другие головы, расположенные в обращенном рогам вверх полумесяце. Это керамический люк от светового окна по центру квадратного помещения 86 объекта III Пенджикента, где имеется 14 полумесяцев, в которых расположены

¹⁰ При поздне-хорезмийском *ʿš* ‘верблюд’, но ср. (*ʿ*)*xš* ‘хлыст’ из *aštrā-* с аналогичным наращением в инициали.

¹¹ Доклад *The deities Khshum and Makhakar in Sogdian iconography* на конференции памяти Б. И. Маршака и В. Г. Шкоды в октябре 2013 г. в Государственном Эрмитаже.

мужские и женские терракотовые головы — налепы [Беленицкий 1959: 93–94]. Женский торс с полумесяцем за плечами расположен в одном из медальонов медной обкладки ножки алтаря из храма Джар-тепе [Бердимурадов, Самибаев 1999: рис. 107]. Декоративная полоса в росписи малого тронного зала дворца Кахкаха I состоит из сильно стилизованных голов в полумесяцах [Соколовский 2009: ил. 37]. Ряды голов (по одной и более) на ладьях, которые можно принять за стилизованные полумесяцы, присутствует на манихейских миниатюрах из Турфана [Gulácsi 2016: fig. 5: 11; 5: 37].

Наконец, сама «Лунная дева» из Пенджикента происходит из айвана (пом. 7) дома на XXIV объекте (VII – первая четверть VIII в.), она относительно небольшого размера и там найдены следы еще четырех аналогичных бюстовых изображений, как с полумесяцами, так и без; ниже шли изображения ваз и гранатовых ветвей [Беленицкий 1975: 140–141], характерные для росписей айванов жилых домов Пенджикента. Вообще, для айванов — открытых веранд у входа в дом — сюжетно насыщенные изображения нетипичны.

Мы не видим «Лунную деву» в том образе, в котором запечатлены боги и богини согдийцев — крупного формата, в нишах, с характерными позами и атрибутами, предстоящими (если не считать, конечно, полумесяца с ликом в правой верхней руке богини Нанайи; в левой она держит солнце). Таким образом, мне представляется что дева, вписанная в полумесяц, едва ли является изображением какого-то конкретного, почитаемого божества и скорее входит в декоративную программу согдийских росписей, вероятно как-то связанную с астральными представлениями.

О богине Хшум, кроме ее имени, таким образом, мы знаем совсем немного. Ее лунные коннотации следуют лишь из остроумной этимологии Симс-Уильямса¹², и, как он сам

¹² Заметим, кстати, что мунджанское *yutagâ*, йидга *imoyo* ‘луна’, привлекаемое Симс-Уильямсом, отличается от постулируемого

признает, неясны даже для бактрийской *Оцца*, на образ которой явно была наложена созвучная индийская *Umā* — супруга Шивы [Sims-Williams 2016: 453]¹³; в качестве спутницы Шивы в кушанской нумизматике чаще выступает Нанайя.

Мне представляется существенным тот факт, что Хшум в календаре Согда замещает (а в календаре Хорезма — дополняет) Спэнта Армаити¹⁴, и потому, вероятно, сходна с последней. Спэнта Армаити, одна из бессмертных святых, является патроном земли, причем как в «нормативном» зороастризме, начиная с Гат и до дня сегодняшнего [Boyse 1986], так и у восточных иранцев, на что указывает хотано-сакское *śśandā*, хорезмийское *'sbnd'rmd* 'земля'. Можно усмотреть какие-то связи между дающей пастбища скоту и растящей посева Землей — Спэнта Армаити и Кшумай у кати, она ухаживает за горными козлами, дает всходы винограду и другим посевам и обитает на горе Тирич-мир¹⁵. Франц Гренэ отождествляет со Спэнта Армаити женский персонаж с ларцом в руке

нами **xšūta*. Неначальное *xš* в этих языках также могло сохраняться, ср. йидга *waxš-* 'расти (о растениях)', др.-ир. *waxš-*. В кушанской нумизматике хорошо представлен бог луны *mao*.

¹³ Было отмечено, что в мифе у калаша Балимаин воплощается в Кушумай [Witzel 2004: §1.5.5], в чем можно увидеть сходство с Умой – Парвати как женской ипостатью Шивы (притом что *Balma'*年 этимологически *balima-in* «сильнейший Индра» [Casorardo 2016: 255]).

¹⁴ Едва ли можно вторую часть согдийского названия месяца в формах *xšwmsβ'yc*, *'xšwms'pc* объяснять как стяжение от Спэнта Армаити.

¹⁵ Соблазнительно сравнивать в этой связи **xšūmā* с авестийским *xrūta*, согд. *xrwmt* 'земля', сарыкольское *xorm* 'пыль', бактрийское **xumr* (в топониме *Pul-i Xumrī* 'земляной мост'). Можно ли считать мену *xr* на *xš* своего рода сакральным табуированием (ср. **xvarnah-/farnah-*, **ātaxš-/ātar(š)-*)? Такая этимология, по крайней мере, могла бы объяснить вариативность *Kuṣum'āi / Kūmř'āi* в кати. Впрочем, далеко не все божества восточных иранцев до ислама имеют иранские этимологии.

на оссуариях из Бия-Наймана, содержащих, по его мнению, изображения шести Амэша Спэнта [Grenet 1986: 126–128]. В календаре согдийцев *'spntrmt rwc* является названием шестого дня месяца, а в ономастике имя *'rm'ts'c* 'подходящий Армаити' отмечено лишь в «Старых письмах» начала IV в., однако вокализм формы нетривиален [Lurje 2010: 98].

Таковы наблюдения над именем богини, которая появлялась в разные исторические периоды на огромной территории, языкам которой посвящены основополагающие труды Джой Иосифовны Эдельман — от Хорезма и до Кафиристана.

Литература

Беленицкий А. М. Раскопки городища Древнего Пенджикента в 1956 г. // *Археологические работы в Таджикистане*. Вып. IV. Душанбе, 1959, 87–114.

Беленицкий А. М. Раскопки городища Древнего Пенджикента в 1971 г. // *Археологические работы в Таджикистане*. Вып. XI. Душанбе, 1975, 119–142.

Бердимурадов А. Э., Самибаев М. К. *Храм Джартепа*. Самарканд, 1999.

Йеттмар К. *Религии Гиндукуша*. Пер. К. Ц. Цивинной под ред. А. Г. Грюнберга. Москва, 1986.

Камалидинов Ш. С. *Историческая география Южного Согда и Тохаристана по арабоязычным источникам IX – начала XIII вв.* Ташкент, 1996.

Лившиц В. А. Хорезмийский календарь и эры древнего Хорезма // *Палестинский сборник*, 21 (84), 1970: 161–169.

Лившиц В. А. *Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья*. Санкт-Петербург, 2008.

Лившиц В. А. Личные имена в хорезмийском языке // *Вестник древней истории*, 2011, 4: 156–166.

Лившиц В. А., Гудкова А. В. Новые хорезмийские надписи из некрополя Ток-калы и проблема «хорезмийской эры» //

Известия Каракалпакского филиала Академии наук Узбекской ССР, 1967, 1: 3–19.

Лившиц В. А., Мамбетуллаев М. М. *Острак из Хумбуз-тепе*. Г. Ф. Гирс и др. (ред.) Памятники истории и литературы Востока. Москва, 1985, 34–45.

Соколовский В. М. *Монументальная живопись дворцового комплекса Бунджиката*. Санкт-Петербург, 2009.

Эдельман Д. И. *Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Фонология*. Москва, 1986.

Эдельман Д. И. *Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Морфология, элементы синтаксиса*. Москва, 1990.

Barthold W. *Turkestan down to the Mongol invasion* / Gibb memorial series, N.S. 5, New Editio, London, 1928.

Boyce M. Āramaitī // *Encyclopaedia Iranica*. Vol. II, 1986, 413–415. URL: Encyclopaedia Iranica Online, © Trustees of Columbia University in the City of New York. Consulted online on 15 February 2021 URL: http://dx.doi.org/10.1163/2330-4804_EIRO_COM_5706

Cacopardo Augusto S. A World In-between. The Pre-Islamic Cultures of the Hindu Kush // S. Pello (ed.) *Borders. Itineraries on the Edges of Iran. Eurasiatica. Quaderni di studi su Balcani, Anatolia, Iran, Caucaso e Asia Centrale* 5. Venezia, 2016, 243–270.

Edgerton F. *Buddhist Hybrid Sanskrit Grammar and Dictionary*. New Haven, 1953.

Gershevitch I. *A Grammar of Manichean Sogdian*. Oxford, 1954.

Gershevitch I. Sogdians on a frogplain // *Mélanges linguistiques offerts à Émile Benveniste*. Paris, 1975, 195–211.

Grenet F. L'art zoroastrien en Sogdiane. Études d'iconographie funéraire // *Mesopotamia. Rivista de archeologia, epigrafica e storia antica*. XXI, 1986, 97–130.

Grenet F. Zoroastrianism in Central Asia // M. Stausberg, Y.S.-D. Vevaina (ed.) *The Wiley Blackwell companion to Zoroastrianism*. Oxford, 2015, 129–146.

Gulácsi Zs. *Mani's pictures. The Didactic Images of Manichaeans from Sasanian Mesopotamia to Uygur Central Asia and Tang — Ming China*. Nag Hammadi and Manichaean Studies, Vol. 90. Leiden, Boston, 2016.

Fussman G. Pour une problématique nouvelle des religions indiens anciens // *Journal Asiatique*, 1977, CCLXV, 1 et 2: 21–70.

Hartmann J.-U., *Untersuchungen zum Dīrghāgama der Sarvāstivādins* (unpublished Habilitationsschrift). Göttingen, 1992. *non uidi*

Hartmann J.-U., Wille K. Die nordturkistanischen Sanskrit-Handschriften der Sammlung Pelliot (Funde buddhistischer Sanskrit-Handschriften, IV) // Bechert H. (ed.) *Untersuchungen zur buddhistischen Literatur: Zweite Folge. Gustav Roth zum 80. Geburtstag gewidmet*. Sanskrit-Wörterbuch der buddhistischen Texte aus den Turfan-Funden / Beiheft, Vol. 8. Göttingen, 1997, 131–182.

Jettmar K. *The Religions of Hindukush*. Vol. I. *The Religion of the Kafirs*. Warminster, 1986.

Lurje P. B. *Personal names in Sogdian texts*. Iranisches Personennamenbuch. Bd. II/8. Wien, 2010.

Lurje P. B. Some New Readings of Chorasmian Inscriptions on Silver Vessels and Their Relevance to the Chorasmian Era // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*, 2018, 24: 279–306.

Lurje P. B. *Chorasmian names*. *Iranisches Personennamenbuch*. Bd. II/9. Wien, forthcoming.

Morgenstierne G. *Report on a linguistic mission to Afghanistan*. Oslo, 1926.

Morgenstierne G. Some Kati Myths and Hymns // *Acta Orientalia*, 1951, Vol. XXI, Pt. 3: 161–189.

Morgenstierne G. *Indo-Iranian Frontier Languages*. Vol. IV. *The Kalasha Language*. Oslo, Bergen, Tromsø, 1973.

Parkes P. Etymological Glossary of Kafiri Religious Vocabulary // K. Jettmar, 1986, 149–158.

Shenkar M. Intangible Spirits and Graven Images. The Iconography of Deities in Pre-Islamic Iranian World // *Magical and Religious Literature of Late Antiquity*. Vol. 4. Leiden, Boston, 2014.

Sims-Williams N. *Bactrian personal names. Iranisches Personennamenbuch*. Bd. II/7. Vienna, 2010.

Sims-Williams N. The Name of the Kushan Goddess Омма // *Studia Philologica Iranica. Gherardo Gnoli Memorial Volume*. Ed. E. Morano, E. Provasi, A. Rossi. Roma, 2017, 449–454.

Waldschmidt E. Bruchstücke buddhistischer Sūtras aus dem zentralasiatischen Sanskritkanon / *Kleinere Sanskrit-Texte*, Heft IV. Leipzig, 1932 (repr. 1979).

Waldschmidt E. Central Asian Sūtra Fragments and their Relation to the Chinese Āgamas // *Die Sprache der ältesten buddhistischen Überlieferung, The Language of the Earliest Buddhist Tradition* / *Symposien zur Buddhismusforschung II*, hrsg. H. Bechert, Göttingen 1980, 136-174; repr. E. Waldschmitt. *Ausgewählte Kleine Schriften*. Hrsg. H. Bechert und P. Kieffer-Pülz. Stuttgart 1989, 370–408.

Witzel M. The R̥gvedic Religious System and its Central Asian and Hindukush Antecedents // A. Griffiths & J. E. M. Houben (eds.) *The Vedas: Texts, Language and Ritual*. Groningen, 2004, 581–636

Yoshida Y., Moriyasu, T. 麴氏高昌国時代ソグド文女奴隷売買文書 [A Sogdian sale contract of a female slave from the period of the Gaochang kingdom under the rule of Qu clan]. // 内陸アジア言語の研究 [*Studies on the Inner Asian Languages*] 4. 1988, 1–50.

References

Barthold W. Turkestan down to the Mongol invasion / Gibb memorial series, N.S. 5, New Editio, London, 1928.

Belenitskii A. M. Raskopki gorodishcha Drevnego Pendzhikenta v 1956 g. // *Arkheologicheskie raboty v Tadzhikistane*. Vyp. IV. Dushanbe, 1959, 87–114. (In Russ.)

Belenitskii A. M. Raskopki gorodishcha Drevnego Pendzhikenta v 1971 g. // *Arkheologicheskie raboty v Tadzhikistane*. Vyp. KhI. Dushanbe, 1975, 119–142. (In Russ.)

Berdimuradov A. E., Samibaev M. K. *Khram Dzhartepa*. Samarkand, 1999. (In Russ.)

Boyce M. Āramaitī // *Encyclopaedia Iranica*. Vol. II, 1986, 413–415. URL: Encyclopaedia Iranica Online, © Trustees of Columbia University in the City of New York. Consulted online on 15 February 2021 URL: http://dx.doi.org/10.1163/2330-4804_EIRO_COM_5706

Cacopardo Augusto S. A World In-between. The Pre-Islamic Cultures of the Hindu Kush // S. Pello (ed.) *Borders. Itineraries on the Edges of Iran. Eurasiatica. Quaderni di studi su Balcani, Anatolia, Iran, Caucaso e Asia Centrale* 5. Venezia, 2016, 243–270.

Edel'man D. I. *Sravnitel'naya grammatika vostochnoiranskikh yazykov. Fonologiya*. Moskva, 1986. (In Russ.)

Edel'man D. I. *Sravnitel'naya grammatika vostochnoiranskikh yazykov. Morfologiya, elementy sintaksisa*. Moskva, 1990. (In Russ.)

Edgerton F. *Buddhist Hybrid Sanskrit Grammar and Dictionary*. New Haven, 1953.

Fussman G. Pour une problématique nouvelle des religions indiens anciens // *Journal Asiatique*, 1977, CCLXV, 1 et 2: 21–70.

Gershevitch I. *A Grammar of Manichean Sogdian*. Oxford, 1954.

Gershevitch I. Sogdians on a frogplain // *Mélanges linguistiques offerts à Émile Benveniste*. Paris, 1975, 195–211.

Grenet F. L'art zoroastrien en Sogdiane. Études d'iconographie funéraire // *Mesopotamia. Rivista de archeologia, epigrafica e storia antica*. XXI, 1986, 97–130.

Grenet F. Zoroastrianism in Central Asia // M. Stausberg, Y.S.-D. Vevaina (ed.) *The Wiley Blackwell companion to Zoroastrianism*. Oxford, 2015, 129–146.

Gulácsi Zs. *Mani's pictures. The Didactic Images of Manichaeans from Sasanian Mesopotamia to Uygur Central Asia and Tang — Ming China*. Nag Hammadi and Manichaean Studies, Vol. 90. Leiden, Boston, 2016.

Hartmann J.-U., *Untersuchungen zum Dīrghāgama der Sarvāstivādīns* (unpublished Habilitationsschrift). Göttingen, 1992. *non uidi*

Hartmann J.-U., Wille K. Die nordturkistanischen Sanskrit-Handschriften der Sammlung Pelliot (Funde buddhistischer Sanskrit-Handschriften, IV) // Bechert H. (ed.) *Untersuchungen zur buddhistischen Literatur: Zweite Folge. Gustav Roth zum 80. Geburtstag gewidmet*. Sanskrit-Wörterbuch der buddhistischen Texte aus den Turfan-Funden / Beiheft, Vol. 8. Göttingen, 1997, 131–182.

Iettmar K. *Religii Gindukusha*. Per. K. Ts. Tsivinoi pod red. A. G. Gryunberga. Moskva, 1986. (In Russ.)

Iettmar K. *The Religions of Hindukush*. Vol. I. *The Religion of the Kafirs*. Warminster, 1986.

Kamaliddinov Sh. S. Istoricheskaya geografiya Yuzhnogo Sogda i Tokharistana po araboyazychnym istochnikam IX – nachala XIII vv. Tashkent, 1996. (In Russ.)

Livshits V. A. Khorezmiiskii kalendar' i ery drevnego Khorezma // *Palestinskii sbornik*, 21 (84), 1970: 161–169. (In Russ.)

Livshits V. A. Lichnye imena v khorezmiiskom yazyke // *Vestnik drevnei istorii*, 2011, 4: 156–166. (In Russ.)

Livshits V. A. *Sogdiiskaya epigrafika Srednei Azii i Semirech'ya*. Sankt-Peterburg, 2008. (In Russ.)

Livshits V. A., Gudkova A. V. Noveye khorezmiiskie nadpisi iz nekropolya Tok-kaly i problema «khorezmiiskoi ery» // *Izvestiya Karakalpakskogo filiala Akademii nauk Uzbekskoi SSR*, 1967, 1: 3–19. (In Russ.)

Livshits V. A., Mambetullaev M. M. *Ostrak iz Khumbuz-tepe*. G. F. Girs i dr. (red.) Pamyatniki istorii i literatury Vostoka. Moskva, 1985, 34–45. (In Russ.)

Lurje P. B. *Chorasmian names. Iranisches Personennamenbuch*. Bd. II/9. Wien, forthcoming.

Lurje P. B. *Personal names in Sogdian texts*. Iranisches Personennamenbuch. Bd. II/8. Wien, 2010.

Lurje P. B. Some New Readings of Chorasmian Inscriptions on Silver Vessels and Their Relevance to the Chorasmian Era // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*, 2018, 24: 279–306.

Morgenstierne G. *Indo-Iranian Frontier Languages*. Vol. IV. *The Kalasha Language*. Oslo, Bergen, Tromsø, 1973.

Morgenstierne G. *Report on a linguistic mission to Afghanistan*. Oslo, 1926.

Morgenstierne G. Some Kati Myths and Hymns // *Acta Orientalia*, 1951, Vol. XXI, Pt. 3: 161–189.

Parkes P. Etymological Glossary of Kafiri Religious Vocabulary // K. Jettmar, 1986, 149–158.

Shenkar M. Intangible Spirits and Graven Images. The Iconography of Deities in Pre-Islamic Iranian World // *Magical and Religious Literature of Late Antiquity*. Vol. 4. Leiden, Boston, 2014.

Sims-Williams N. *Bactrian personal names. Iranisches Personennamenbuch*. Bd. II/7. Vienna, 2010.

Sims-Williams N. The Name of the Kushan Goddess Ομρα // *Studia Philologica Iranica. Gherardo Gnoli Memorial Volume*. Ed. E. Morano, E. Provasi, A. Rossi. Roma, 2017, 449–454.

Sokolovskii V. M. *Monumental'naya zhivopis' dvortsovogo kompleksa Bundzhikata*. Sankt-Peterburg, 2009. (In Russ.)

Waldschmidt E. Bruchstücke buddhistischer Sūtras aus dem zentralasiatischen Sanskritkanon / *Kleinere Sanskrit-Texte*, Heft IV. Leipzig, 1932 (repr. 1979).

Waldschmidt E. Central Asian Sūtra Fragments and their Relation to the Chinese Āgamas // *Die Sprache der ältesten buddhistischen Überlieferung, The Language of the Earliest Buddhist Tradition* / Symposien zur Buddhismusforschung II, hrsg. H. Bechert, Göttingen 1980, 136-174; repr. E. Waldschmitt. *Ausgewählte Kleine Schriften*. Hrsg. H. Bechert und P. Kieffer-Pülz. Stuttgart 1989, 370–408.

Witzel M. The R̥gvedic Religious System and its Central Asian and Hindukush Antecedents // A. Griffiths & J. E. M. Houben (eds.) *The Vedas: Texts, Language and Ritual*. Groningen, 2004, 581–636

Yoshida Y., Moriyasu, T. 麴氏高昌国時代ソグド文女奴隷
売買文書 [A Sogdian sale contract of a female slave from the
period of the Gaochang kingdom under the rule of Qu clan]. //
内陸アジア言語の研究 [*Studies on the Inner Asian Languages*]
4. 1988, 1–50.

Лурье Павел Борисович
Государственный Эрмитаж
Санкт-Петербург, Россия
Lurje Pavel Borisovich
State Hermitage
Saint Petersburg, Russia
pavlslvria@gmail.com

**Индоир. *gandharvá-* и его
(не)индоевропейские родственники:
сравнительно-мифологические заметки
*Indo-Iranian gandharvá- and its (non-)Indo-European
relatives: Comparative mythological notes***

Куликов Л. И.

Kulikov L. I.

Статья посвящена этимологии индоиранского *gandharvá-* и возможным соответствиям за пределами индоиранского. Хотя старое сравнение *gandharvá-* с греч. κένταυρος фонологически неприемлемо и не позволяет реконструировать индоевропейскую праформу, фонетическое сходство этих форм не должно считаться случайным, в частности потому, что оно подтверждается сравнительно-мифологическими данными. Весьма вероятно, что оба слова заимствованы из некоего ближневосточного неиндоевропейского языка, возможно (связанного с) касситским, и в конечном итоге восходят к празападно-кавказскому этимону.

Ключевые слова: гандхарва, кентавр, этимология, индоиранская мифология, греческая мифология, касситы, оборотень, териоморфный

This article focuses on the etymology of Indo-Iranian *gandharvá-* and possible related words outside Indo-Iranian languages. Even though the old comparison of Skt. *gandharvá-* and Gr. κένταυρος is phonologically untenable and cannot bring us to any reconstructable Proto-Indo-European form, their phonetic similarity should not be neglected or considered accidental and is furthermore corroborated by evidence from comparative mythology. It seems very likely that both words were borrowed

from some Near Eastern non-Indo-European language, possibly Kassite or a related language, being perhaps eventually traceable to a Proto-West-Caucasian etymon.

Key words: *gandharva*, centaur, etymology, Indo-Iranian mythology, Greek mythology, Kassite, shapeshifter, theriomorphic

DOI 10.37892/2313-5816-2021-1-256-277

1. Кто такие гандхарвы?

Гандхарва — одно из самых загадочных существ индоиранского мифологического пантеона. В классическом индуизме гандхарвы (вместе со своими прекрасными супругами апсарами) имеют довольно скромный статус полубожественных существ, выступающих в роли небесных музыкантов и танцоров и занимающих скорее периферийное положение в пантеоне. Однако их характеристики в (ранне)ведийской мифологии, по данным древнейших ведийских текстов, Ригведы и Атхарваведы (ок. 1500–1000 гг. до н. э.), сильно отличаются от того, что известно об этих довольно безобидных персонажах в более позднем индуизме. В ведийской божественной иерархии гандхарвы (вместе с апсарами), хотя занимают более низкий ранг, чем основные боги, имеют довольно опасную природу. В Ригведе (далее — РВ) гандхарвы упоминаются сравнительно редко (около 20 раз), причем главным образом в единственном числе, так что есть основания полагать, что речь чаще всего идет об уникальном персонаже, а не о классе существ; в Атхарваведе (АВ) мы уже главным образом имеем дело с целым классом довольно опасных для человека демонов.

Гораздо более скудны иранские данные, в частности древнеиранского периода: в Авесте, где соответствующим именем (когнатом вед. *gandharvá*-), *gandarəβa*- (см. [Bartholomae 1904: 493]) называется жившее в озере Воурукаша чудовище (дракон?), убитое героем Кересаспой (см., напр.,

Rapaino 2012]; следы этого др.-иранского имени сохранились также в эламском. Подробнее о соответствующих формах и их развитии в среднеиранском (согд. будд. *wp'p-yntw* 'водяной дух') и новоиранских (памирских) языках см. великолепную статью этимологического словаря В. С. Расторгуевой и Д. И. Эдельман [2007: т. 3, 149–150].

2. Общеиндоиранское **gandharva*:- праформа и индоевропейские связи

Несмотря на целый ряд неясностей и темный характер соответствующих мифологических персонажей индоиранской мифологии, этимон всех перечисленных имен надежно восстанавливается для праиндоиранского (см., напр., [Oberlies 2005]). Индоевропейская реконструкция, по-видимому, невозможна. Лубоцкий [Lubotsky 2001; см. также Witzel 2006] включает эту форму в число общеиндоиранских форм, не имеющих надежной индоевропейской этимологии и, возможно, заимствованных из неустановленного языка носителей культуры Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (ВМАС). Датированная последними веками III – первыми веками II тыс. до н. э., эта культура располагалась непосредственно к югу от андроновской культуры, с которой обычно отождествляются протоиндоиранцы.

Попытки морфологического анализа формы *gandharvá*-внутри индоиранского¹ вряд ли могут быть признаны удовлетворительными.

¹ Например, [Macdonell 1898: 137; Hopkins 1915: 158] допускали возможность образования этого имени от *gandhá*- 'запах'; Пжылуски [Przyłuski 1937] связывал это слово с *gardabhá*- 'осел' (см. резкую критику этой этимологии в [Keith 1937]); см. критический обзор различных этимологий в [Mayrhofer, KEWA I, 321–322; EWAia I, 462].

Между тем уже на заре индоевропеистики Адальберт Кун в первом томе основанного им журнала *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*, позднее ставшего знаменитым «Kuhn's Zeitschrift» (KZ), в классической статье под названием «Gandharven und Kentauren» [Kuhn 1852], предложил сравнение *gandharvá*- с потенциальным когнатом за пределами индоиранской группы — др.-гр. κένταυρος.

Хотя сам Кун признавал, что эти две формы не могут быть напрямую соотнесены друг с другом в терминах регулярных фонетических соответствий (гр. κ- не может соответствовать вед. g-, гр. τ- — вед. dh- и т. д.), не будет преувеличением сказать, что предложенное Куном сопоставлениенискало значительную популярность и заняло важное место в фундаменте индоевропейской сравнительной мифологии². Несмотря на то что все попытки соотнести индоиранские и греческую формы закончились неудачей³, и обе формы

² Упомяну лишь несколько работ, цитирующих и в общем и целом принимающих это сопоставление: [Pott 1858: 88–89; Bréal 1863: 200; Meyer 1883; Darmesteter 1884; von Schroeder 1887: 72 сл.].

³ Наиболее известная среди них предпринята Ж. Дюмезилем [Dumézil 1929: 253ff.], где κένταυρος и *gandharvá*- сравниваются с лат. *februum* (технический термин, обозначающий религиозное очищение). Несмотря на резкую критику (см. напр. [Negelein 1931]), Дюмезиль не отказался от этого сопоставления в более поздней работе [1948: 36–37]; англ. перевод [1988: 31], где он сделал попытку (которую нельзя признать успешной) объяснить разницу между этими формами в терминах “alternances [...] ordinaires (degrés vocaliques différents, présence et absence d’ «infixe nasal»)» [Dumézil 1948: 36]. Едва ли более правдоподобной является реконструкция Карнуа [Carnou 1936: 105–109]: **ghwen-dh*- ‘ударять, бить’ (с предполагаемым корневым расширением *-dh-*) + **-arua-/arbha-*, что дает довольно сомнительное значение: “cheval qui pique ou frappe”. Из последних работ, посвященных концепции Дюмезиля, см. в особенности [Vielle 2005].

практически единодушно признаются сегодня лишенными индоевропейской этимологии⁴, целый ряд признаков, общих для этих двух классов существ, позволяют говорить скорее о несомненном параллелизме, нежели о случайном совпадении.

3. Параллелизм гандхарвов и кентавров

Перечислю кратко схожие черты, объединяющие кентавров и гандхарвов⁵.

3.1. Териоморфизм, метаморфизм и эквинальность

Гандхарвы и кентавры являются оборотнями (метаморфами) и/или гибридами (териоморфами). В то время как гибридная природа кентавров (нижняя часть тела — лошадиная, верхняя — человеческая) не требует специальных комментариев, гибридный характер гандхарвов, на первый взгляд, менее очевиден. Тем не менее есть много особенностей, указывающих на их мета- и териоморфный характер. Во-первых, ведийские гандхарвы (в частности, по данным Атхарваведы) демонстрируют способность принимать различные облики, являясь то блуждающими огоньками,

⁴ Напр. [Frisk 1960: 820]: “Eigentliche Bedeutung unbekannt, mithin ohne Etymologie”; аналогично [Chantraine 1968: 515]: “*Et. : Ignorée*”; Mayrhofer: “Alles Weitere bleibt unsicher” [KEWA I, 321]; “Weiteres bleibt unklar” [EWAia I, 462].

⁵ Многие из этих общих характеристик кентавров и гандхарвов были отмечены уже в пионерской работе А. Куна [1852], а также Мейером [Meyer 1883] и, позднее, Дюмезилем [1929] и Карнуа [1936]; см. также [Клейн 2010: 431–447]. Тем более странными представляются утверждения, отрицающие всякую связь между кентаврами и гандхарвами, встречающиеся даже в энциклопедических работах по индоевропейской мифологии, как напр.: “[the Gandharvas and the Centaurs] have virtually nothing in common mythologically” [West 2007: 285, fn. 14].

то различными животными, то в виде пригожего юноши, будучи, таким образом, оборотнями, или метаморфами. Ср. следующие строфы из заговора против гандхарвов и апсар, засвидетельствованного в обеих рецензиях АВ, Шаунакия и Пайппалада (см., в частности, [Елизаренкова 2005–2010: Т. I, 211, 450]):

avakādān ⁺*abhiśocān* ' [Paipp.] *bhitsu* / [Śaun.] *apsú dyotayamāmakān* /
gandharvān sarvān ośadhe ' *pra ṇudasva parā ṇaya* (AVP 12.8.4 ≈ AVŚ 4.37.10)

‘О растение, оттолкни, унеси гандхарвов, пожирателей травы авака, [являющихся] сияющими (болотными) огнями в расщелинах (AVP) / в воде.’ (AVŚ)

śvévaikaḥ kapír ivaikaḥ ' *kumārāḥ sarvakeśakāḥ* /
priyó dṛśá iva bhūtvā ' *gandharvāḥ sacate striyaḥ* (AVŚ 4.37.11abcd ≈ AVP 12.8.6)

Один [став] как собака, другой как обезьяна, третий, становясь словно приятный на вид юноша с волосами всех видов⁶, гандхарва преследует женщин.

Иранское морское чудовище Gaṇḍarəβa (родившееся от Йимы/Джамшида и пери), хотя и едва охарактеризованное в Авесте, также указывает на метаморфный характер соответствующего общеиндоиранского мифологического существа. Наконец, рефлексы др.-ир. формы *gaṇḍarəβa*-, сохранившиеся в памирских языках, также обозначают различных чудовищ и оборотней, ср. шугн. *žindūrv* (< **gandarba*-) ‘оборотень’ (м.р.), *žindūrv* (< **gandarbi*-) ‘оборотень’ (ж.р.).

⁶ Букв. «все-волосый» (а не просто ‘волосатый’, как нередко переводят это слово) — то есть имеющий не только вторичный, но и третичный волосяной покров, что недвусмысленно указывает на половозрелость (*kumārā*- могло бы означать и мальчика-подростка).

Эквиальность (лошадиная природа) гандхарвов, как особый тип териоморфизма, менее очевидна, нежели в случае кентавров, однако ее следы можно найти в некоторых других фигурах ведийского пантеона, связанных с гандхарвами. Так, Саранью (Saraṇyū) — мать Ямы и Ями (по канонической генеалогии, а по версии РВ 10.10 — детей гандхарвы и апсары⁷) — превратилась в кобылу, чтобы сбежать от своего супруга, Вивасванта (см. [Bloomfield 1893]). Кроме того, Саранью также была матерью еще одной пары близнецов, Ашвинов (этимологически ‘лошадиных’), скорее антропоморфных в ведийской традиции, но часто изображаемых с лошадиной верхней половиной тела, являясь таким образом зеркальным отражением кентавров.

Наконец, еще одна санскритская форма, вероятно исторически восходящая к тому же источнику, что и *gandharvá-*, *kinnara-* (см. ниже Раздел 4), обозначает небесных музыкантов, представляемых полулюдьми-полуконями, и, таким образом, опять-таки являющихся зеркальным отражением кентавров, что также указывает на следы эквиальности гипотетических общеиндоиранских прото-гандхарвов.

3.2. Гиперсексуальность и сластолюбие

Гиперсексуальность и сексуально агрессивное поведение кентавров хорошо известны, ср. многочисленные эпизоды в греческой мифологии, такие как миф о похищении Гипподамии и других лапифских жен и легенда о похищении Деяниры, жены Геракла, кентавром Нессом. Аналогичным образом похотливые гандхарвы⁸ считаются опасными для молодых

⁷ *gandharvó apsṛv ápyā ca yóṣā ' sá no nābhiḥ...* (RV 10.10.4) ‘гандхарва в воде и молодая водяная женщина, — таково наше происхождение...’

⁸ На эту черту гандхарвов указывает и гиперсексуальность Ями, по одной из версий рожденной от отца-гандхарвы и матери-апсары, которая склоняет своего брата Яму к инцесту, и в этом

женщин, что хорошо видно из процитированной выше строфы Атхарваведы AVŚ 4.37.11 ≈ AVP 12.8.6 (см. также [Kuiper 1996: 243–245]). Это объясняет, кстати, почему, как явствует из того же заговора, для защиты от гандхарвы достаточно сделать его импотентом, не лишая его жизни:

ānṛtyataḥ śikhāṇḍīno ' gandharvásyāpsarāpatéh
bhinádmī muṣkāv 'ápā 'yātu⁹ sépaḥ (AVŚ 4.37.7 ≈ AVP
 12.7.9)

У [направляющегося] сюда танцующего, хохлатого гандхарвы, супруга апсар, я размножу яички, пусть [его] пенис опадёт [= пусть этот гандхарва станет импотентом]!

Наконец, в свадебном гимне RV 10.85 мы читаем, что Гандхарве предоставляется особый доступ к невесте (после Сомы), а также к незамужним девушкам:

sómaḥ prathamó vivide ' gandharvó vivida úttaraḥ
 (RV 10.85.40)

Сома первым обрел [невесту/жену]; Гандхарва обрел [ее] следующим...

Обсуждение этой связи см., в частности, в работах [Kuiper 1996: 241–243 и 246–247; Naas 2004: 140–145; Smith 2006: 227–228]. Такое умилостивление опасного существа характерно для многих мифологий и магических ритуалов.

Послеведийское имя бога любви *Kandarpa* может быть еще одним рефлексом гипотетической праформы, лежащей в основе формы *gandharvá*-, также указывая на любвеобильность этого существа.

отношении может быть охарактеризована как достойная дочь своих родителей.

⁹ Моя эмендация для Śaun. *ápi yāmi*, Paipp. *api yātu*; см. [Kulikov 2012: 670–671], где обсуждается этот трудный стих.

3.3. Инцестуальные отношения и «субститутные» браки

Интересной особенностью гандхарвов и кентавров являются инцестуальные отношения, в которые вступают (или хотят вступить) связанные с ними родственными узами (дети или родители) мифологические персонажи. Выше уже упоминался общеиндоиранский миф об инцесте первых людей, брата и сестры Ямы и Ями, следы которого хорошо известны и в индийской и в иранской традиции.

В случае с кентаврами этот признак гораздо менее очевиден. Тем не менее можно напомнить, что в греческой мифологии большинство кентавров ведут свое происхождение от связи Иксиона и Нефелы — облака, воспроизведшего облик Геры, которая, как известно, образовывала инцестную пару со своим супругом Зевсом (оба были детьми титана Кроноса и титаниды Реи).

С инцестуальностью тесно связана еще одна характеристика (кажется, практически не отмечавшаяся исследователями): «субститутные» (замещающие) браки, характерные либо для самих гандхарвов/кентавров, либо для их родителей: один из ожидаемых участников брачного союза (чаще женщина) заменяется другим персонажем, обычно для введения в заблуждение другого супруга, а также, по-видимому, для сокрытия инцеста. В частности, Саранью, мать Ямы и Ями по канонической генеалогии (согласно РВ 10.10, они являются детьми гандхарвы и апсары), сбегает от своего супруга Вивасванта, а боги создают ей замену — Саварну (*Savarṇā*), с которой Вивасвант производит на свет Ману. В субститутный брак вступают также иранский Йима/Джамшид, супругой которого становится демоница (пери = *parīk*), и, аналогичным образом, демон (дэв) становится супругой его сестры Йимак. Оба субститутных брака, очевидно, указывают на вторичное замещение инцеста в исходной версии общеиранского мифа об инцесте брата и сестры Ямы/Йимы и Ями/Йимак.

В случае кентавров очевидным случаем субститутной связи является упомянутый выше союз Иксиона и Нефелы (подменяющей Геру).

3.4. Связь с водной стихией и облаками

Связь гандхарвов (а также их супруг апсар) с водой, реками, влажными местами, болотами хорошо известна (например, [Kuiper 1996: 226, 237–239]). По AVP 12.8.4 ≈ AVŚ 4.37.10 гандхарвы живут на болотах, являются в виде блуждающих (болотных) огоньков и поедают водное растение авака (*avakādá-* + *abhiśocá-* *bhitsu* / *apsú dyotayamātaká-*). Дочь гандхарвы Ями в более поздней традиции превращается в реку Ямуна (см., например, [Doniger 1996]). Примечательна также связь Гандхарвы с Варуной (его покровителем? см. [Hopkins 1915: 145]), который является властелином вод (см., в частности, [Kuiper 1996: 238–239] и [Smith 2006, 225–227]). В иранской традиции Гандарв — также водное чудовище, жившее в озере Воурукаша.

Для кентавров связь с водой менее очевидна, но все же, по-видимому, существует; в частности, кентавр Хирон родился от бога Кроноса и дочери Океана (океаниды) Филиры.

Связь Гандхарвы (или гандхарвов) с облаками («*wolken-dämonen*» — термин, которым А. Кун [Kuhn 1859: 174] характеризует и гандхарвов, и кентавров; см. также [Macdonell 1897: 137; Hopkins 1915: 157; Kuiper 1996: 226; Cuevas 1996: 280]) также, вероятно, косвенно обусловлена их акватической природой.

В случае кентавров связь с облаками очевидна из легенды о союзе Иксиона и облачной нимфы Нефелы (например, [Colvin 1880: 127, fn. 3, 153; Scobie 1978: 142; Nash 1984: 274; Blickman 1986]).

4. Внутреннее развитие в индоарийском и греческом: *gandharvá-*, *κένταυρος* и некоторые родственные формы

Формы *gandharvá-* и *κένταυρος* могут быть результатом изменений по аналогии и вторичных этимологизаций. В частности, начальная часть формы *gandharvá-* могла видоизмениться под влиянием *gandhá-* ‘аромат’ (также с неясной этимологией). Аналогичным образом, *κένταυρος* может быть результатом вторичной этимологизации исходной формы как сложного слова *κεν(-τέω)* ‘пронзать’ + *ταύρος* ‘бык’.

Предположение о том, что первоначальная праиндоиранская форма могла в некоторых отношениях отличаться от формы, реально засвидетельствованной в Ригведе, Авесте и т. д., дополнительно подтверждается существованием нескольких сходных форм, относящихся к похожим мифологическим существам и, вероятно, восходящих к тому же источнику. Одна из таких форм — имя бога любви *kandarpa-*, впервые появляющееся позднее, в эпическом санскрите, но сходное с *gandharvá-*. Барнетт [Barnett 1928: 704, fn. 2] усматривал в этой форме результат среднеиндийского (через праkrit пайшачи?) развития формы *gandharvá-* (через ***kandappa-*?) с последующей гиперсанскритизацией. Словари считают эту форму неэтимологизируемой [Maughofer, EWAia, III, 55], хотя, как и в случае *gandharvá-*, весьма вероятной кажется вторичная этимологизация: *kān-* (← *kāma-* ‘любовь’) + *darpa-* ‘безумие’ (?) (← корень *dṛp-* ‘быть безумным’). Замечу, что первая часть такого гипотетического сложного слова, скорее всего, имела бы форму *kāma-*, а *darpa-* обычно означает ‘гордость, высокомерие’, а не ‘(любовное) безумие’, что опять-таки, вероятно, скорее указывает на вторичную этимологизацию, нежели на настоящее сложное слово (***kām(a)-darpa-*).

Еще одна санскритская форма, которая, по-видимому, имеет отношение к данной дискуссии, — санскр. *kiṃnara-/kinnara-*, —

обозначает небесных музыкантов с конской головой на человеческом туловище; в Махабхарате (2.10.14) киннары характеризуются как одна из разновидностей гандхарвов. Народно-этимологический анализ этой формы (← *kiñ-nara*- (букв.) ‘что? + человек, мужчина’ (?)) = [т. е. ‘не-мужчина’?]), разумеется, не может приниматься всерьез; см. также [Mayrhofer, KEWA I, 209; EWAia III, 90]. Возможно, это еще один, третий результат развития того же гипотетического общеиндоиранского источника.

5. Κένταυρος и *gandharvá*-: в поисках неиндоевропейского этимона

Сравнительные данные, обсуждавшиеся в предыдущих разделах, указывают на простое решение проблемы *κένταυρος/gandharvá*:- эти формы являются независимыми заимствованиями в (прото)греческий и праиндоиранский языки из одного источника — неизвестного неиндоевропейского языка или группы родственных языков¹⁰.

Поиски этого гипотетического источника связаны с целым рядом проблем, но можно сделать некоторые осторожные предположения относительно его характера. В то время как в случае с индоиранским мы можем полагаться только на лингвистические данные о неиндоевропейских языках и культурах, бывших в контакте с протоиндоиранцами, в случае с кентаврами у нас есть некоторые ограниченные свидетельства из истории ранних контактов древних греков с другими культурами. Возможные источники кентавров можно попытаться проследить в ближневосточных мифологиях, в частности в касситской традиции¹¹. Обилие гибридных

¹⁰ Такой сценарий развития предлагался, в частности, в работе [Schayer 1934: 64].

¹¹ См. в особенности [Lawrence 1994: 57; Masciadri 2013; Maturro 2014; Scobie 1978: 142ff.; Shear 2002].

существ (включая крылатых кентавров) в касситской мифологии неоднократно отмечалось в литературе. Эта же черта характерна для географически и хронологически соседней мифологии Среднеассирийского царства.

Сведения о касситах, правивших Вавилоном во II тыс. до н. э., крайне скудны. Их язык был, несомненно, неиндоевропейским, с неясными генетическими связями, хотя есть основания предполагать его связь с хуррито-урартскими языками [Schneider 2003] и, таким образом, в конечном итоге, с северокавказской макросемьей. Касситский лексический материал лишь слабо известен из небольшого касситско-аккадского словарика, а также из сравнительно немногочисленных личных имен и терминов, засвидетельствованных в аккадских текстах (см. в частности [Jaritz 1957; Balkan 1954]). Несмотря на скудость данных, обнаруживается по крайней мере одна форма, которая может иметь отношение к гипотетическим источникам обсуждаемых индоиранских и греческих форм — кассит. *gaddaš* (*gandaš*; о разных формах написания см. [von Soden 1966, 82])¹², означающее ‘царь’, а также являющееся именем первого касситского правителя (следует читать *gandaš*, где основа, возможно, *gⁿan^dz-*; см. [Schneider 2003: 324]). Это касситское имя, вероятно,

¹² Особый интерес представляет форма, цитируемая в [Szlechter 1958] как **kundarum* (в ^d*Marduk-ku-un-da-rum* «Мардук — царь»). [Van Soden 1966: 82] объясняет эту форму как предполагаемое неправильное прочтение **kundaš*, учитывая что *rum* и *aš* передаются одним и тем же клинописным символом. Тем не менее, принимая во внимание разительное сходство **kundarum* (ср. в особенности заключительное *-ru-*!) с гипотетическим источником *gandharvá-* и κένταυρος (**GVnDVr(u)...* или нечто подобное?), нельзя исключать, что это (неправильное) прочтение могло быть источником форм, обсуждаемых в Разделе 4. — Я благодарен Л. Е. Когану за его разъяснения по прочтению аккадских форм.

связано с хаттским *katte* ‘царь’, которое, возможно, имеет соответствия в празападнокавказском¹³.

Предположение о контактах касситов с индоиранцами подтверждается несколькими касситскими именами, предположительно заимствованными из индоиранских (или индоарийских языков). Хотя аналогичные доказательства прямых контактов между касситами и греками (пока) не найдены, кентавры вполне могли быть заимствованы греками у касситов (и/или у кого-то из их соседей?), вероятнее всего через Северо-Западную Анатолию, возможно через посредство фригийцев (у которых также найдены следы кентавров). Географическое размещение касситов, примерно на полпути между греками и гипотетической прародиной индоиранцев, делает гипотезу о локализации источника *gandharvá*- / *κένταυρος* в этой части Азии весьма вероятной. Тот факт, что родиной греческих кентавров считается Фессалия, то есть один из восточных регионов Греции, может служить дополнительным подтверждением гипотезы о прибытии предка (прото)кентавров в Грецию с (Ближнего) Востока.

Отметим в заключение, что касситский назывался в числе возможных кандидатов в язык(и) носителей упомянутой выше культуры Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (ВМАС) (см., напр., [Witzel 2006]).

¹³ В. А. Чирикба [в печати / 2022] сопоставляет хатт. *katte* ‘царь’, *kat(t)ah* ‘царица’ с общеабх. **qada* ‘глава, предводитель, лидер, вожак’; ср. абх. *a-t^wəla a-χada* ‘глава страны’; абаз. *qadā* ‘руководитель, глава, начальник, вожак, предводитель’ и т. д., указывая, что «абхазское слово может состоять из преверба **qa-* ‘верх’ (< ‘голова’), направительного аффикса *a-* и корня **da* ‘вести’, хотя это может быть и современной (народноэтимологической) интерпретацией архаичного термина. То же слово можно было бы усматривать в апсильском (староабхазском) мужском имени VI в. н. э., передаваемом в греческом как *Χάδος* (Агафий Миринейский)».

Последующие сравнительные исследования анатолийских, ближневосточных и центральноазиатских мифологий, а также лингвистический анализ материала, доступного для языков соответствующих древних культур, возможно прольют свет на проблему происхождения рассматриваемых форм и, в частности, индоиранского *gandharvá-*.

Литература

Елизаренкова Т. Я. *Атхарваведа (Шаунака)*: в 3 томах. Пер. с ведийского яз., вступит. ст., коммент. и прил. Т. Я. Елизаренковой. Москва, 2005–2010.

Клейн Л. С. *Время кентавров. Степная прародина греков и ариев*. Санкт-Петербург, 2010.

Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. *Этимологический словарь иранских языков*. Москва, 2000–.

Чирикба В. А. *Абхазо-адыгский праязык. Реконструкция фонемной системы и части лексикона и морфологической системы*. Москва, в печати / 2022.

Balkan K. *Kassitenstudien*. I. New Haven, 1954.

Barnett L. D. Yama, Gandharva, and Glaucus // *Bulletin of the School of Oriental Studies*, 1926–1928, 4(4): 703–716.

Bartholomae C. *Altiranisches Wörterbuch*. Strassburg, 1904.

Blickman D. R. The myth of Ixion and pollution for homicide in Archaic Greece // *The Classical Journal*, 1986, 81(3): 193–208.

Bloomfield M. Contributions to the interpretation of the Veda // *Journal of the American Oriental Society*, 1893, 15: 143–188.

Bréal M. Le mythe d'Œdipe // *Revue archéologique*, Nouv. Sér., 1863. T. 8: 193–214.

Carnoy A. J. Le concept mythologique du Gandharva et du Centaure // *Le Muséon*, 1936, 49: 99–113.

Chantraine P. [et al.] *Dictionnaire étymologique de la langue grecque: histoire des mots*. Paris, 1968.

Chirikba V. A. *Common West Caucasian. A reconstruction of the phonological system and some fragments of the lexicon and morphological system*. Moskva, in press / 2022.

Colvin S. On representations of centaurs in Greek vase-painting // *The Journal of Hellenic Studies*, 1880, 1: 107–167.

Cuevas B. J. Predecessors and prototypes: towards a conceptual history of the Buddhist Antarābhava // *Numen*, 1996, 43(3): 263–302.

Darmesteter J. Gandharvas et Centaures. Rev. of [Meyer 1883], Indogermanische Mythen. I. Gandharven-Kentauren // *Revue Archéologique, 3me Série*, 1884, T. 4: 124–128.

Doniger O'Flaherty W. Saraṇyū/Saṃjñā: The sun and the shadow // J. S. Hawley, D. M. Wulff (eds). *Devī: Goddesses of India*. Berkeley, 1996, 154–172.

Dumézil G. *Le problème des Centaures: étude de mythologie comparée indo-européenne*. Paris, 1929.

Dumézil G. *Mitra-Varuṇa: essai sur deux représentations indo-européennes de la souveraineté*. Paris, 1948. (Англ. перев.: *Mitra-Varuna: An essay on two Indo-European representations of sovereignty*. New York, 1988).

Haas C. *Wie man den Veda lesen kann: Gandharva und die „Zwischenzustände“ im Ṛgveda und im Kommentar des Sāyaṇa: Wege der Interpretation eines archaischen Textes*. Göttingen, 2004.

Hopkins E. W. *Epic mythology*. Strassburg, 1915.

Jaritz K. Die kassitischen Sprachreste // *Anthropos*, 1957, 52(5–6): 850–898.

Keith A. B. A new explanation of the Gandharvas // *Journal of the Indian Society of Oriental Art*, 1937, 5: 32–39.

Kuhn A. Gandharven und Kentauren // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete des Deutschen, Griechischen und Lateinischen (KZ)*, 1852, 1: 513–542.

Kuhn A. *Die Herabkunft des Feuers und des Göttertranks: ein Beitrag zur vergleichenden Mythologie der Indogermanen*. Berlin, 1859.

Kuiper F. B. J. Gandharva and Soma // H.-P. Schmidt (ed.). *Veda-Vyākaraṇa-Vyākhyāna: Festschrift Paul Thieme zum 90. Geburtstag am 18. März 1995 (Studien zur Indologie und Iranistik 20)*. Reinbek, 1996, 225–255.

Kulikov L. *The Vedic -ya-presents: Passives and intransitivity in Old Indo-Aryan*. Amsterdam, 2012.

Lawrence E. A. The centaur: Its history and meaning in human culture // *Journal of Popular Culture*, 1994, 27(4): 57–68.

Lubotsky, A. The Indo-Iranian substratum // C. Carpelan, A. Parpola, P. Koskikallio (eds). *Early Contacts between Uralic and Indo-European: Linguistic and Archaeological Considerations*. Helsinki, 2001, 301–317.

Macdonell A. A. *Vedic mythology*. Strassburg, 1897.

Masciadri V. Das Problem der Kentauren — die Griechen und das Wunderbare // P. Michel (ed.). *Spinnenfuß und Krötenbauch: Genese und Symbolik von Kompositwesen*. Zürich, 2013, 65–85.

Maturo M. “Uomini-cavallo”: genesi, elaborazione e memoria iconografica della figura del centauro, alcuni esempi // *Acme*, 2014, 67(2): 7–40.

Mayrhofer M. [KEWA] *Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen = A Concise Etymological Sanskrit Dictionary*, vol. I–IV. Heidelberg, 1956–1980.

Mayrhofer M. [EWAia] *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen*. Bd. I–II. Heidelberg, 1986–1996.

Meyer E. H. *Indogermanische Mythen*. Berlin, 1883.

Nash H. The centaur's origin: A psychological perspective // *The Classical World*, 1984, 77(5): 273–291.

Negelein J. v. Rev. of [Dumézil 1929], Le problème des Centaures // *Orientalistische Literaturzeitung*, 1931, 34(8): 709–710.

Oberlies T. Der Gandharva und die drei Tage währende ‘Quarantäne’ // *Indo-Iranian Journal*, 2005, 48(1/2): 97–109.

Panaino A. Gaṇḍar̥ba // *Encyclopaedia Iranica*. Vol. X, Fasc. 3. London, 2012, 267–269.

Pott A. F. *Mytho-etymologica // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete des Deutschen, Griechischen und Lateinischen (KZ)*, 1858, 7(2): 81–112.

Przyluski J. Asses, horses and gandharvas // *Indian Culture*, 1937, 3(4): 613–620.

Schayer S. Zagadnienie elementów niearyjskich w buddyźmie indyjskim (Pre-Aryan elements in Indian Buddhism) // *Bulletin de l'Académie Polonaise des Sciences et des Lettres*, 1934, 55–65.

Schneider T. Kassitisch und Hurro-Urartäisch: Ein Diskussionsbeitrag zu möglichen lexikalischen Isoglossen // *Altorientalische Forschungen*, 2003, 30: 372–381.

Schroeder L. von. *Griechische Götter und Heroen: eine Untersuchung ihres ursprünglichen Wesens mit Hilfe der vergleichenden Mythologie*. 1. Heft. *Aphrodite, Eros und Hephastos*. Berlin, 1887.

Scobie A. The Origins of 'Centaur' // *Folklore*, 1978, 89(2): 142–147.

Shear I. M. Mycenaean Centaurs at Ugarit // *Journal of Hellenic Studies*, 2002, 122: 147–153.

Smith F. M. *The Self possessed: Deity and Spirit Possession in South Asian Literature and Civilization*. New York, 2006.

Soden W. von. Zu einigen kassitischen Wörtern // *Archiv für Orientforschung*, 1966, 21: 82–83.

Szlechter E. *Tablettes juridiques de la Ire dynastie de Babylone: conservées au Musée d'Art et d'Histoire de Genève*. Paris, 1958.

Vielle C. Correspondances et transformations en mythologie comparée indo-européenne // S. Vanséveren, F. Doyen (eds). *Modèles linguistiques et idéologies: "Indo-européen" III: Les Indo-Européens et le modèle comparatif indo-européen dans les sciences humaines*. Bruxelles, 2005, 329–361.

West M. L. *Indo-European Poetry and Myth*. Oxford, 2007.

Witzel M. Early loan words in Western Central Asia: indicators of substrate populations, migrations, and trade relations // V. H. Mair (ed.). *Contact and exchange in the ancient world*. Honolulu, 2006, 158–190.

References

- Balkan K. *Kassitenstudien*. I. New Haven, 1954.
- Barnett L. D. Yama, Gandharva, and Glaucus // *Bulletin of the School of Oriental Studies*, 1926–1928, 4(4): 703–716.
- Bartholomae C. *Altiranisches Wörterbuch*. Strassburg, 1904.
- Blickman D. R. The myth of Ixion and pollution for homicide in Archaic Greece // *The Classical Journal*, 1986, 81(3): 193–208.
- Bloomfield M. Contributions to the interpretation of the Veda // *Journal of the American Oriental Society*, 1893, 15: 143–188.
- Bréal M. Le mythe d'Édipe // *Revue archéologique, Nouv. Sér.*, 1863. T. 8: 193–214.
- Carnoy A. J. Le concept mythologique du Gandharva et du Centaure // *Le Muséon*, 1936, 49: 99–113.
- Chantraine P. [et al.] *Dictionnaire étymologique de la langue grecque: histoire des mots*. Paris, 1968.
- Chirikba V. A. *Common West Caucasian. A reconstruction of the phonological system and some fragments of the lexicon and morphological system*. Moskva, in press / 2022.
- Colvin S. On representations of centaurs in Greek vase-painting // *The Journal of Hellenic Studies*, 1880, 1: 107–167.
- Cuevas B. J. Predecessors and prototypes: towards a conceptual history of the Buddhist Antarābhava // *Numen*, 1996, 43(3): 263–302.
- Darmesteter J. Gandharvas et Centaures. Rev. of [Meyer 1883], *Indogermanische Mythen*. I. Gandharven-Kentauren // *Revue Archéologique, 3me Série*, 1884, T. 4: 124–128.
- Doniger O'Flaherty W. Saranyū/Samjñā: The sun and the shadow // J. S. Hawley, D. M. Wulff (eds). *Devī: Goddesses of India*. Berkeley, 1996, 154–172.
- Dumézil G. *Le problème des Centaures: étude de mythologie comparée indo-européenne*. Paris, 1929.
- Dumézil G. *Mitra-Varuṇa: essai sur deux représentations indo-européennes de la souveraineté*. Paris, 1948. (Engl. transl.: *Mitra-Varuna: An essay on two Indo-European representations of sovereignty*. New York, 1988).

Elizarenkova T. Ya. *Atharvaveda (Śaunaka)*: 3 vols. Transl. from Vedic, introduction, comm. and appendix by T. Ya. Elizarenkova. Moskva, 2005–2010. (In Russ.)

Haas C. *Wie man den Veda lesen kann: Gandharva und die „Zwischenzustände“ im R̥gveda und im Kommentar des Sāyaṇa: Wege der Interpretation eines archaischen Textes*. Göttingen, 2004.

Hopkins E. W. *Epic mythology*. Strassburg, 1915.

Jaritz K. Die kassitischen Sprachreste // *Anthropos*, 1957, 52(5–6): 850–898.

Keith A. B. A new explanation of the Gandharvas // *Journal of the Indian Society of Oriental Art*, 1937, 5: 32–39.

Klejn L.S. *The time of centaurs. The steppe homeland of the Greeks and Aryans*. Sankt-Peterburg, 2010. (In Russ.)

Kuhn A. Gandharven und Kentauren // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete des Deutschen, Griechischen und Lateinischen (KZ)*, 1852, 1: 513–542.

Kuhn A. *Die Herabkunft des Feuers und des Göttertranks: ein Beitrag zur vergleichenden Mythologie der Indogermanen*. Berlin, 1859.

Kuiper F. B. J. Gandharva and Soma // H.-P. Schmidt (ed.). *Veda-Vyākaraṇa-Vyākhyāna: Festschrift Paul Thieme zum 90. Geburtstag am 18. März 1995 (Studien zur Indologie und Iranistik 20)*. Reinbek, 1996, 225–255.

Kulikov L. *The Vedic -ya-presents: Passives and intransitivity in Old Indo-Aryan*. Amsterdam, 2012.

Lawrence E. A. The centaur: Its history and meaning in human culture // *Journal of Popular Culture*, 1994, 27(4): 57–68.

Lubotsky, A. The Indo-Iranian substratum // C. Carpelan, A. Parpola, P. Koskikallio (eds). *Early Contacts between Uralic and Indo-European: Linguistic and Archaeological Considerations*. Helsinki, 2001, 301–317.

Macdonell A. A. *Vedic mythology*. Strassburg, 1897.

Masciadri V. Das Problem der Kentauren — die Griechen und das Wunderbare // P. Michel (ed.). *Spinnenfuß und Krötenbauch: Genese und Symbolik von Kompositwesen*. Zürich, 2013, 65–85.

Maturo M. “Uomini-cavallo”: genesi, elaborazione e memoria iconografica della figura del centauro, alcuni esempi // *Acme*, 2014, 67(2): 7–40.

Mayrhofer M. [KEWA] *Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen = A Concise Etymological Sanskrit Dictionary*, vol. I–IV. Heidelberg, 1956–1980.

Mayrhofer M. [EWAia] *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen*. Bd. I–II. Heidelberg, 1986–1996.

Meyer E. H. *Indogermanische Mythen*. Berlin, 1883.

Nash H. The centaur’s origin: A psychological perspective // *The Classical World*, 1984, 77(5): 273–291.

Negelein J. v. Rev. of [Dumézil 1929], Le problème des Centaures // *Orientalistische Literaturzeitung*, 1931, 34(8): 709–710.

Oberlies T. Der Gandharva und die drei Tage währende ‘Quarantäne’ // *Indo-Iranian Journal*, 2005, 48(1/2): 97–109.

Panaino A. Gaṇḍarəba // *Encyclopaedia Iranica*. Vol. X, Fasc. 3. London, 2012, 267–269.

Pott A. F. *Mytho-etymologica // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete des Deutschen, Griechischen und Lateinischen (KZ)*, 1858, 7(2): 81–112.

Przyluski J. Asses, horses and gandharvas // *Indian Culture*, 1937, 3(4): 613–620.

Rastorgueva V. S., Edel’man D. I. *Étimologičeskij slovar’ iranskix jazykov*, 2000–. (In Russ.)

Schayer S. Zagadnienie elementów niearyjskich w buddyźmie indyjskim (Pre-Aryan elements in Indian Buddhism) // *Bulletin de l’Académie Polonaise des Sciences et des Lettres*, 1934, 55–65.

Schneider T. Kassitisch und Hurro-Urartäisch: Ein Diskussionsbeitrag zu möglichen lexikalischen Isoglossen // *Altorientalische Forschungen*, 2003, 30: 372–381.

Schroeder L. von. *Griechische Götter und Heroen: eine Untersuchung ihres ursprünglichen Wesens mit Hilfe der vergleichenden Mythologie*. 1. Heft. *Aphrodite, Eros und Hepastos*. Berlin, 1887.

Scobie A. The Origins of 'Centaur's' // *Folklore*, 1978, 89(2): 142–147.

Shear I. M. Mycenaean Centaurs at Ugarit // *Journal of Hellenic Studies*, 2002, 122: 147–153.

Smith F. M. *The Self possessed: Deity and Spirit Possession in South Asian Literature and Civilization*. New York, 2006.

Soden W. von. Zu einigen kassitischen Wörtern // *Archiv für Orientforschung*, 1966, 21: 82–83.

Szlechter E. *Tablettes juridiques de la Ire dynastie de Babylone: conservées au Musée d'Art et d'Histoire de Genève*. Paris, 1958.

Vielle C. Correspondances et transformations en mythologie comparée indo-européenne // S. Vanséveren, F. Doyen (eds). *Modèles linguistiques et idéologies: "Indo-européen" III: Les Indo-Européens et le modèle comparatif indo-européen dans les sciences humaines*. Bruxelles, 2005, 329–361.

West M. L. *Indo-European Poetry and Myth*. Oxford, 2007.

Witzel M. Early loan words in Western Central Asia: indicators of substrate populations, migrations, and trade relations // V. H. Mair (ed.). *Contact and exchange in the ancient world*. Honolulu, 2006, 158–190.

Куликов Леонид Игоревич

НИУ Высшая школа экономики

Москва, Россия

Гентский университет

Гент, Бельгия

Kulikov Leonid Igorevich

National Research University Higher School of Economics

Moscow, Russia

Ghent University

Ghent, Belgium

kulikovli@googlemail.com

Осетинские этимологии Ossetian etymologies

Дзиццойты Ю. А.

Dzītstsoity Yu. A.

В настоящей заметке представлены этимологии осетинских слов, не вошедших в Словарь В. И. Абаева, либо не получивших удовлетворительную этимологию.

Ключевые слова: этимология, осетинский язык, гапакс, ритуальное подношение

This brief note presents the etymologies of several Ossetian words that were not included in V. I. Abaev's dictionary, as well as those that did not receive a satisfactory etymology.

Key words: etymology, Ossetian language, hapax, ritual offerings
DOI 10.37892/2313-5816-2021-1-277-284

astæwæstæg ‘позвоночник’. Можно понимать как «поясничная (*astæw*) кость (*æstæg*)». Сравнение с язгулямским *madéni šeg* ‘позвоночник’, букв. «срединная (*madéni*) кость (*šeg*)» [ЭСИЯ I: 129; ЭСИЯ V: 112] подсказывает, что слово *astæw* представлено в *astæwæstæg* в своем архаичном значении ‘средний, срединный’. Яркая осетинско-памирская изоглосса.

særvæt ‘пастбище, выгон’. В. И. Абаев реконструировал фонетически безупречный этимон **sabra-ǰa-*, видя во второй части суффикс, а в первой — скифо-славо-балто-финскую изолексу со значением ‘сосед, артельщик, община’, т. е. *særvæt* — ‘общинное владение’, ‘общинная земля’ [Абаев 1979: 88–89]. Однако в осетинском языке существуют и другие названия для пастбищ, которым и противопоставляется слово *særvæt*.

Главным из них является *xizæn(wat)* ‘пастбище’. Отличие *xizæn-wat* от *særvæt* заключается не в принадлежности последнего общине. *Xizæn(wat)* может находиться, где угодно: и рядом с селом, и посреди леса, и в высокогорной зоне. *Særvæt* же всегда находится в высокогорной зоне, над селом. Поэтому этимон **sarba-* может быть причастием настоящего времени от **sarb-*, которое, в свою очередь, связано с хотаносакским *sarb-* ‘подниматься, возвышаться’ от праиранского **sar-b-*, родственного древнеиндийскому *śal-* ‘прыгать’ [Emmerick 1968: 131–132]. Т. е. **sarba-* означает ‘возвышающийся’, а *særvæt* — ‘возвышенность’, «нечто, расположенное на возвышенности». Непродуктивный суффикс *-æt* (из др.-иран. **(a)ṣṣa-*) представлен и в осетинском *mælæt* ‘смерть’, *lægæt* ‘пещера’ и пр.

swætytæ kænyŋ ‘обругать (кого), выговорить (кому)’. В словарях отсутствует, но хорошо известно в Южной Осетии. Разлагается на преверб *s-* и самостоятельно не употребляемое **wætytæ kænyŋ* — форму мн. числа от **wayd kænyŋ* ‘ругать, выговаривать’. По словообразованию и идеосемантике тождественно выражению *sqærtæ kænyŋ* ‘обругать (кого)’ от того же преверба *s-* + *qærtæ kænyŋ* ‘кричать, ругать(ся)’ — формы мн. ч. от *qæŋ kænyŋ* ‘то же’. Компонент **wayd*, в свою очередь, представляет собой причастие прошедшего времени от несохранившегося в свободном употреблении глагола **wazyn* ‘ругать’. Ср. омонимичный глагол *wazyn* : *wayd* ‘оставлять, покидать’. Восстановленное **wazyn* : *wayd* ‘ругать’ восходит к праиран. **uāča-* < **uāč-/ *uak-* ‘говорить’, откуда идут также шугнан. *wāŋ-/wāŋd*, сарык. *woŋ-/woŋd*, язг. *waŋ-/wūŋd*, вахан. *waŋ-/wayd* ‘кричать, реветь, орать, вопить’, о которых см. [EDIV: 402–404; Emmerick 1968: 87; Gershevitch 1971: 279–285; ЭСВЯ: 386–387]. Осет. причастие **wayd* отражает праиран. **uaxta-*, откуда идут также согдийское *wyt-* и пр. [Gershevitch 1971: 284, 291]. Т. е. ‘ругать (кого)’ в архаизирующем переводе означает ‘кричать/орать (на кого)’. Перед нами очередная осетинско-памирская эксклюзивная семантическая изоглосса.

wærzæg. Гапакс, представленный только у классика осетинской литературы Гадияты Сека (1855–1915) в выражении *wærzæg rawazyn* ‘покрываться шерстью, волосами’. Приводим пассаж, в котором он встречается. Избив в очередной раз свою непокорную жену, муж-тиран услышал в ответ следующее: *Næm tæ, næm, cy nymæt cæydaj — qwunžyndær, aftæ ænqælys, basætzynæ tæ?* ‘Можешь бить меня, сколько угодно! (Но знай, что) войлок, который колотят, становится волосистее¹. Думаешь сломать меня (побоями)?’ В ответ на это муж отрезал у нее уши, и выставил за дверь, сказав: *Cæwgæ nyr, wærzæg rawaz, andiag nymætæj qwunžyndær fest!* ‘А теперь пошла вон, и пусть (твое тело) покроется шерстью/волосами, (и) да станешь ты волосистее андийской (т. е. дагестанской. — Ю. Д.) бурки!’ [Гæдиаты 1991: 439–440]. Как видим, *wærzæg* это ‘волосяной покров; волосы на теле’. Выражение *wærzæg rawazyn* ‘покрываться волосами/шерстью’ соответствует выражениям *qwuntæ rawazyn* ‘отрастить волосы’, *rixitæ/boc’o rawazyn* ‘отпустить усы/бороду’ и пр. В слове *wærzæg* конечное *-zæg* — непродуктивный суффикс, представленный и в *walzæg* ‘весна’, *qælzæg* ‘весёлый’ и пр. (из праиран. *ča-ka-) [Абаев 1989: 46–47; 1973: 289]. Первую часть *wær-* следует восстановить в **wærs-* и связать с праиранским **uarša-* ‘волосы (человека и животного)’, откуда идут также авест. *varəsa-* ‘волос (человека и животного)’, ср.-перс. *vars* ‘волос(ы)’ и пр. [Эдельман 2009: 59–60, 159]. Осетинский язык не терпит скопления трех согласных в одном слове и обычно упрощает его. Ср., например, осет. *barc* ‘грива’ из праиран. **br̥šti-* [Bailey 1979: 315; Чёнг 2008: 238–239], *wyrg*

¹ Героиня рассказа использовала широко известную осетинскую поговорку: *Cy nymæt cæydaj — qwunžyndær* ‘Войлок, который колотят, становится волосистее’ (об обратном эффекте от насилия). Эта поговорка дает ключ к правильной этимологии праиранского **namata-* ‘кошма, войлок; фетр’: не из **nam-* ‘влажный’ [Абаев 1973: 203], а из **nam-* ‘бить, колотить’ [Абаев 1995: 19; ЭСИЯ, V: 466, 467].

‘почка (анат.)’ из др.-иран. * *urd-ka-* [Абаев 1989: 123] или * *ur̥g̊-ka-* [Чёнг 2008: 345], *Æfsæron* — имя великана в нартовском эпосе из *ævdsæron* ‘семиглавый’ и пр. Следовательно, развитие **wær̥szæg* > *wær̥zæg* закономерно.

xwymiliag, xwymillag, xwymilag ‘ритуальное приношение’ (обычно съестным) [Абаев 1989: 263; «МД» 1988, № 11: 70; ПНТО 1992: 39; «Ф» 1994, № 1: 100], ‘пшеница, мука́, предназначенная для кувда (т. е. пира. — Ю. Д.) в праздничный день’ [Миллер 1934, s.v.], ‘зерно, предназначенное для пира в честь дзуара’ (т. е. божества. — Ю. Д.) [ПНТО 1992: 392], ‘мука́ из солода, идущая на приготовление ритуального пива (*æluton*)’ [«МД» 1986, № 12: 28, 29]. Этимологии нет [Абаев 1989: 263]. Конечное *-ag* — это суффикс. Основа *xwymil(æ)-*, встречающаяся в трех фонетических вариантах, указывает на то, что в ней скрывается праиранский кластер **-r̥i-*, который и преобразуется в осетинском сначала в *-li-*, затем в *-ll-*, а потом (спорадически) в *-l-*, см. об этом [Дзищойты 2019: 238–244]. Этимон рассматриваемой основы можно восстановить в виде **hū-ma(i)r-ja-* ‘хорошая мука́’, где **hū-* ‘хороший, добрый’, а **ma(i)r-ja-* ‘мука́’ — субстантив древнеосетинской эпохи, буквально означающий «нечто, относящееся к размалыванию» > «нечто смолотое», от праиран. **mar-* ‘молоть, размалывать, раздроблять’, о котором см. [ЭСИЯ, V: 221–224]. Аналогичная идеосемантика присуща слову ‘мука́’ и в ряде других и.-е. языков [Buck 1949: 361, 362]. Ср. также осет. *ssad* ‘мука́’ < причастие прошедшего времени от *ssyn* ‘молоть’ [Абаев 1989: 276]. Приставка **hu-* в некоторых сложениях может означать ‘лучший’, ср. авест. **haosafna-* ‘сталь’, букв. «лучшее железо» [Абаев 1963: 204]. Праиран. **mar-* в форме *-mil-* представлено, возможно, и в осет. *æzmilyn* ‘прясть особым образом’ [Абаев 1958: 227; ЭСИЯ, V: 223–224]. Слово *xwymiliag* в целом может означать ‘нечто, приготовленное из лучшей муки’. Из аланского языка, очевидно, заимствовано кабардинское *гъуэмьлэ* ‘пища на дорогу’, о котором см. [Шагиров, I: 134–135].

Источники и литература

Абаев В. И. *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. Т. I — Москва, Ленинград, 1958; Т. II — Ленинград, 1973; Т. III — Ленинград, 1979; Т. IV — Ленинград, 1989; Указатель. Москва, 1995.

Абаев В. И. Об иранских названиях стали // *Иранский сборник*. Москва, 1963, 203–207.

Гæдиаты — Гæдиаты Секъа. *Уацмыстæ*. [Сочинения (на осет. яз.)]. Дзæуджыхъæу, 1991.

Дзиццойты Ю. А. К этимологии этнонимов Alan и Allon // *Вопросы ономастики*, 2019, 16, 2: 232–258.

«МД» — журнал «Мах дуг» (на осет. яз.). Дзæуджыхъæу.

Миллер В. Ф. *Осетинско-русско-немецкий словарь*. Т. III. Ленинград, 1934.

ПНТО 1992 — *Памятники народного творчества осетин. Трудовая и обрядовая поэзия осетин*. Владикавказ, 1992.

«Ф» — журнал «Фидиуæг» (на осет. яз.). Цхинвал.

Чёнг Дж. *Очерки исторического развития осетинского вокализма*. Пер. с англ. Владикавказ, Цхинвал, 2008.

Шагиров (I) — Шагиров А. К. *Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков*. Т. I. Москва, 1977.

Эдельман Д. И. *Сравнительная грамматика восточноиранских языков: Лексика*. Москва, 2009.

ЭСВЯ — Стеблин-Каменский И. М. *Этимологический словарь ваханского языка*. Санкт-Петербург, 1999.

ЭСИЯ (I) — Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. *Этимологический словарь иранских языков*. Т. I. Москва, 2000.

ЭСИЯ (V) — Эдельман Д. И. *Этимологический словарь иранских языков*. Т. V. Москва, 2015.

Bailey H. W. *Dictionary of Khotan Saka*. Cambridge, London, New York, Melbourne, 1979.

Buck C. D. *A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages*. Chicago, London, 1949.

EDIV — Cheung J. *Etymological Dictionary of the Iranian Verb*. Leiden, Boston, 2007.

Emmerick R. E. *Saka grammatical studies*. London, 1968

Gershevitch I. Iranian Words containing -ǎn- // *Iran and Islam, in memory of the late Vladimir Minorsky*. Edinburgh, 1971, 267–291.

References

«F» — журнал «Fidiuæg» (na oset. yaz.). Tskhinval. (In Ossetic)

«MD» — журнал «Makh dug» (na oset. yaz.). Dzæudzhykh'æu.

(In Ossetic)

Abaev V. I. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka*. T. I — Moskva, Leningrad, 1958; T. II — Leningrad, 1973; T. III — Leningrad, 1979; T. IV — Leningrad, 1989; Ukazatel'. Moskva, 1995. (In Russ.)

Abaev V. I. Ob iranskikh nazvaniyakh stali // *Iranskii sbornik*. Moskva, 1963, 203–207. (In Ossetic)

Bailey H. W. *Dictionary of Khotan Saka*. Cambridge, London, New York, Melbourne, 1979.

Buck C. D. *A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages*. Chicago, London, 1949.

Cheng Dzh. *Ocherki istoricheskogo razvitiya osetinskogo vokalizma*. Per. s angl. Vladikavkaz, Tskhinval, 2008. (In Russ.)

Dzitstsoity Yu. A. K etimologii etnonimov Alan i Allon // *Voprosy onomastiki*, 2019, 16, 2: 232–258.

Edel'man D. I. *Sravnitel'naya grammatika vostochnoiranskikh yazykov: Leksika*. Moskva, 2009.

EDIV — Cheung J. *Etymological Dictionary of the Iranian Verb*. Leiden, Boston, 2007.

Emmerick R. E. *Saka grammatical studies*. London, 1968

ESIYa (I) — Rastorgueva V. S., Edel'man D. I. *Etimologicheskii slovar' iranskikh yazykov*. T. I. Moskva, 2000. (In Russ.)

ESIYa (V) — Edel'man D. I. *Etimologicheskii slovar' iranskikh yazykov*. T. V. Moskva, 2015. (In Russ.)

ESVYa — Steblin-Kamenskii I. M. *Etimologicheskii slovar' vakhanskogo yazyka*. Sankt-Peterburg, 1999. (In Russ.)

Gædiaty — *Gædiaty Sek''a. Uatsmystæ*. [Sochineniya (na oset. yaz.)]. Dzæudzhykh''æu, 1991. (In Ossetic)

Gershevitch I. Iranian Words containing -ān- // *Iran and Islam, in memory of the late Vladimir Minorsky*. Edinburgh, 1971, 267–291.

Miller V. F. *Osetinsko-russko-nemetskii slovar'*. T. III. Leningrad, 1934. (In Russ.)

PNT0 1992 — *Pamyatniki narodnogo tvorchestva osetin. Trudovaya i obryadovaya poeziya osetin*. Vladikavkaz, 1992. (In Russ.)

Shagirov (I) — Shagirov A. K. *Etimologicheskii slovar' adygskich (cherkesskich) yazykov*. T. I. Moskva, 1977. (In Russ.)

Дзиццойты Юрий Альбертович

Юго-Осетинский государственный университет
им. А. А. Тибилова.

Центр скифо-аланских исследований ВНЦ РАН

Цхинвал, Республика Южная Осетия

Dzitstsoity Yuriy Alebertovich

South Ossetian State University named after A. A. Tibilov

Center for Scythian-Alanian Studies VSC, RAS

Tskhinvali, Republic of South Ossetia

dzicc@mail.ru

**Русск. обдать, обдавать
в сравнительном освещении¹
Russian obdat', obdavat' in comparative perspective**

Огибенин Б. Л.

Oguibenine B. L.

В статье обосновывается гипотеза, что диалектное (или народное) значение глаголов *обдавать*, *обдать* ‘окачивать, обливать водой’ и значение ‘одевать(ся)’ связаны и что эти значения, вероятно, отражают древний индоевропейский семантический конгломерат. Гипотеза подтверждается анализом балтийских, славянских, древнеиндийских, древнеиранских и латинских лексических данных.

Ключевые слова: праслав. глаголы **obdati*, **obdēti*, вед. глаголы *dhā-* и *dā-*, авест. *dadāiti*; облачение/одежда; вода как облачение; освобождение вод

The present article argues that the dialectal (popular) meaning of the Russian verbs *обдавать*, *обдать* ‘to sluice, to spill or to throw water over’ and the meaning ‘to dress, to cover with clothes’ are semantically connected and that these meanings probably reflect archaic Indo-European semantics. A comparison with Baltic, Old Slavic, Old Indian, Old Iranian, and Latin lexical data supports this hypothesis.

Key words: Proto-Slavic verbs **obdati*, **obdēti*, Vedic verbs *dhā-* and *dā-*, Avestan verb *dadāiti*; vestments/clothes; water as clothing; release of confined waters and/or rain

DOI 10.37892/2313-5816-2021-1-285-301

¹ Автор благодарен анонимным рецензентам за замечания к первому варианту этой работы.

1. Согласно Далю глаголы *обдать*, *обдавать* значат ‘окачивать, обливать внезапно что чем’ [Даль II: 573]. Иллюстрациями служат такие выражения, как *Меня обдало жаром, холодом, Я так испугался, что меня обдало морозом*, но и *Я люблю обдаваться по утрам холодной водою* (возвратный вариант глагола). Последняя фраза особенно примечательна, так как известен древнерусский глагол *обдати* ‘облить, окатить, обдать (водой)’, продолжающий праслав. **obdati*. Среди других отражений праславянского глагола для дальнейшего стоит отметить словен. *obdati* ‘окружить’ и чеш. *obdátí* ‘окружать, обносить’ [ЭССЯ 26: 147]. В статье этого словаря, посвященной праслав. **obdati*, сделано два замечания: первое, что его источником является сложение **ob-* и **dati*, и — весьма важное — второе, что иногда предполагаемое калькирование структуры и значения «европеизмов» лат. *circumdare* ‘ставить, располагать вокруг, окружать, окутывать’ и нем. *um-geben*, возможно, и обосновано, но что «на народно-диалектном уровне выступают и примеры самобытного употребления». Надо думать, что самобытным употреблением считается именно употребление в значениях, сообщаемых Далем и известных в древнерусском. Справедливость наблюдения о калькировании и дополняющего его утверждения о самобытности несомненна, но бесполезно уточнить, что немецкий глагол значит не только ‘окружать, заключать, покрывать’, но имеет и более конкретное значение, близкое указанным, — ‘набросить на плечи (верхнюю) одежду’², что ориентирует несколько иначе поиски индоевропейских истоков обсуждаемых глаголов.

² Значения глагола *umgeben* и его синонима *umlegen* иллюстрируются толковыми словарями немецкого языка такими примерами как *Mantel, Tuch usw. umgeben* ‘набросить или положить на чьи-нибудь или свои плечи пальто, платок и под.’; *um die Schultern jemandem/sich einen Schal, Pelz umlegen* ‘положить на чьи-нибудь или свои плечи шаль, шубу и под.’ [Duden 1985: 666–667].

2. Праслав. **obděti*, хотя и толкуется среди прочих глаголов латинским *circumdare* [ЭССЯ 26: 153], имеет более суженное значение 'одеть' (связывается, естественно, со старослав. **одѣти, одѣжда**) и объясняется как сложение **ob-* и глагола **dĕ(ja)ti* 'делать, совершать' (продолжающего и.-е. **d^heh₁-* 'ставить, класть' (**dhĕ-* в записи [ЭССЯ 4: 229]) и по догадке Трубачёва представляющего собой «по-видимому, вторично суффиговое (-j-) и тематизированное (гл. на *-ati*) первонач. атематическое и.-е. **dhĕ-mi*» [ЭССЯ 4: 230]). Даже если морфологическая и семантическая история этих глаголов именно такова, праслав. **obdĕ(ja)ti* тем не менее достаточно очевидно входит в семантическое поле облачения в одежды, см. [ЭССЯ 26: 151] s.v. **obdĕjati (sĕ)* 'одевать', переданное латинскими глаголами *vestire, induere* 'одевать, одеваться' (однако при неупоминании лат. *circumdare*, что позволяет думать о затемнении общего значения в пользу более конкретного значения и об устойчивой связи глаголов, продолжающих праслав. **obděti*, и инструмента действия 'облачение, одежда' и под.).

3. Среди индоевропейских языков, материал которых полезно сопоставить с праславянскими данными, отмечают древнеиранский, в котором сблизились рефлексy и.-е. глаголов **deh₃-* 'дать, давать' и **d^heh₁-* 'ставить, класть'. Их разграничение, как известно, затруднительно (см. [Rix, Kümmel 2001: 106, прим. 3 к авестийской форме 2 л. мн. ч. *dātā* 'дайте!']). Подобное сближение имело место в прото-балто-славянском, в древнеиндийском и, возможно, в анатолийских языках (ср. в праслав совпадение **dati* < **deh₃-* 'давать' и *dĕti* < **d^heh₁-* 'ставить, класть')³; частично об этом см. [ЭССЯ 4: 194].

³ Согласно [Martinet 1953: 254–255] старослав. глагол **давати** входит в серию индоевропейских глаголов и основ на *-ō-*, в которых проявляется тенденция к развитию глайда [w] перед следующей гласной; *da-v-ati* сравнивается с ведийским инфинитивом в дат. пад. ед. ч. *dāvāne*, литовск. *dovanà* 'дар' и лат. *duam, duim* 1 л. ед. ч. сослаг. наклонения (или опатива

3.1. В латинском языке глагол *dō* ‘давать’ с различными приставками (ср. уже упомянутый глагол *circum-dare*, состоящий из предлога-наречия *circum* ‘вокруг’ и *dō, dare* ‘давать’) отражает либо и.-е. **deh₃-* (с тем же значением), либо и.-е. **d^heh₁-* ‘ставить, класть’, см. [de Vaan 2008: 175], где допускается неразличение этих глаголов. Особый интерес представляет свидетельство из третьей части 15-ой главы «Анналов» Тацита, где использован глагол *ab-dō*, инф. *abdere* ‘удалять, скрывать, покрывать, укрывать’, см. *quosdam rivus congestu harenae abdidit* ‘несколько речных потоков он скрыл (или ‘укрыл’) грудами песка’ (*abdidit* 3 л. ед. ч. перфекта с приставкой *ab-* < и.-е. **h₂ep-* (ср. др.-инд., авест., др.-перс. *apa-*, латышск. *ap-*, и литовск. *ap-* с вариантом *api-*), означающей удаление⁴ (в случае латинской фразы удаление из поля зрения). Словообразовательное соответствие, включающее родственные морфемы, представлено литовск. *āpdas* или *ābdas* ‘одежда’ < *apdėti* ‘одевать, покрывать’⁵ < и.-е. **obdeh₃-*, ср. сходное соотношение латышск. *apdarīt* ‘окружать,

аориста), см. [de Vaan 2008: 182], в котором наблюдаются только следы глайда. Эта черта существенно отличает его от глаголов, восходящих к **d^heh₁-*.

- ⁴ Литовские приставки весьма многозначны и лишь частично сближаются с древнеиндийской приставкой *apa-*, означающей удаление [Renou 1975: 140; 1952: 317]. Ср. иранский и индоевропейский материал, собранный в [Расторгуева, Эдельман 2000: 182–183] s.v. **apa* (наречие, преверб, префикс ‘от, прочь, отдельно, далеко, позади’). В индоевропейских языках известны также такие образования как вед. *ápatya-* ‘потомок’, литовск. *apačią* ‘низ, нижняя или внутренняя часть’, латышская приставка *apakš-* ‘под, внизу’ (и проблематичное хеттское прилагательное *a-ap-pa-az-zi* ‘последнее’, о котором см. [Dunkel 2014: 70]).
- ⁵ В этих словах приставки *ap-* или *api-* придают значения ‘охватывать, окружать со всех сторон’, ср. литовские глаголы *apáugti* ‘обрастать’, *apdulkėti* ‘покрываться пылью’, *apibūrti* ‘очаровывать, околдовывать’ и др. [Otrębski 1956: 310–311].

охватывать' (литовск. *apdaryti* 'одевать') и *apdars* 'одежда' (литовск. *āpdaras* 'одежда, наряд').

3.2. Литовские глаголы *dėti* 'ставить, класть' и *duoti* 'давать' близки не только по значению, но и по своей морфологической истории: первый глагол, отвечающий старо-литовскому атематическому *demi* 'класть', восходит к и.-е. **ded-mi* [Smoczyński 2007: 105], где приводится приставочный глагол *padėti*, среди значений которого 'ставить, класть', но и 'деть, девать', ср. русск. *одеть, одевать*; второй глагол связывается с прото-балто-слав. инфинитивом **dō-C* < и.-е. **doh₃-C* < **deh₃-C* и сравнивается с вед. *dadāmi* 'я даю', греч. *δίδομι* 'то же', авест. *dadāiti* 3 л. ед. ч., прусск. *dāt* 'дать' [Smoczyński 2007: 135].

3.3. Семантическая близость др.-инд. (вед.) глаголов *dhā-* 'ставить, класть, помещать' и *dā-* 'давать' известна в индоиранском, в котором не всегда удается различить производные от того и другого (см. обширный индоевропейский и сравнительный материал в [Mayrhofer 1992: 785–786], где особенно отмечается подобное же положение в дардских языках). Семантико-синтаксические связи и.-е. **d^heh₁-* (в альтернативной записи **dhē-*) выражаются конструкцией $N_{ag} N_{obj} N_{loc}$ *dhē-* (таким образом, глагольный предикат описывается сочетанием аргументов, включающих имя деятеля или агента, имя объекта транзитивного действия и имя места, в которое помещается объект⁶).

4. Сказанное выше позволяет предположить, что в индоевропейском языковом состоянии существовал семантический конгломерат, объединявший значения 'ставить, класть, давать' и 'одевать'. Последнее значение может показаться маргинальным, но именно оно присутствует в семантической структуре глаголов *обдать, обдавать*, в которой отмечены, как указывалось, также значения 'окачивать, обливать внезапно что чем (в частности, водой)'. Эти значения, если

⁶ Приведенная схема дана и проиллюстрирована отрывками из Ригведы и Авесты в [Cardona 1978].

их истолковывать расширительно как высвобождение воды, находят соответствие, в частности, в мотиве раскрытия покрова, скрывающего воды в наиболее древних ведийских текстах. Два изолированных свидетельства из Ригведы (RV) это иллюстрируют: RV.1.51.4a *tvám apám apidhānāvṛṇoh āpa* ‘Ты (бог Индра) открыл покрóва вод’ [одно из лексических воплощений распространенного в Ригведе мотива высвобождения вод, скрытых в скале (*párvate*, местн. пад. ед. ч., как уточняет продолжение цитированной пады], RV. 2.12.3b *yó gā udājad apadhā valásya* (об этой паде см. ниже, прим. 8) и RV. 5.29.12c *gávyam cid ūrvám apidhānavantam [...] āpa vran (āpa vran* производная форма от корня *vṛ-* также с превербом *āpa*) ‘они открыли (у)крытый (закрытый) загон для скота’ (ближе к тексту: ‘загон, снабженный укрытием’)⁷.

Представленный материал ценен тем, что ведийские слова *apidhāna* ‘покрóв, укрытие’ и *apadhā* (с элементом *-dhāna-* ‘вместилище, хранилище’⁸) могут быть использованы

⁷ В индоевропейском поэтическом языке, представленном греческими и ведийскими текстами, предикаты, продолжающие индоевропейский прототип этого корня [реконструируемого как и.-е. **h₁wer-* (**h₁wel-*) ‘открывать’ и ‘за-, по-крывать’] входят в синтагмы, в которых прямыми дополнениями являются имена существительные, обозначающие одежду или укрытие. См. греч. εἰλέω и κατεἰλέω в гомеровском гимне к Гермесу: 306 *σπάργανον ἄμφ’ ὤμοισιν ἐελμένος* ‘облекши пеленками плечи’ и 356 *ἐν ἡσυχίῃ κατέερξε* ‘запер он (скот крутолобый) в (покое) загона’ [Bader 2007: 1 и сл.]. Примечательно, что [Chantraine 1999: 319] рассматривает русск. *завал* среди слов этимологически близких и.-е. корню **wel-* (**h₁wel-/h₁wer-* в приведенной выше записи). [Даль I: 558] объясняет его как ‘запруда, препятствие для преграждения пути, защиты’, ср. мн. ч. *завалы* ‘землянка или яма для жилья, покрытая досками’.

⁸ Значение вед. *apadhā* (*h₁apah legomenon*, см. выше RV.2.12.3b) спорно, см.: [Mayrhofer 1992: 83 с обширной библиографией]; [Wackernagel-Debrunner 1954: 299] осмысляют его как сложное слово, содержащее *-dhi* в местном падеже со значением ‘укрытие’,

для этимологии обсуждаемых русских глаголов, поскольку эти слова и русские глаголы состоят из сопоставимых в диахроническом плане морфологических элементов. К тому же RV.1.51.4a отвечает возможной индоевропейской синтагме **ǵp-h₂ep-deh₃-ana-* (или *-dⁿeh₁-ana-*) *h₁wer-* (*-el-*) ‘освобождать воду из-под (или от) покрыва’, отвечающей смыслу **рас-* или *от-крывать/высвободить воду* глаголов *обдать, обдавать* в которых таким образом осуществляется компрессия (или свертывание) её составляющих.

5. Вед. *apidhāna-* и производное от него прилагательное *apidhānavant-* (*apidhāna* с посессивным суффиксом *-vant*) суть два *haxa* legomenon (выше было сказано, что их контексты изолированы). Стоит отметить важный факт из области семантики словообразования в этом корпусе. Свободная синтагма *apām apidhāna* ‘покрыв (одеяние) вод’, появившаяся в определенном семантическом контексте, содержала возможность возникновения эпитета *apidhānavant-*, характеризующего слово со значением ‘загон для скота’, именно потому, что эти слова были включены в мифологический континуум, в котором отождествлялись воды и коровы⁹. Допустимо предположить,

но многие авторы видят в нем глагольную форму. Наиболее вероятным значением RV.2.12.3b *yó gā udājad apadhā valāsyā* представляется ‘тот (бог Индра), кто вывел коров из укрытия (по имени) Вала’ (предполагая в *apadhā* форму отложительного падежа), ср. еще понимание *apadhā* как имени деятеля ‘устранитель’ [Елизаренкова 1989: 249]. См. о корне *dhā-* [Gonda 1967: 19]: «[it] does not only express ideas such as ‘establishing, making, creating’, but also ‘holding, bearing’; cf. *-dhā-* in the sense of ‘holder’, *-dha-* and *-dhi-* in that of ‘holding’ and ‘receptacle’».

⁹ Особенно примечательны пады RV. 1.61.10cd *gā ná vrāṇā avānīr atuiñcad abhī śrávo dāvāne śacetāḥ* ‘(Индра) освободил скрытых (в затворе) коров, будто (то были) речные потоки, он, к своей (вящей) славе с помыслом о (щедром) даянии’. Привлекает внимание сочетание значений ‘коровы = воды’ & ‘даяние

что имела место универбация, состоящая в том, что сочетании *apám apidhánā* обеспечило RV. 5.29.12c (*gávyam [...] ūrvám) apidhānavantam* (см. выше § 4).

6. Следует принять во внимание различие в падежном управлении, которое на первый взгляд неразрешимо затрудняет наше сравнение. В синтагме *apám apidhánā ā-vr-* (RV.1.51.4a, см. § 4) объект *apidhánā* ‘покрová’, на который направлено действие ‘открывать’, стоит в винительном падеже мн. ч., тогда как глаголы ‘обдать/обдавать’ требуют творительного падежа инструмента действия. Сравнение с приводимыми ниже отрывками из Ригvedы и Авесты позволяют уточнить семантический статус творительного падежа в управлении русских глаголов (авестийский и ведийский материал почерпнут из упомянутой статьи [Cardona 1978: 210, 213, 220], однако данные там переводы весьма неточны).

6.1. Yasna 28.2bc: *maibyō dāvōi ahvā astvatascā hyaṭcā manaḥhō āyaptā ašāt hacā yāis rapantō daidīṭ xʷāθre* ‘[...] дабы мне были дарованы **плоды** (ближе к тексту: ‘милости’) двух (существований) — телесного (костяного¹⁰) и духовного — плоды, согласные Истине, **которыми** (= с помощью которых) (правоверный адепт) **дарует** благополучие [твоим, о Мудрый Владыка] приверженцам’ (ближе к тексту: ‘который ставит твоих приверженцев в благополучие’)¹¹.

(действие)’, что отвечает семантическому содержанию глаголов *обдать, обдавать* в значении ‘окачивать, обливать’ (сочетание к тому же поддержано аллитерацией слогов *avúnīḥ* (-r < -s) вин. пад. мн. ч. ‘речные потоки’, *dāvāne* (дат. пад. ед. ч. инфинитива от *dā-*, см. прим. 3).

¹⁰ Альтернативная интерпретация прилагательного *astuvant*, см. [Panaino 2004: 109, 110].

¹¹ См. авестийский текст и его различные прочтения в [Inslar 1975: 24–25, 116, 120, 121] и близко соответствующий нашему дословному переводу *yāis rapantō daidīṭ xʷāθre* как ‘les faveurs [...] par lesquelles (un fidèle) puisse placer les secourables dans le bien-être’ [Panaino 2004: 110].

RV.7.20.6cd: *yajñair yá indre dádhate dúvāmsi kṣayat sá rāyē* [...] ‘Кто жертвами принесет дары почтения Индре, тот овладеет богатством’ (ближе к тексту: ‘кто жертвами поместит/поставит свои дары в Индру’).

RV.6.10.3cd: *citrábhīś tām ūtibhīś citráśocir vrajásya sātā gómato dadhāti* ‘Яркопламенный (Агни) своей блистающей помощью ставит (смертного) в захват загона скота’ (дается намеренно самый близкий к тексту перевод, который покажется стилистически малопримлемым; общий же смысл стиха таков: ‘Агни способствует своим участием захвату смертным скота, содержащегося в закрытом загоне’)¹².

6.2. В этих отрывках глаголы со значением ‘ставить’ входят в синтаксическую последовательность $N_{ag} N_{obj} N_{loc}$, расширенную названием инструмента в творительном падеже (N_{instr}). В авестийской фразе используется страдательный оборот, в котором N_{obj} (*āyaptā* ‘плоды, милости’) в именительном падеже соотносится с анафорическим относительным местоимением в творительном падеже *yais* ‘которыми’, вводящим придаточное предложение. Ведийские фразы особенны тем, что $N_{ag} N_{obj} N_{loc}$ расширяется существительными N_{instr} (*yajñais* ‘жертвами’ и *ūtibhis* ‘средствами помощи’), которые, строго говоря, необязательны в грамматической структуре предложений. Семантическая структура глаголов *обдать, обдавать* предусматривает обязательный творительный падеж, что, возможно, находит отражение в избыточных формах в творительном падеже в ведийских отрывках (помимо того, что эти формы диктуются смысловым заданием, восходящим к мифологическому контексту); ср. отложительный падеж в инструментальной функции *congestu* (< *congestus* ‘груда’) в приведенной выше латинской фразе.

¹² Ср. перевод Т. Я. Елизаренковой ‘Ему яркопламенный (своими) яркими поддержками помогает в захвате загона, полного коров’ [Елизаренкова 1999: 170].

7. Ведийское прилагательное *ápodaka* (нарах legomenon, встречающийся в RV.1.116.3 в описании ладей богов Ашвинов) значит в передаче, отвечающей его морфологическому составу, ‘удаленный от воды’ (*ápa-udaka*). Недавно было предпринято объяснение этого слова, состоящего из предлога и имени существительного, с помощью обосновывающей его имплицитной синтагмы **yá udakám apa dádhāti* ‘который устраняет воду’ (*apa-* и 3 л. ед. ч. глагол от корня *dhā-*)¹³. Если принять такую парафразу, то следует допустить, что в семантике этого слова присутствует в свернутом виде мотив препятствующего водам защитного облачения, который противопоставляется мотиву раскрытия облачения. Ведийское слово, таким образом, является результатом кодирования языковыми средствами одного из поляризованных элементов ведийской мифологической системы, что должно свидетельствовать о неслучайности и устойчивости мотива раскрытия и противоположного ему мотива.

8. Намеченная реконструкция индоевропейского прошлого глаголов *обдать*, *обдавать* позволяет утверждать, что их значения, рассмотренные в диахронической перспективе, соответствуют двум описательным парафразам: с одной стороны, (1) ‘помещать/ставить одно в другое [в частности, ‘в некое вместилище, облачать, одевать, покрывать чем (одеждой, укрытием, водой, жаром, холодом...)]’; эта семантика соответствует синтагмам ‘облачать чем’, ‘обдать чем’. С другой стороны, эти глаголы объясняются антонимической парафразой (2) ‘раскрывать облачение или покров и высвободить укрытое’ [т. е. ‘раз-облачать’, в частном случае ‘лить,

¹³ См. [Sadovski 2010: 49]: *ápodaka* передано как ‘wasserdicht/водонепроницаемый’; [Елизаренкова 1989: 141] переводит RV.1.116.3cd *ūhathur naubhīr* [...] *ápodakabhiḥ* ‘вы вывели [его] на водонепроницаемых ладьях’. Бактр. *ababgo* < ‘безводный’ < **apa-āpaka* [Расторгуева, Эдельман 2000: 312] составляет структурную параллель к ведийскому слову, где вместо второго компонента **āpaka-* ‘вода’ — его синоним *udaká-*.

высвободить воду (и/или коров в ведийском)'], которую можно понять как полярную трансформацию первой (ср. ведийское прилагательное *árodaka*, так же предполагающее поляризацию значения). Выше говорилось, что семантическая структура глаголов *обдать, обдавать* может объясняться компрессией (или свёртыванием) составляющих индоевропейской синтагмы **ǵp-h₂ep-deh₃-ana-* (или *-d^heh₁-ana-*) *h₁wer-* (*-el-*). Индоевропейские приставочные глаголы, восходящие к и.-е. корням **deh₃-*, **d^heh₁-* и к производным от них словам, так же, как и эта синтагма, служат актуализации смысла, отвечающего парафразам 1 и 2.

В итоге напрашиваются два вывода: оба глагола устойчиво сохраняют индоевропейскую семантику, неутраченную в их узуальных значениях и живом употреблении; оба глагола иллюстрируют еще один случай сложного значения, расщепляющегося на два полярных значения, которые актуализируются в зависимости от синтаксического контекста, подобно тому как и.-е. глагол **dō-*, значащий не только 'давать', но и 'брать', объединяет оба значения, выявляющиеся в зависимости от синтаксической конструкции [Benveniste 1966: 316].

Сходное расщепление, но зависящее от лексического окружения, отмечено в случае осетинского глагола, частью употреблений которого он вводится в семантическое поле одевания: иронск. *æftawun* и дигорск. *æftawun* значат 'накидывать, набрасывать' (бурку, накидку) и 'вынимать, снимать' (в чуждом упомянутому семантическому полю контексте, но при сохранении значения в дигорском фразеологизме *eci zurd æ c'uxæj næbal æftawuj Salu* 'этого слова Салу уже не вынимает изо рта', т. е. постоянно его повторяет [Абаев 1958: 114–115]¹⁴.

¹⁴ Абаев [1958: 337–338] писал о законе расщепления значений применительно к осет. *c'ūpp|c'ūpp* 1. 'верхушка, вершина'; 2. 'шерсть, клок' и русск. *чуб*, уточняя, что осетинские слова могут обозначать также 'хвост', подобно русск. *чупá* 'хвост, глухой конец у мережи' (ср. Даль IV: 61 о слове *чубъ*), что

9. Приведенные индоевропейские слова и обороты, конечно, не должны пониматься как непосредственный источник семантики глаголов *обдать* и *обдавать*, однако привлечение этих данных показывает пути становления значений этих глаголов в плане диахронической семантики.

Как во многих случаях, данные мифологии смыкаются с языковыми фактами, и предпринятая выше попытка показать их связь (как дающую ключ к этимологии) далеко не исчерпывает возможности использования индоиранского мифологического материала для решения этимологических задач в славянских языках. Соотношение мотива облачения водами и полярного мотива раз-облачения подтверждается тем, что ведийский бог Варуна одет водами, чему противопоставляется ниспослание им дождей (среди свидетельств: RV.9.90.2 о Варуне, облаченном речными водами и RV.5.85.3-4 о Варуне, орошающем дождем ячменные поля, небо и землю; в строфе 4 описание дано в обратном порядке: после *unátti bhúmim* ‘[когда] он орошает землю’ говорится *sám abhréṇa vasata párvatāsas* ‘[тогда] горы ‘[будто] облакаются облаком=облаками’.

совпадает с теорией Бенвениста, основанной на анализе глагола обмена **dō* (первоначально в его статье 1951 г.). И.-е. **h₂ep-* отражено в свою очередь в поляризованной паре: если в индоиранских языках **apa* указывает на удаление [или на движение прочь, в сторону, назад, вниз, см. [Расторгуева, Эдельман 2000: 182], ср. вед. проверб *ápa-* в *ápodaka* (§ 7)], то, как отмечено выше (в прим. 3), *ap(i)-* в балтийских языках приобрело противоположное значение, обобщаемое как приближение (охват, окружение), ср. также др.-инд. *ap(i)-* ‘близость, примыкание’.

Сокращения

авест. — авестийский
бактр. — бактрийский
вед. — ведийский
греч. — греческий
дигорск. — дигорский
др.-инд. — древнеиндийский
др.-перс. — древнеперсидский
др.-русск. — древнерусский
и.-е. — индоевропейский
иронск. — иронский
лат. — латинский
латышск. — латышский
литовск. — литовский
нем. — немецкий
осет. — осетинский
праслав. — праславянский
прусск. — прусский
русск. — русский
словен. — словенский
старослав. — старославянский
чеш. — чешский

Литература

Абаев В. И. *Историко-этимологический словарь осетинского языка (А-К)*. Москва, Ленинград, 1958.

Даль В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. I–IV. Москва, 1955.

Елизаренкова Т. Я. *Ригведа. Мандалы I–IV*. Москва, 1989.

Елизаренкова Т. Я. *Ригведа. Мандалы V–VIII*. Москва, 1999.

Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. *Этимологический словарь иранских языков*. Т. 1. Москва, 2000.

Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. Пер. с нем. (с доп.). Т. 2. Москва, 1967. URL: <http://www.fasmerbook.com>

ЭССЯ — *Этимологический словарь славянских языков*. Москва. Вып. 4 — 1977. Вып. 26. — 1999. Вып. 31 — 2005.

Bader F. Thème et variations sur l'ouverture de l'enclos // A. J. Nussbaum (ed.) *Verba Docenti. Studies in Historical and Indo-European Linguistics presented to Jay H. Jasanoff by students, colleague, and friends*. Ann Arbor, New York, 2007, 1–14.

Benveniste E. Don et échange dans le vocabulaire indo-européen // Benveniste E. *Problèmes de linguistique générale*. Paris, 1966, 315–326.

Cardona G. A Note on Indo-Iranian dhā- (IE *dhē) // *Indian Linguistics*, 1978, 39: 209–224.

Chantraine P. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque*. Paris, 1999.

Duden — Müller, Wolfgang, Eckey, Wolfgang, Drosdowski, Günther, Köster, Rudolf, Scholze-Stubenrecht, Werner. *Duden. Bedeutungswörterbuch*. Bibliographisches Institut, 1985.

Dunkel G. E. *Lexikon der indogermanischen Partikeln und Pronominalstämmen*. Bd. 2, Heidelberg, 2014.

Gonda J. *The Meaning of the Sanskrit Term Dhāman*. Amsterdam, 1967.

Insler S. *The Gāthās of Zarathustra*. Téhéran, Liège, 1975.

Králík L. К этимологии стсл. **obъdo* // *Slavia*, 1992, 27: 154–157.

Martinet A. Non-apophonic o-vocalism in Indo-European // *Word*, 1953, 9: 253–267.

Mayrhofer M. *Etymologisches Wörterbuch des Altindoirischen*. I. Heidelberg, 1992.

Otrębski J. *Gramatyka języka litewskiego*. III, Warszawa, 1956.

Panaino A. *Rite, parole et pensée dans l'Avesta ancien et récent*. Wien, 2004.

Renou L. *Grammaire de la langue védique*. Paris, Lyon, 1952.

Renou L. *Grammaire sanscrite*. Paris, 1975.

Rix H., Kümmel M. *Lexikon der indogermanischen Verben*. 2. Auflage, Wiesbaden, 2001.

Sadovski V. *Untersuchungen zu Sprache und Stil des ältesten Indo-Iranischen (Veda und Avesta)*. Habilitationsschrift. Universität Salzburg, 2010.

Vaan M. de. *Etymological Dictionary of Latin and the Other Italic Languages*. Leiden, Boston, 2008.

Wackernagel J., Debrunner A. *Altindische Grammatik*. II.2, Göttingen, 1954.

References

Abaev V. I. *Istoriko-etimologičeskii slovar' osetinskogoazyka (A-K')*. Moskva, Leningrad, 1958. (In Russ.)

Bader F. Thème et variations sur l'ouverture de l'enclos // A. J. Nussbaum (ed.) *Verba Docenti. Studies in Historical and Indo-European Linguistics presented to Jay H. Jasanoff by students, colleague, and friends*. Ann Arbor, New York, 2007, 1–14.

Benveniste E. Don et échange dans le vocabulaire indo-européen // Benveniste E. *Problèmes de linguistique générale*. Paris, 1966, 315–326.

Cardona G. A Note on Indo-Iranian dhā- (IE *dhē) // *Indian Linguistics*, 1978, 39: 209–224.

Chantraine P. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque*. Paris, 1999.

Dal' V. I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorussskogoazyka*. I–IV. Moskva, 1955. (In Russ.)

Duden — Müller, Wolfgang, Eckey, Wolfgang, Drosdowski, Günther, Köster, Rudolf, Scholze-Stubenrecht, Werner. *Duden. Bedeutungswörterbuch*. Bibliographisches Institut, 1985.

Dunkel G. E. *Lexikon der indogermanischen Partikeln und Pronominalstämmen*. Bd. 2, Heidelberg, 2014.

Elizarenkova T. Ya. *Rigveda. Mandaly I–IV*. Moskva, 1989. (In Russ.)

Elizarenkova T. Ya. *Rigveda. Mandalā V–VIII*. Moskva, 1999. (In Russ.)

ESSYa — Etimologičeskii slovar' slavyanskikh yazykov. Moskva. Vyp. 4 – 1977. Vyp. 26. – 1999. Vyp. 31 – 2005. (In Russ.)

Fasmer M. *Etimologičeskii slovar' russkogo yazyka*. Per. s nem. (s dop.). T. 2. Moskva, 1967. URL: <http://www.fasmerbook.com> (In Russ.)

Gonda J. *The Meaning of the Sanskrit Term Dhāman*. Amsterdam, 1967.

Insler S. *The Gāthās of Zarathustra*. Téhéran, Liège, 1975.

Králík L'. К этимологии стсл. **obьdo* // *Slavia*, 1992, 27: 154–157.

Martinet A. Non-aproponic o-vocalism in Indo-European // *Word*, 1953, 9: 253–267.

Mayrhofer M. *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen*. I. Heidelberg, 1992.

Otrębski J. *Gramatyka języka litewskiego*. III, Warszawa, 1956.

Panaino A. *Rite, parole et pensée dans l'Avesta ancien et récent*. Wien, 2004.

Rastorgueva V. S., Edel'man D. I. *Etimologičeskii slovar' iranskikh yazykov*. T. 1. Moskva, 2000. (In Russ.)

Renou L. *Grammaire de la langue védique*. Paris, Lyon, 1952.

Renou L. *Grammaire sanscrite*. Paris, 1975.

Rix H., Kümmel M. *Lexikon der indogermanischen Verben*. 2. Auflage, Wiesbaden, 2001.

Sadovski V. *Untersuchungen zu Sprache und Stil des ältesten Indo-Iranischen (Veda und Avesta)*. Habilitationsschrift. Universität Salzburg, 2010.

Vaan M. de. *Etymological Dictionary of Latin and the Other Italic Languages*. Leiden, Boston, 2008.

Wackernagel J., Debrunner A. *Altindische Grammatik*. II.2, Göttingen, 1954

Addenda

Стоит отметить прасл. **obъdo* ‘сокровищница’, но и ‘драгоценная одежда’ (сложение **объ-* и ***d^heh₁-*, см. [Фасмер 1967 2: 237; ЭССЯ 2005: 161], а также **ob-wid-om* **‘ringsum Bewachtes’* > ‘Schatz, Vermögen, Erbe’ [Králik 1992: 154–157].

Огибенин Борис Леонидович
Страсбургский университет
Страсбург, Франция
Oguibenine Boris Leonidovich
Université de Strasbourg
Strasbourg, France
oguibenine@gmail.com

**Об освоении книжных слов
в истории романских языков:
грамматика, прекрасная и волшебная**
*Mastering learned words in the history of the Romance
languages: Grammar, enchanting and magical*

Чельшева И. И.

Chelysheva I. I.

Статья посвящена этимологии и истории слов, заимствованных в романские языки из письменной латыни и имевших книжное, ученое значение. В процессе освоения этих слов романскими языками они нередко подвергались фонетическим преобразованиям, в том числе и нерегулярным, поскольку трудное для восприятия слово искажалось в речи. Выходя за пределы узкого круга интеллектуалов, эти слова получали новые, дополнительные, значения, связанные с особенностями восприятия таких терминов в средневековой культуре.

Особое внимание уделяется потомкам латинского грецизма *grammatica*, которые обрели в романских языках широкий спектр значений: «латынь», «язык, наречие», «волшебство, магия» и др.

Ключевые слова: история романских языков, историческая лексикология, этимология

The article deals with the history and etymology of words with a learned meaning that were borrowed into the Romance languages from written Latin. While mastering words of this kind, speakers of the Romance languages in many cases exposed them to phonetic transformations, including irregular ones, since difficult words tend to be distorted in speech. In their expansion beyond a limited circle of intellectuals, such words acquired further new meanings related to their role in medieval culture. We focus on the descendants of the Latin

word *grammatica*, itself originally borrowed from Greek, which little by little obtained a variety of meanings: ‘Latin’, ‘language, idiom’, ‘magic, enchantment’.

Key words: history of the Romance languages, historical lexicology, etymology

DOI 10.37892/2313-5816-2021-1-302-311

Этимология принадлежит к числу лингвистических дисциплин, в рамках которых масштаб исследования может варьироваться: от поиска этимона для одного слова вплоть до реконструкции на основе этимологических данных судьбоносных языковых контактов, установления языкового родства и описания процессов формирования языковых семей. Французский лингвист Ж.-П. Шамбон образно охарактеризовал эту возможность достичь высокого уровня обобщения, написав, что ученый «может ограничиться скромной ролью археолога, а может избрать для себя роль архитектора» [Цит. по: Aprile 2004].

Исследования Джой Иосифовны Эдельман в области этимологии принадлежат к работам, в которых этимологические данные выстраиваются в прекрасный архитектурный ансамбль, раскрывая закономерности развития языков в диахронии и объясняя состояние языков в синхронии (см., например, [Эдельман 1990; 2009; 2017; 2019] и др.). Отдавая дань уважения трудам Джой Иосифовны, мы обратимся в данной статье к одной из частных проблем, объединяющей этимологию и историческую лексикологию романских языков.

Наша статья посвящена проблеме освоения языком слов книжного, ученого происхождения и функционированию подобных слов в романских языках в Средние века. Как известно, романская лексика делится на две группы в зависимости от того, каким образом она вошла в состав словаря. Исконные, народные слова (франц. *mots populaires*, итал. *parole popolari*, исп. *palabras patrimoniales*) были унаследованы из народной латыни устным путем, и их форма отражает те

фонетические законы, которые действовали при переходе от латыни к романским языкам. Вторая группа — латинизмы, книжные, ученые слова (франц. *mots savants*, исп. *cultismos*, итал. *parole dotte*) заимствованы из письменной латыни с сохранением (насколько это возможно) структуры этимона. Граница между этими группами довольно расплывчата. Есть полукнижные слова, где фонетические изменения отражены лишь частично; некоторые сочетания звуков изменялись одинаково (или не изменялись вообще) и в книжных, и в народных словах. В итальянском различия с фонетической точки зрения выражены слабо: ср. *giustizia* ‘справедливость’ — книжное слово — и *giustezza* ‘точность’ — народное. Но во французском языке можно говорить об особой фонетике книжных слов [Реферовская и др. 2001: 181]. Это разделение основано на происхождении слова, а не на его значении. Но, в принципе, слова, связанные с интеллектуальной сферой, книжные и научные термины ожидаемо оказываются латинизмами, заимствованными из письменной латыни. Вместе с тем, их освоение языком нередко проходило своеобразно и сложное для восприятия слово «прорастало» в языке в виде разных формальных и семантических вариантов.

Отметим некоторые общие черты в истории функционирования книжных слов в диахронии. Наряду с сохранением структуры этимона, действовала и противоположная тенденция. Слова частотные, например религиозные термины, пришедшие через христианскую латынь, часто изменялись нестандартно, искажаясь в речи. Наряду с формой *adultere* из *adulterium* ‘прелюбодеяние’ в старофранцузском существовала форма *avoutre*, наряду с *excommunier* из *excommunicare* ‘отлучать от церкви’ — вариант *escomengier*. В староитальянском сосуществовали разные формы от лат. *episcopus*: книжный вариант *episcoro* и разнообразные народные формы — *vescovo*, *viscovo*, *biscoro* [LEI]. В литературном языке остался лишь вариант *vescovo*, где не только отражен закономерный переход интервокального [p] в [v], но и нерегулярная афереза

начального гласного. Ср. также итал. *Vangelo* 'Евангелие'. Заметим, что многовариантность для книжных слов не была чем-то исключительным. Леонардо да Винчи использовал более десятка форм для анатомического термина «диафрагма» — *diafragma*, *diaflacma*, *diaframma*, *diaflamma*, *diafracma* и др. [E-Leo]. Леонардо не имел классического образования, но назвать его безграмотным нельзя. Он подходил к проблеме практически: слово в любом варианте было узнаваемо, а этого достаточно для понимания написанного.

Остановимся подробнее на судьбе потомков латинского *grammatica*. В средневековой Европе *grammatica* прочно связывалась с университетской средой, обозначая первую ступень тривиума и первое из семи свободных искусств, за которой следовали логика и риторика.

Во французском это слово развивалось нестандартно и его трудно безоговорочно отнести к книжным или к народным словам. Из лат. *grammatica* в соответствии с закономерностями перехода от народной латыни к французскому не могла получиться форма *grammaire*; ср. регулярное развитие подобных исходов в *piège* из лат. *pedica* или *voiage* из *viaticum*. Есть точка зрения, что на французский повлияла окситанская форма *grammaira* [Littré], но возможна и деформация ученого слова, типа упомянутой выше.

В старофранцузском постоянно встречалось написание *grantmaire*, *grandmaire*. Подобное написание стало возможным из-за особенностей французской фонетики в прошлом: перед носовым согласным происходила назализация гласного и в открытом, и в закрытом слоге. *Grammaire* произносилось также, как и *grand-mère* 'бабушка'. Такое сближение выглядит во французском иначе, чем в русском. При написании *grantmaire*, *grandmaire* в слове появлялся формант *grand* 'большой, великий', отражая значимость и весомость этой ученой дисциплины. К XVII в. грамматика перестала быть «великой». В «Ученых женщинах» Мольера такое восприятие слова обыгрывается юмористически: госпожа возмущается

неправильной речью служанки, а та, не зная слова «грамматика», слышит совсем другое: «Veux-tu toute ta vie offenser la grammaire ? — Qui parle d'offenser grand'mère ni grand'père ?» 'Ты собираешься всю жизнь оскорблять грамматику? — Да кто говорит об оскорблении бабушки и деда?' [Molière].

Обратимся теперь к тем значениям, которые обрела эта лексема в романских языках. Только латынь в представлении средневековой Европы обладала правилами, упорядоченностью и красотой. Анонимный автор переводов на французский библейских псалмов (середина XIV в.), писал: «...li latin warde ses rigles de gramaire et ses congruiteiz et ordenances, en figures, en qualiteiz, en comparison, en persones, en nombres, en temps, en declinesons <...> que on romans ne en françoiz on ne puet proprement wardeit» '...латынь соблюдает свои правила грамматики и свои соответствия, и свой порядок в фигурах [речи], в качествах, в сравнениях, в лицах, в числах, во временах, в склонениях <...> которые ни в романском, ни во французском соблюдать, как следует, невозможно' [Psautier de Metz 1884: 3].

Грамматика как наука о языке мыслилась только как латинская, и слово стало одним из обозначений латинского языка. В староитальянском нередко писали при переводах «traslatato da grammatica» 'переведено с грамматики', т. е. с латинского [ТЛЮ]. Иногда лингвонимы образовывали парадоксальную пару: «грамматикой» именовалась латынь, а «латинским» — итальянский, поскольку итальянцы считали себя наследниками Рима. В середине XIV в. обучение в школе в Тоскане описывалось так: In pochi mesi <...> imparò a parlare latino, cioè toscano. <...> et imparò a leggere e a scrivere mercantatescho senza gramaticha 'За несколько месяцев <...> он научился говорить на латыни, т. е. на тосканском. <...> и научился читать и писать на торговый манер без грамматики' [Цит. по: Migliorini 1961: 238]. «Без грамматики» значит, что латыни этого ученика не обучали. И для французов в XII в. книга на латыни была «книгой на грамматике»: En franceise

raison at estrait Bestiaire, un livre de gramaire ‘На французский манер переложил он Бестиарий, книгу латинскую’ [Philippe de Thaon].

Латынь воспринималась как основной письменный язык, как язык *par excellence*. Не удивительно, что «латынью» в романском мире могли именовать любой язык, даже птичье пенье: *Cil oiselet cantent souef en lor latin* ‘Эти птички сладко поют на своем языке’ [Godefroy]. И *grammatica* как одно из обозначений латыни могло также обозначать любой язык. Во «Всеобщей истории» Альфонса Мудрого (*Estoria General*, 1275) дается объяснение топонима Сетубал: «*Y llámanse en la primería estas compañías cetubales, de cetus, que dizien en la nuestra gramátiga por compañías...*» ‘И назывались сначала эти племена сетубалы, от *cetus*, что на нашем языке — племена...’ [Corpus del Nuevo diccionario histórico]. Учитывая, что текст на кастильском, *nuestra gramátiga* ‘наша грамматика’, т. е. наш язык это именно кастильский.

Идея правильности и красоты оказалась настолько связана со словом *grammatica*, что образованное от него качественное наречие зафиксировано в итальянском XIV в. в значении «изящно», «благородно». Так «грамматично» (*gramadegamenti*) держится на коне героиня куртуазных романов королева Изольда: «*Quando li cavalieri fono preso de la raina Yxota ed ei la vedeno cavalchare tanto nobelmente e gramadegamenti*» ‘Когда рыцари оказались рядом с королевой Изольдой, они увидели, как она скачет верхом столь благородно и изящно...’ [TLIO].

Есть и еще одна линия в семантическом развитии этой лексемы. Первое появление этого слова во французском тексте относится к 1165 г.; в «Романе о Трое» *gramaire* употреблено в значении «книга о магии», «книга заклинаний» [Littré]. Грамматику постоянно наделяли магической, волшебной силой. Те, кто владел этой наукой, воспринимались как люди мудрые и ученые. В «Романе о Фивах» (Франция, XIII в.) *artimaire* ‘магическое искусство’ и *grammaire* стоят рядом как

две стороны волшебства: «Amphÿon...assembla ci par artimaire Et par la force de gramaire Et par le chant de sa viele» ‘Амфион построил стену с помощью своего мастерства, силой магии и звуком своей виолы’ [Godefroy].

Грамматика постоянно упоминалась рядом с некромантией, т. е. черной магией, и геомантией, гаданием на горсти земли: «Sage homme a merveille, qui en son temps avoit estudié a Toulette en l’art de gramaire et en geomancie» ‘Необыкновенный мудрец, который в свое время изучил в Толедо искусство магии (букв. грамматики) и геомантии’ [DMF]. То, что речь идет именно о магии, подтверждается и местом обучения — Толедо считался признанным центром алхимии и магии.

В старофранцузском в этом значении встречалась и форма *grimoire*, которую также можно считать деформацией *grammatica*. Этот вариант уже в XV в. приобрел дополнительное значение «нечто непонятное, запутанное, неразборчивое» [DMF], так как грамматика оставалась для того, кто не знал латыни и вообще не умел читать, закрытым миром непонятных звуков и слов. Появление формы *grimoire* с *-i-* в корне связывают с влиянием *grimase* ‘гримаса’, что объяснимо: перед говорящим вставала картина произнесения магических заклинаний с выражением лица, соответствующим моменту. Как архаизм *grimoire* ‘книга заклинаний’ сохранилось во французском языке, но связь с *grammaire* утратило, приобретя вполне предугадываемое значение — «запутанный, бессмысленный текст».

Мы ограничились немногими примерами из романских языков и не затронули историю потомков *grammatica* в английском, где во многом повторяется французская ситуация, а местами происходят дополнительные неожиданные повороты, как, например, с формой *glamour*. На наш взгляд изучение истории книжных слов может быть столь же интересно и познавательно, как и этимологическая история слов исконных.

Литература

Реферовская Е. А., Бокадорова Н. Ю., Гулыга О. А., Чельшева И. И. Французский язык // *Языки мира. Романские языки*. Москва, 2001, 194–250.

Эдельман Д. И. *Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Морфология. Элементы синтаксиса*. Москва, 1990.

Эдельман Д. И. *Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Лексика*. Москва, 2009.

Эдельман Д. И. *Иранские и славянские языки. Исторические отношения*. Изд. 2-е, доп. Москва, 2017.

Эдельман Д. И. К этимологии обозначений веры-религии и веры-доверия в иранских языках // *Лингвокультурологические исследования. Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах*. Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, М. Л. Ковшова. Москва, 2019, 143–151.

Aprile M. *Le strutture del lessico etimologico italiano*. Lecce, 2004. URL: <http://www.congedoeditore.it/le-strutture-del-lessico-etimologico-italiano.html>

Benoît de Sainte-Maure. *Le Roman de Troie*. URL: <https://www.lettere.uniroma1.it/sites/default/files/581/TESTI%20IN%20LETTURA%20NON%20FREQUENTANTI.pdf>

Corpus del Nuevo diccionario histórico. URL: [http://web.frl.es/Dictionnaire du Moyen Français \(1330–1500\)](http://web.frl.es/Dictionnaire du Moyen Français (1330–1500)). URL: www.atilf.fr/dmf

E-leo. Leonardo. Archivio digitale di tecnica e della scienza. URL: <https://www.leonardodigitale.com/>

Godefroy F. *Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes*. URL: <http://micmap.org/dicfro/search/dictionnaire-godefroy>

Lessico etimologico italiano. URL: <https://www.uni-saarland.de/lehrstuhl/schweickard/lei.html>

Littre E. *Dictionnaire de la langue française*. URL: <http://www.littre.org>

- Migliorini B. *Storia della lingua italiana*. Firenze, 1961.
- Molière J.-B. *Femmes savantes*. URL: <http://www.toutmoliere.net/acte-2,405428.html>
- Philippe de Thaon. *Bestiaire*. Ed. par E. Walberg. Lünd, 1900. URL: <http://catalog.bfm-corpus.org/bestiaire>
- Psautier de Metz*. Ed. par F. Bonnardot. Paris, 1884.
- TLIO. Tesoro della lingua italiana delle origini*. URL: <http://tlio.oivi.cnr.it/TLIO/>

References

- Aprile M. *Le strutture del lessico etimologico italiano*. Lecce, 2004. URL: <http://www.congedoeditore.it/le-strutture-del-lessico-etimologico-italiano.html.n>
- Benoît de Sainte-Maure. *Le Roman de Troie*. URL: <https://www.lettere.uniroma1.it/sites/default/files/581/TESTI%20IN%20LETTURA%20NON%20FREQUENTANTI.pdf>
- Corpus del Nuevo diccionario histórico*. URL: <http://web.frl.es/>
- Dictionnaire du Moyen Français (1330–1500)*. URL: www.atilf.fr/dmf
- Edel'man D. I. *Iranskiye i slavyanskiye yazyki. Istoricheskiye otnosheniya*. Izd. 2-ye, dop. Moskva, 2017. (In Russ.)
- Edel'man D. I. K etimologii oboznacheniy very-religii i very-doveriya v iranskikh yazykakh // *Lingvokul'turologicheskiye issledovaniya. Logicheskyy analiz yazyka. Ponyatiye very v raznykh yazykakh i kul'turakh*. Otv. red. N. D. Arutyunova, M. L. Kovshova. Moskva, 2019, 143–151. (In Russ.)
- Edel'man D. I. *Sravnitel'naya grammatika vostochnoiranskikh yazykov. Morfologiya. Elementy sintaksisa*. Moskva, 1990. (In Russ.)
- Edel'man D. I. *Sravnitel'naya grammatika vostochnoiranskikh yazykov. Leksika*. Moskva, 2009. (In Russ.)
- E-leo. Leonardo. Archivio digitale di tecnica e della scienza*. URL: <https://www.leonardodigitale.com/>
- Godefroy F. *Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes*. URL: <http://micmap.org/dicfro/search/dictionnaire-godefroy>

Lessico etimologico italiano. URL: <https://www.uni-saarland.de/lehrstuhl/schweickard/lei.html>

Littre E. *Dictionnaire de la langue française*. URL: <http://www.littre.org>

Migliorini B. *Storia della lingua italiana*. Firenze, 1961.

Molière J.-B. *Femmes savantes*. URL: <http://www.toutmoliere.net/acte-2,405428.html>

Philippe de Thaon. *Bestiaire*. Ed. par E. Walberg. Lünd, 1900. URL: <http://catalog.bfm-corpus.org/bestiaire>

Psautier de Metz. Ed. par F. Bonnardot. Paris, 1884.

Referovskaja E. A., Bokadorova N. Y., Gulyga O. A., Chelysheva I. I. Frantsuzskij yazyk // *Yazyki mira. Romanskie yazyki*. Moskva, 2001, 194–250. (In Russ.)

TLIO. Tesoro della lingua italiana delle origini. URL: <http://tlio.oivi.cnr.it/TLIO/>

Чельшева Ирина Игоревна
Институт языкознания РАН
Москва, Россия
Chelysheva Irina Igorevna
Institute of Linguistics, RAS
Moscow, Russia
chelirin@gmail.com

**Новое в исследовании контактов северо-
западных тибетских диалектов с дардскими
языками и языком бурушаски**

**Update on the study of contact between Northwestern
Tibetan dialects, Dardic languages, and Burushaski**

Коган А. И.

Kogan A. I.

В статье кратко излагаются результаты недавних исследований автора по вопросу о возможном влиянии арийских языков и языка бурушаски на тибетские диалекты Ладакха и Балтистана. Основное внимание уделено анализу лексики. Делается вывод о наиболее вероятной принадлежности языка — источника арийских заимствований в рассмотренных автором тибетских идиомах к дардской ветви.

Ключевые слова: тибетские диалекты, балти, пурик, ладакхи, бурушаски, арийские языки, дардские языки, языковые контакты, лексические заимствования

The article summarizes the author's recent research on possible Aryan and Burushaski influence on the Ladakh and Baltistan dialects of Tibetan, focusing on vocabulary items. The analysis demonstrates that the source language of Aryan loanwords in the Tibetan varieties under study must have belonged to the Dardic branch.

Key words: Tibetan language, Balti, Purik, Ladakhi, Burushaski, Aryan languages, Dardic languages, language contact, lexical borrowing
DOI 10.37892/2313-5816-2021-1-312-323

Северо-западная окраина тибетского языкового ареала, ныне входящая в состав индийской союзной территории

Ладакх и подконтрольной Пакистану области Гильгит-Балтистан, была некогда регионом весьма интенсивных этнических и языковых контактов. Важнейшей составляющей этих контактов должна была являться постепенная ассимиляция появившимися в данном районе в VIII в. н. э. тибетцами местного дотибетского населения. Вопрос об этноязыковой принадлежности этого населения до сих пор не нашел общепринятого решения, хотя гипотезы на данный счет начали высказываться весьма давно. Пожалуй, наиболее известная из них была выдвинута более столетия назад крупным немецким тибетологом Августом Германом Франке. Согласно ей, жители Ладакха и сопредельных областей до прихода тибетцев принадлежали к двум этническим группам — монам и дардам [Francke 1907]. Происхождение первой из этих групп неясно, в то время как дарды считались родственными обитателям долин Восточного Гиндукуша и Каракорума¹.

А. Г. Франке также полагал, что последним остатком «дардского» населения в современном ему Ладакхе были жители нескольких отдаленных деревень, не подвергшиеся лингвистической ассимиляции и сохранившие родной язык с дотибетской эпохи [Francke 1906]. Речь шла о представителях этнической группы, известной как брокпа. Брокпа по сей день проживают в ряде селений в округах Лех и Каргил союзной территории Ладакх и, несмотря на далеко зашедшую тибетизацию различных сфер культуры, включая религию, продолжают говорить на восточнотибетском языке брокскат, близкородственном языку шина.

¹ Необходимо отметить, что термин «дарды», в наши дни используемый прежде всего как лингвистический и обозначающий носителей языков дардской ветви арийской группы индоевропейской языковой семьи, во времена Франке был скорее этногеографическим и мог применяться также к носителям языка бурушаски.

В XX в. точка зрения А. Г. Франке приобрела популярность среди ученых, причем не только тибетологов², и в настоящее время она может считаться общепринятой. Вместе с тем крайний недостаток материала как по северо-западным тибетским диалектам, так и по языку брокскат вплоть до недавнего времени не позволял подвергнуть данную гипотезу полноценной проверке с лингвистических позиций. За последние десятилетия, однако, ситуация радикальным образом изменилась. Были составлены и опубликованы словари и грамматические описания различных идиомов Ладакха и Балтистана, как тибетских, так и дардских [Abdul Hamid 1998; Sharma 1998; Sprigg 2002; Norman 2010; Zemp 2018], благодаря чему в распоряжении исследователей появилось значительное количество фактов, в целом, на наш взгляд, достаточное для верификации построений Франке. Попытка такой верификации с опорой прежде всего на лексические данные была сделана недавно автором настоящей статьи. Ниже в сжатом виде будут представлены результаты, полученные в ходе исследования данного круга вопросов.

Нами была произведена расписка словарей ладакхи, пурик и балти³ на предмет наличия в них лексем, усвоенных

² Ср., например, высказывание Д. И. Эдельман: «По некоторым данным, дардские языки имели прежде значительно больший ареал: они охватывали всю северную часть Индии, включая исторические Балтистан, Пенджаб и Лахнда, и заходили даже в западную часть Тибета» [Эдельман 1965: 8].

³ Термин «ладакхи» обычно используется в литературе как собирательное название всех тибетских идиомов, распространенных в округе Лех индийской союзной территории Ладакх. Название «балти» исторически применялось к тибетскому диалекту г. Скраду, ныне центра одноименного округа пакистанской территории Гильгит-Балтистан. Пурик или пурки — традиционное наименование диалекта города и округа Каргил союзной территории Ладакх. Носители диалектов Скарду и Каргила, а также ряда прилегающих говоров, в отличие от собственно

из арийских языков и языка бурушаски. Результаты данного исследования полностью приведены и детально проанализированы в работе [Kogan 2019]. Всего было выявлено более ста вероятных лексических заимствований. Среди них обнаруживается примерно равное число лексем арийского происхождения и усвоенных из бурушаски. При этом лексика бурушаскского происхождения преобладает среди заимствований, характерных только для «мусульманских» диалектов (балти и пурик), в то время как заимствования, специфичные для ладакхи, большей частью имеют арийское происхождение. Данная картина, вероятнее всего, объясняется различиями в этническом и языковом составе населения разных областей исследуемого региона в дотибетскую эпоху.

Выявленная нами заимствованная лексика обладает рядом весьма показательных историко-фонетических особенностей. Так, в некоторых словах бурушаскского происхождения обнаруживается начальный глухой или глухой придыхательный, соответствующий звонкому в современном бурушаски (ср. балти *kóḍos* ‘круглый камень, булыжник’ при бурушаски *guyos* ‘точильный камень’; балти *phaḍa* ‘лысый’ при бурушаски *baṭa* то же; балти *ṭyaku* ‘ветвь дерева, используемая как клюшка’, ладакхи *taku, teku, ṭaku* ‘палка с загнутым концом, клюшка для игры в поло’ при бурушаски *ḍāku* ‘трость’). Данное явление требует дальнейшего изучения. В первом из приведенных выше примеров мы видим также соответствие звонкого церебрального смычного *ḍ* в балти звонкому церебральному спиранту *y* в бурушаски. Поскольку известно, что данный спирант нередко отражает интервокальный *ḍ* в заимствованиях

ладакхцев и тибетцев, являются мусульманами по религии, и в настоящее время терминами «балти» и «пурик» нередко обозначают все идиомы, используемые тибетоязычным мусульманским населением по пакистанскую и индийскую стороны Линии контроля соответственно. Подобной расширительной трактовки двух указанных лингвонимов придерживаются и авторы использованных нами словарей.

из индоарийских языков [Berger 1998: 22], нельзя исключить, что он развился из более раннего церебрального взрывного. Если это так, то заимствование в балти, по всей видимости, отражает более раннюю ступень историко-фонетического развития, чем формы, засвидетельствованные в современных диалектах бурушаски.

Еще более интересные результаты дал анализ исторической фонетики заимствований арийского происхождения⁴. Прежде всего следует отметить, что та часть арийского лексического пласта, которая присуща всем рассмотренным нами диалектам, совершенно не обнаруживает случаев разнобоя в историко-фонетическом развитии в одной и той же позиции в слове. Отдельные подобные случаи были выявлены только в заимствованиях, характерных для мусульманских идиомов. Это означает, что на ранних этапах арийско-тибетских контактов (до обособления балти и пурик) заимствованная лексика усваивалась, скорее всего, из одного, а не из нескольких источников.

Некоторые историко-фонетические особенности арийских заимствований указывают на высокую вероятность принадлежности языка-донора к дардской ветви. К таким особенностям относится, в частности, рефлексация двух консонантных кластеров: общепар. **kš* и и.-е. **tk*⁵. Они отражаются в виде глухой придыхательной палатальной и глухой придыхательной зубной аффрикаты соответственно (ср. балти, пурик *chal*⁶ ‘перетекать, переливаться через край’,

⁴ В полном объеме эти результаты опубликованы в работе [Коган 2020].

⁵ В более ранней индоевропейской реконструкции данный кластер восстанавливался с глухим спирантом Бругмана (**kʰ*).

⁶ Примеры из тибетских диалектов даны в традиционной тибетологической транскрипции. Глухая палатальная аффриката транскрибируется как *c*, глухая дентальная аффриката — как *ts*, их придыхательные корреляты — как *ch* и *tsh* соответственно.

ладакхи *chal-ces* ‘переливаться через край, выплескиваться’⁷ при др.-инд. *kṣarati*, *kṣalati* ‘течет, струится’, *kṣālayati* ‘моет’, общеир. **xšar-* ‘течь’ (> ср.-перс. *Xšart* ‘р. Сырдарья’ [Лившиц 2003]), перс. *šārīdan* ‘струиться’, (*āb*)*šār* ‘водопад’, осет. *āxsārdzān* ‘водопад’ (< **xšar-čana-*), кашм. *čhalun* ‘мыть’, г.-б. *čhār* ‘стремнина’, пхал., майян *čhār*, башк., кал. *učhār*, шина *čhar* ‘водопад’; балти *tshon* ‘повреждение, увечье’, *tshak* ‘ревматизм’, пурик *tshaq* ‘боль при затрудненном дыхании’, ладакхи *tshak* ‘внезапная судорога, внезапная острая боль’ при др.-инд. *kṣaṇoti* ‘увечит, причиняет боль’, *kṣataka-* ‘рана’ (= балти, ладакхи *tsak?*), *kṣati-* ‘увечье, вред’, кховар *čay* ‘болезнь’, хот.-сак. *vaṣanaurau* ‘разрушительный’ < **vi-šana-bara-* [Bailey 1979: 379], согд. *ptš’nhk* ‘орудие пыток’ < **pati-šana-ka-* [Gershevitch 1954: 96], греч. *κτείνω* ‘убиваю’ < и.-е. **tk’en-* [Rix, Kümmel et al. 2001: 645]).

Важно отметить, что для языка — источника арийских заимствований в северо-западных тибетских диалектах характерна дентализация старых палатальных аффрикат⁸ (ср. ладакхи *tsapik* ‘немного’, вероятно, родственное шина *čap-*, майян *cap-*, г.-б. *cep-* ‘кусать’, кашм. *cop* ‘укус’⁹, белудж. *čāmp-* ‘хватать’, мундж. *cəb-* ‘ущипнуть’ < общеар. **čap-* ‘хватать, собирать, щипать’¹⁰; балти (*d*)*zan-zos*, пурик *zan-zos*¹¹ ‘жена, семья’ при др.-инд. *jani-*, авест. *jaini-*, пхал. *jeeni*, кашм. *zən’*,

⁷ Все приведенные в данной работе примеры из балти взяты из словаря [Sprigg 2002], примеры из пурик и ладакхи — из словаря [Norman 2010].

⁸ У звонких аффрикат за дентализацией иногда следовала ассимиляция.

⁹ Ср. аналогичное семантическое развитие в англ. *a (little) bit*.

¹⁰ Многочисленные иранские рефлексy данного корня см. в [Расторгуева, Эдельман 2003: 221–226].

¹¹ Данное слово, по-видимому, представляет собой композит со вторым компонентом, этимологически тождественным кл.-тиб. *tshos* ‘цвет’, и исходным значением ‘женская внешность’. Подробнее см. [Kogan 2019].

перс. *zan* ‘женщина’, башк. *jin kar-* ‘жениться’; балти *gzar*, пурик *zar* ‘течь’, ладакхи *dzar-cas* ‘капать, стекать, вытекать’ при авест. *γžar-* ‘течь’, осет. *ğzælyn* ‘стекать, капать’, др.-инд. *jhara-* ‘водопад’, пракр. *jharāi* ‘капает’, хинди *jharnā* ‘выте- кать’ < общеар. **gjar-* < и.-е. **dhg^wher-* [Cheung 2007: 124] или **gugh'er-* [Rix, Kümmel et al. 2001: 213–214]). Наличие в рассматриваемом языке передвижения старых палатальных аффрикат в зубной ряд позволяет предположить, что на более раннем этапе рефлекс и.-е. **tk'* имел вид **čh*. Более ранний прототип начального глухого палатального, отражающего общеар. **kš* в приведенных выше примерах из балти, пурик и ладакхи, не вполне ясен. Следует, однако, иметь в виду, что в ряде языков ареала дентализация исторических палатальных аффрикат сопровождалась передвижением в палатальный ряд более ранних церебральных: **č(h) > c(h)*, **č(h) > č(h)*. Данный процесс, характерный, например, для языка кашмири [Коган 2016], затрагивал и рефлекс общеар. **kš*. Если подобное передвижение аффрикат было имело место и в языке — источнике вышерассмотренных заимствований, чего никак нельзя исключить, рефлекс общеар. **kš* и и.-е. **tk'* для более раннего состояния этого языка следует реконструировать как **čh* и **čh* соответственно. Данная реконструкция идентична реконструкции рефлексов двух анализируемых кластеров в позднем общедардском праязыковом состоянии.

Наличие двух разных аффрикатных рефлексов в начальной позиции однозначно говорит о невхождении рассматриваемого языка в восточнодардскую подгруппу, для которой характерно совпадение рефлексов общеар. **kš* и и.-е. **tk'* в анлауте в виде церебрального *čh* [Коган 2016]. Данный факт не позволяет идентифицировать дотибетское население Ладакха с носителями ранней формы языка брокскат: последний относится именно к восточнодардским языкам.

Показательно, что выявленная нами система рефлексов общеар. **kš* и и.-е. **tk'*, будучи выводимой из общедардского состояния, не может быть выведена из древнеиндийского, где

отражения рассмотренных сочетаний совпали в виде $k\zeta$, или из общеиранского, где их рефлексы (* $\chi\zeta$ и * ζ соответственно) не являются аффрикатами. Таким образом, данную историко-фонетическую изоглоссу можно считать существенным препятствием для отнесения языка — источника арийских лексических элементов в ладках, пурик и балти — к индоарийской или иранской группе. В данной связи следует заметить, что в ходе анализа исторической фонетики этих лексических элементов мы не обнаружили ни одного примера специфически индоарийского или иранского фонетического развития. При этом было выявлено некоторое количество изоглосс, которые, подобно рассмотренной выше, указывают на невхождение в определенные ветви арийских языков. Так, невозможность классификации рассматриваемого языка как иранского следует, помимо всего прочего, из факта отсутствия в нем перехода и.-е., общеар. * $s > h$, * $su > \chi^w$ (ср. ладакхи *sale* ‘вязальная спица’ при пхал. *silēni* ‘иголка’, др.-инд. *sīvyati* ‘шьет’, хот.-сак. *hīya* ‘сшитые ткани’, осет. *χwīyin* ‘шить’; балти *basanda* ‘одуванчик’ при др.-инд. *vāsanta-* ‘весенний’¹², *vasanta-* ‘весна’, др.-перс. *-vāhara-*, перс. *bahār* ‘весна’; балти, пурик, ладакхи *spa* ‘вкус’ при др.-инд. *svāda-*, общеар. * $\chi wāda-$ ‘вкус’ (> перс. *χvā* ‘хороший вкус’, белудж. *wād* ‘соль’) < общеар. * $suāda-$).

Также не представляется возможным вывести выявленные нами заимствования из нуристанского источника: в них не обнаруживается характерный для нуристанских языков переход и.-е. * $k' > c$. Единственным отмеченным нами рефлексом индоевропейского палатовелярного является палатальный сибилант¹³ (ср. ладакхи *shen-ces* ‘раздавливать’ при др.-инд. *śṛṇāti* ‘раздавливает, ломает, авест. *asarə-ta-* ‘неудрученный (букв. ‘несломанный’)’, кховар *šenik* ‘раздавливать’ < и.-е. * $k' erh_2-$

¹² Предполагаемое семантическое развитие: ‘весенний’ > ‘весенний цветок’ > ‘одуванчик’.

¹³ В примерах из тибетских диалектов мы, следуя тибетологической традиции, транскрибируем его как *sh*.

‘ломаться, разламываться’ [Rix, Kümmel et al. 2001: 327–328]; балти *shang* ‘мудрость, разум’, ладакхи *shang* ‘бдительность, осторожность, благоразумие’ при шина *ṣṛṇ* ‘забота, озабоченность; бодрствующий, бдительный’, кховар *ṣaṅg* ‘страх, подозрение’, др.-инд. *śaṅkā-* ‘страх, недоверие’, *śaṅkate* ‘боится, не доверяет’ < и.-е. **k'enk-* ‘быть в подвешенном состоянии’ [Rix, Kümmel et al. 2001: 325]).

Приведенный выше материал позволяет внести некоторую ясность в вопрос о генетическом положении рассматриваемого языка внутри арийской языковой общности. Наиболее вероятной при нынешнем уровне знаний следует считать принадлежность этого языка к дардской ветви. «Дардская» гипотеза, в отличие от «индоарийской», «иранской» и «нуристанской», не входит в противоречие с данными исторической фонетики и при этом подтверждается отдельными историко-фонетическими фактами. Таким образом, точка зрения А. Г. Франке сохраняет научную ценность, хотя и в откорректированном виде. Дотибетское население Ладакха, вероятно, действительно говорило на одном из дардских языков, однако язык этот не относился к восточnodардской подгруппе и поэтому не мог являться предком современного языка брокскат. Выяснение же реальных генетических отношений идиома — донора рассмотренных нами заимствований с прочими языками дардской группы пока остается делом будущего.

Сокращения

- авест. — авестийский
- англ. — английский
- башк. — башкарик
- белудж. — белуджский
- г.-б. — гавар-бати
- греч. — греческий
- др.-инд. — древнеиндийский
- др.-перс. — древнеперсидский

и.-е. — индоевропейский
кал. — калаша
кашм. — кашмири
кл.-тиб. — классический тибетский
мундж. — мунджанский
общеар. — общеарийский
общеир. — общеиранский
осет. — осетинский
паш. — пашаи
перс. — персидский
пракр. — пракриты
пхал. — пхалура
согд. — согдийский
ср.-перс. — среднеперсидский
хот.-сак. — хотаносакский

Литература

Коган А. И. *Проблемы сравнительно-исторического изучения языка кашмири*. Москва, 2016.

Лившиц В. А. Древнее название Сырдарьи // *Вестник древней истории*, 2003, 1(244): 3–10.

Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. *Этимологический словарь иранских языков*. Т. 2 (b—d). Москва, 2003.

Эдельман Д. И. *Дардские языки*. Москва, 1965.

Abdul Hamid. *Ladakhi-English-Urdu dictionary with an English-Ladakhi index*. Leh, 1998.

Bailey H. W. *Dictionary of Khotan Saka*. Cambridge, London, New York, Melbourne, 1979.

Berger H. *Die Burushaski-Sprache von Hunza und Nager. Teil III. Wörterbuch Burushaski-Deutsch, Deutsch-Burushaski. Unter Mitarbeit von Nasiruddin Hunzai*. Wiesbaden, 1998.

Cheung J. *Etymological dictionary of the Iranian verb*. Leiden *Indo-European etymological dictionary series*. Leiden, Boston, 2007.

Francke A. H. The Dards at Khalatse in Western Tibet // *Memoirs of the Asiatic Society of Bengal*, 1906, 1(19): 413–419.

Francke A. H. *A history of Western Tibet: one of the unknown empires*. London, 1907.

Gershevitch I. *A grammar of Manichean Sogdian*. Oxford, 1954.

Kogan A. I. On possible Dardic and Burushaski influence on some Northwestern Tibetan dialects // *Journal of Language Relationship*, 2019, 17(4): 263–284.

Kogan A. I. Notes on the historical phonology of Indo-Iranian loanwords in Northwestern Tibetan dialects // *Journal of Language Relationship*, 2020, 18(4): 261–75.

Norman R. *A dictionary of the language spoken by Ladakhis*. Ms. (unpublished draft), 2010.

Rix H., Kümmel M. et al. *Lexikon der indogermanischen Verben*. Wiesbaden, 2001.

Sharma D. D. *Tribal languages of Ladakh. Part one. A concise grammar and dictionary of Brok-Skad*. New Delhi, 1998.

Sprigg R. K. *Balti-English, English-Balti dictionary*. New York, London, 2002.

Zemp M. *A grammar of Purik Tibetan*. Leiden, Boston, 2018.

References

Abdul Hamid. *Ladakhi-English-Urdu dictionary with an English-Ladakhi index*. Leh, 1998.

Bailey H. W. *Dictionary of Khotan Saka*. Cambridge, London, New York, Melbourne, 1979.

Berger H. *Die Burushaski-Sprache von Hunza und Nager. Teil III. Wörterbuch Burushaski-Deutsch, Deutsch-Burushaski. Unter Mitarbeit von Nasiruddin Hunzai*. Wiesbaden, 1998.

Cheung J. *Etymological dictionary of the Iranian verb. Leiden Indo-European etymological dictionary series*. Leiden, Boston, 2007.

Edel'man D. I. *Dardskie yazyki*. Moskva, 1965. (In Russ.)

Francke A. H. *A history of Western Tibet: one of the unknown empires*. London, 1907.

Francke A. H. The Dards at Khalatse in Western Tibet // *Memoirs of the Asiatic Society of Bengal*, 1906, 1(19): 413–419.

Gershevitch I. *A grammar of Manichean Sogdian*. Oxford, 1954.

Kogan A. I. *Problemy sravnitel'no-istoricheskogo izucheniya yazyka kashmiri*. Moskva, 2016. (In Russ.)

Kogan A. I. Notes on the historical phonology of Indo-Iranian loanwords in Northwestern Tibetan dialects // *Journal of Language Relationship*, 2020, 18(4): 261–75.

Kogan A. I. On possible Dardic and Burushaski influence on some Northwestern Tibetan dialects // *Journal of Language Relationship*, 2019, 17(4): 263–284.

Livshits V. A. Drevnee nazvanie Syrdar'i // *Vestnik drevnei istorii*, 2003, 1(244): 3–10. (In Russ.)

Norman R. *A dictionary of the language spoken by Ladakhis*. Ms. (unpublished draft), 2010.

Rastorgueva V. S., Edel'man D. I. *Etimologicheskii slovar' iranskikh yazykov. T. 2 (b—d)*. Moskva, 2003. (In Russ.)

Rix H., Kümmel M. et al. *Lexikon der indogermanischen Verben*. Wiesbaden, 2001.

Sharma D. D. *Tribal languages of Ladakh. Part one. A concise grammar and dictionary of Brok-Skad*. New Delhi, 1998.

Sprigg, R. K. *Balti-English, English-Balti dictionary*. New York, London, 2002.

Zemp M. *A grammar of Purik Tibetan*. Leiden, Boston, 2018.

Коган Антон Ильич

Институт востоковедения РАН

Москва, Россия

Kogan Anton Ilyich

Institute of Oriental Studies, RAS

Moscow, Russia

kogan_anton@yahoo.com

**Пространственная ориентация
в верхнекускоквимском языке: традиционная
система и контактная реинтерпретация¹**
***Spatial orientation in Upper Kuskokwim:
The traditional system and its contact-based reinterpretation***

Кибрик А. А.

Kibrik A. A.

Верхнекускоквимский язык (атабаскская языковая семья, Аляска) использует развитую систему пространственной ориентации. Эта система основана на топологических осях «выше/ниже по течению» и «выше/ниже по склону», которые могут использоваться, в том числе, и в глобальном масштабе – применительно к наиболее крупным ориентирам местности: реке Кускоквим и Аляскинскому хребту. После того как среди верхнекускоквимцев распространились билингвизм и бикультурность, у разных носителей система ориентации стала пониматься несколько иначе. Мы можем наблюдать, как в результате языковых контактов семантика модифицируется и появляются частные переинтерпретации на уровне отдельных идиолектов.

Ключевые слова: языковые контакты, пространственная ориентация, верхнекускоквимский язык

Upper Kuskokwim (Athabaskan, Alaska) uses a developed system of spatial orientation. That system is based on topological axes “upstream vs. downstream” and “uphill vs. downhill” that can be used at a global scale, in application to major elements of the territory: the Kuskokwim

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ №17-18-01649. Автор благодарен рецензенту журнала за полезные замечания, позволившие улучшить текст статьи.

river and the Alaska range. After bilingualism and biculturalism spread among the Upper Kuskokwim people, particular persons came to understand spatial orientation in a somewhat modified way. We can observe that, as a result of language contact, semantics changes and specific reinterpretations emerge in particular idiolects.

Key words: language contact, spatial orientation, Upper Kuskokwim language

DOI 10.37892/2313-5816-2021-1-324-338

Данная заметка находится на пересечении двух интересов Джой Иосифовны — темы «народной географии» [Эдельман 2018] и исследования языковых контактов, например [Эдельман 2005]. Речь пойдет о пространственной ориентации в верхнекускоквимском языке, одном из языков атабаскской языковой семьи (Северная Америка).

Введение

Верхнекускоквимцы (Upper Kuskokwim) — один из атабаскских народов внутренней Аляски, традиционно проживавший в верхнем течении реки Кускоквим, второй по значимости реки Аляски. Исторически атабаски внутренней Аляски вели кочевой образ жизни, сезонно перемещаясь по большой территории в поисках пищевых ресурсов. Население численностью несколько сотен человек пользовалось территорией, примерно равной по площади Швейцарии или Нидерландам (более 40 тыс. кв. км). В начале XX в. были основаны деревни, в первую очередь Николай на Южном русле Кускоквима (South Fork Kuskokwim River) и Телайда на Быстром русле (Swift Fork Kuskokwim River), см. карту на Рисунке 1. В течение XX в. верхнекускоквимцы постепенно перешли к оседлому образу жизни, и в настоящее время большинство из них проживает в деревне Николай.

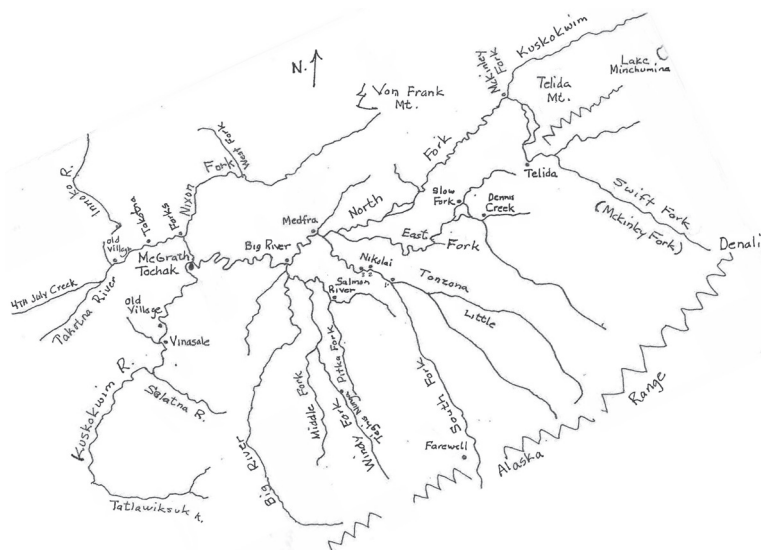

Рисунок 1. Схематическая карта верхнекускоквимской территории (из издания [Collins 2004: 10], с технической правкой М. К. Раскладкиной)

Верхнекускоквимский язык является исчезающим, сейчас осталось лишь чуть больше десятка его полноценных носителей. Самые старшие из них выросли еще в традиционной ситуации, когда этническое сообщество было практически монолингвальным. Те, кто родились в 1940-е гг. и позже, уже прошли через американскую школу, в 1948 г. основанную в деревне Николай, и являются билингвами, хорошо владеющими английским языком. Все носители верхнекускоквимского языка могут считаться бикультурными людьми, обладающими компетенцией в области традиционной культуры, но также и полностью интегрированными в американскую культуру. Есть также группа частичных носителей с явным преобладанием английского языка. Базовая информация о верхнекускоквимском языке содержится в статье [Кибрик 1998].

Дирекционалы

Одно из наиболее замечательных свойств естественного дискурса на верхнекускоквимском языке — изобилие дирекционалов, то есть слов наречного типа, указывающих на ориентацию в пространстве [Kibrik 2009]. В рассказах о перемещениях по местности — одном из основных традиционных жанров верхнекускоквимского дискурса — почти каждая клауза содержит какой-либо дирекционал, иногда более одного. Функция дирекционалов в традиционном атабаскском дискурсе — точная спецификация топологических характеристик, в том числе локализаций, направлений и траекторий. Такая спецификация была жизненно необходима для носителей языка, проживавших и добывавших средства пропитания в экстремальных природных условиях.

Дирекционалы имеют сложную морфологическую структуру; в конкретной словоформе, помимо корня, может быть до трех префиксов и несколько суффиксов, в том числе с такими значениями, как ‘относительно другого объекта’, ‘небольшое расстояние’, ‘точка в пространстве’ и др. Некоторые аффиксы не имеют ясного синхронного значения. От одного корня могут образовываться десятки различных форм. О морфологической модели дирекционалов см. [Kibrik 2009]. Наибольшее число форм образуется от четырех корней, которые образуют две пары, соответствующие двум топологическим осям: «выше/ниже по течению» и «выше/ниже по склону». В типологии ориентационных понятий, согласно [Levinson 2003], этот тип ориентации именуется внутренним (*intrinsic*), в отличие от относительного и абсолютного типов: за основу берутся физические характеристики объектов. В данном случае такими объектами являются элементы местности — водные потоки (реки, ручьи и т. д.) и высоты (склоны). В исследованиях пространственной ориентации это явление иногда именуется геоморфной ориентацией (например, см. работу [Heegård and Liljegren 2018] о двух индоарийских языках).

Именно на этих четырех корнях я и остановлюсь в данной заметке. Корни эти выглядят следующим образом: *-n-* ‘выше по течению’, *-d-* ‘ниже по течению’, *-nɨŋg-*² ‘выше по склону’, *-ts-* ‘ниже по склону’. Самые распространенные дирекционалы, образованные от этих корней, приведены в (1).

(1) а. *y-o-n-a*²

PREF-PREF-upriver-EXT

‘выше по течению, вверх по течению’

б. *y-o-d-o*²

PREF-PREF-downriver-EXT

‘ниже по течению, вниз по течению’

в. *y-o-ŋg-w*

PREF-PREF-uphill-EXT

‘выше по склону, вверх по склону’

г. *y-o-ts-in*

PREF-PREF-upriver-EXT

‘ниже по склону, вниз по склону’

Локальный и глобальный масштаб

Немаркированное употребление дирекционалов связано с локальными характеристиками местности. Например, *yona*² может означать ‘выше по течению’ относительно любой реки или ручья, а *yotsin* ‘ниже по склону’ относительно любого локального рельефа, например ближе к берегу озера. Однако данные корни и образованные от них дирекционалы могут пониматься и в глобальном масштабе, применительно к крупнейшим геоморфным ориентирам, присутствующим на этнической территории верхнекускоквимцев — реке Кусковим и Аляскинскому хребту, см. [Kibrik 2009]. В рамках данной

² Литера *w* используется в верхнекускоквимской орфографии для обозначения лабиализованной редуцированной гласной фонемы.

заметки значимо именно глобальное употребление дирекционалов. Рассмотрим каждую из глобальных топологических осей отдельно.

Река Кускоквим образуется из слияния трех рек, которые в современной американской терминологии называются руслами (forks) Кускоквима: North Fork, East Fork и South Fork Kuskokwim River. В верхнекускоквимском они имеют отдельные названия — *dichinanek'*, *ch'idotl'ulno'* и *'edzeno'*, соответственно. Верхнекускоквимцы придают наибольшее значение Северному руслу, несмотря на то что основные деревни, как было упомянуто выше, расположены в других местах. Гидроним *dichinanek'* относится не только к Северному руслу, но и ко всему Кускоквиму после слияния. (Соответственно Восточное и Южное русла рассматриваются как притоки.) Верхнекускоквимцы используют этническое самоназвание *dichinanek' hwt'ana* 'люди [Северного русла] Кускоквима', см. [Collins 2004]. Северное русло течет с северо-востока на юго-запад, и в таком же направлении продолжается общее течение Кускоквима после слияния трех рек. Именно это направление и взято за основу этнической топологической оси «выше/ниже по течению», когда она понимается в глобальном масштабе.

Что касается оси «выше/ниже по склону», основным глобальным ориентиром является Аляскинский хребет (Alaska Range) — высокие горы, ограничивающие на юге верхнекускоквимскую территорию и отделяющие ее от моря, точнее от Залива Кука. Как можно видеть на Рисунке 1, на территории верхнекускоквимцев Аляскинский хребет тянется с северо-востока на юго-запад, то есть параллельно Кускоквиму. Предгорья Аляскинского хребта играли большую роль в традиционной жизни верхнекускоквимцев, так как именно там находились сезонные охотничьи угодья. Охотники проводили в горах значительную часть лета. Из мест обычного проживания, расположенных в низменной лесотундре, они

пешком поднимались в горы по руслу рек, охотились на крупных животных, а затем строили лодки и на них сплавляли добычу.

Таким образом, два геоморфных ориентира формируют соответствующие глобальные оси: «выше/ниже по главной реке» и «ближе/дальше по отношению к большим горам». Соответственно, четыре корня образуют четыре стороны света: выше по реке — северо-восток, ниже по реке — юго-запад, ближе к горам — юго-восток, дальше от гор — северо-запад.

Приведу один из регулярных контекстов, где дирекциональные корни используются лексикализованно — это названия ветров:

(2) а. *d-o-n-e-ts'in-e*

REL-PREF-upriver-EXT-from-NMZR

‘ветер с верховьев Кускоквима, с северо-востока, из глубины континента (холодный)’; букв. ‘который с верховьев’

б. *d-o-d-o-ts'in-e*

REL-PREF-downriver-EXT-from-NMZR

‘ветер с низовьев Кускоквима, с юго-запада, от моря (иногда холодный)’; букв. ‘который с низовьев’

в. *d-o-nwh-ts'in-e*

REL-PREF-uphill-from-NMZR

‘ветер с гор, с юго-востока (теплый)’; букв. ‘который сверху’

г. *d-o-ts-e-ts'in-e*

REL-PREF-downhill-EXT-from-NMZR

‘ветер в сторону гор, с северо-запада (холодный, особенно зимой)’; букв. ‘который снизу’

Ветры, таким образом, обозначаются по тому направлению, с которого они дуют в сторону нахождения ориго, т. е. говорящего.

Традиционные и магнитные стороны света

Традиционные охотники-мужчины старшего поколения, с которыми мне довелось поработать как с информантами, легко переводили верхнекускоквимские названия глобальных направлений, например ветров, на английскую терминологию: *-n-* — северо-восток, *-nwg-* — юго-восток и т. д. Эта группа информантов хорошо понимала как верхнекускоквимскую систему глобальной геоморфной ориентации, так и европейскую систему с ее магнитными направлениями. Мои информанты, относящиеся к этой группе, принадлежат к разным поколениям; их годы рождения варьируют от 1928 до 1952. На Рисунке 2 изображены канонические соответствия между верхнекускоквимскими топологическими осями и английскими магнитными осями.

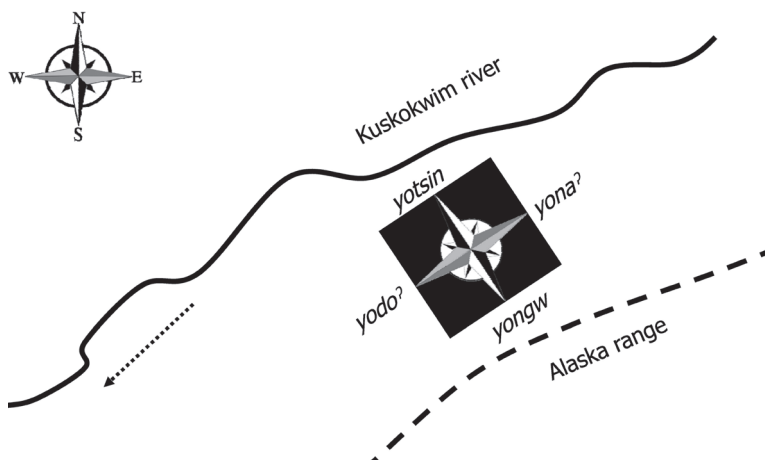

Рисунок 2. Каноническая интерпретация соответствий между верхнекускоквимскими и магнитными топологическими осями

Проявление языкового контакта в местном английском

При работе с двумя другими группами информантов выявились определенные особенности. Первая группа представлена носительницей ВД. Она родилась в 1932 г. и является сейчас старейшим носителем верхнекускоквимского языка. Она очень хорошо представляет себе традиционную жизнь и много путешествовала по местности вместе со своим мужем, ныне покойным, который был одним из наиболее опытных охотников племени. Одновременно ВД вполне владеет английским языком. Оказалось, однако, что она напрямую соотносит верхнекускоквимские и магнитные топологические оси, см. Рисунок 3. Как стало ясно в ходе работы, ВД полагает, что Кускоквим течет с севера на юг. Дирекционал *yona*[?] она переводит уже не как 'северо-восток', а просто как 'север', и т. д. При этом ВД, говоря по-английски North, сопровождала это вполне явным жестом руки, указывающим именно на северо-восток. Таким образом, она владеет английскими

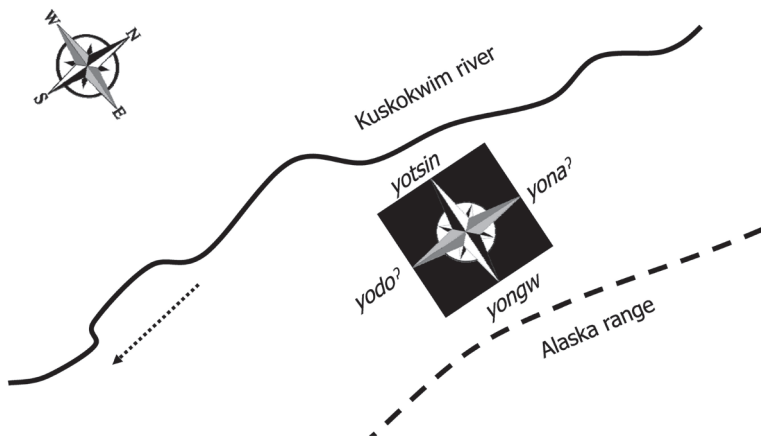

Рисунок 3. Модифицированная интерпретация соответствий между верхнекускоквимскими и магнитными топологическими осями (вариант ВД)

терминами, но интерпретирует их в соответствии с верхнекускоквимскими топологическими осями. С точки зрения ВД, север «по определению» находится там, откуда течет Кускоквим. В этом случае мы наблюдаем контактное влияние верхнекускоквимской концептуальной системы и языка на тот вариант английского, который использует ВД.

Полагаю, что у ВД топологические оси имеют смысл лишь в конкретном географическом контексте той местности, где она выросла и всю жизнь жила. Хотя в это трудно проверить, думаю, что она не смогла бы определить стороны света в совсем другой местности, например в Сиэтле, поскольку там нет реки Кускоквим.

Проявление языкового контакта у частичного носителя верхнекускоквимского языка

Второй своеобразный тип соответствия между верхнекускоквимскими и английскими терминами обнаружился при работе с информантом АН, который родился в 1961 г. и относится уже к поколению частичных носителей верхнекускоквимского языка. В 1960-е гг. в деревне Николай уже происходил языковой сдвиг. Хотя родители АН продолжали общаться между собой на родном языке на протяжении всей жизни, их дети, росшие в 1960-е гг., имеют лишь частичную верхнекускоквимскую языковую компетентность, а американский английский является у них несомненно доминирующим языком. В идиолекте АН, соответственно, преобладает английская концептуальная система. В принципе он знает, что дирекционалы как-то связаны с течением реки и ландшафтом, но главным образом интерпретирует их по аналогии с магнитными топологическими осями «север-юг» и «восток-запад». Если ВД, так сказать, повернула магнитную систему на 45 градусов по часовой стрелке, то АН повернул на 45 градусов по часовой стрелке верхнекускоквимскую систему вместе с ментальной картой местности. В частности, он использовал дирекционал *yodogh*,

который в традиционном словоупотреблении значит ‘где-то ниже по течению, к юго-западу’ и перевел его ‘towards the West’ (см. пример (3) ниже). В картине мира АН Кускоквим течет с востока на запад. Что касается традиционной топологической оси «выше/ниже по склону», то АН соотносит ее с магнитной осью «север/юг» зеркальным образом, прямо установив соответствие: *yongw* — North, *yotsin* — South. Такое соответствие можно объяснить скорее всего лишь неполным знанием верхнекускоквимского языка. АН знает, что эти дирекционалы как-то связаны с осью «север/юг», но как именно, точно не помнит. В целом система соответствий, представленная у АН, изображена на Рисунке 4. В этом случае магнитная шкала расположена так же, как у обычных носителей американского английского, а верхнекускоквимские термины подогнаны под нее, причем с частичной аберрацией.

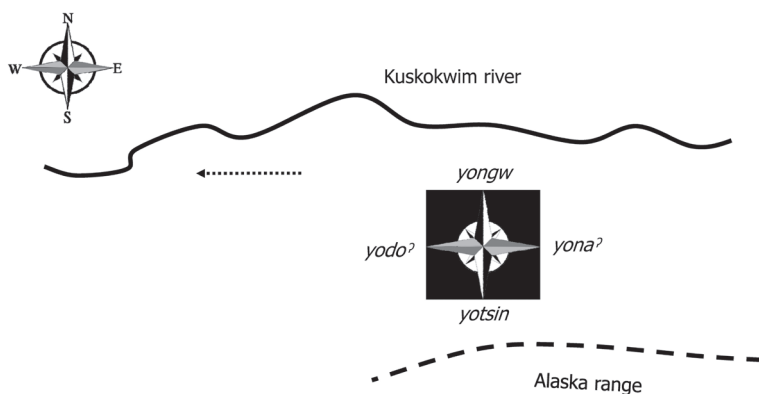

Рисунок 4. Модифицированная интерпретация соответствий между верхнекускоквимскими и магнитными топологическими осями (вариант АН)

Приведу фразу (3), которую АН самопроизвольно продуцировал как языковой пример.

(3) АН, Николай, 2017

tamel *y-o-d-o-gh*

fishnet PREF-PREF-downriver-EXT-REG

y-o-ts-wgh *neldiya*

PREF-PREF-downhill-REG close

‘The fishnet is pretty close by the river towards the west’

Эта фраза показывает высокую степень знания верхнекускоквимского языка, несмотря на отмеченные выше особенности. В ней встречается вышеупомянутый дирекционал *yodogh*, который АН перевел как ‘к западу’. Кроме того, в этой фразе содержится еще один дирекционал, *yotswgh*. Это производное от корня *-ts-* ‘ниже по склону’; дирекционал в данном случае употребляется в локальном масштабе и контекстно значит ‘где-то под берегом, у реки’. Интересно, что АН понимает корень *-ts-* в его локальном смысле совершенно корректно, в отличие от глобального смысла (см. Рисунок 4).

Заключение

Подводя итоги этой зарисовки, можно сделать следующие выводы. Верхнекускоквимский язык располагает мощной системой пространственной ориентации. Эта система основана на топологических ориентирах, имеющих принципиальное значение для выживания человека в экстремальных природных условиях. В верхнекускоквимском дискурсе широко распространены дирекционалы, основанные на топологических осях «выше/ниже по течению» и «выше/ниже по склону». Эти топологические оси и основанные на них дирекционалы конвенционально используются не только в локальном, но и в глобальном масштабе — применительно к наиболее крупным ориентирам местности: реке Кускоквим и Аляскинскому хребту. В этом качестве топологические оси традиционно выполняли функцию

ориентации по сторонам света. Начиная с середины XX в. в среде верхнекускоквимцев распространились билингвизм и бикультурность. Вернекускоквимский и английский языки вступили в плотный контакт. Результаты этого контакта были рассмотрены на примере трех типов употребления дирекционалов. Мужчины-охотники, в высокой степени владеющие обоими языками, семантически точно соотносят геоморфные и магнитные топологические оси. Так, направление «вверх по реке» они легко ставят в соответствие промежуточному магнитному направлению «северо-восток». Женщина старшего поколения, выросшая как монолингв и впоследствии освоившая английский язык, демонстрирует контактные явления в своем английском словоупотреблении: она переинтерпретирует английские магнитные направления в соответствии с геоморфной топологией, привычной для верхнекускоквимцев. Напротив, мужчина более молодого поколения, у которого английский язык явно доминирует, демонстрирует контактные явления в верхнекускоквимском языке. В частности, он переинтерпретирует традиционные геоморфные понятия в терминах английских магнитных направлений. На этом материале мы можем наблюдать, как семантика контактирующих языков модифицируется и появляются частные переинтерпретации на уровне отдельных идиолектов.

Сокращения

EXT — идиосинкратическое расширение дирекционального корня

NMZR — номинализатор

PREF — дефолтный префикс неясного значения

REG — региональная локализация

REL — относительный префикс

Литература

Кибрик А. А. Полевая лингвистическая работа на Аляске: Исследования верхнекускоквимского атабаскского языка // *Профессионалы за сотрудничество, выпуск 2*. Под ред. А. Барабашева, А. Яголы и др. Москва, 1998, 310–324.

Эдельман Д. И. Языковые союзы и ареалы языковой и этнокультурной конвергенции на территории Евразии // *Языковые союзы Евразии и этнокультурное взаимодействие (история и современность)*. Москва, 2005, 10–22.

Эдельман Д. И. К этимологии терминов «народной географии» в иранских языках // *Труды Института востоковедения. Проблемы общей и востоковедной лингвистики: Лексикология и лексикография*. Отв. ред. З. М. Шаляпина; ред.-сост. А. С. Панина. 27. Москва, 2018, 293–298.

Collins R. L. *Dichinanek' hwt'ana: A history of the people of the Upper Kuskokwim who live in Nikolai and Telida, Alaska*. Edited by S. J. Collins. McGrath, Alaska. 2004.

Heegård J., Liljegren H. Geomorphic coding in Palula and Kalasha // *Acta Linguistica Hafniensia*, 50:2, 2018: 129–160.

Kibrik A. A. Encoding directions in Upper Kuskokwim Athabaskan: A case study in field ethnolinguistics // *III Международная конференция по полевой лингвистике* (М., октябрь 2009). Труды и материалы. Ред. М. Е. Алексеев, Т. Б. Агранат, В. Ю. Гусев, А. Д. Нахимовский. Москва, 2009, 20–25.

Levinson S. C. *Space in language and cognition: Explorations in cognitive diversity*. Cambridge, 2003.

References

Collins R. L. *Dichinanek' hwt'ana: A history of the people of the Upper Kuskokwim who live in Nikolai and Telida, Alaska*. Edited by S. J. Collins. McGrath, Alaska. 2004.

Edel'man D. I. Yazykovye soyuzy i arealy yazykovoi i etnokul'turnoi konvergentsii na territorii Evrazii // *Yazykovye soyuzy Evrazii i etnokul'turnoe vzaimodeistvie (istoriya i sovremennost')*. Moskva, 2005, 10–22. (In Russ.)

Edel'man D. I. K etimologii terminov «narodnoi geografii» v iranskikh yazykakh // *Trudy Instituta vostokovedeniya. Problemy obshchei i vostokovednoi lingvistiki: Leksikologiya i leksikografiya*. Otv. red. Z. M. Shalyapina; red.-sost. A. S. Panina. 27. Moskva, 2018, 293–298. (In Russ.)

Heegård J., Liljegren H. Geomorphic coding in Palula and Kalasha // *Acta Linguistica Hafniensia*, 50:2, 2018: 129–160.

Kibrik A. A. Polevaya lingvisticheskaya rabota na Alyaske: Issledovaniya verkhnekuskokvimskogo atabaskskogo yazyka // *Professionaly za sotrudnichestvo, vypusk 2*. Pod red. A. Barabashcheva, A. Yagoly i dr. Moskva, 1998, 310–324. (In Russ.)

Kibrik A. A. Encoding directions in Upper Kuskokwim Athabaskan: A case study in field ethnolinguistics // *III Международная конференция по полевой лингвистике* (М., октябрь 2009). Trudy i materialy. Red. M. E. Alekseev, T. B. Agranat, V. Yu. Gusev, A. D. Nakhimovskii. Moskva, 2009, 20–25.

Levinson S. C. *Space in language and cognition: Explorations in cognitive diversity*. Cambridge, 2003.

Кибрик Андрей Александрович
Институт языкознания РАН
МГУ имени М. В. Ломоносова
Kibrik Andrej Aleksandrovich
Institute of Linguistics, RAS
Lomonosov Moscow State University
aakibrik@gmail.com

**Имя собственное и проблемы
языковой идентичности
миноритарного этноса**
*Proper names and the problem of language identity
among ethnic minorities*

Михайлова Т. А.

Mikhailova T. A.

В статье рассматривается проблема смены личного имени или его фонетической аккомодации в ходе длительного языкового контакта и с установкой на таргет-язык. Основным материалом исследования является преферентный ономастикон Галлии эпохи Поздней империи в динамике его развития. В работе также делается попытка выявления типологической близости указанной контактной ситуации с социо-лингвистическим развитием Ирландии начиная с XIV в. до настоящего времени. Делается вывод, что для Ирландии этническая и языковая идентичности не равны идентичности национальной, однако языковой фактор играет в маркировке последней важную роль. При несбалансированном двуязычии в ряде случаев факт самоопределения респондента как принадлежащего именно к ирландцам как этносу (но не нации) может проявляться именно в выборе им варианта имени собственного (ирландского vs. английского).

Ключевые слова: двуязычие, смена языка, языковая смерть, национальная идентичность, имя собственное, Галлия, Поздняя империя, англо-ирландское двуязычие, бикультурализм, ономастические дублеты

The article examines changes in proper names, including phonetic accommodation, caused by long-term language contact and adaptation to a target-language. The primary source material for this study is the developing list of personal names preferred in Gaul during the Late

Roman Period. The article also investigates typological parallels with socio-linguistic developments in Ireland beginning with the 14th c. C.E. Although in Ireland ethnic and linguistic identity was not equivalent to national identity, language use did play an important role in marking the latter. In cases of unbalanced bilingualism, the choice of proper name could be the only marker of a person's national self-identification.

Key words: bilingualism, language shift, language death, national identity, personal names, Gaul, Late Roman Empire, Ireland, Anglo-Irish bilingualism, bi-culturalism, onomastic doublets

DOI 10.37892/2313-5816-2021-1-339-350

Вступление

Данное небольшое исследование представляет собой не столько предложенное решение, сколько предположительную постановку проблемы, а точнее — попытку выявить закономерность и очередность смены имен собственных в процессе многоэтапной «языковой смерти», сопровождающей, как правило, утрату национальной и культурной идентичности у этнической группы, оказавшейся в ситуации длительного контакта с другим этносом. Основным материалом, на который мы в данном случае опираемся, представляет собой фрагменты из внешней истории кельтских языков: галльского и ирландского (которые неожиданным образом реализуют типологически близкие модели утраты языка). Интересным представляется привлечение языковых данных других этнических групп, которые также оказывались в ситуации длительного контакта, реализуемого на уровне языка и культуры, но при этом могли занять позицию как бы доминирующей или не подавляемой эксплицитно группы и тем не менее добровольно отказывались от своей национальной идентичности (например — скандинавы «эпохи викингов», а также ряд этнодисперсных групп и проч.).

Говоря о «смене имени», я в данном случае имею в виду два параллельных феномена, которые со всей очевидностью

связаны между собой. Во-первых, это смена ономастических предпочтений у этноса, в котором возникает эффект стигматизации (о термине см. [Sasse 1992]) собственных этнических маркеров. Вторым феноменом можно назвать параллельную аккомодацию имени собственного к культурной традиции «таргет-языка», проходящую как на уровне чисто фонетических изменений, так и в рамках естественного (а иногда и искусственного) подбора как реальных (например, в рамках христианской культуры), так отчасти и искусственных эквивалентов.

1. Галлия эпохи Поздней империи

Дошедший до нас галльский ономастический материал достаточно богат и обширен для выявления как моделей, по которым строились имена собственные, так и самих основ, апеллятивных изначально, затем составивших инструментарий для восстановления лексикона этого, фрагментарно засвидетельствованного в целом языка (см. [Ellis Evans 1967; Delamarre 2007; Raybould & Sims-Williams 2007]). Однако в ряде случаев этимологическая близость, усугубленная морфологической аккомодацией, не позволяет с абсолютной точностью говорить о том, к латинскому или галльскому ономастикону следует отнести то или иное имя. Так, в абсолютном большинстве случаев галльские имена в номинативе приобретают латинскую флексию *-us* (в женских именах *-a*), а также в ряде случаев — латинский суффикс. Таким образом, например, как пишет Эллис Эванс, «затруднительно с точностью определить, к латинскому или галльскому языку относятся такие имена как *Cara* и *Carus*» [Ellis Evans 1967: 162]. К этому можно добавить множество суффиксальных диминутивных образований (*Caratussus*, *Carillus*, *Carulla* etc.), но также глагольные производные (*Carantius* etc.), отсылающие скорее к языку галльскому (поскольку в латинском основа *car-* ‘милый, дорогой’ вербальной природы не имеет).

Галло-римские контакты вызывали также эффект «псевдо-латинизации» имени, при котором изначально галльский элемент начинал реинтерпретироваться как латинский, причем уже с совсем иной семантикой. Например, обильно представленные галльские имена с первым элементом *matu-* ‘медведь; добрый, хороший’ в поздних надписях получает предположительную семантику «утренний» (например, в надписи CIL XIII 6017 — DEO MEDRU MATUTINA COBNERTI (см. подробнее [Михайлова 2017: 148–157]). Ср. аналогичное наблюдение Кс. Деламара: имя *Auctomagus*, которое выглядит как смешанное латино-галльское (‘прибыль великий’?), он предлагает рассматривать как искаженное исконно галльское *Ougtu-magos* ‘холодом великий’ [Delamarre 2017: 34].

В истории изучения галльского ономастикона в его диахроническом аспекте подобные имена получили название “Decknamen” ‘покрытые’, см. [Raepsaet-Charlier 2012]). Интересно, что предположительно с аналогичным эффектом мы имеем дело и при анализе трансформации скандинавских имен «варягов», связывающих свое будущее с «Русью». Так, например, обилие имен князей с именами, содержащими элемент *-слав*, как писали А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский [2003], было скорее всего вызвано тем, что так реинтерпретировался распространенный в скандинавских именах знати элемент *-leifr* ‘некто, оставшийся после предка, потомок, наследник’. Имя Ярослав, видимо, в оригинале предположительно означало ‘потомок орла’ (**arnu-leifr*), либо ‘потомок меча’ (**heru-leifr*). Но интересно в данном случае то, что сам факт добровольной смены имени (в данном случае при подборе имени сына, поскольку, как я понимаю, сын Владимира и Рогнеды, Ярослав, будущий великий князь Киевский, родился в 978 г. уже в славянском окружении) оказывается непосредственно связанным с установками на личную карьерную перспективу носителя. Иными словами, искаженная форма имени, как правило, свидетельствует о соответствующем бэкграунде, воспринимаемом как перспективный фон. При этом не следует

забывать и о том, что именно при Владимире произошло Крещение Руси. Сам он, имея типичное Deckname (Valdemar), был крещен именем Василий, лишь отдаленно созвучным с его собственным. Но в дальнейшем уже его изначальное имя стало прецедентным для последующей ономастической практики на Руси. Дохристианские правители из Скандинавии, как правило, в русских источниках (!) носили имена, созвучные оригинальным (*Ингвар* — *Игорь* и проч.). Их собственные установки и система именований в их ближайшем окружении особая — и непростая — проблема.

Другой чертой романизации галльского имени является трансформация его полной патронимической модели. Так, вместо традиционного галльского генитива (либо использования суфф. *-ako-*) начинает использоваться латинское *filius (filia)*. Например: Setubogius Essuggi filius [Raybould & Sims-Williams 2007: 26] — «Сетубог сын Эссуга», что также, естественно, является шагом к аккомодации имени к «таргет-культуре».

Следующим этапом, наверное, можно назвать устойчивую смену ономастических этнических предпочтений в обществе в целом. Переход от фрагментарного и ограниченного употребления греческого письма в сочетании с установкой на заучивание не только космогонических мифов, но и генеалогий, то есть имен предков, к широкому употреблению латинского алфавита для галльской культуры был своего рода революцией, а точнее началом агонии. Как справедливо пишут Адамс и Сван в предисловии к сборнику трудов, посвященному проблеме национальной идентичности и двуязычия в античном мире, «принятие нового алфавита обычно является первым шагом к смене языка, за которым следует смена имен» [Adams and Swain 2010: 7].

Как можно предположить, для романизованных галлов смена ономастических предпочтений была спонтанной и добровольной, превратившись в своего рода «моду», имеющую в качестве установки: смену национальной идентичности и языка. Что, как мы понимаем, и имело место, несмотря

на падение Империи и, казалось бы, автоматическое «освобождение» завоеванных Римом территорий. Однако процесс романизации зашел уже слишком далеко и оказался необратимым. Существует, например, известное свидетельство св. Иеронима о сходстве языка треверов, живших на территории современной северо-западной Германии (г. Трир), и галатов, сохранившееся в его комментариях к «Посланию к галатам»:

unum est, quod inferrimus et promissum in exordio reddimus. Galatas exopto sermone Graeco, quo omnis oriens loquitur, propriam linguam eadem paene habere quam Treveris. — Одно есть, что мы отмечаем и в дальнейшем должны учитывать, галаты понимают греческую речь, на которой говорят все на востоке, но речь их самих такая же, как и треверов. [Collis 2010: 25]

Но Иероним отмечает это скорее с удивлением, потому что, видимо, уже в его время галльские диалекты почти всюду были вытеснены народной латынью. Интересные наблюдения над сменой ономастических предпочтений, сопровождавшей этот процесс, были сделаны К. Штюбер, собравшей целую коллекцию из имен типа *Silvanus Latumari*, *Fronto Ateponis*, *Desideratus Curmilii* и пр. (см. [Stüber 2007: 89])¹.

Итак, создается странное впечатление, что, несмотря на постоянное сопротивление (точнее — противостояние) галлов и бриттов Риму как государственной машине, параллельно

¹ Приведенные в работе Кс. Деламара случаи «тройной замены», при которой в латинских надгробных надписях встречаются имена с латинским *gentilice nomen* и галльским *cognomen* кажутся маловероятными (не случайно в статье не дано ни одного реального пример, см. [Delamarre 2017: 22]). Дело в том, что на именование при помощи так наз. *tria nomina* имели право только римские граждане, что для уроженцев Галлии представлялось как почетная и мало доступная привилегия.

шел процесс все углубляющейся добровольной культурной адаптации той же римской культуры, а значит и языка (см. об этом, например в [Duval 1952: 48–53; Шкунаев 1985]). Но, наверное, не стоит этому так уж удивляться: вспомним готов, которые, завоевав отдельные области бывшей империи, затем просто как нация растворились в болоте романской культуры.

II. Ирландия: имя в контексте миноритаризации языка

Что же было в Ирландии, в которой мы также можем в общих чертах реконструировать типологически сходную ситуацию постепенной утраты этнической идентичности при относительном сохранении идентичности национальной? Несмотря на некоторое сходство историко-культурных схем адаптации, Галлия I–IV вв. н. э. и Ирландия, соответственно, первых веков после начала «англизации» (XIII–XVI) в том, что касается нашей темы, то есть ономастикона, представляли собой ситуации скорее различные. Дело в том, что ирландцы и англичане были близки конфессионально, что выражалось в частности в том, что в списке преферентных имен, наряду с исконными (гойдельскими и германскими) именами у них фигурировали одни и те же имена, в основном — библейского происхождения. Однако, естественно, они подверглись с течением времени разной фонетической трансформации, что иногда делало их исконную тождественность уже неопознаваемой. Но чаще опознаваемой, что в условиях билингвизма привело как бы к установлению и системы взаимозаменяемых личных имен. Так, например, имя Máirgrét > Máirghréd /ma'ed/ представляет собой ирландизированную форму имени Маргарита (англ. Margaret), причем от него же затем, по аналогии с англ. сокращенной формой Meg, было образовано ирландское имя — Réig. Конечно, в основном случаи были более простыми: Martán ~ Martín, Máire ~ Mary и так далее (см. примеры также в: [Ó Corráin, Maguire 1990]).

В первые триста лет пребывания в Ирландии все более расширяющие свои границы и зоны политического и экономического влияния переселенцы из Англии, в отличие от римлян, не имели в качестве доминантной установки насильственную смену этнокультурной идентичности страны. И это в общем можно понять, если мы вспомним, что так называемые «англичане» на самом деле были потомками викингов, прошедшими через норманнское жерло, превратившее Хрольфа в Ролло и так далее. Их официальный французский был наносной пленкой псевдокультуры, поэтому столь охотно начали они принимать культуру и язык страны, которую как бы завоевывали (в общем, примерно то же было и на Руси).

Началом наступления на местную культуру принято считать XIV в., а точнее — 1366 г., когда были выпущены знаменитые «Килкеннийские статуты», запрещавшие браки с ирландками, бардические школы и многое другое, в частности — ирландские имена (см. [Bliss and Long 1987: 713]). Следует понимать, что «статуты» были направлены еще не собственно против ирландской знати и ирландской культуры, их главной целью было «уточнение национальной идентичности новых переселенцев» [Mac Giolla Chríost 2005: 75]. На этом этапе бывшие норманны, так и не ставшие англичанами, охотно принимали внешние знаки местной культуры, но и сами не менее охотно делились своими ценностями, в частности — именами. Огромное число имен, которые сейчас традиционно считаются ирландскими, были заимствованы именно в этот период относительной стабилизации. Например, Шила, Шейла — Síle, ирландская интерпретация имени Сесилия. И так далее.

Ситуация начала меняться примерно через сто лет, когда, согласно статутам, принятым в 1462 г. Эдуардом IV, не только выходцы из Англии, но и местная знать — все обязаны были изменить имена (и фамилии) на аналогичные «английские» [Green 1924: 134–136]. Так, в Ирландии появилось множество

Смитов, Фоксов или Браунов, носивших англазированные имена типа Деннис (оригинальное Donnchadh).

Собственно говоря, с этого момента можно говорить о начале противостояния и начале сосуществования «двух языков и двух наций». И если процесс англазации — причем иногда добровольной, но чаще насильственной — затрагивающий все более широкие слои населения, спускался «по социальной лестнице» сверху вниз, то противостоящее ему движение де-англазации (термин Дугласа Хайда) также начиналось среди образованных кругов Ирландии, осознавших свою этническую (а не только национальную) идентичность и двигалось в том же социальном направлении.

В конце XIX в. желающая порвать с «темной» крестьянской средой девушка меняла свое имя Шила не на Сесилию, а на Юлию или Дженни, а маленький мальчик из рыбацкой деревни, попав в школу, из Шемми превращался в Джеймса. Но в это же время в городах появлялись люди, намеренно менявшие свои английские имена на как бы псевдоирландские. Так, поэт и герой Пасхального восстания 1916 г. Патрик Пирс превратился в Pádraig Mac Piarais, а другой деятель национального возрождения, Дуглас Хайд, стал Dubhghlas de hÍde.

Сейчас в Ирландии, стране несбалансированного англо-ирландского двуязычия, установка на сохранность и маркированность этнической идентичности в ряде случаев может ограничиваться только использованием национального имени и фамилии. Человек зовет себя так, каким он хотел бы себя ощущать и представлять в глазах других.

Конечно, данный феномен далеко не ограничивается сложной историей миноритаризации кельтских языков. Данная тема, как я понимаю, оказывается универсальной и остается поразительно актуальной и в наше время.

Литература

Михайлова Т. А. *Ранняя кельтская эпиграфика как объект лингвистического и историко-культурного анализа*. Москва, 2017.

Шкунаев С. В. Культура Галлии и романизация // *Культура Древнего Рима*. Т. II. Отв. ред. Е. С. Голубцова. Москва, 1985, 258–302.

Adams J. N., Swain S. Introduction // *Bilingualism in Ancient Society: Language Contact and the Written Text*. Oxford, 2010, 1–23.

Bliss A., Long J. Literature in Norman-French and English to 1534 // A. Cosgrove (ed.) *New History of Ireland. II: Medieval Ireland, 1169–1534*. Oxford, 1987, 708–736.

Collis J. *The Celts. Origins, Myths, Inventions*. Gloucestershire, 2010.

Delamarre X. *Noms de personnes celtiques dans l'épigraphie classique*. Paris, 2007.

Delamarre X. *Les noms des gaulois*. Paris, 2017.

Duval P.-M. *La vie quotidienne en Gaule pendant la Paix Romaine*. Paris, 1952.

Ellis Evans D. *Gaulish Personal Names. A Study of some continental Celtic formations*. Oxford, 1967.

Green A.S. *The Making of Ireland and its Undoing. 1200–1600*. London, 1924.

Mac Giolla Chríost D. *The Irish Language in Ireland. From Goidel to globalization*. London, 2005.

Ó Corráin D., Maguire F. *Irish Names*. Dublin, 1990.

Raepsaet-Charlier M.-Th. 'Decknamen': Homophony, Assonance: an Appraisal of Consonance Phenomena in Onomastics of the Roman Empire // *Personal Names in the Western Roman World*. Ed. T. Meissner. Berlin, 2012, 11–24.

Raybould M. E., Sims-Williams P. *A Corpus of Latin Inscriptions of the Roman Empire containing Celtic Personal Names*. Aberystwyth, 2007.

Sasse H. J. Theory of Language Death // *Language Death: Factual and Theoretical Explorations with Special Reference to East Africa*. Ed. M. Brenzinger. Berlin, New York, 1992, 7–30.

Stüber K. Effects of Language Contact on Roman and Gaulish Personal Names // *The Celtic Languages in Contact. Papers from the Workshop within the Framework of the XIII International Congress of Celtic Studies*. Ed. H. L. C. Tristram. Potsdam, 2007, 81–92.

References

Adams J. N., Swain S. Introduction // *Bilingualism in Ancient Society: Language Contact and the Written Text*. Oxford, 2010, 1–23.

Bliss A., Long J. Literature in Norman-French and English to 1534 // A. Cosgrove (ed.) *New History of Ireland. II: Medieval Ireland, 1169–1534*. Oxford, 1987, 708–736.

Collis J. *The Celts. Origins, Myths, Inventions*. Gloucestershire, 2010.

Delamarre X. *Les noms des gaulois*. Paris, 2017.

Delamarre X. *Noms de personnes celtiques dans l'épigraphie classique*. Paris, 2007.

Duval P.-M. *La vie quotidienne en Gaule pendant la Paix Romaine*. Paris, 1952.

Ellis Evans D. *Gaulish Personal Names. A Study of some continental Celtic formations*. Oxford, 1967.

Green A.S. *The Making of Ireland and its Undoing. 1200–1600*. London, 1924.

Mac Giolla Chríost D. *The Irish Language in Ireland. From Goidel to globalization*. London, 2005.

Mikhailova T. A. *Rannyaya kel'tskaya epigrafika kak ob'ekt lingvisticheskogo i istoriko-kul'turnogo analiza*. Moskva, 2017. (In Russ.)

Ó Corráin D., Maguire F. *Irish Names*. Dublin, 1990.

Raepsaet-Charlier M.-Th. 'Decknamen': Homophony, Assonance: an Appraisal of Consonance Phenomena in Onomastics

of the Roman Empire // *Personal Names in the Western Roman World*. Ed. T. Meissner. Berlin, 2012, 11–24.

Raybould M. E., Sims-Williams P. A *Corpus of Latin Inscriptions of the Roman Empire containing Celtic Personal Names*. Aberystwyth, 2007.

Sasse H. J. Theory of Language Death // *Language Death: Factual and Theoretical Explorations with Special Reference to East Africa*. Ed. M. Brenzinger. Berlin, New York, 1992, 7–30.

Shkunaev S. V. Kul'tura Gallii i romanizatsiya // *Kul'tura Drevnego Rima*. Т. II. Otv. red. E. S. Golubtsova. Moskva, 1985, 258–302. (In Russ.)

Stüber K. Effects of Language Contact on Roman and Gaulish Personal Names // *The Celtic Languages in Contact. Papers from the Workshop within the Framework of the XIII International Congress of Celtic Studies*. Ed. H. L. C. Tristram. Potsdam, 2007, 81–92.

Михайлова Татьяна Андреевна
Институт языкознания РАН
Москва, Россия
Mikhailova Tatyana Andreevna
Institute of Linguistics, RAS
Moscow, Russia
tamih.msu@mail.ru

**Антропоморфизмы
в итальянских переводах Библии
*Anthropomorphisms in Italian versions of the Bible***

Порхомовский В. Я., Романова О. И.

Porkhomovsky V., Romanova O.

Представленная статья посвящена изучению типологии стратегий перевода канонических текстов Ветхого Завета в итальянских версиях Библии. В фокусе внимания находится лексическая группа антропоморфизмов, являющаяся одной из центральных для данной проблематики. Согласно методологии, разработанной в процессе предпринятых ранее исследований в области переводов Библии, выделяются два основных типа стратегии перевода: 1) филологический, т. е. точное воспроизведение соответствующей лексики канонического текста *Biblia Hebraica* при переводе; 2) идеологический, т. е. редактирование канонического текста для исключения некоторых антропоморфизмов. В статье определяется соотношение этих двух типов стратегий перевода на основе анализа соответствующих лексических материалов, представленных в Ветхом Завете.

Ключевые слова: Библия, Ветхий Завет, канонический текст, антропоморфизмы, типология стратегий перевода, филологический тип, идеологический тип, итальянские переводы Библии

The present article deals with a typology of translation strategies used by Italian-language versions of the Old Testament. The research focuses on anthropomorphisms, a lexical group of primary importance for the study of Bible translations. Two translation strategies have been postulated in the authors' previously published works on the subject. The *philological* strategy aims at a verbatim rendering of the text of the Hebrew Bible in a translation, while the *ideological* strategy allows for the elimination of certain

anthropomorphisms. In this article we analyze these two strategies in translating anthropomorphisms from Biblical Hebrew into Italian.

Key words: the Bible, the Old Testament, canonical text, anthropomorphisms, translation strategies, philological translation, ideological translation, Italian versions of the Bible

DOI 10.37892/2313-5816-2021-1-351-367

Предисловие

Статья посвящается Джой Иосифовне Эдельман, замечательному ученому, классику иранского языкознания. Библиография многочисленных трудов Джой Иосифовны включает очень важную работу «Опыт перевода Евангелия на бесписьменные памирские языки (на примере язгулямского языка)». Именно эта публикация послужила для авторов настоящей статьи стимулом выбрать проблему стратегий перевода Библии в качестве темы для юбилейного сборника в честь Джой Иосифовны. Пользуемся этим случаем, чтобы пожелать дорогой Джой Иосифовне доброго здоровья и активной научной деятельности на многие годы.

Введение

Настоящая статья является продолжением большого цикла исследований на тему стратегий перевода Ветхого Завета на различные языки, подготовленных одним из авторов настоящей статьи и французским профессором Филиппом Кассюто (1959–2020), выдающимся специалистом в области семитологии и библейского иврита, в ряде случаев в сотрудничестве с другими авторами. В ходе этой работы сложился корпус лексем и фрагментов канонического текста Библии, релевантных для анализа стратегий перевода этих лексических данных на разные языки, о чем см. ниже. В конкретных публикациях в рамках этого проекта нет необходимости приводить большой объем однородных лексических данных, были выбраны лишь те примеры, которые наиболее показательны

для конкретных версий перевода Ветхого Завета. Однако полученные результаты подтверждаются всей совокупностью исходного материала, представленного в многочисленных публикациях, см. список наших публикаций по теме проекта в конце статьи. Кроме того, работы в рамках проекта были представлены в виде докладов на многочисленных конференциях и симпозиумах, тезисы этих докладов опубликованы в материалах конференций.

Основным источником канонического текста *Biblia Hebraica* является масоретский текст (см. ниже перечень источников настоящей работы). Ограниченные рамки настоящей статьи не позволяют рассмотреть историю формирования этого текста, которая, однако, подробно обсуждается в предыдущих публикациях.

Канонический текст *Biblia Hebraica* формировался на протяжении многих столетий, поэтому в нем нашли отражение религиозные, ритуальные и культурно-исторические реалии соответствующих эпох задолго до формирования монотеистического культа в иудаизме и христианстве. Фрагменты этого текста подвергались процессам редактирования на разных этапах его эволюции. Так что ко времени окончательного установления канонического текста в нем сохранились многочисленные свидетельства этого длительного процесса. Однако дальнейшее редактирование текста *Biblia Hebraica* после его канонизации было абсолютно невозможным. Как хорошо известно, суммарное число еврейских букв в каноническом тексте определено и не подлежит изменению. Это исключает внесение каких-либо изменений в канонический текст. В иудаизме были разработаны различные приемы разрешения этих противоречий. Так, возникла традиция *Qere-Ketiv* («чтение» и «письмо» на арамейском), т. е. различий в каноническом письменном тексте и устном воспроизведении отдельных фрагментов этого текста. Наиболее важным случаем *Qere-Ketiv* является *YHWH*, т. е. собственное имя Верховного Бога в *Biblia Hebraica*, так наз. тетраграмматон.

Здесь же необходимо отметить различные традиции передачи многочисленных имен и эпитетов Верховного Бога при переводе канонического текста на разные языки, а также в рамках отдельных версий перевода Библии на один и тот же язык. Первостепенное значение этой лексической группы представляется очевидным [Cassuto, Porkhomovsky 2009; Cassuto, Porkhomovsky, Ryabova 2021; Кассюто, Порхомовский 2010; Порхомовский, Челышева 2019]. Имеются и другие ситуации, вызывающие проблемы при переводе канонического текста. Упомянем здесь так наз. *tiqqūnēi soferim*, «исправления писцов», т. е. изменения формулировок в тексте *Biblia Hebraica* до утверждения канона с целью сохранения чести Бога.

Наконец, серьезную проблему для перевода Ветхого Завета представляют ситуации, когда в каноническом тексте присутствуют фрагменты или лексемы, отражающие религиозные представления, существовавшие в архаическую эпоху формирования канона, продолжавшуюся много столетий, и противоречащие позднейшим монотеистическим принципам иудаизма и христианства. Как уже отмечалось выше, вносить какие-либо изменения в канонический текст невозможно. Поэтому у переводчиков Ветхого Завета возникают две возможности: 1) воспроизводить при переводе все особенности оригинала; 2) редактировать фрагменты канонического текста для устранения противоречий с монотеистическими принципами. В рамках наших совместных исследований с Филиппом Кассюто мы определили первую стратегию перевода как филологическую, а вторую — как идеологическую [Cassuto, Porkhomovsky 2019; Порхомовский 2012; 2015; Кассюто, Порхомовский 2013; 2016; Порхомовский, Урб 2015]. Таким образом определяется типология стратегий перевода Библии для всех рассматриваемых версий перевода. Основной объект этой типологии составляют две семантические группы: антропоморфизмы (см. об этом

подробнее в: [Вдовиченко, Порхомовский, Романова 2021; Порхомовский, Рябова 2018]) и пассажи, в которых упоминается имя Ашеры, верховной богини древнего семитского пантеона, богини-матери и спутницы верховного бога соответствующего пантеона.

Настоящая статья посвящена анализу стратегий перевода антропоморфизмов в итальянских версиях Ветхого Завета. Изложение строится следующим образом: сначала дается оригинал по масоретской версии *Biblia Hebraica*, а затем варианты перевода в различных итальянских версиях в соответствии с их сокращенными наименованиями, также даются переводы на русский язык собственно антропоморфизмов.

Список источников (с сокращенными наименованиями)

MT Masoretic Text of Biblia Hebraica B I B L I A
HEBRAICA STUTTGARTENSIA

Итальянские версии Библии

CEI 1974 La Sacra Bibbia, 1974 (онлайн версия: <https://www.bibbiaedu.it>)

CEI 2008 La Sacra Bibbia, 2008 (онлайн версия: <https://www.bibbiaedu.it>)

CEI/Ger. La Bibbia di Gerusalemme, 2009 (онлайн версия: <http://www.laparola.net>)

RV La Riveduta (Luzzi) (онлайн версия: <http://www.laparola.net>)

NRV La Nuova Riveduta (онлайн версия: <http://www.laparola.net>)

ND LA NUOVA DIODATI, 1991 (онлайн версия: <http://www.laparola.net>)

Источником итальянских лексических данных послужили тексты изданий Библии, одобренных Конференцией епископата Италии (*Conferenza Episcopale Italiana* — CEI) как официальные тексты католической литургии. Используются два стандартных издания: 1974 г. — так наз. малое издание (CEI 1974), и 2008 г. — (CEI 2008), содержащее более 10 тыс. исправлений и уточнений текста предыдущего издания.

В качестве источника также использован итальянский текст Иерусалимской Библии (*La Bibbia di Gerusalemme* — CEI/Ger.) издания 1974 г. Это издание основано на переводе Конференции епископата Италии (CEI 1971), так наз. большом издании, с постраничными текстологическими комментариями и вводными статьями к книгам и группам книг Священного Писания из французского издания *La Bible de Jérusalem* 1973 г., в котором комментарии отмечают расхождения между текстом Библии CEI и французским изданием Иерусалимской Библии.

Из числа протестантских версий Библии на итальянском языке использованы следующие:

— наиболее авторитетный для итальянских протестантских общин перевод Дж. Диодати (1607), в обновленной редакции 1991 г., на современном литературном итальянском языке (*La Nuova Diodati* — ND);

— перевод Джованни Луцци, выполненный в 1924 г. для Библейского общества Женевы (*La Riveduta* — RV);

— уточненный на основании вновь открывшихся исторических сведений и критического текстологического анализа перевод 1994 г., с последующими изданиями 1997, 2002 и 2006 гг. (*La Nuova Riveduta* — NRV). Из этих стандартных изданий для анализа использовано последнее.

Антропоморфизмы¹

«нога»

MT	regle 'elohenu (1 Chroniques 28:2), [ноги Бога]
CEI 1974, CEI 2008, CEI/Ger.,	lo sgabello [подставка] dei piedi [для ног]
RV, NRV, ND	del nostro Dio

Здесь во всех версиях использована филологическая стратегия.

«рука»

MT	yad YHWH (Isaïe 41:20), [рука Яхве]
CEI 1974, CEI 2008, CEI/Ger.	la mano [рука] del Signore
RV, ND	la mano [рука] dell'Eterno
NRV	la mano [рука] del SIGNORE
MT	we-yad YHWH hayta 'el 'eliyahu (1 Rois 18,46), [рука Бога]
CEI 1974, CEI 2008, CEI/Ger.	la mano [рука] del Signore
RV, ND	la mano [рука] dell'Eterno
NRV	la mano [рука] del SIGNORE

¹ Языком базы данных (цитаций из текста Ветхого Завета), созданной в рамках этого проекта, и основных публикаций является французский язык, что сохраняется в общепринятых названиях книг Ветхого Завета для единообразия изложения и удобства cross-referencing.

Антропоморфизмы в случае этой лексемы сохраняются во всех итальянских версиях. Эти версии различаются именованиями Бога, т. е. здесь везде представлена филологическая стратегия.

«уши»

MT	u-be-'ozne 'elohenu (1 Chroniques 28:8), [уши Бога]
CEI 197, CEI 2008,	davanti al nostro Dio che ascolta [перед Богом нашим, который слушает]
CEI/Ger. RV	dinanzi al nostro Dio che ci ascolta [перед Богом нашим, который нас слушает]
NRV, ND	davanti al nostro Dio che ci ascolta [перед Богом нашим, который нас слушает]

Ни одна из итальянских версий не содержит антропоморфизмов, имеющих в каноническом тексте Библии, т. е. здесь представлена идеологическая стратегия.

«рот, уста»

MT	ki pi YHWH diber (Isaïe 1:20), [уста Господа говорят]
CEI 1974, CEI 2008, CEI/Ger., NRV	perché la bocca [уста] del Signore ha parlato
RV, ND	la bocca [уста] dell'Eterno

Все итальянские версии сохраняют антропоморфизмы канонического текста Библии, т. е. здесь представлена филологическая стратегия.

«глаз»

MT ‘eyn YHWH (Psaume 33:18, уникальное употребление в форме ед. числа, все прочие употребления имеют форму дв. числа), [глаз Яхве]

CEI 1974, [Salmi 33,16] Gli occhi [очи] del Signore
CEI/Ger.

CEI 2008 l’occhio [око] del Signore

NRV l’occhio [око] del SIGNORE

RV, ND l’occhio [око] dell’Eterno

Употребление лексемы «глаз» в форме множественного числа отмечено в версиях CEI 1974 и Иерусалимской Библии, в 16-м стихе 33 Псалма (а не в 18-м стихе, как в масоретском тексте). Версии CEI 2008, *La Riveduta*, *La Nuova Riveduta* и *Nuova Diodati* передают антропоморфизм в форме ед. числа.

«семь глаз Бога»

MT shiva’ `eleh ‘eyne YHWH (Zacharie 4:10), [quant à ces sept ce sont les yeux de Iahvé (эти семь это глаза Яхве); имеются в виду семь звезд созвездия Большой Медведицы]

CEI 1974, CEI 2008, Le sette lucerne [семь светильников]
CEI/Ger. rappresentano gli occhi [очи] del Signore
che scrutano tutta la terra

RV, ND quei sette là, gli occhi [очи] dell’Eterno
che percorrono tutta la terra

NRV gli occhi [очи] del SIGNORE che percorrono tutta la terra

Католические итальянские версии Библии передают исходное выражение как «семь светильников, представляющих очи Бога», протестантские версии утратили метафоричность обозначения и говорят о «семи очах» Бога². В принципе, в случае данной лексемы используется филологическая стратегия.

Заключение

Подводя итоги сказанному выше, необходимо отметить высокую степень гомогенности рассмотренных итальянских версий перевода Библии. При этом одну группу антропоморфизмов составляют лексемы «нога», «рука», «глаз/глаза», «рот/уста», где повсеместно используется филологическая стратегия. Другую группу образует антропоморфизм «уши», где во всех итальянских версиях представлена идеологическая традиция. В рамках дальнейших исследований предполагается сопоставить стратегии итальянских переводов антропоморфизмов с ситуациями в переводах Ветхого Завета на другие языки.

Литература

Вдовиченко А. В., Порхомовский В. Я., Романова О. И. Антропоморфизмы в Ветхом Завете по версиям Септуагинты и Вульгаты // *Знаки языка и смыслы культуры. Когнитивные исследования языка*. Тамбов, 2021.

Кассюто Ф., Порхомовский В. Я. Версии Ветхого Завета на языке хауса в типологическом освещении // *Африканский сборник-2013*. Санкт-Петербург, 2013, 160–171.

Кассюто Ф., Порхомовский В. Я. Лицо как врата во внутреннее пространство (лексическая семантика в Ветхом Завете) // *Логический анализ языка. Человек в интерьере. Внутренняя и внешняя проблема в языке*. Москва, 2017, 438–449.

² Здесь для дополнительной информации читателей учтены варианты перевода в русских версиях Библии.

Кассюто Ф., Порхомовский В. Я. Новый перевод Библии на язык хауса: типологический аспект // *Исследования по языкам Африки*. Вып. 6. Москва, 2016, 97–109.

Кассюто Ф., Порхомовский В. Я. Библия короля Иакова: о стратегии перевода в диахронической перспективе // *Библия короля Иакова: 1611–2011. Культурное и языковое наследие*. Москва, 2013, 135–156.

Кассюто Ф., Порхомовский В. Я. Имена Бога в Ветхом Завете и проблема их перевода // *В пространстве языка и культуры: звук, знак, смысл*. Москва, 2010, 363–375.

Кассюто Ф., Порхомовский В. Я. О некоторых семантических проблемах перевода Ветхого Завета (на материале трех хаусанских версий Книги Иова) // *Языки Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки. Материалы XII Международной конференции. Москва, 16-17 ноября 2016 года. Языки народов мира*. Москва, 2016, 208–217.

Кассюто Ф., Порхомовский В. Я. О символическом значении числа и количества в Священном писании // *Логический анализ языка. Числовой код в разных языках и культурах*. Москва, 2014, 268–284.

Кассюто Ф., Порхомовский В. Я. Поэзия и философия в Библии: Книга Иова, глава «'otyot teluyot» // *Поэтический и философский дискурсы: история взаимодействия и современное состояние*. Москва, 2016, 7–25.

Кассюто Ф., Порхомовский В. Я. Библейские истории Иосифа и Моисея и их переводы на язык хауса // *Африканский сборник-2007*. Санкт-Петербург, 2008, 499–510.

Порхомовский В. Я. Переводы Библии на язык хауса (исторический и типологический аспекты) // *Под небом Африки моей. История, культура, языки народов Африки*. Вып. 7. Москва, 2015, 92–104.

Порхомовский В. Я. Переводы Ветхого Завета и их роль в становлении языковых и литературных традиций // *Развитие языков и литератур в контактных ситуациях. Материалы круглого стола*. Москва, 2017, 132–142.

Порхомовский В. Я., Рябова И. С. Антропоморфизмы в версиях Ветхого Завета на языке суахили: стратегии перевода // *Образы языка и зигзаги дискурса*. Москва, 2018, 402–410.

Порхомовский В. Я., Рябова И. С. Версия Ветхого Завета на языке зулу в типологической перспективе // *Language in Africa*, 2020, 1(4): 212–225.

Порхомовский В. Я., Рябова И.С. Имена Бога в версиях Ветхого Завета на языках хауса и суахили (контрастивный анализ) // *Языки стран Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки. Материалы XIII Международной научной конференции. Санкт-Петербург, 30 октября – 01 ноября 2018 года*. Санкт-Петербург, 2018, 261–268.

Порхомовский В. Я., Урб М. Р. Стратегии перевода канонических текстов в типологической перспективе: версии Ветхого Завета на нидерландском языке и языке африкаанс // *Профили языка: социолингвистика, национальное варьирование, переводоведение, контрастивная лингвистика*. Москва, 2015, 207–242.

Порхомовский В. Я. К типологии переводов Библии (на материале языка хауса) // *Языки стран Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки. Материалы X Международной конференции*. Москва, 2012, 210–215.

Порхомовский В. Я., Рябова И. С. Имена Бога в версии Ветхого Завета на языке зулу // *Языковое единство и языковое разнообразие в полиэтническом государстве. Международная конференция. Москва, 14–17 ноября 2018 г.* Москва, 2018, 540–547.

Порхомовский В. Я., Челышева И. И. Имена Бога в первых переводах Ветхого Завета на французский язык // *Когнитивные исследования языка*. Вып. XXXVI. Понимание. Интерпретация. Когнитивное моделирование. Москва, Тамбов, 2019, 247–254.

Порхомовский В. Я. Лексический аспект перевода канонических текстов // *Динамика культурно-эстетической парадигмы: человек, слово, текст*. Москва, 2014, 56–70.

Порхомовский В. Я. Переводы канонических текстов в контексте формирования языковой нормы в бесписьменных и младописьменных языков // *Вопросы филологии*, 2018, 1 (61): 46–48.

Cassuto Ph., Porkhomovsky V. Les dieux, le dieu et Dieu dans les versions massorétique et haoussa de la Bible // *Studi Magrebini. Nuova Serie*, VII: 135–143. *VIII Afro-Asiatic Congress*. Ed. Sergio Baldi. Napoli, 2009.

Cassuto Ph., Porkhomovsky V. La Bible en route vers le Méga-Tchad, entre emprunts linguistiques et échanges entre langues // *XVe colloque du réseau Mega Tchad «Communication et échanges dans le bassin du lac Tchad»*, 13–15 septembre 2012, Università degli studi di Napoli / *L'Orientale. Résumés des communications*. Napoli, 2012, 15–16.

Cassuto Ph., Porkhomovsky V. Les noms des parties du corps dans les versions haoussa de la Bible // *Hausa and Chadic Studies*. Warsaw, 2014, 141–151.

Cassuto Ph., Porkhomovsky V. Les stratégies de traduction de l'Ancien Testament dans les trois versions haoussa de la Bible: un problème d'interprétation ? // *Topics in Chadic Linguistics X. Papers from the 9th Biennial International Colloquium on the Chadic Languages. Villejuif, September 7–8, 2017 / Henry Tourneux & Yvonne Treis (eds.). In Memoriam Russell G. Schuh*. Köln, 2019, 113–142.

Cassuto Ph., Porkhomovsky V., Ryabova I. The Names of God in Swahili and Zulu Versions of the Old Testament // *Swahili Forum*. Beureuth, 2021 (in press).

References

Cassuto Ph., Porkhomovsky V. La Bible en route vers le Méga-Tchad, entre emprunts linguistiques et échanges entre langues // *XVe colloque du réseau Mega Tchad «Communication et échanges dans le bassin du lac Tchad»*, 13–15 septembre 2012,

Università degli studi di Napoli / *L'Orientale. Résumés des communications*. Napoli, 2012, 15–16.

Cassuto Ph., Porkhomovsky V. Les dieux, le dieu et Dieu dans les versions massorétique et haoussa de la Bible // *Studi Magrebini. Nuova Serie*, VII: 135–143. *VIII Afro-Asiatic Congress*. Ed. Sergio Baldi. Napoli, 2009.

Cassuto Ph., Porkhomovsky V. Les noms des parties du corps dans les versions haoussa de la Bible // *Hausa and Chadic Studies*. Warsaw, 2014, 141–151.

Cassuto Ph., Porkhomovsky V. Les stratégies de traduction de l'Ancien Testament dans les trois versions haoussa de la Bible: un problème d'interprétation ? // *Topics in Chadic Linguistics X. Papers from the 9th Biennial International Colloquium on the Chadic Languages. Villejuif, September 7–8, 2017 / Henry Tourneux & Yvonne Treis (eds.)*. In *Memoriam Russell G. Schuh*. Köln, 2019, 113–142.

Cassuto Ph., Porkhomovsky V., Ryabova I. The Names of God in Swahili and Zulu Versions of the Old Testament // *Swahili Forum*. Beureuth, 2021 (in press).

Kassyuto F., Porkhomovskii V. Ya. Bibleiskie istorii Iosifa i Moiseya i ikh perevody na yazyk khausa // *Afrikanskii sbornik-2007*. Sankt-Peterburg, 2008, 499–510. (In Russ.)

Kassyuto F., Porkhomovskii V. Ya. Bibliya korolya Iakova: o strategii perevoda v diakhronicheskoi perspektive // *Bibliya korolya Iakova: 1611–2011. Kul'turnoe i yazykovoe nasledie*. Moskva, 2013, 135–156. (In Russ.)

Kassyuto F., Porkhomovskii V. Ya. Imena Boga v Vetkhom Zavete i problema ikh perevoda // *V prostranstve yazyka i kul'tury: zvuk, znak, smysl*. Moskva, 2010, 363–375. (In Russ.)

Kassyuto F., Porkhomovskii V. Ya. Litso kak vrata vo vnutrennee prostranstvo (leksicheskaya semantika v Vetkhom Zavete) // *Logicheskii analiz yazyka. Chelovek v inter'ere. Vnutrennyaya i vneshnyaya problema v yazyke*. Moskva, 2017, 438–449. (In Russ.)

Kassyuto F., Porkhomovskii V. Ya. Novyi perevod Biblii na yazyk khausa: tipologicheskii aspekt // *Issledovaniya po yazykam Afriki*. Vyp. 6. Moskva, 2016, 97–109. (In Russ.)

Kassyuto F., Porkhomovskii V. Ya. O nekotorykh semanticheskikh problemakh perevoda Vetkhogo Zaveta (na materiale trekh khausanskikh versii Knigi Iova) // *Yazyki Dal'nego Vostoka, Yugo-Vostochnoi Azii i Zapadnoi Afriki. Materialy XII Mezhdunarodnoi konferentsii*. Moskva, 16–17 noyabrya 2016 goda. Yazyki narodov mira. Moskva, 2016, 208–217. (In Russ.)

Kassyuto F., Porkhomovskii V. Ya. O simvolicheskom znachenii chisla i kolichestva v Svyashchennom pisanii // *Logicheskii analiz yazyka. Chislovoi kod v raznykh yazykakh i kul'turakh*. Moskva, 2014, 268–284. (In Russ.)

Kassyuto F., Porkhomovskii V. Ya. Poeziya i filosofiya v Biblii: Kniga Iova, glava «'otyot teluyot» // *Poeticheskii i filosofskii diskursy: istoriya vzaimodeistviya i sovremennoe sostoyanie*. Moskva, 2016, 7–25. (In Russ.)

Kassyuto F., Porkhomovskii V. Ya. Versii Vetkhogo Zaveta na yazyke khausa v tipologicheskom osveshchenii // *Afrikanskii sbornik-2013*. Sankt-Peterburg, 2013, 160–171. (In Russ.)

Porkhomovskii V. Ya. K tipologii perevodov Biblii (na materiale yazyka khausa) // *Yazyki stran Dal'nego Vostoka, Yugo-Vostochnoi Azii i Zapadnoi Afriki. Materialy X Mezhdunarodnoi konferentsii*. Moskva, 2012, 210–215. (In Russ.)

Porkhomovskii V. Ya. Perevody Biblii na yazyk khausa (istoricheskii i tipologicheskii aspekty) // *Pod nebom Afriki moei. Istoriya, kul'tura, yazyki narodov Afriki*. Vyp. 7. Moskva, 2015, 92–104. (In Russ.)

Porkhomovskii V. Ya. Perevody Vetkhogo Zaveta i ikh rol' v stanovlenii yazykovykh i literaturnykh traditsii // *Razvitie yazykov i literatur v kontaktnykh situatsiyakh. Materialy kruglogo stola*. Moskva, 2017, 132–142. (In Russ.)

Porkhomovskii V. Ya., Chelysheva I. I. Imena Boga v pervykh perevodakh Vetkhogo Zaveta na frantsuzskii yazyk // *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. XXXVI. Ponimanie. Interpretatsiya*.

Kognitivnoe modelirovanie. Moskva, Tambov, 2019, 247–254. (In Russ.)

Porkhomovskii V. Ya., Ryabova I. S. Antropomorfizmy v versiyakh Vetkhogo Zaveta na yazyke suakhili: strategii perevoda // *Obrazy yazyka i zigzagi diskursa*. Moskva, 2018, 402–410. (In Russ.)

Porkhomovskii V. Ya., Ryabova I. S. Imena Boga v versii Vetkhogo Zaveta na yazyke zulu // *Yazykovoe edinstvo i yazykovoe raznoobrazie v politnicheskom gosudarstve. Mezhdunarodnaya konferentsiya*. Moskva, 14–17 noyabrya 2018 g. Moskva, 2018, 540–547. (In Russ.)

Porkhomovskii V. Ya., Ryabova I. S. Versiya Vetkhogo Zaveta na yazyke zulu v tipologicheskoi perspektive // *Language in Africa*, 2020, 1(4): 212–225. (In Russ.)

Porkhomovskii V. Ya., Ryabova I.S. Imena Boga v versiyakh Vetkhogo Zaveta na yazykakh khausa i suakhili (kontrastivnyi analiz) // *Yazyki stran Dal'nego Vostoka, Yugo-Vostochnoi Azii i Zapadnoi Afriki. Materialy XIII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Sankt-Peterburg, 30 oktyabrya – 01 noyabrya 2018 goda*. Sankt-Peterburg, 2018, 261–268. (In Russ.)

Porkhomovskii V. Ya., Urb M. R. Strategii perevoda kanonicheskikh tekstov v tipologicheskoi perspektive: versii Vetkhogo Zaveta na niderlandskom yazyke i yazyke afrikaans // *Profili yazyka: sotsiolingvistika, natsional'noe var'irovanie, perevodovedenie, kontrastivnaya lingvistika*. Moskva, 2015, 207–242. (In Russ.)

Porkhomovskii V. Ya. Perevody kanonicheskikh tekstov v kontekste formirovaniya yazykovoi normy v bespis'mennykh i mladopis'mennykh yazykov // *Voprosy filologii*, 2018, 1 (61): 46–48. (In Russ.)

Porkhomovskii V.Ya. Leksicheskii aspekt perevoda kanonicheskikh tekstov // *Dinamika kul'turno-esteticheskoi paradigmy: chelovek, slovo, tekst*. Moskva, 2014, 56–70. (In Russ.)

Vdovichenko A. V., Porkhomovskii V. Ya., Romanova O. I. Antropomorfizmy v Vetkhom Zavete po versiyam Septuaginty i Vul'gaty // *Znaki yazyka i smysly kul'tury. Kognitivnye issledovaniya yazyka*. Tambov, 2021. (In Russ.)

Порхомовский Виктор Яковлевич
Институт языкознания РАН
Москва, Россия
Porkhomovsky Victor Yakovlevich
Institute of Linguistics, RAS
Moscow, Russia
vporkhom@yahoo.com

Романова Ольга Иосифовна
Институт языкознания РАН
Москва, Россия
Romanova Olga Iosifovna
Institute of Linguistics, RAS
Moscow, Russia
olgaromanov@gmail.com

***A Bashkardi version of the chain tale ATU 2034:
The Jackal Retrieves His Tail
Цепочная сказка ATU 2034:
Версия башкарди «Шакал вновь обретает свой хвост»***

Korn A.

Корн А.

This article presents a text in North Bashkardi, a little studied variety spoken in Southern Iran, with English translation and some notes.¹

Key words: Bashkardi, folk tales, Iranian languages, Ilya Gershevitch

В данной статье представлен текст на северном башкарди, малоизученном языке Южного Ирана, с английским переводом и некоторыми комментариями.

Ключевые слова: башкарди, сказки, иранские языки, Илья Гершевич

DOI 10.37892/2313-5816-2021-1-368-383

Introduction

Bashkardi (Bš) is the name for a cluster of varieties of the Iranian branch of Indo-European spoken in the region called Bašākerd in Iran, inland from the Strait of Hormuz. The main division is between the groups called North and South Bashkardi (NBš, SBš).

¹ I am very grateful to Thomas Jügel (Bochum) for helpful comments, to Nicholas Sims-Williams (Cambridge) for corrections and to Murad Suleymanov (Paris) for the elements translated into Russian.

The NBš text presented here is from a recording made by Ilya Gershevitch (1914–2001) in Iran in 1956.² This material is described in Korn [2015], and another text from these recordings (with morphological glossing) is published in Korn [in press], which to my knowledge is the only NBš text published to this date.

My work on the text below is based on a preliminary transcription and a translation into Persian by Bakhtiar Seddiqi Nejad made in cooperation with Behrooz Barjasteh Delforooz (Zahedan & Uppsala). I undertook several rounds of checking against the sound file, and in the end also consulted a transcription by Ilya Gershevitch with explanations of some words.³ I have also made use of two boxes of Ilya Gershevitch’s vocabulary cards kept at the Ancient India and Iran Trust in Cambridge.

Information about Bashkardi grammar and previous scholarship on Bashkardi can be found in Korn [2017; in press]; Skjærvø [1989a; 1989b].

The text

The transcription of the text to follow is phonological rather than phonetic. Clitics such as the enclitic pronouns, the *ezafe* *-i* and the marker of specificity *-ī/ē/ei* are attached to the preceding word by a hyphen. Other clitic elements such as the copula and *o* ‘and’ are noted as separate words. The text is separated into clauses and accompanied by a rather literal English translation to facilitate the reading, and finite verbs (including past stems in the post-ergative construction) are underlined. The separation of the text into paragraphs is mine; the structure of the text is not indicated in the recording.

As shown by §11, the speaker is from the family Pīrzād (according to Gershevitch’s notes, his full name is Hossein-e Pīrizāda). Owing to the somewhat odd speed of the recording, it

² The text is no. NBš_A4t3 (tape A4, track 3, min. 20:05ff. of soundfile).

³ This material is pp. 19–25 of the bundle “Tape III” in the folder entitled “Tape”.

is difficult to guess his age, but he has an adult voice. The place where the recording was made is not known, and neither is the setting known to us, but it is obvious that several persons are present in addition to the speaker and Ilya Gershevitch. Some background talk is going on among the audience in addition to the remarks transcribed below, but not sufficiently audible to permit any analysis.

§1 Presentation of the characters

<i>rūza-ī rūzahān-ī bū,</i> <i>bū kakā-ī o nauk-ī. ...</i>	Once upon a time, there was a grandmother and a grandson.
{interruption}	
{said aside:} <i>halā bogom?</i>	Should I speak now?
{talk in the background}	
<i>xāb.</i>	Well.
<i>bū-šōn do dāna boz.</i>	They had two goats.
<i>bozūn xwa-šūn dāšt</i>	They milked the goats themselves
<i>o māsenanden-šūn, tū...</i>	and fermented it (the milk)...
{interruption}	
<i>tūla-ī āht</i>	A jackal came
<i>o xwardend-eh.</i>	and he ate it.
<i>dega sar sahar bozūn-šūn</i> <i>dāšt</i>	The [next] morning, they again milked the goats
<i>o māsenanden-šūn,</i>	and fermented it (the milk).
<i>tūla-ī āht</i>	A jackal came
<i>o xwardend-eh.</i>	and he ate it.
{interruption, talk in the background}	

§2 The jackal loses his tail

<i>rau gwar jarråd-ī hamâ pīrazâ ke</i>	That old woman went to a sorcerer and [said]:
<i>tūla-i xwara-ī hamī māstakūn mon axwared</i>	“A voracious jackal eats this yoghurt of mine.
<i>mō če-kâr bekanõ.</i>	What shall I do?”
<i>go: šaw kelenč-et bešakūn xau tīγ</i>	[The sorcerer] said: “At night, cut your finger with a blade
<i>o berīz nemek o âvīšen o ... pelpel,</i>	and put salt and thyme and ... pepper [on it].
<i>estera-ī bege a moč-et,</i>	Take a knife in your hand,
<i>entezâr bo</i>	[and] wait
<i>k’ tâ tūla yât</i>	until the jackal comes
<i>o māstūn-t axware,</i>	and eats your yoghurt,
<i>yī domb-eh bobor.</i>	then cut his tail!”
<i>xob, rau ī pīrazan</i>	Well, the old woman went
<i>kelenč xwa šakant,</i>	[and] cut her finger,
<i>rīht-eh nemek o âvīšen o...</i>	she put salt and thyme [on it], and...
<i>sūz-eh wor ge dast-eh,</i>	her hand started burning!
<i>šaw a xâw nakaw,</i>	[At] night she did not fall asleep.
<i>estera wa zīr-e moč ge,</i>	She took the knife under her hand.
<i>âht tūla o dar...</i>	The jackal came in [and]...
<i>manjalak māst-ī wor ge,</i>	opened the yoghurt pot.

<i>čānk bū a xwarden,</i>	He started to eat,
<i>žihpang domb-e tūla borri,</i>	bang! she cut the tail of the jackal,
<i>zīr kapāš hešt.</i>	[and] put it under a mat.
{pause}	
{someone else:} <i>xāb.</i>	Well.
<i>xāb.</i>	Well.
<i>raw tūla.</i>	The jackal left.

§3 The jackal decides to get his tail back

<i>sūr-ī paidā bū a hamī turkūn,</i>	A wedding was upcoming for these jackals.
{clears throat}	
<i>... sūr ei turkūn paidā bū,</i>	... a wedding for the jackals was upcoming.
<i>ādam-šō āt:</i>	A man (messenger?) of them came [and said]:
<i>tūla bāstī-t byāyitin</i>	“Jackal, you need to come,
<i>aiš e, hamī... turkūn, aiš-i-šūn.</i>	there is a party, these jackals, their party!”
<i>go: mō arrom karūn hamī pīrazāl,</i>	[The jackal] said: “I will go to this old woman,
<i>domb xwa gerom,</i>	take my tail,
<i>ayām... dar aiš ayām.</i>	[and] come; I’ll come to the party.”
{to the other people present:} <i>hālā gwarun-eh ...(?) boguem</i>	What shall I say about it?

<i>xo ye ei sar nākahe</i>	Well, he does not manage.
{others present:) ... <i>nākahe</i>	... does not manage.

§4 The jackal's conversation with the old woman

<i>xob, aht a karōn pīrazāl.</i>	Well, he went to the old woman
<i>go ei pīrazan: domb-e mō beda,</i>	[and] said to the old woman: “Give [me] my tail,
<i>ke arrom dar aiš.</i>	so that I can go to the party!”
<i>go: to šīrūn-e mō beda,</i>	[The old woman] said: “Give [me] my milk,
<i>ke mō domb-e to adaham.</i>	and I will give [you] your tail!”

§5 The jackal's conversation with the goat

<i>xob, rau karūn boz,</i>	Well; [the jackal] went to the goat
<i>gu: boz boz šīr beda wa mō,</i>	[and] said: “Goat, goat, give me milk,
<i>ke mon arrom</i>	so that I can go
<i>to adahom a pīrazan, domb-e xwa agerom,</i>	and give [it] to the old woman, take my tail
<i>arrom dar aiš.</i>	[and] go to the party!”
<i>boz gu:</i>	The goat said:
<i>boru ya moč tāg-e konār biyār,</i>	“Fetch a handful of Konar- leaves,
<i>beda wa mon,</i>	[and] give [them] to me,
<i>ke mon axwarom,</i>	so that I eat [them],

<i>šīr-m abū,</i>	[and] I will have milk.
<i>to šīrūn wor ge,</i>	You will take the milk,
<i>boru pīrazan bedah.</i>	[and] deliver [it] to the old woman.”
{pause}	

§6 The jackal's conversation with the tree

<i>xob, raut a karūn konâr.</i>	Well, he went to the Konar-tree
<i>go: konâr to ya moč-ī tâg beda</i>	[and] said: “Konar-tree, give [me] a handful of leaves.”
<i>– aga na xo agen</i>	– Unless, well, they say [in fact]:
<i>konâr konâr tâg da?</i>	“Konar, Konar, give [me] leaves”? ...
{various voices saying something}	
{someone else:} ... <i>be hamâ-tau bogo.</i>	... say [it] that way.
<i>hamâ-tau bogom?</i>	Should I say [it] that way?
{confirmation from the others present}	
<i>xob.</i>	Well.
<i>gu: konâr konâr tâg da,</i>	[He] said: “Konar, Konar, give [me] leaves,
<i>tâg barom bozâ,</i>	[so that] I carry the leaves to the goat,
<i>boz gerom šīrâ,</i>	take milk [from] the goat,
<i>šīr dahom zâlâ</i>	[and] give the milk to the woman,
<i>(yūš makanī šemâ)</i>	(Don't make noise!)

<i>zâl gerom dümâ, tûlaga-î sîrâ.</i>	... [and] I take the tail [from] the woman for the jackals' wedding."
{someone else:} <i>waht-o künegî agõ</i>	[Someone else:] "Sometimes I [also] say '?.'"
{background:} <i>tûlaga...</i>	(background:) "the jackals..."
<i>gu...</i>	[The tree] said:
<i>to kolût-it âverd a-sar mon konâr ke</i>	"[As soon as] you'll have brought a nest [and] put [it] onto me the Konar-tree,
<i>ke mõ tâg bedaham barâ-i to.</i>	so that I will give leaves to you."

§7 The jackal's conversation with the bird

<i>rau karûn kagâr.</i>	[The jackal] went to the Kagar-bird.
<i>(ya morg-î dar mahal mâ ha, kagâr-eh agûî)</i>	(There is a bird in our region; we call it Kagar.)
<i>go: kagâr kagâr kolût de,</i>	[The jackal] said: "Kagar, Kagar, give [me] a nest,
<i>kolût barom konârâ,</i>	[so that] I carry the nest to the Konar-tree,
<i>konâr gerom tâgâ,</i>	take leaves [from] the Konar-tree,
<i>tâg barom bozâ,</i>	carry the leaves to the goat,
<i>boz gerom şîrâ,</i>	take milk [from] the goat,
<i>şîr barom zâlâ,</i>	carry the milk to the woman,

<i>zāl gerom dūmā, tūlaga-ī sīrā</i>	[and] take [my] tail [from] the woman for the jackals' wedding."
<i>(āxa ... tūlag ... sūr ... tūlaūn ar).</i>	(After all... the jackal... it was the jackals' wedding.)
<i>gu: to yakk-ei ā, yak dūn-i gandom-et āver,</i>	[The bird] said: "[As soon as] you... (?) you'll have brought some grains
<i>dā barā-i mon kagār,</i>	[and] given [them] to me the Kagar-bird,
<i>ke mō kolut a-sar to bekanō.</i>	I'll make a nest for you."

§8 The jackal's conversation with the field

<i>rau karūn zamīn,</i>	[The jackal] went to the field
<i>gu: zamīn zamīn dān deh,</i>	[and] said: "Field, field, give [me] grain!
<i>(dān yānī gandom)</i>	("Grain" means wheat.)
<i>dān barom kagārā,</i>	[so that] I carry the grain to the Kagar-bird,
<i>kagār gerom kolutā,</i>	take a nest [from] the Kagar-bird,
<i>kolūt dahom konārā,</i>	give the nest to the Konar-tree,
<i>konār gerom tāgā,</i>	take leaves [from] the Konar-tree,
<i>tāg barom bozā,</i>	carry the leaves to the goat,
<i>boz gerom šīrā,</i>	take milk [from] the goat,
<i>šīr dahom zālā,</i>	give the milk to the woman,

<i>zâl gerom dümä, tūlaga-ī sīrâ.</i>	[and] take [my] tail [from] the woman for the jackals' wedding.”
<i>gu: to âb-et barâ-i mon âverd</i>	[The field] said: “[As soon as] you’ll have brought water for me
<i>o ke ke mō sauz bom,</i>	and did [in a way] that I’ll become green,
<i>bâ dūn bom,</i>	[that] I’ll have grain,
<i>bedaham-et.</i>	I’ll give [it] to you.”

§9 The jackal’s conversation with the water

<i>rau karūn âb.</i>	[The jackal] went to the water.
<i>go: âb âb âb de,</i>	[He] said: “Water, water, give me water.
<i>âb barom zamīnâ,</i>	[so that] I take water to the field,
<i>zamīn gerom dānâ,</i>	take grain [from] the field,
<i>dān barom dahom kagârâ,</i>	hand the grain over to the Kagar-bird,
<i>kagâr gerom kolutâ,</i>	take a nest [from] the Kagar-bird,
<i>kolūt dahom konârâ,</i>	give the nest to the Konar-tree,
<i>konâr gerom tâgâ,</i>	take leaves [from] the Konar-tree,
<i>tâg dahom bozâ,</i>	give the leaves to the goat,
<i>boz gerom šīrâ,</i>	take milk [from] the goat,
<i>šīr dahom zâlâ,</i>	give the milk to the woman,
<i>zâl gerom dümä, tūlaga-ī sīrâ.</i>	[and] take [my] tail [from] the woman for the jackals’ wedding.”

§10 The resolution of the chain

<i>xob, zamĩ...</i>	Well, the field...
<i>yâw šīlam bū,</i>	became soaked with water.
<i>âverd dâr-eh ba zamīn,</i>	He (the jackal) brought [water and] gave [it] to the field,
<i>zamīn gandom-eh sauz bū tā rasī,</i>	the field's grain became green and (lit. until) it became ripe.
<i>čer-e, bord dâr-eh wa kagâr,</i>	He picked up [some grains], handed [them] over to the Kagar-bird;
<i>kagâr bâl-eh kex,</i>	the Kagar-bird flew,
<i>âh nešt a-sar konâr,</i>	sat down on the Konar-tree
<i>kolūt-e xwa bax.</i>	[and] made its nest.
<i>konâr a xwa takand,</i>	The Konar-tree shook itself
<i>reh tâg,</i>	[and] let leaves fall (lit.: poured leaves).
<i>tâgūn wor çe,</i>	[The jackal] gathered the leaves;
<i>bord dâr-eh wa boz,</i>	he handed [them] over to the goat.
<i>boz mâya o jū hamsar,</i>	The goat [got] milk;
<i>došt-eh bâdya-i šīr,</i>	he (the jackal) milked a jug of milk.
<i>bord dâr-eh wa hamâ pīrazā.</i>	He handed [it] over to that old woman.
<i>pīrazan dar-eh â (?) âverd</i>	The old woman brought it out (?),
<i>hamâ domb-e xwa yâr a</i>	that tail of his was underneath [the mat]

<i>kerm zara,</i>	it was worm-smitten.
<i>dâr-eh ba hamâ tûla,</i>	She gave [it] to that jackal.
<i>čer-eh tûla o rau.</i>	The jackal picked it up and went.

§11 The speaker takes leave from his audience

<i>mõ tâ hamîrâ havâr bürom.</i>	Until here I've been with you.
{someone else:} <i>pâmîl pîrzâda.</i>	Family Pirzada.
<i>pâmîl-om pîrzâda.</i>	I am from the Pirzada-family (lit. my family [is] Pirzada).

Notes

1. That the text is in North Bashkardi can be seen by the following features:

- Old Iranian postvocalic *t* yields *r* (SBš *-t*): *dâr* ‘gave’, *zar* ‘hit’, *čer* ‘picked up’ (all §10, Persian *dād*, *zad*, *čīd*), *bür-om* ‘I was’ (§11, *būd-am*), *ar* (§7 copula past, see 2. below), and there is *d > r* in *ham-îrâ* ‘here’ (§11, Balochi *idā*);⁴

- the plural pronominal clitics are derived from the singular ones by the suffix *-ûn/-ôn* (*-môn/-mûn*, *-tôn/-tûn*, *-šûn*, §1 etc.) vs. non-derived SBš *-an*, *-ox*, *-eš*;

- the 1PL verbal ending is *-îr/î* (SBš *-om*): *agûî* (§7).

- the negation *na-* with the TAM prefix *a-* yields *nâ-* (vs. the reverse order in SBš *a-n-*): *nâkahe* (§3).

However, typically SBš perfect forms in *-x* occur towards the end of the text, viz. *kex* ‘done’ and *bax* ‘bound’ (§10), whose NBš equivalents would be *kerd-eh* and *bast-eh* (cf. Persian *kard-e*, *bast-e*).

2. The text is of the type called “Kettenmärchen” (“chain tale”) in the German tradition of folk tale studies. In these tales, the main character sets out to find or recover a certain item from

⁴ For this phenomenon, see the comprehensive article by Édel'man [2006].

a person or animal, who in turn demands another item from a third character, for which yet another object or action turns out to be necessary, and this again depends on ... In the end, the main character manages to satisfy a condition, goes on the reverse journey and achieves his goal.

Studying some 1300 folk tales in Persian, Marzolph [1984: 31] finds that chain tales only amount to some 3% of his corpus. But he mentions specimens closely resembling our tale [Marzolph 1984: 19]: A cat, jackal or fox loses its tail because it stole an old woman's milk (alternatively a mouse gets its tail ripped off by a cat), and the series of actions performed in order to retrieve the tail [Marzolph 1984: 257–259] are likewise similar – though not entirely identical – to those in our text.

In the so-called *Aarne-Thompson-Uther index (ATU)*, a reference work classifying folk tale types, our text belongs to no. 2034 “The Mouse Regains its Tail” [ATU II: 526f.]. The *ATU* lists numerous versions from many parts of the world (Europe, East Asia, East Africa and the Americas), to which the Bashkardi version can now be added.

It is not clear whether the elements that distinguish the present version from those already known (e.g. the tree asking for a nest, which is not found in Marzolph's corpus and not noted in *ATU*) are specific to Bashkardi, or to the speaker, or have just not been noted in other languages until now. The element of the tail having got worms does sound like a personal addition, though.

Some elements of the style and textual structure are discussed in Korn [2020]. The introductory phrase corresponds to the Persian formula *rūz-ī (būd), rūzgār-ī (būd)* ‘It was a day, it was a time’, but the more common formulation in Bashkardi (and Balochi) is *hast-a yak X-ē* ‘There was a X’. Tales which show *hast-a* seem to me to be more of oral style and are typically composed of a whole series of motifs which is strung together somewhat loosely, while our text has the form of a classical folk tale, matching one of the types noted in *ATU*. It is possible that it contains formulaic language, giving the impression of literary style.

3. That the specific form of our text is perhaps not “only” the speaker’s personal version of the tale might be seen by his interactions with the audience, which I have on purpose not edited out. Some of the remarks aside seem to be explanations, possibly addressed to Ilya Gershevitch; others seem to seek input from the Bashkardi audience.⁵

A case in point is §6, where the speaker interrupts himself to check the precise formulation of how the jackal addresses the tree, rather suggesting the existence of a fixed form. The sentence approved by the audience includes *tâg da* ‘give [me] leaves’ while what the speaker first suggests is *to ya moč-ī tâg be-da*. The latter is not only more precise (‘a handful of leaves’), but also marks the imperative ‘give’ with the prefix *be-*, which is not present in the other version; it could be so that traditionally the imperative had no prefix in Bashkardi, while apparently the speaker would spontaneously have used one. There is a parallel variation for the TAM prefix *a-* (e.g. *gerom* vs. *agerom* in the text). Compared to Middle Iranian, both prefixes are innovations. It seems that compared to Gershevitch’s recordings (dating from 1956), Bš varieties of today have generalised these prefixes (maybe under the influence of Persian *mī-* and *be-*). For the dialects of the cities of Minab and Bandar Abbas, which are outside Bashkardi, but rather closely related, Barbera [2005: 64–67] and Pelevin [2010: 62], respectively, note generalised *a-* for the present tense and *be-* (with phonetic variants) for the subjunctive and imperative.⁶ The competing forms shown by our text would then document a change in progress.

Note also that the textual variant *konâr konâr tâg da* fits better metrically, which is another indication for it being the traditional form. The series of envisaged actions likewise sound like metric

⁵ Unfortunately, what the audience says is not really audible.

⁶ South Bashkardi patterns differently: in the SBš dialect of Dahwast described by Seddiqi Nejad [2010: 138–140], *a-* is used the present tense and the imperative while there is *be-* and zero for the subjunctive.

or at least rhythmic text (as often happens in repeated sections of fairy tales). This could also be the reason that the directional *-ā* is present not only in the sentences with ‘I bring/carry/give ... to ...’, but also in those with *gerom* ‘I take/get (sth. from someone)’, where we would not expect a directional marker.

References

ATU — Uther H.-J. *The types of international folktales: a classification and bibliography, based on the system of Antti Aarne and Stith Thompson* [FF Communications CXXXIII 284]. Helsinki, 2004, 3 vol.

Barbera G. *Lingua e cultura a Minab (Iran sud-orientale). Profilo grammaticale, testi e vocabolario*. PhD thesis. Università degli Studi di Napoli “L’Orientale”, 2005.

Ėdel'man Dž. I. Artikuljacionnaja fonetika i tipologija istoriko-fonetičeskix processov (k lambdaizmu i rotacizmu v iranskix jazykax) // M. N. Bogoljubov et al. (eds.) *Indoiranskoe jazykoznanie i tipologija jazykovyx situacij. Sbornik statej k 75-letiju professora A. L. Grjunberga (1930–1995)*. St Petersburg, 2006, 65–73. [Эдельман Дж. И. Артикуляционная фонетика и типология историко-фонетических процессов (к ламбдаизму и ротацизму в иранских языках) // М. Н. Боголюбов и др. (ред.) *Индоиранское языкознание и типология языковых ситуаций. Сборник статей к 75-летию профессора А. Л. Грюнберга (1930–1995)*. Санкт-Петербург, 2006, 65–73.]

Korn A. Voices from far away: Bashkardi material at the Ancient India and Iran Trust // *INDIRAN: Newsletter of the Ancient India and Iran Trust*, 2015, 10: 4–5. URL: <https://indiairantrust.files.wordpress.com/2015/07/indiran10forwebsite.pdf>

Korn A. Notes on the Nominal System of Bashkardi // *Transactions of the Philological Society*, 2017, 115: 79–97.

Korn A. Once upon a time: Telling a story in Bashkardi // *INDIRAN: Newsletter of the Ancient India and Iran Trust*, 2020, 14:

8–9. URL: <https://www.indiran.org/wp-content/uploads/2020/11/INDIRAN-14-web-version.pdf>

Korn A. Greeting a guest in Bashkardi // (in a Festschrift) (in press).

Marzolph U. *Typologie des persischen Volksmärchens* [Beiruter Texte und Studien 31]. Beirut & Wiesbaden, 1984. URL: http://wwwuser.gwdg.de/~umarzol/files/Marzolph_Typologie.pdf

Pelevin M. Materials on the Bandari Dialect // *Iran and the Caucasus*, 2010, 14: 57–78.

Seddiqi Nejad B. *Bar-resī-ye toušīfī-ye sāxt-vāže-ye gūyeš-e bašākdī. A Descriptive Study of Bashakardi Dialect Morphology*. MA thesis. University of Sīstān-va Balūčestān, 2010 (1389 h.š.).

Skjærvø P. O. Baškardi // *Encyclopædia Iranica*, III. 1989a: 846–850.

Skjærvø P. O. Languages of Southeast Iran: Lārestānī, Kumzārī, Baškardī // R. Schmitt (ed.) *Compendium Linguarum Iranicarum*. Wiesbaden, 1989b, 363–369.

Korn Agnes

CeRMI, CNRS

Paris, France

Корн Агнес

Центр иранистических исследований при Национальном центре научных исследований

Париж, Франция

agnes.korn@cnrs.fr

О, родная душа, Хамдам-джан ***My Soul Mate***

Мусавиан Х., Никках М.

Mousavian H., Nickkhhah M.

В статье приводится текст мазандеранской народной песни «О, родная душа» на мазандеранском языке в английском переводе с комментариями и в русском переводе в сопровождении мазандеранско-персидско-английско-русского словаря.

Ключевые слова: Мазандеран, мазандеранский язык, мазандеранско-персидско-английско-русский словарь

The article presents the text of the Mazandarani folk song “My soul mate” in the original Mazandarani language, and in both English (with commentaries) and Russian translations, accompanied by a Mazandarani-Persian-English-Russian table of vocabulary.

Key words: Mazandaran, Mazandarani language, Mazandarani-Persian-English-Russian vocabulary

DOI 10.37892/2313-5816-2021-1-384-390

Мы приводим текст одного из вариантов широко известной в Мазандеране песни «О, родная душа» («Хамдам-джан», букв. ‘душа, что на одном дыхании со мной’). Мелодию к ней написал Ахмад Мохсенпур, а одним из первых исполнителей этой песни, которая широко известна в Мазандеране, стал автор ее текста Нуrolлах Ализаде (1953–)¹. Эта поистине

¹ Эта песня в его исполнении представлена в его альбоме «Асапе су». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=k2hP6C61ffA>

народная мазандеранская песня² приводится в английском переводе с комментариями одного из ее молодых исполнителей Мехди Никхаха, а также в русском переводе Хоссейна Мусавиана в сопровождении подготовленного последним небольшого мазандеранско-персидско-английско-русского словаря.

Hamdam jān

Sange asyū bimā čepłāye ūdaŋ, Hamdam jān
Əftābe tū bimā saburiye sang, Hamdam jān
Gərməşe šir dāšnā junəkāye vaŋ, Hamdam jān
Dāye tū bahimə karəbāi raŋ, Hamdam jān

Bedune tə xərvār xərvār či fāydə, Hamdam jān
Həzār həzār bume kənār či fāydə, Hamdam jān
Tə Hərāze ū bi mən xəškə kālə, Hamdam jān
Bedune tə timo timjār či fāydə, Hamdam jān

² В исполнении Арсалана Тайеби она представлена в альбоме мазандеранской музыки Наби Ахмади и Арсалана Тайеби «Музыкальные сокровища Мазандарана. 5»: Nabi Ahmadi, Arsalan Tayebi. Music Treasures of Mazandaran, 5. 2018. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=sLUaObtwcV8>, а также в исполнении Аболхасана Хошру в музыкальном сборнике: Abolhasan Khoshrou, Shaban Naderi. Dobe-ti – Hamdam Jan. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Et0VNNqb1Ik>.

My Soul Mate

I was a mill stone³, and an *ūdaŋ čepļāγ*⁴
 I had the sun's rays in me, also the patience of the stone
 I was roaring like a lion, and bellowing like a bull⁵
 But once you left me, my face is like amber⁶

What is the use of having loads and loads (of grain) [when you
 are not with me anymore]?

Thousands and thousands stored under the gabled roof are of no
 use, either⁷

³ The mill stone connotes bearing the burden of life without a problem, standing firm against all obstacles; the young man's sweetheart gave him bravery and courage which helped him to fearlessly confront all challenges.

⁴ Before the invention of threshing machines, *ūdaŋ čepļāγ* was a rice flail, a device for threshing the rice in a puddle of water, used to beat rice crops in order to separate rice grains from the husk.

⁵ Roar of a lion and bellowing of the bull connote masculinity, virility, intrepidity, gallantry and power.

⁶ Amber is the colour of the young man's face after his beloved left him. He lost interest in life and his sorrows confined him to depression that darkened the hero's complexion.

⁷ This refers to the attic, part of the old houses in Mazandaran – such houses are still present there in some rural areas, - located just under the roof. It was used to store the harvest of rice, dried fruits, as well as belongings, etc.; people climbed a ladder to get there. The author bemoans the fact that he no longer needs the things that are stored for a rainy day for himself and his beloved, because she left him alone.

You were a river Haraz and I, like a barren soil⁸
Without you, what is the use of seed and seed bed⁹?

English translation and commentaries by Mehdi Nickkhah

О, родная душа, Хамдам-джан

Я был мельничный камень, цеп, что очищал рисовое зерно,
Хамдам-джан.

Я был солнечный жар, терпелив (будто) камень, Хамдам-джан.
Рык был льва у меня, рев быка, Хамдам-джан.

От жгучей тоски потемнел я (лицом) как янтарь, Хамдам-джан.

Без тебя к чему все эти пуды рисового зерна, Хамдам-джан,
Что пользы от тысяч (тонн урожая), (хранящихся) под крышей
дома, Хамдам-джан.

Ты была водою (реки) Хараз, я — сухой землей, Хамдам-джан.
Без тебя ни к чему ни рис, ни чеки под него, Хамдам-джан.

Рус. пер. Хоссейна Мусавиана

⁸ Here the author implies that he was as a barren land and his beloved as a river irrigating the barren land with her presence in his life. She used to nourish his heart and soul.

⁹ In the rice growing process, the fields are prepared, and grains of the rice are planted in a particular part of the field; once these have started to grow, they are manually planted as seedlings all over the field. Here the author refers to the fact he doesn't even need to look after the field, which is the sole provider of his means of life, as his sweetheart left him.

Словарь

Мазанде-ранский	Персид-ский	Англий-ский	Русский
sange asyū	sang-e āsyāb	mill stone	мельничный камень
bimā	budam	I was	я был
čepłāye ūdaŋ	xarman-kub	flail	цеп для обмо- лота рисового зерна
hamdam	hamdam	woman's name, lit. soul mate	и.с.ж., букв.: родная душа
jān	jān	soul	душа
əftāb	āftāb	sun	солнце
tū	tāb	ray	луч, зной, жар
saburi	saburi	patience	терпение
sang	sang	stone	камень
γərməš	γorreš	roar	рык, рев
šir	šir	lion	лев
dāšnā	dāštam	I had	у меня был
junəkāy	gāv-e nar	bull	бык
vaŋ	na're	bellow	мычание, рев
dāy	dāy, γam, mosibat	sorrow	тоска
tə	to	you	ты
bahimə	šodam	I became	я стал
karəbāi	kahrobāyi	amber	янтарный

raŋ	rang	color	цвет
bedune	bedune	without	без
xərvār	xarvār	measure of weight, 300 kg	мера веса: 300 кг
či	če	what	что
fāydə	fāyde	usage, benefit	польза
həzār	hezār	thousand	тысяча
bume	bām	roof	крыша
kənār	kenār, širvāni	gabled	двускатный
hərāz	harāz	Haraz (river name)	Хараз (назв. реки)
ū	āb	water	вода
bi	budi	you were	ты была
mən	man	I	я
xəšk	xošk	dry	сухой
kālə	zamin	barren land	пустошь
tim	berenj	rice (grain)	рис(овое зерно)
o	va	and	и
timjār	nešāzār (bastar-e nešā)	seed bed	чека, грядка

Мусавиан Хоссейн
Министерство образования Ирана
Варамин, провинция Тегеран, Иран
Mousavian Hossein
The Ministry of Education of Iran
Varamin, Tehran province, Iran
varnal142@yandex.ru

Никхах Мехди
Министерство образования Ирана
Варамин, провинция Тегеран, Иран
Nickkhhah Mehdi
The Ministry of Education of Iran
Varamin, Tehran province, Iran

**Сказка «Лев и лиса»
на язгулямском языке**
“The Lion and the Fox”: A folk tale in Yazghulami

Додыхудоева Л. Р., Алиев А. М.

Dodykhudoeva L. R., Aliev A. M.

В статье приведен текст сказки в стихах Азалшо Хабилова «Лев и лиса» на язгулямском языке. Сказка публикуется на основе алфавита, в 2019 г. составленного Джой Иосифовной Эдельман для язгулямского языка. Представлена новая редакция язгулямского текста сказки, а также переводы на русский и английский языки и поморфемная нотация текста.

Ключевые слова: памирские языки, язгулямский язык, письменность, алфавит, сказка

The article presents the text of “The Lion and the Fox”, a fairy tale in verse written in Yazghulami by Azalsho Khabirov and published in the Yazghulami alphabet created by Joy Edelman in 2019. Alongside the new edition of this fairy tale, the article also includes translations into Russian and into English, as well as interlinear glossing.

Key words: Pamir languages, Yazghulami, writing systems, alphabets, fairy tale

DOI 10.37892/2313-5816-2021-1-391-401

Язгулямский был до настоящего времени бесписьменным языком, но сегодня часть носителей начинает писать на нем. На нем не существует старых текстов и документов, а описание и словарь этого языка нужно было исследовать на месте. Такая работа по документированию и описанию язгулямского языка — одного из наименее изученных памирских языков,

была начата в Язгуляме в середине XX в. Д. И. Эдельман. В результате вскоре появились труды по описанию этого языка и словарь [Эдельман 1966; 1971 и др.]. При всем том долгие годы работа в значительной степени велась на основе международной иранистической транскрипции, разработанной на базе латинского алфавита (подробнее об этом см.: [Эдельман 1963]).

В 1980-е гг. были начаты разработки в сфере алфавитов на основе кириллицы для всех памирских языков, включая язгулямский, в Отделе памироведения Института языка и литературы им. Рудаки АН Таджикской ССР [Проекты 1989].

В 1990-е гг. в ходе переводов на четыре памирских языка фрагментов Евангелия от Луки для Института перевода Библии, профессор Рахим Халилович Додыхудоев и профессор Джой Иосифовна Эдельман составили практический алфавит для всех памирских языков в двух вариантах: кириллическом (на базе русского) и латинском, с использованием элементов научной транскрипции [Эдельман 2020; 2019; 2016; 2010; Лукои инчил 2001б; Луко инчил 2001а].

В 2018 г. Д. И. Эдельман по просьбе общества «Нур» (Таджикистан) составила для язгулямского языка алфавит на основе кириллицы. Таким образом список памирских языков, имеющих алфавит, был расширен [Эдельман 2019; 2020: 10].

Сказка на язгулямском языке в стихах «Лев и лиса» («Шер ата рэпц»), написанная Азалшо Хабиоровым, стала одной из первых публикаций на основе этого алфавита (см.: [Эдельман 2020: 10]). Она была издана в сопровождении таджикского перевода. Научная разработка и сопровождение публикации были проведены группой памироведов под руководством Д. И. Эдельман; литературную обработку язгулямского и таджикского текстов сделал А. М. Алиев, научным редактором выступила Л. Р. Додыхудоева [Хабиоров 2019а].

В настоящей публикации представлена новая редакция текста этой сказки, подготовленная носителем язгулямского языка, лингвистом А. М. Алиевым. Кроме того, текст

переведен на русский и английский языки и представлен в сопровождении поморфемной нотации. Перевод на русский и английский языки и глоссирование данного текста здесь публикуются впервые.

Сказка в стихах Азалшо Хабилова «Лев и лиса» («Шер ата рэпц»)

1. Язгулямский текст «Шер ата рэпц»

Эн wу дахт-и бипойон wу рэпц мэда(г) саргардон.
 Эн wу афта-и манор х°араг рэгдаг бимадор.
 У нимчен и-воб фада(г), шер им-ра дэчер бада(г).
 Рэпц-и пән-ай н(э)йада(г), рэпц на ж(э)-дай айрон мэда(г)
 На х°айек-ай рэпц рэwзда(г), на ж(э)-дай айбат лап тэрста(г).
 Им бу ш(э)-худ п(э)та шер н(э)йада(г) лап чост далер.
 Салом, о шери жайон, ш(э)-ту шо(х)-и чонварон
 Лап-эм хэкэрд на ж(э)-шāбўг, шэкр ке ахир-эм вийўг.
 Нэр-ан дэр дахт-и катол лап манор фўд нахчираѳ
 Худ-эм хи чам-ама винт, тиз-эм гехт и йук-и бар.
 Шер-и сода кег бовар на ж(э)-макр-и им бехабар.
 Равон мад у дэр-и дахт, ке вирд хи рэзқ-ат рузай
 Рэпци чен-ай мад халес дэр хи пән ча бед алос.

2. «Лев и лиса»

Как-то бродила лиса по бескрайней степи.
 Целую неделю блуждала она, голодная и измученная.
 Полуживая спускалась она с возвышенности вниз и вдруг
 столкнулась (лицом к лицу) со львом.
 (Он) преградил лисице путь, лиса испугалась его.
 Лиса затряслась от страха, струсила, увидев, как он свиреп.
 Но перед львом, приняв храбрый вид, лиса (сказала):
 Здравствуй, о грозный лев! Тебя, царя зверей,
 Я разыскивала с самого утра, слава (Богу), наконец нашла!
 Сегодня на просторы степи спустилось много горных коз.

Своими собственными глазами я увидела и быстро сюда прибежала.

Простак-лев поверил ей, не ведая о ее коварстве.

И отправился в степь, в надежде найти себе пропитание.

Душа лисицы была спасена, и она отправилась (далее) своим путем.

3. “Lion and fox”

Once a fox was wandering through an endless steppe,

For a week, roaming hungry and exhausted.

Half alive, he wandered ever further down (from the mountains),
and suddenly came face to face with a lion,

Who blocked his way; the fox was scared,

Trembling with fear, when he saw the lion’s fierce appearance.

But in front of the lion, he put on a brave face (saying):

Hello, ferocious lion! Since this morning, I’ve been looking for
you everywhere,

As you’re the king of beasts — thank (God), and I finally found you.

Today, a lot of wild goats came down onto the vast steppe.

I saw them with my own eyes, and quickly ran here.

The simple lion believed him, unaware of his treachery.

He set off for the steppe, hoping to find his share of food.

So the fox’s soul was saved, and he went on his way without fear.

4. Поморфемная нотация

1 Эн ẉ да̣хт-и бипойон ẉ рэпц мэда(г) саргардон.

эн ẉ да̣хт-и бипойон ẉ

в один степь-IZ бескрайний Один

рэпц мэда(г) саргардон

лиса стать.PERF бродячий

Как-то бродила лиса по бескрайней степи.

- 2 Эн wу афта-и манор х°араг рэгдаг бимадор.
 эн wу афта-и манор х°араг
 в один неделя-IZ большой голодный
 рэгдаг бимадор
 оставаться.PERF бессильный
 Целую неделю блуждала (она), очень голодная и измученная.
- 3 У нимчен и wob фада(г), шер им-ра дачер бада(г).
 у нимчен и wob фада(г)
 он(а).DIR1 полуживой в низ спускаться.PERF
 шер им-ра дачер
 лев ей.OBL1-ACC/DAT встреченный
 бада(г)
 попадать.PERF
 Полуживая спускалась она с возвышенности вниз, (и) встретился ей лев.
- 4 Рэпц-и пāн-ай н(э)йада(г), рэпц на ж(э)-дай айрон мэда(г)
 рэпц-и пāн-ай н(э)йада(г) рэпц на
 лиса-IZ путь-3SG схватывать.PERF лиса от
 ж(э)-дай айрон мэда(г)
 ABL-него.OBL.2 удивленный стать.PERF
 (Он) преградил лисице путь, лисица испугалась его.
- 5 На х°айек-ай рэпц рэwзда(г), на ж(э)-дай айбат лап тэрста(г).
 на х°айек-ай рэпц рэwзда(г)
 от страх-3SG лиса трястись.PERF
 а ж(э)-дай айбат лап тэрста(г)
 от ABL-его.OBL.2 грозный.вид очень пугаться.PERF
 Лиса затряслась от страха, струсила, увидев, как он свиреп.

- 6 Им бу ш(ə)-худ п(ə)га шер н(ə)йдада(г) лап чост далер.
им бу ш(ə)-худ п(ə)га
она.OBL.1 тогда ABL-себя перед
шер н(ə)йдада(г) лап чост далер
лев держать.PERF очень сильно храбрый
Но перед львом, приняв храбрый вид, лиса (сказала):
- 7 Салом, о шер-и жайон, ш(ə)-ту шо(х)-и чонварон.
салом о шер-и жайон ш(ə)-ту
привет о лев-IZ грозный ABL-ты.OBL
шо(х)-и чонварон
шах-IZ зверей
Здравствуй, о грозный лев! Тебя, царя зверей,
- 8 Лап-эм х̣экəрд на ж(ə)-шаб̣у̣г, шəкр кə ахир-эм вий̣у̣г.
лап-эм х̣экəрд на ж(ə)-шаб̣у̣г
очень-1SG искать.PST с ABL-утро
шəкр кə ахир-эм в(ə)й̣у̣г
слава(богу) что наконец-1SG находить.PST
Я разыскивала с самого утра, слава (Богу), наконец нашла!
- 9 Нэр-ан дэр дах̣т-и катол лап манор ф̣уд нах̣чираθ
нэр-ан дэр дах̣т-и катол
сегодня-3PL в степь-IZ большой
лап манор ф̣уд нах̣чираθ
очень много спускаться.PST горная.коза.PL
Сегодня на просторы степи спустилось много горных коз.
- 10 Худ-эм хи чам-ама винт, тиз-эм гəх̣т и йук-и бар.
худ-эм хи чам-ама винт
сам-1SG свой.POSS глаз-INS видеть.PST

тиз-эм гѣхт и йук-и бар
 быстро-1SG бежать.PST к здесь-ATR до
 Своими собственными глазами я увидела и быстро сюда
 прибежала

- 11 Шер-и сода кег бовар, на ж(ə)-макр-и им бехабар.

шер-и сода кег бовар
 лев-IZ простой делать.PST вера

на ж(ə)-макр-и им бехабар
 от ABL-хитрость-IZ ее.OBL.1 незнающий
 Простак-лев поверил ей, не ведая о ее коварстве.

- 12 Равон мад у дэр-и дахт, ке вирд хи рэзқ-ат рузай
 равон мад у дэр-и дахт ке
 идущий стать.PST он(а).DIR1 в-IZ степь чтобы

вирд хи рэзқ-ат рузай
 найти.PRS.3SG свой.POSS пропитание-и пропитание
 И отправился в степь, в надежде найти себе пропитание.

- 13 Рэпц-и чен-ай мад халес дэр хи пән ча бед алос.

рэпц-и чен-ай мад халес
 лиса-IZ душа-3SG стать.PST освобожденный

дэр хи пән ча бед.алос
 в свой.POSS путь тоже спрыгнуть.PST
 Душа лисицы была спасена, и она отправилась (далее)
 своим путем.

Условные сокращения

ABL — препозитивный показатель при местоимении и местоименном наречии в функции прямого объекта и косвенного объекта со значением исходности

ACC/DAT — послелог *-ra*, маркирующий косвенное дополнение, лицо/предмет ради которого совершается действие; объект, к которому направлено действие

ATR — показатель атрибутивности

DIR — прямой падеж

INS — послелог орудийности

IZ — изафет

OBL — косвенный падеж

PERF — основа перфекта, причастие прошедшего времени

PL — множественное число

POSS — притяжательный падеж

PRS — основа настоящего времени

PST — основа прошедшего времени

SG — единственное число

1, 2 — местоимения 1, 2 ряда

Литература

Луқо инҷил / Liqo Injil. Москва, 2001a (Евангелие от Луки, на шугнанском языке).

Луқои инҷил / Liqoi Injil. Москва, 2001б (Евангелие от Луки, на язгулямском языке).

Проекты алфавитов памирских языков, разработанные Отделом памироведения Памирской базы АН Таджикской ССР. Хоруг, 1989.

Хабиров А. *Зарбълмасалени зэѓамигай/Зарбулмасал* (Пословицы и поговорки). Науч. конс. Д. И. Эдельман; лит. ред.: А. М. Алиев, науч. ред.: Л. Р. Додыхудоева. Хоруғ, 2019г. (на язг. и тадж. яз.)

Хабиров А. *Исоб/Ҳисоб* (Счет). Науч. конс. Д. И. Эдельман; лит. ред.: А. М. Алиев, науч. ред.: Л. Р. Додыхудоева. Хоруғ, 2019в. (на язг. и тадж. яз.)

Хабиров А. *Чистона9/Чистонҳо* (Загадки). Науч. конс. Д. И. Эдельман; лит. ред.: А. М. Алиев, науч. ред.: Л. Р. Додыхудоева. Хоруғ, 2019б. (на язг. и тадж. яз.)

Хабиров А. *Шер ата рэпц* (Лев и лиса). Науч. конс. Д. И. Эдельман; лит. ред.: А. М. Алиев, науч. ред.: Л. Р. Додыхудоева. Хоруғ, 2019а. (на язг. и тадж. яз.)

Эдельман Д. И. Некоторые проблемы миноритарных языков Памира (к становлению письменности и литературы) // *Родной язык*, 2016, 2(5): 87–113.

Эдельман Д. И. О развитии письменности и литературы на памирских языках (новые шаги) // *Родной язык*, 2020, 1: 6–24.

Эдельман Д. И. *О единой научной транскрипции для иранских языков*. Москва, Ленинград, 1963.

Эдельман Д. И. Опыт перевода Евангелия на бесписьменные памирские языки (на примере язгулямского языка) // *Перевод Библии как фактор развития и сохранения языков народов России и стран СНГ: проблемы и решения*. Москва, 2010.

Эдельман Д. И. *Язгулямский язык*. Москва, 1966.

Эдельман Д. И. *Язгулямско-русский словарь*. Москва, 1971.

Эдельман Д. И. О разработке алфавита для язгулямского языка (Памир). Институт языкознания РАН. 05.12.2019. URL: https://iling-ran.ru/web/ru/scipop/blog/1912_edelman

References

Edel'man D. I. Nekotorye problemy minoritarnykh yazykov Pamira (k stanovleniyu pis'mennosti i literatury) // *Rodnoi yazyk*, 2016, 2(5): 87–113. (In Russ.)

Edel'man D. I. *O edinoi nauchnoi transkripsii dlya iranskikh yazykov*. Moskva, Leningrad, 1963. (In Russ.)

Edel'man D. I. O razvitii pis'mennosti i literatury na pami-rskikh yazykakh (novye shagi) // *Rodnoi yazyk*, 2020, 1: 6–24. (In Russ.)

Edel'man D. I. Opyt perevoda Evangelii na bespis'mennye pami-rskie yazyki (na primere yazgulyamskogo yazyka) // *Perevod Biblii kak faktor razvitiya i sokhraneniya yazykov narodov Rossii i stran SNG: problemy i resheniya*. Moskva, 2010. (In Russ.)

Edel'man D. I. *Yazgulyamskii yazyk*. Moskva, 1966. (In Russ.)

Edel'man D. I. *Yazgulyamsko-russkii slovar'*. Moskva, 1971. (In Russ.)

Edel'man D. I. *O razrabotke alfavita dlya yazgulyamskogo yazyka (Pamir)*. Institut yazykoznaniiya RAN. 05.12.2019. URL: https://iling-ran.ru/web/ru/scipop/blog/1912_edelman (In Russ.)

Khabirov A. *Chistona9/Chistonxo (Zagadki)*. Nauch. kons. D. I. Edel'man; lit. red.: A. M. Aliev, nauch. red.: L. R. Dodykhudoeva. Khorugh, 2019b. (In Yazghulyami and in Tajik)

Khabirov A. *Isob/Hisob (Schet)*. Nauch. kons. D. I. Edel'man; lit. red.: A. M. Aliev, nauch. red.: L. R. Dodykhudoeva. Khorugh, 2019v. (In Yazghulyami and in Tajik)

Khabirov A. *Sher ata rapts (Lev i lisa)*. Nauch. kons. D. I. Edel'man; lit. red.: A. M. Aliev, nauch. red.: L. R. Dodykhudoeva. Khorugh, 2019a. (In Yazghulyami and in Tajik)

Khabirov A. *Zarbalmasaleni zəgamigai/Zarbulmasal* (Poslovi-tsy i pogovorki). Nauch. kons. D. I. Edel'man; lit. red.: A. M. Aliev, nauch. red.: L. R. Dodykhudoeva. Khorugh, 2019g. (In Yazghulyami and in Tajik)

Luqo inçil / Luqo İnçil. Moskva, 2001a. (In Shughnani)

Luqoi inçil / Luqoi İnçil. Moskva, 2001b. (In Yazgulyami)

Proekty alfavitov pami-rskikh yazykov, razrabotannye Otdelom pami-rovedeniya Pamirskoi bazy AN Tadzhikskoi SSR. Khorog, 1989. (In Russ.)

Додыхудоева Лейли Рахимовна
Институт языкознания РАН
Москва, Россия
Dodykhudoeva Leyli Rahimovna
Institute of Linguistics, RAS
Moscow, Russia
leiladod@yahoo.com

Алиев Абдулкадир Муродович
Независимый исследователь
Aliev Abdulqadir Murodovich
Independent scholar
jamagi@mail.ru

Nur Qhatún Óórokuč on Blessedness (barkát) ***Нур Кхатун Чорокуч о благословении (barkát)***

van Skyhawk H.

ван Скайхок Х.

The article presents a tale told by a storyteller from Nager (Pakistan) about the way “blessing” (*barkát*) is interpreted according to the Burusho people’s traditional view of the world.

Key words: Nager, Pakistan, “blessing” (*barkát*), burusho, burushaski language

В статье представлено повествование рассказчицы из Нагера (Пакистан) о том, как толкуется «благословение» (*barkát*) в соответствии с традиционным взглядом народа бурушо на мир.

Ключевые слова: Нагер, Пакистан, «благословение» (*barkát*), бурушо, язык бурушаски

DOI 10.37892/2313-5816-2021-1-402-419

Nur Qhatún of the clan of the Óórokuč was said to have been sixty-eight years of age when I recorded her stories at her home in Hispar on 13 May 1996. In keeping with the marriage traditions of the Burúšos of Nager (Pakistan) she had been married at sixteen. Her husband, Dáado Aśdáar of the Arbáapkuč, was said to have been twenty or more years older than his bride, making his date of birth fall somewhere in the first decade of the twentieth century, though there are no records of births and deaths for pre-modern Hispar¹, a remote village on an alluvial fan at 3050 m. wedged between two formidable glaciers and often cut off from

¹ Bu. *hisk* (comb) + bu. *bar* (ravine) > the Ravine of the Comb > Hispar.

the outside world by avalanches, mudslides and ongoing tectonic adjustments (minor earthquakes).

But the generational difference between Dáado Ásdáar and his teenage bride, combined with the love they shared throughout their married lives for *nimásín* (traditional story telling), have provided us with an Einstein-Rosen bridge or ‘wormhole’ to the world and world-view of early Islamic Hispar. Storytelling, being conservative in nature, innocently maintains in time-honored narratives elements from earlier world views and social realities.

A strong focus on ethics characterizes the stories of Nur Qhatún of the clan of the Córokuč. This contrasts with the great majority of the oral traditions of Hispar, which are dominated by the fascination and horror of encounters with supernatural beings (witches, fairies, giants, and ogres) that often hover in the ‘middle air’ (*madál hawáate*), together with or fighting against shamans (*biṭán*) and witch hunters (*paśoó*)². Nur Qhatún did not deny the existence of the amoral supernatural beings of the *madál hawáate*. But they are not her narrative focus.

The supernatural beings that occur in Nur Qhatún’s story are said to be Islamic *jinn*s whose existence is vouchsafed by *sūrah* 55 (*sūrah ar Rahman*), *āyahs* 14–16, of the *Holy Qur’ān* and are, thus, clearly under the control of Allah (s.w.t.). A comparison with the stories of the literally ‘heartless’ Koschei the Deathless (Russian: Кощёй Бессмертный) and the ever-virtuous Vasilissa the Beautiful (Russian: Василиса Прекрасная), whose pure heart can overcome even the worst of evils apparently without specific reference to God, would not be inappropriate as will become evident in the following narration.

² See, for example [van Skyhawk, 2009; van Skyhawk, forthcoming].

It is not customary in Hispar that a woman narrate a story to a man unless that man is a member of her family or, at least, a close relative. Thus, my field assistant, Ahmad Husain of the village of Hoper-Hakalshal, Nager, who is a maternal grandnephew of Nur Qhatún, served as interlocutor in the following narrative. To distinguish the two streams of the spoken word the letters AH will stand for Ahmad Husain and NQ for Nur Qhatún.

1. (AH) *bésan écu báa, et nimáse iik.* (NQ) *ya aínhó náa ke chórum aqhónane cágan góor écam.* (AH) *thiik dilá, baré. chórum eté nimás ii éti.* (NQ) *áya kalá ye aqhónan bam.* (AH) *awá ápi.*

(AH) What do you want to narrate? What is the name of the story? (AH leads NQ into the language, posture and dramatic roles of the oral ‘performance stage’). (NQ) Wait a moment! I will tell you the story of a priest of olden times (intones NQ with an overly correct use of the Burúsaski future tense first person singular). (AH) Do tell us that story of olden times (intones AH with corresponding dignity). (NQ) My Great Father!³ Once there was a priest. (AH) Yes, my grandmother (encourages AH).

2. (NQ) *aqhónan bam. buṭ matám⁴ écu bam, séi báan. khosé duniáate⁵ kul maqlúuq⁶ uyóonare éecharcu bam, séi báan. matáme iik dilúm, séi báan. iik dilúm, séi báan. téerumaan in zóor⁷ bam, aqhón.*

³ The late John Miles Foley (1947–2012) discussed the function of so-called “fillers” in sustaining the dramatic tension of an oral performance by lauding the dignity of the audience, and with that, the seriousness of the narrated events. See [Foley 1995: 15, footnote 34].

⁴ Urdu, hereafter: u. *mātam*.

⁵ u. *dunyā*.

⁶ u. *kull maxlūq*.

⁷ u. *zōr*.

(NQ) Once there was a priest who led many mourning (congregations in honor of Imam Husain, R.), they say⁸. People say that the creatures of the whole world made his mourning go everywhere. They say that he was famous because of his mourning. He was such a strong priest.

3. (NQ) *ye híkulto ye matámare duúsu bam. ye míimo ímo girámulo matámare duúsu bam. ye ímo girámulo matámare dúsumen, séi báan. matámare díus ke matám étimi.*

(NQ) One day he set out to lead a mourning (congregation). He had set out to lead a mourning in our, that is, in his own village. (The people) chose, they say. He was chosen (to lead) the mourning and he led it.

4. (NQ) *matám phaş étasare ke hikum sísik þúmuk umánunen, séi báan. matám phaş ne músařare phaş ne músařare hol ne baş mayáam ne akhí hóle básan nimáaze⁹ ariiñian báalcam nusé uzúu¹⁰ gáyam ne hóle duúsas ke altán sísik þúmuk umánunen, séi báan.*

(NQ) People say that when he had concluded the mourning one or two strangers appeared. When the mourning had finally come to an end he said: ‘I will go outside now.’ Just as here the men do their ablutions for prayer outside (*à part* to AH). ‘I will wash my praying hands. I will do the required ablutions’, said the priest. And when he went out two men appeared, people say.

5. (NQ) *þúmuk numá lée aqhón mii han duróan dilá. iriññançe doói báan, akhéstiñ sísik. lée aço. dáa ma akhéstiñ sísik. dáa jáa básan duróan ásu báan. akhí maléne qhař ichúcu báan.*

⁸ Corresponding to Latin *dicunt*: ‘they say...’

⁹ u. *namāz*.

¹⁰ Arabic: *wudū’* (الوضوء *al-wuḍū’*).

*mii jindítine*¹¹ *baadsáa*¹² *úme ... khoté hik dukóyalu báa.* (AH) *béya. oó-dáyala báa, ya.* (NQ) *yáa.*

(NQ) Then one spoke: ‘O priest! We have a matter (to settle) with you’, and these strange people grabbed his hands like this (illustrative gesture). ‘O brother! You seem very strange to me. What is this matter you are talking about?’ (asked the priest). They led him down through the fields like this (illustrative gesture). ‘Our emperor of the *jinn*s your (...)’ (anacoluthon). Have you heard this already? (asks NQ her grandnephew AH). (AH) No. I haven’t heard this (story). (NQ) Really? (NQ makes certain).

6. (NQ) *jindítine*¹³ *baadsáa ... ěě ... úme matámine sipaarís*¹⁴ *buṭ déyalimi. úme matámine sipaarís kalá tamanáa*¹⁵ *maními har hitháan uyóonulo déyalasaṭe tamanáa ne díçin ne diméeru báí, nusén.*

(NQ) The emperor of the *jinn*s ... ěě ... (NQ looks for the thread of her story) has heard much praise about your mourning (congregations). When he heard that at this place your mourning was praised with strong feeling he desired (to hear it himself) and ordered us ‘Bring him here!’ and sent us to you (explained the two *jinn*s).

7. (NQ) *altán jindítine akhí ne itótoulo doón ichúçu báan. ye khot. aírasan maními-a. méniko ásqanasar achúyeen-a. dáa máa akhíljuko sisik je khot thithás guṭúmane qhaṭ bes achúyeen séniṣ qháa gósqanasar oó-guchúyeen. gos dádar ayéti. ayéti ke úme tamanáa buṭ mii guchúyeen. akósqayan ke mii yáarum duniáaṭare guchúyeen. mii baadsáa épaçiare guchúyeen.*

¹¹ u. *jinn*.

¹² u. *bādsāh*.

¹³ u. *jinn*.

¹⁴ u. *sifāris*.

¹⁵ u. *tamannā*.

(NQ) So (illustrative gesture) the two *jinn*s grabbed his hands and led him away. ‘That’s it. Is my death at hand?’ (asked the priest himself in desperation). And just as he was thinking ‘Why are people like you leading me with no reason down through the fields?’¹⁶, the *jinn*s responded ‘We are not leading you away to kill you. Don’t make your heart tremble. We are leading you away only because we have a strong liking for you. We will not murder you. We are only leading you down into the world below to our emperor. We are leading you there.’

8. (NQ) *amé ke apio. thu e, guyákal cága étas.* (AH) *béya ápi. súa maí bilá. phasgilás¹⁷ maí bilá.*

(NQ) I have no teeth. Shame on me for telling a story to you (like this). (AH) No my grandmother! It’s good. It’s first class.

9. (NQ) ... *ẽẽ ... guchúyeen. mii matám saráa¹⁸ mii sóqum dilá. dáa har be phat e úlo garèn bićá. be bésan be bésan be turián akhúrjuko bésan bésan jindítiñ buť báan. uyeécum gos oó-gusú. uyeécum gos oó-gusú ke mii gósqanasar oó-guchúyeen. dáa mii be paagálišo¹⁹ báan-a. úme jile zamaanát²⁰ nuká mii guchúyeen.* (AH) *thíik.*

(NQ) *ẽẽ ...* (NQ seeks the thread of her story). We are leading you there. Our house of mourning is very large. Don’t worry about anything. There are lights inside. This and that (you will find there). And there are many *jinn*s with horns like this (illustrative gesture) and many others as well. They are there. But don’t be afraid when you see them. We are not leading you there to kill you. Do you think we are crazy? We

¹⁶ When Nur Qhatún says that the *jinn*s led the priest “down through the fields,” she is not speaking figuratively but literally.

¹⁷ English: first class.

¹⁸ u. *mātam sarā.*

¹⁹ u. *pāgal.*

²⁰ u. *zamānat.*

have taken responsibility for your life and we are leading you there (the *jinn*s reassured the priest). (AH) Right!

10. (NQ) *guchúyeen. gos dádar ayé ke aaqhiri²¹ etéer gos bik ayéti. aaqhiri matám éer écuma, baadsáare. matám éer écuma. éer ne músate ... èè ... méne génan súceen méne buri dusúceen, méne láal²² jawaahir²³ góor díseen. ecéere bée sen. ecéere bée sénasulo thum básan yáyam séniş qháa jáa jéimo háa barkátkuş dachiin sen. eté guchíceen. hazáare inkáar²⁴ déjeen. etéer qhaamuqháa²⁵ ya ke je phişik mayáa baa, sen. suá be ke gúimo háa barkátcum básan ke góor yáran apí. kanáao yuúcumen, uée. waa altán síse kanáao yuúcumen.*

(NQ) We are taking you there. Don't let your heart tremble, don't be afraid. After all, you will lead a mourning congregation for him, for the emperor. You will lead a mourning congregation for him. At the end of the mourning ... èè... (NQ seeks the thread of her story). Some (of the *jinn*s) will bring you gold and others pieces of silver. Others still will bring rubies and other jewels for you. Say 'No!' to all of that. When they ask you 'What else should we bring you?' say 'Give me the blessedness of my house.' They will give it to you. But should they refuse, pretend and say 'I am angry now.' Be firm and say 'No!' For there is nothing more valuable than the blessedness of your house (explained the *jinn*s). They gave him advice. The two (*jinn*s) gave him advice.

11. (NQ) *ye Qhudáa²⁶ nícam. básan maí bilá ke es bībītik maime gárban²⁷ uci támi, sei báan. mí akhil gusānum juánan qháa*

²¹ u. *āxirī*.

²² u. *la'l, lāl*.

²³ u. *jawāhir*.

²⁴ u. *inkār*.

²⁵ u. *χwāh ma-χwāh, χwāh ma-χzwāh*.

²⁶ u. *xudā*.

²⁷ For *gáripān* (u. *garīb*); cf. Berger, *Grammatik*, 2.59.

níchu çhan yáar ne gómane yáare íçhúmen, séi báan. íçhúyas ke bībīk imánimi. níçhun yáare núu phat ke, áya kalá, Híspare aqhón²⁸ díçumen ne ho bésan ho bésan tumtáam²⁹ étumen. jindítīñ báman gáñi manúmen, séi báan. gáñi manáas ke bībīk imánas ke bik oó-gumán, ju. çuk ne go. qhatará³⁰ góor apí, ne. íçhúmen, séi báan.

(NQ) ‘O Lord! Now I will go there,’ (muttered the priest to himself). ‘What will become of me now?’ (he brooded). And with his heart trembling this poor fellow followed them, they say. They led him through long fields and then straight down through a hole in the ground, they say. Then he became afraid. They led him down, and when they had arrived, (the other *jinn*s exclaimed) ‘They’ve brought the priest from Hispar.’ O my Great Father!³¹ They made a lot of fuss about him. The *jinn*s who were there assembled (around him), they say. When the priest became afraid, they said ‘Fear not! Come! Be calm! Go over there. There is no danger for you.’ They led him there, they say.

12. (NQ) *níchu, áya kalá, níchu ke íne jindítīne baadsáa táqtatare³² épaçiare íçhúmi, séi báan. duniáatulo³³ aqhón ye ju. jáa úme sipaaris nétin dukúça báa, tamanáa ne. khuéçum bik oó-gumán. khuéçum bik oó-gumán. jáa qhataráne gáne oó-dukúça báa. buç góor sulát³⁴ góor maími. nusén yuúñ-iriñ dumar mullaqaat³⁵ ne ho íçhúmi, séi báan, yáte. (AH) tai-a.*

²⁸ u. *āxūn*.

²⁹ u. *dhūm dhām*.

³⁰ u. *xatarah*.

³¹ Ceremonial address toward Ahmad Husain as an adult male relative and a son of a well-known Shia doctor of theology (*‘ālim*).

³² u. *taxt*.

³³ u. *dunyā*.

³⁴ pe. and u. *şulha*

³⁵ u. *mulāqāt*.

(NQ) O Great Father! The emperor of the *jinn*s led him to his throne, they say. ‘O priest from the world of men! Come here! I have made great effort to bring you here in order to praise you. Don’t be afraid of them. Don’t be afraid of them. I didn’t bring you here to put you in danger. Be in complete peace,’ (said the emperor of the *jinn*s) and kissed (the priest’s) hands and feet, embraced him and led him up to his throne, they say. (AH) Really? (AH makes certain he heard correctly).

13. (NQ) *níchu matám*³⁶ *óor étimi. buṭ bandibás*³⁷ *ne matám étimi. sipaarís*³⁸ *buṭ maními. wáo-qíu numá os sañ numá aaqhiri*³⁹ *altáanučan*⁴⁰ *maními-a. théncan hurúṭimi-a. óor*⁴¹ *hisaan hurúṭimi-a. (AH) awá ápi, baré. (NQ) áya kalá. hurúṭimi-a. khóle u úimo háa damáyo iirimi ámulum ne ilji yar étumen, séi báan. níaas*⁴² *ne béske béske ne yúa bam, séi báan. áya ámulu iirimi. bas*⁴³. *dáa am ními. matám saráau-lo*⁴⁴ *méniko ésqaiar íchúmen ne matámar nímen. eléimo gaibi*⁴⁵ *manú báí, nusén. ilji yar ne éuk ne aaráam*⁴⁶ *ne bam, séi báan.*

(NQ) There the priest led the mourning assembly. They made elaborate preparations, and he led the mourning assembly. There was great praise for that. Loud was the moaning and weeping, and the hearts (of those in the assembly)

³⁶ u. *mātam*

³⁷ u. *band o bas*; cf. Berger, *Grammatik*, 2.64.

³⁸ u. *sífat*.

³⁹ u. *āxirī*.

⁴⁰ New form from *altáanuč* (*altán* + *gunč*).

⁴¹ u. *aur*.

⁴² u. *niyāz*.

⁴³ u. *bas*.

⁴⁴ u. *sarā*

⁴⁵ u. *gaib*.

⁴⁶ u. *ārām*.

were shriven. Finally, he stayed there for eight days. Or was it fifteen days? Or was it a whole month? (*à part* to AH). (AH) Yes, my grandmother, surely (it was that long). (NQ) O Great Father! Did he stay there? (NQ takes up the thread of her story again). Here (in Hispar) the men of his house said: ‘He died somewhere’, and they observed the funeral rites for him, they say. His sons made the funeral sacrifice and stayed here: ‘Our father died somewhere and that’s that. If not, where did he go? In the mourning house some men led him away to kill him. They went to a mourning assembly and he disappeared there’, (lamented his sons). They observed his funeral rites, calmed themselves and stayed there in peace, they say.

14. (NQ) *ye béurum mudátančum⁴⁷ as gáarcimi. baadsáa-i-aalám⁴⁸ áar diš e ke nícam. jéimo ayáale⁴⁹uyóon akhúrum áya iirimi. álji ayáarum ke écan ke (,,,) ye bas, náa, áya (,,,) baadsáa-i-aalám, jéimo háalare nícam. jáa ayáal akhúrum áya iirimi ne. os dádar maími. nícam, béesa.*

(NQ) After some time the priest approached the emperor: ‘O Ruler of the World! Give me leave to go. All my relatives have said “Our father died.” They will have buried me (i.e. performed my funeral rites). (...) Is it enough for now, my Father? (*à part* to AH). ‘O Ruler of the World! I want to go home. My relatives will have said “Our father died.” They will be afraid. I will go now, alright?’

15. (NQ) *ye ruqsát⁵⁰ áar e séniš qháa ye baréniin. yeéyan, mí aqhón báí. yeéyan, baréniin. aalim⁵¹ báí. qismát⁵²méer étu báí.*

⁴⁷ u. *muddat*.

⁴⁸ u. *bādsāh-i-ālām*.

⁴⁹ u. *ayāl*.

⁵⁰ u. *ruxsat*.

⁵¹ u. *ālim*.

⁵² u. *qismat*.

dućhúin, básan méne básan. ye génañ buri dusún yáare čoḥ čoḥ čoḥ étumen. čoḥ-čoḥ étış qháa khok jáa oó-gáya baa-a, sénimi. sénumaṭe iné baadsáa sénimi ya ke phiṭik maí baa-a. héyam. ya ke phiṭik maí baa-a. héyam. kam yánuma ke dáa guḡúyan. sénume káa kam oó-jaḡúnu báan. buṭ jaḡúnu báan. dáa ek bé-ećam ke jáa han buyátan dilá, sénimi. úme básan buyát dilá ke mú maqsát⁵³ dukóomalća báan.⁵⁴ sen. sénumaṭe jáa jéimo háa barkátkuṣ daćhiin. (AH) ṭhiik.

(NQ) When he said ‘Give me leave’ the emperor replied ‘Behold, we will show him our gratitude. He is our priest. We will show him our gratitude. He is a learned scholar of the scriptures. He did us great service. Bring what you can carry!’ Then the *jinn*s brought bars of gold and silver and piled them up in front of the priest. Then the priest said: ‘I won’t accept that.’ Then the emperor said ‘I believe that you are angry. I believe that you are angry with us. If you have received too little I will give you more.’ The priest replied: ‘You have given me a lot. But what should I do with these things? But I do have one request.’ And the emperor replied ‘Whatever you request we want to fulfil that request. Speak!’ Whereupon the priest replied: ‘Give me the blessedness of my house.’ (AH) Right!

16. (NQ) *séniṣ qháaṣinare baadsáa sénimi khine háa barkátkuṣ máa méne dusúcu báan ke zarúur⁵⁵ íćhiin. khine khoké génañ jáa mámare maḡúyam séniṣ qháa eléimo hin je juánan hart numá baadsáa-i-aalám. khine háa barkátkuṣ ke je baa. jáa ayáal etéete duúsaća báan. khué ayáale bée bismíla cíizaṭe⁵⁶ ke nícu báan. bée bismíla báṭinaṭe ke nícu báan. har⁵⁷ cíiz*

⁵³ u. *maqsad*.

⁵⁴ New verb: *d--mal*?

⁵⁵ u. *zarūr*.

⁵⁶ u. *cīz*.

⁵⁷ u. *har*.

uyóonaṭe bée bismila nícu báan. etéecum jáar dolát⁵⁸ áar maí bilá. jáa oó-íchića baa ne ḍáñce doónumo. nimáse duró, baré áya.

(NQ) The emperor proclaimed: ‘If anyone of you has taken away the blessed condition of his house bring it back at once’. By the time he had said ‘I will give you gold for it’, someone like me (NQ’s self-effacing humor) stood up and said: ‘I am the blessed condition of his house. My relatives are prospering now because of it. His relatives use things without saying ‘With the name of Allah’. Without saying ‘With the name of Allah’ they go and fetch flour. They make use of all (sorts of things) without saying ‘With the name of Allah’. For that reason, I get great gain when they don’t say ‘With the name of Allah’. I will not give him back the blessed condition of his house.’ And she stayed obstinate. That’s the way the story goes, my father, isn’t it? (*à part* to AH).

17. (NQ) *doóniṣ qháa béya. mii eté badál⁵⁹ buṭ guyeéćian. zarúur⁶⁰ íchićuma. dáa mii aqhón naráas⁶¹ ne be éca báan ne. zóor⁶² dusúyasulo ke muú khine háa barkátkuṣ jáa muú íchiám. jáa khine káaṭe han waadáan⁶³ óoṣam sénuṭe bésan waadá óoṣu baa ke et ke méere esalés dilá. muú iimo jamáat⁶⁴ kanáao mótiṣ. ek iyúa kanáao étiṣ. eqhákindaro kanáao ótiṣ ke har cíizan gaiki ayétiṣo. chan ke úe esé haláal⁶⁵ néti ṣiṣo. gaiki ayétiṣo. óor dáa bes cíiz bímanaṭe bée bismila oó-niṣo. bismila ne niṣo. ágar⁶⁶*

58 u. *daulat*.

59 u. *badal*.

60 u. *zarūr*

61 u. *nā rāz*.

62 u. *zōr*.

63 u. *wa’dah*.

64 u. *jamā’at*.

65 u. *ḥalāl*.

66 u. *ágar*

akhúrumaan gaiki ne chúyeeen ke dáa jéimo eté chúca báa. dáa thi phat imáimi.

(NQ) When she stayed obstinate the emperor ordered: ‘No! We will be thankful to you! You shall give him (the blessed condition of his house) at once! Why should we anger our priest?’ They forced her, and she said: ‘Now I will give him back (the blessed condition of his house). But I will impose a promise on him.’ Then (the emperor) rejoined: ‘We know which promise you want to impose on him.’ The (*jinn*-woman) continued: ‘He should give his wife this advice. He should give his sons this advice. He should give his daughters-in-law this advice: “Don’t steal anything! They should only enjoy that which rightfully belongs to them. They should not steal. They should not make use of anything without first saying: “With the name of Allah!” If they steal only this much (pressing thumb and forefinger of the right hand together as a sign of miniscule quantity) I will take my blessed condition away and he will live without it.’

18. (NQ) *sénumaṭe bas yáa kanáao ócam. jéimo eté dáchí sé-nimi. sénis qháa ye áya kalá génañ burí ke thílan iǵúnumen. gáṭi káa káaṭe dáa ué dícumíšo ué dáa amaná hínaçar dícumen, thaláa šaldá-quldá ne. díçu phat étasare hólum níçu báí. saláam ne çam manáasulo ek iyúa hairáan⁶⁷ umái báan. khíne sis dúu gáṭi maí báan. khu um ámuló bam, ámuló apám. básan maníš sénumaṭe ke bas. akhíl akhíl akhíl akhíl sénimi.*

(NQ) Then (the priest) rejoined: ‘Enough of this. I will teach them. Give me the blessedness (of my house).’ They gave him some gold and silver. Together with that the same (*jinn*s) who had brought him there brought him back to the door of his house, giving him advice and practical counsel (for his life on the way). When he went into his house and said

⁶⁷ u. *ḥairān*.

‘Peace be with you!’, his children were astonished. His people assembled and asked where he had been and where he had not been. When they asked what happened, he rejoined: ‘Enough! This and that and that and this happened.’

19. (NQ) *úimo ayáalar sénimi. ye jáa han kanáaoan máca baa. ayúa jamáat auláat⁶⁸ sénumaṭe bésan séi báí, áya méso. sénumaṭe jáa jindítine baadśaa kaa waadá ne dáaya baa. eléyar awála bam. génañ buri agúnumaṭe jáa bée séna baa. jáa jéimo háa barkátkuṣ dusúya baa. etéulum máa (...) ke bée bismila ke oó-niin, dáraṭar. bée bismila ke oó-niin. máa philám dilá ke máa šuqá bi ke óor máa huyés bió ke tárk-are galén ke ámulum cíiz uyóonaṭe bée bismila oó-niin. bismila kaaṭe mayáar Qhudáa niilikin aimá⁶⁹ niilikin niin. etéulo máar barkátkuṣ mašmi. (AH) barkátkuṣ. (NQ) awá barkátkuṣ.*

(NQ) He advised his relatives: ‘I want to give you some advice.’ When he said: ‘O my sons, my wife, my children!’, they answered ‘Yes father. What do you want to tell us? Do tell us.’ Then the priest explained: ‘I have come home with an obligation to the emperor of the *jinn*s. I had ended up there, and when they wanted to give me some gold and silver I said “No!” Instead I’ve brought back the blessedness of my house. Therefore, you should not go to the butter hole without saying before “With the name of Allah (God).” Don’t go without first saying “With the name of Allah (God).” Whether it is of a coarse woolen cloth or of your finely stitched robe (*choga*), or of your small domestic animals or of the stall of your small animals you should not make use of any object without first saying “With the name of Allah (God).” Before you begin any work you should first worship Qhudáa (God) by saying “With the name of Allah,” show reverence to the

⁶⁸ u. *aulād*.

⁶⁹ Plural für u. *imām*.

(Twelve Shia) Imāms, and then set out. Doing so you will have blessedness in your house.’ (AH) Blessedness? (NQ) Yes, blessedness.

20. (NQ) *dāa dubaará⁷⁰ ilji gaiki ayétiin. gaiki akhúrumaan gaiki éteen ke dāa jéimo háa barkátkuṣ lāān écam sénu báí. etéécum máa kanáao mátam sénimi. sénimi. béya. dāa míi gaiki ne bas nusén hurúṭumen. áya kalá. ye áya díimi. bas nusén ye hurúṭumen. watáne⁷¹ síse ke díimi⁷² ne éer salaam étumen. nimáse duró numá áya kalá.*

(NQ) ‘And in the future you should not commit any theft-’ (The emperor of the *jinn*s) said to me: “Even if you steal only so much (illustrative gesture) I myself will take away the blessedness of your house.” That’s why I gave you this advice.’ (explained the priest). “No! And why should we steal anything?” Then they remained there in their house. O my great father! (*à part* to AH). “Our father has come home. Good.” (said the priest’s children) and they stayed there (in peace). His countrymen came there and honored him with their *salaam*. That’s the way the story’s told, my great father (*à part* to AH).

21. (NQ) *eléimo ye dāa iljum eté til nóoli iné iiane baǵárk iian bam, séi báan. til néeli méniko jóṭomuçik ámulo giráša báa ne ími apóm. áya-máma apóm. kákar-kákar kákar-kákar ke bay híçutian çhúmi, séi báan, ǵasáp ne. (AH) gaiki ne. (NQ) gaiki ne. ǵasáp ne nuká duúsiṣ qháa úlum híñalar ni bam. çhor ésete dii ehéi (...) khoté bésan dilá ke áya kanáao dilúm. khok bay uliá gaiki étam. bay uliá gaiki étam. áya kanáao dilúm. khaś áçii déyali ke dubaará thoṣ eké báye çhoṣ eké uí ne gi báí. šítiar ul ne ðom étu báí. ðom ne duúsas ke Qhudáaye dóon ke éer*

⁷⁰ u. *do bārah*.

⁷¹ u. *watan*.

⁷² Slip of the tongue for *dúumen*; Preterite 3 Plu. h. of *jú-*.

barkát ne eté háa yoóndal maní bi, séi báan. háa yoóndal numá (...) eké bay eké báye čhoṭ numá tálčar nými.

(NQ) Some time passed, and they forgot (the advice of the priest). And they had a little rascal for a son, they say. He forgot the advice and wanted to play with another small boy, while his mother was not at home. His parents were not at home. He tried several times and finally succeeded in taking about five kilograms of millet from someone, they say. (AH) He stole it? (NQ) He stole it. He had grabbed the millet and taken it and had come to the inner door of the house when it dawned on him what he had done. ‘*Ehé!*’ he blurted out. ‘What am I doing here? There is the advice of my father. Stealing this millet will not lead to my salvation. It made no sense to steal this millet. After all, there is the advice of my father. My father will kill me when he hears about this.’ And he piled up the millet and put it back (in the sack of its owner). He threw (the grain sack) onto the sitting place around the fireplace and ran away. When he came out (of that house) *Qhudáa* (God) gave him even more blessedness and (the stored grain) reached up to the ceiling of his house, they say. The millet reached up to the ceiling! Up to the ceiling the millet reached! It was piled up to the ceiling!

22. (NQ) *aaqhiri ine úmi dumóo hiñ báato écam sénasulo hiñ báato oó-manými, séi báan. básan Qhudáaye qudrátan⁷³ úlo háale méniko hiñ désaman-a. úlotali méne básan gaiki básan manými ne saǵamaṭe dumóo phat ke tále hóle duúsi bióm, báye čhoṭ. tai ne barkátkuṣ numá khot básan jii mičhím damáne Allaamáatan⁷⁴ áar manými. khot nusén kháne sis dúčhuṣ qháaṣṇare⁷⁵ inmo múimo jamáat díčiṣ qháa jóṭo baǵárk muí dži*

⁷³ u. *qudrat*.

⁷⁴ u. *alāmat*, plu. *alāmāt*.

⁷⁵ Slip of the tongue for *qháaṣṇare*.

akhil duróan jáa éta bam ke thoş áya kanáaoóum thoş amaná úlo núchu phat étas ke akhí maní biçá sénas ke ho hairáan umánunen, séi báan.

(NQ) When his mother finally came home and he said ‘I will open the door (for her)’ the door couldn’t be opened, they say. (She asked) ‘What power of Allah is holding the door closed?’ When she asked, ‘Who has stolen what here?’ and when she went up to the smoke hole she saw that millet was piled up to the ceiling. So great was the blessedness. ‘What sign is that from the Lord, who gives us the breath of life?’ (wondered the mother of the house). While the mother assembled the people of the village and brought her husband as well, the little rascal who was their son appeared and confessed: ‘I played such a prank until I remembered father’s advice and brought the millet back and let it fall (next to the fireplace). Then all this grain appeared.’ Everyone was astonished, they say.

23. (AH) *thiik dilá náa, ápi. éliz gaiki étas háale ġuníqiş.* (NQ) *háã. dáa um nukóoro be jáa alésan dilá.* (AH) *béya. thiik dilá. barékia. dáa eté hénase cága dilá, ápi.* (NQ) *awá. élum bas et phaş.* (AH) *phaş maními-a, ápi* (NQ) *phaş. phaş.*

(AH) It’s true, isn’t it, my grandmother? Stealing things from someone else’s house is very bad! (NQ) Oh, what is all this in front of you?⁷⁶ (AH) But no! It’s right! Think about it! It’s a very valuable story, my grandmother. (NQ) Yes. And that’s it, the end.’ (AH) Is it finished my grandmother? (NQ) Finished, finished.

⁷⁶ Nur Qhatún meant that as the son of a well-known Shia doctor of theology (*‘ālim*) Ahmad Husain would know the moral teachings of Shiism far better than she herself.

References

Berger Hermann. *Die Burushaski-Sprache von Hunza und Nager*. Teil I: Grammatik, Teil II: Texte mit Obersetzungen, Teil III: Wörterbuch Burushaski-Deutsch, Deutsch-Burushaski by Hermann Berger. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1998 (Neuindische Studien 13).

Foley J. M. *The Singer of Tales in Performance*. Bloomington, 1995.

van Skyhawk H. Goat Sacrifice to a Dardic genius loci // H. van Skyhawk (ed.) *Masters of Understanding: German Scholars in the Hindu Kush and Karakoram, 1955-2005*. // *Journal of Asian Civilizations* XXXI, Nos. 1 and 2 (July and December 2008), 2009: 296–306.

van Skyhawk H. Nur Qhatún Ćórokuć on the Importance that Wealth be Shared // *Acta Orientalia*, Oslo. (Forthcoming)

van Skyhawk Hugh
Johannes Gutenberg University
Mainz, Germany
ван Скайхок Хью
Университет Йоханнеса Гутенберга
Майнц, Германия
skyhawk@uni-mainz.de

РОДНОЙ ЯЗЫК
Лингвистический журнал

RODNOY YAZYK
Linguistic Journal

Институт перевода Библии
101000 Россия, Москва, Главпочтамт, а/я 360
www.ibt.org.ru; ibt_inform@ibt.org.ru

Подписано в печать 30.06.2021
Формат 84×108 ¹/₃₂. Усл.-печ. л. 22,05
Бумага офсетная. Гарнитура «Times»
Тираж 150 экз. Заказ №

Отпечатано в ООО «ИПП «КУНА»